

„ НАРОДНАЯ ВОЛЯ „ ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ

Н. А. Троцкий

Н. А. Троцкий

**ПЕРЕД
ЦАРСКИМ СУДОМ**

**Посвящается 100-летию
партии «Народная воля»**

Н. А. Троицкий

” НАРОДНАЯ ВОЛЯ „
ПЕРЕД
ЦАРСКИМ СУДОМ

(1880—1894)

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Издательство
Саратовского университета
1983

Монография Н. А. Троицкого — первый опыт обобщающего исследования всех (более 80-ти) политических процессов «Народной воли» за 1880—1894 гг. Ее документальную базу, помимо опубликованных источников, составляют материалы 20-ти государственных архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Харькова, Одессы, Иркутска, Саратова. Автор раскрывает смысл героизма народовольцев перед царским судом, в тюрьме и ссылке на каторге и эшафоте, доказывает, что процессы укореняли в сознании современников идею неодолимости русского революционного движения и вдохновляли на борьбу с царизмом следующие поколения революционеров.

Первое издание книги вышло в 1971 г. Во втором, исправленном и дополненном издании, которое посвящается 100-летию «Народной воли» (1879—1979), заново подготовлены главы об откликах на процессы «Народной воли» русской и мировой общественности.

Книга рассчитана на историков, филологов, юристов — научных работников, учителей, студентов.

Рецензенты: д-р ист. наук И. В. Порох, д-р. ист. наук
В. А. Твардовская.

164—13
176(02)—83 41—81 0 505 000 000

ВВЕДЕНИЕ

История русского освободительного движения не знает другой организации, которой довелось бы выступать перед царским судом так часто и громко, как «Народной воле». Первый судебный процесс по ее делу (И. И. Розовского — И. В. Родионова) состоялся 27 февраля 1880 г., последний (А. А. Зороастровой и др.) — 28 сентября 1894 г. За 14 лет, с 1880 по 1894, царизм провел больше 80-ти народовольческих процессов, из которых многие («16-ти», «20-ти», «17-ти», «23-х», «14-ти», «21-го», перво-мартовцев 1881 и 1887 гг., жертв Якутской трагедии) вызвали международный резонанс. Готовились они властями с целью «посрамления крамолы», а на деле превращались в демонстрации величия и притягательной силы революционного движения: колебали престиж царизма, возбуждали оппозиционный дух в русском обществе, привлекали сочувствие и симпатии к революционерам в России и за границей.

Каждый из судебных процессов «Народной воли» интересен для историка не только и даже не столько как свидетельство жестокости, беззакония и тщетности царской расправы с «крамолсой», сколько (в первую очередь) как своеобразная революционная акция подсудимых — акция итговая и потому чрезвычайно ответственная, которая заставляла борцов, оказавшихся в плену у врага, проявлять максимум идейной убежденности и силы духа. Сами народовольцы хорошо понимали это. «Политический процесс, — отмечал Вестник «Народной воли», — является всегда актом революционной борьбы, в котором проявляется деятельность не только правительства, но и революционеров. Вот почему анализ полити-

ческих процессов составляет очень часто хороший способ ознакомления с характером самого революционного движения»¹.

Между тем, до последнего времени политические процессы 1880-х (как, впрочем, и 1870-х) годов не были предметом специального обобщающего исследования. Поэтому и считалось возможным утверждать, будто «до 1905 г. суды играли в борьбе с революционным движением второстепенную роль»². Кстати, предполагалось, что всех процессов «Народной воли» было лишь 17³. На деле в 1870—1880-е гг. роль судов в борьбе с революционным движением была первостепенной, как никогда раньше, и, пожалуй, как никогда позже. Об этом говорит и число судебных процессов (по моим подсчетам, 86 — за 1871—1879 гг. и 125 — за 1880—1890 гг.), а главное — их значимость.

Если по количеству дел о государственных преступлениях 1870—1880-е годы далеко уступают 1905—1909 гг., то масштабы и значение политических процессов 70—80-х годов превосходят все, что мы знаем о значении и масштабах судебных дел любого другого времени. Для России 70-е и 80-е годы XIX в. — это целая эпоха политических процессов. В 1905—1909 гг. процессы вершились наскоро (военно-полевым способом) и формально; крупные революционеры на скамью подсудимых не попадали, за редким исключением (Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, В. Л. Шанцер, лейтенант П. П. Шмидт); большого общественного отклика процессы, как правило, тогда не имели. В 70-е же и 80-е годы судебные процессы над революционерами часто становились главными событиями общественной жизни: они тщательно готовились властями, а иные и долго длились⁴; на них выступали десятки крупнейших революционеров эпохи, которым при случае удавалось произносить

---

¹ Вестник «Народной воли» Женева, 1883, № 1, с. 135.

² Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 8.

³ См.: «Народная воля» перед царским судом. М., 1931, вып. 2, с. 126—127; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961, т. 3, с. 129; Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге Южно-Сахалинск, 1963, с. 185.

⁴ Процесс «50-ти» продолжался 22 дня, нечаевцев — 73 дня, а процесс «193-х» — 98 дней.

исторические речи, обходившие мировую прессу⁵; многие процессы превращались в дерзкие поединки подсудимых с правительством⁶ и приковывали к себе внимание не только русской, но и международной общественности.

Первое десятилетие той, двадцатилетней страды политических процессов исследовано в книге «Царские суды против революционной России»⁷. Настоящая книга, которая выходит вторым изданием, посвящена народовольческим процессам, отличным от процессов 70-х годов и как орудие расправы (беззаконные и безгласные суды), и как революционные акции (*политические* процессы в подчеркнутом смысле слова, поскольку на них судились не анархисты, резко преобладавшие в 70-х годах, а борцы за политические свободы).

Вся литература, специально относящаяся к нашей теме, представлена лишь тремя-четырьмя исследованиями (главным образом, 20—30-х годов) о некоторых особенностях судебной расправы царизма с народовольцами и об отдельных процессах⁸. Есть интересные, но тоже немногочисленные и опять-таки преимущественно давние, работы о жизни и борьбе осужденных народовольцев на каторге и в ссылке⁹. Характерно, что за 1970-е годы литература о судебных процессах «Народной воли» пополнилась только сообщением И. А. Альтмана — источниковедческого характера¹⁰. Обобщающего же исследова-

---

⁵ Например, речи П. А. Алексеева и С. И. Бардиной на процессе «50-ти», И. Н. Мышкина на процессе «193-х», А. И. Желябова на процессе 1 марта 1881 г., Н. Е. Суханова на процессе «20-ти», В. Н. Фигнер на процессе «14-ти».

⁶ К примеру, процессы С. Г. Нечасва, «50-ти», «193-х», «16-ти», «20-ти», «17-ти», «21-го», первомагтовцев 1881 и 1887 гг.

⁷ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871—1880 гг. Саратов, 1976, с. 408.

⁸ Шпицер С. М. Как судили первомагтовцев. — Суд идет!, 1926. № 4; Берман Л. Л. Киевский процесс «21-го» в 1880 г. — Каторга и ссылка, 1931, № 8-9; Ущерович С. С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933; Выдря М. М. Суд над Александром Ульяновым. — Советская юстиция, 1957, № 9.

⁹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Спб., 1906; Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. Пг., 1924; Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963.

¹⁰ Альтман И. А. К вопросу о показаниях А. И. Ульянова на следствии как историческом источнике. — Советские архивы, 1977, № 3.

ния на эту тему не было ни в дворянско-охранительной, ни в буржуазно-либеральной литературе, ни в советской историографии.

Полицейские и придворные историки (князь Н. Н. Голицын, граф С. С. Татищев, генерал Н. И. Шебеко) проводили свои «исследования» не только в интересах официальной науки и пропаганды, но и для нужд политического сыска, и, естественно, опирались на сыскные, в частности судебные, материалы, но в разбор судебных процессов не вдавались, а только упоминали их как орудие заслуженного возмездия революционерам, которые, кстати, выглядели под пером охранителей скопищем невежд и злодеев.

Буржуазно-либеральные авторы (В. Я. Богучарский, А. А. Корпилов, Б. Б. Глинский), наоборот, считали народовольческие процессы выражением чрезмерной, неоправданной жестокости царизма, которая, мол, и превращала в закоренелых революционеров даже таких безобидных мечтателей, каковыми будто бы до конца 70-х годов являлись народники. Впрочем, буржуазно-либеральные исследователи тоже не занимались анализом процессов «Народной воли», используя лишь некоторые их материалы в качестве иллюстраций к своим взглядам.

В советской историографии есть ряд крупных исследований, из которых одни освещают борьбу «Народной воли» с царизмом, а другие — борьбу царизма с «Народной волей». К числу таких трудов, оказавшихся важным подспорьем в разработке нашей темы, прежде других следует отнести третий том фундаментальной пятитомной «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета. В томе рассматривается карательная политика царизма на протяжении всего интересующего нас периода (1880—1894 гг.) и, кроме того, дан краткий обзор двенадцати наиболее крупных процессов «Народной воли» с оценкой их значения¹¹. Но, поскольку труд М. Н. Гернета посвящен истории царской *тюрьмы* и к тому же за громадный срок (1762—1917 гг.), судебное преследование «Народной воли» характеризуется в нем бегло и без должного внимания к тому, что народовольческие процессы были не только актами расправы царизма с рево-

---

¹¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, гл. 2.

люционерами, но и, в первую очередь, актами революционной борьбы.

Карательная политика царизма за время второй революционной ситуации (1878—1882 гг.) исследована в капитальном труде П. А. Зайончковского¹², а также в монографии М. И. Хейфеца¹³. Однако судебные процессы «Народной воли» (их только за 1880—1882 гг. прошло больше 30-ти) ни П. А. Зайончковский, ни М. И. Хейфец не рассматривают.

Не нашлось надлежащего места для народовольческих процессов и в специальных монографиях о «Народной воле». В. О. Левицкий только перечислил некоторые из крупных процессов¹⁴. С. С. Волк вкратце обрисовал лишь один из них (первомартовцев 1881 г.), ничего не сказав об остальных восьмидесяти¹⁵. Только в книге М. Г. Седова¹⁶ оценены как важная сторона революционной борьбы «Народной воли» и ее процессы: сравнительно подробно (стр. 311—315) рассмотрен процесс «20-ти», есть интересные суждения о процессах по делу 1 марта 1881 г. и «21-го».

Особый интерес вызывает монография Б. В. Виленского¹⁷. Судебная контрреформа царизма 1870—1880-х годов исследуется здесь в связи с политическими процессами народников, которые, как это подчеркивает автор, и убеждали царизм в тщетности судебных мер против «кромолы». Но, во-первых, Б. В. Виленский, учитывая, что судебная реформа не коснулась военной юстиции, обходит дела военных судов, а ведь 96 из 160 политических процессов 1879—1894 гг. (включая такие громкие дела, как «28-ми», «16-ти», «14-ти», «21-го», «29-ти» жертв Якутской трагедии) были рассмотрены именно в воен-

---

¹² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов М., 1964

¹³ Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России. Кризис правительственной политики. М., 1963.

¹⁴ Левицкий В. О. Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба Гибель М.—Л., 1928

¹⁵ Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М.—Л., 1966.

¹⁶ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

¹⁷ Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

ных судах. Во-вторых, все вообще процессы интересуют Б. В. Виленского (как и М. Н. Гернета) не столько в плане революционной борьбы, сколько в плане расправы царизма с революционным движением.

Что касается иностранной литературы, то некоторые историки — особенно Л. Базылев и Л. Баумгартен (Польша), Ф. Вентури (Италия), Д. Футмен (Англия)¹⁸ — отдают должное героике процессов «Народной воли», но судят о ней по единичным примерам, на основе узкого круга источников, и в этом отношении не прибавляют ничего нового к тому, что мы знаем.

Между тем, корпус документов, относящихся к процессам «Народной воли», очень богат, хотя в нем есть и существенные изъяны. Главный источник — стенографические отчеты о процессах, эта, как выразился на суде Л. И. Желябов, «открытая книга бытия» русских народолюбцев¹⁹, — представлен как раз бедно. В. Л. Бурцев в 1906 г. сетовал: «До сих пор у нас очень мало еще издано политических процессов, а к изучению их почти и не приступлено вовсе»²⁰. Теперь, 75 лет спустя, остается только повторить эти слова. К тем четырем отчетам о процессах «Народной воли», которые были напечатаны в 1906 г.²¹, за истекшие семь десятилетий прибавился только один — о процессе вторых первомайцев²². Именно этот, единственный из отчетов, опубликованный в советское время, и является действительно полным стенографическим отчетом. Все остальные печатались с цензурными купюрами, либо (как отчет о процессе «21-го») в пересказе очевидца.

Как бы то ни было, в нашем распоряжении есть пять опубликованных отчетов. Все они посвящены самым круп-

---

¹⁸ Venturi F. Il populismo russo, v. 2, Torino, 1952; Bazylov L.

Low L. Działalność narodnictwa rosyjskiego w latach 1878—1881. Wrocław, 1960; Baumgarten L. Marzyciele i carobójcy. Warszawa, 1960; Footman D. Red Prelude A Life of A. I. Zhelyabov. Second Edition. London, 1968

¹⁹ Дело 1 марта 1881 г. Спб., 1906, с. 337

²⁰ Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). Спб., 1906, с. 235.

²¹ Процесс «21-го». Женева, 1888; Процесс шестнадцати террористов. Спб., 1906; Дело 1 марта 1881 г. Спб., 1906; Процесс 20-ти народолюбцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906

²² 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927.

ным процессам «Народной воли». В один ряд с этими процессами можно поставить только дела «17-ти» (1883 г.) и «14-ти» (1884 г.), о которых напечатаны пока не отчеты, а обвинительные акты²³ и важнейшие речи подсудимых и адвокатов²⁴. В общем, семь главных процессов «Народной воли» можно проследить по документам более или менее полно.

В числе народовольческих процессов были и другие сравнительно крупные, хотя и уступающие по значению семи главным²⁵. Отчеты о них не печатались, но, тем не менее, каждый из этих процессов нашел отражение в разнообразных документах, дополняющих, кстати, отчеты о главных процессах.

После отчетов наиболее важными для нашей темы печатными источниками являются автобиографические показания, материалы для судебных речей и завещания народовольцев²⁶. Один только С. Н. Валк извлек из царских хранилищ, напечатал и снабдил первоклассными комментариями показания А. А. Квятковского (дело «16-ти»), Н. Н. Колодкевича (дело «20-ти»). М. Ф. Грачевского, Ю. Н. Богдановича, С. С. Златопольского (дело «17-ти»), П. Ф. Якубовича (дело «21-го»)²⁷. Очень обширны и ценны дневники, письма и воспоминания самих народовольцев, их единомышленников, адвокатов, пра-

---

²³ Процесс 17-ти народовольцев в 1883 г.— Былое, 1906, № 10; Вестник «Народной воли». Женева, 1885, № 4, с. 119—149

²⁴ Речи подсудимых в процессе «17-ти». — Былое, 1906, № 12; Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877-1887) Берлин, 1900. Последнее слово Веры Фигнер на процессе «14-ти» см. в кн. Фигнер В. Н. Запечатленный груд. Воспоминания в 2-х т М., 1964, т. 1, с. 381—388

²⁵ Таковы, например, процессы М. Р. Попова— Д. Т. Буцинского в 1880 г., «23-х» в 1883 г., «12-ти» в 1884 г., «Донской процесс» в 1887 г., жертв Якутской трагедии в 1889 г., С. М. Гинсбург в 1890 г.

²⁶ См., напр.: Документы к процессу «16-ти». — В кн.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли» М., 1932; Показания первоартоцев. — Былое, 1918, № 4-5, «Народная воля» в документах и воспоминаниях М., 1930.

²⁷ Автобиографическое заявление А. А. Квятковского. — Красный архив, 1926, т. 1; Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Там же, т. 5; Из народовольческих автобиографических документов. — Там же, 1927, т. 1; К истории процесса «21-го» (письма и показания П. Ф. Якубовича). — Там же, 1929, т. 5-6, 1930, т. 1.

вительственных и судебных чиновников²⁸, а также публицистика современников «Народной воли» — революционных, либеральных и реакционных²⁹.

В 1930—1931 гг. группа бывших народовольцев подготовила сводный обзор одиннадцати процессов «Народной воли»³⁰. Статьи для обзора писали люди, которые в свое время судились на этих процессах. В основу статей и были положены личные воспоминания. Вместе с тем, иные авторы использовали печатные источники, а М. И. Дрей (для статьи о процессе «23-х») — архивный материал. Все это придает обзору полуисследовательский характер и делает его ценным пособием в изучении темы.

Особого внимания заслуживают отклики на героинку и жертвы «Народной воли», с которыми выступали корреспонденты международного освободительного движения и мировой культуры: К. Маркс и Ф. Энгельс, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. В. Верещагин, П. И. Чайковский, М. Н. Ермолова, И. Я. Франко, А. Р. Церетели, В. Гюго, Э. Золя, Г. Мопассан, Б. Шоу, Г. Ибсен, М. Твен,

---

²⁸ См., напр.: Кладбище писем — Былое, 1918, № 4-5; Письма участников процесса «16-ти». — Каторга и ссылка, 1930, № 3; книги воспоминаний В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, А. В. Прибылева, А. П. Прибылевой-Корба, М. И. Дрей, М. П. Шебалина, Н. С. Таганцева, В. А. Поссе, А. Ф. Конн, Н. П. Карбачевского; дневники П. А. Валуева, Д. А. Мялотица, Е. А. Перетца, А. А. Половцова, В. П. Гаевского; переписка М. Т. Лорис-Меликова, К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого, А. Л. Боровиковского.

²⁹ См.: Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964; Ткачев П. Н. Русские письма: Избр сочинения на социально-политические темы. М., 1933, т. 4; Драгоманов М. П. Общательность энергии. Собр. соч. Paris, 1906, т. 2; Градовский Г. К. Жизнь и закон. — Журнал гражданского и уголовного права. Спб., 1881, т. 1; Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1880—1887). М., 1897—1898; Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886, т. 2.

³⁰ «Народная воля» перед царским судом/Под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко и др. М., 1930—1931, вып. 1—2. Кроме семи главных процессов «Народной воли», обзор содержит статьи-воспоминания еще о четырех процессах: «23-х», «12-ти», «Донском» и С. М. Гинсбург (все — во 2-м выпуске).

Д. Гарибальди, А. Бебель, Ж. Жорес, Луиза Мишель, Сен Катаяма, Лу Синь и др.³¹.

Учтены в книге отклики на судебные процессы народовольцев русской печати, самых различных направлений — от центрального органа «Народной воли» до «Правительственного вестника», а также иностранной прессы («Times», «Figaro», «Lantern», «Revue des deux Mondes», «Allgemeine Zeitung», «Der Sozialdemocrat», «Graphic», «Fortnightly Review» и др.). Наконец, помогают уяснить особенности поведения судей, подсудимых и адвокатов на процессах «Народной воли» и законодательные акты, которые определяли в 80-е годы устройство и функции судебных учреждений.

Бездна материалов, прямо или косвенно относящихся к теме, хранится в архивах. Многие из них использованы. Это, в первую очередь, — гектографированный отчет о процессе «17-ти»³², протоколы судебных заседаний по делам «14-ти», «21-го», «22-х», «23-х», И. О. Млодецкого, И. П. Гурмаженко, А. А. Сиповича, А. А. Фомина, С. А. Лисянского, Б. Д. Оржика, С. М. Гинсбург³³, сотни томов дознания и следствия по различным процессам из фондов ЦГАОР, ЦГИА СССР, ЦГВИА, ЦГИА УССР, ЦГИА Лат. ССР, ЦГАМ, ГИАЛО, ГАОО, ГАСО³⁴.

Документы чрезвычайной значимости обнаружены и в материалах внесудебного официального делопроизводства: высочайшее повеление 14 ноября 1881 г. об экстраординарном, сверх узаконенного, ограничении публичности судебно-политических дел³⁵; Положение об устройстве секретной полиции в империи от 3 декабря 1882 г.³⁶, доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого Александру III от 20 марта 1887 г. с обобщением зарубежных откликов на «Второе 1 марта»³⁷, совершенно секретная

---

³¹ См. об этом в главах IV-V.

³² ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 436.

³³ В протоколах иногда фиксировалось содержание выступлений подсудимых и адвокатов, но чаще лишь сообщалось, что выступил такой-то без пояснений, о чем шла речь.

³⁴ Только по делу «14-ти» материалы дознания составили 33 тома (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1-33), по делу «16-ти» — 32 (там же, оп. 2, д. 525, ч. 1-32)

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1206.

³⁶ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 977.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 692.

кляуза начальника Киевского ГЖУ В. Д. Новицкого на инквизиторские излишества проконсула Юга России В. С. Стрельникова³⁸, доклады заграничного сыска царизма о кампаниях солидарности с русскими революционерами в Европе и Америке³⁹ и др.

Особенно значимы для раскрытия всех сторон темы (включая замыслы процессов, их устройство, ход, результаты, уроки) разысканные в архивах воззвание А. Д. Михайлова к жертвам процессов «Народной воли»⁴⁰, многочисленные документы (речи, заявления, письма) народовольцев Г. А. Лопатина⁴¹, Н. А. Морозова⁴², М. Ф. Фроленко⁴³, Н. Е. Сухаиова⁴⁴, П. А. Теллалова⁴⁵, И. Л. Манучарова⁴⁶, Н. Н. Рашевского⁴⁷, П. Ф. Лобаева⁴⁸; адвокатов Д. В. Стасова, В. Д. Спасовича, П. А. Александрова, Г. В. Бардовского, С. А. Андреевского, П. А. Потехина⁴⁹; прокуроров В. К. Плева, Н. В. Муравьева, В. С. Стрельникова⁵⁰ и др.

Наконец, использованы в работе над темой уже известные по отдельным извлечениям дневники Александра III⁵¹, адмирала И. А. Шестакова⁵², генерала А. А. Киреева⁵³, профессора А. Ф. Кистяковского⁵⁴, а также всеподданнейшие доклады III отделения и Департамента полиции, жандармские «Обзоры» и «Ведомости», переписка судебных и жандармских властей, агентурные донесения, перлюстрация, бумаги «Святой дружины», «Спра-

³⁸ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 983.

³⁹ Там же, 1881, д. 1574, лл. 178-178 об.; АВПР, ф. Посольства в Париже, оп. 524, д. 1577, л. 105.

⁴⁰ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 396.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 81-81 об.

⁴² ААН-СССР, ф. 543, оп. 3, д. 64.

⁴³ ЦГАЛИ, ф. 1185, д. 805.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9124, л. 5-5 об.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 58, л. 2-2 об.

⁴⁶ ГБЛ РО, ф. 218, карт. 1281, д. 1.

⁴⁷ ЦГАМ, ф. 16, оп. 113, д. 256.

⁴⁸ ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 51, л. 81.

⁴⁹ ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 377—380; ЛГИА, ф. 2112, оп. 1, д. 8; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373, 428.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7779; там же, оп. 539, д. 185.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 307, 308.

⁵² ЦГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 1—7.

⁵³ ГБЛ РО, ф. 126, карт. 2, д. 8.

⁵⁴ ЦГИА УССР, ф. 263, оп. 1, д. 26, 27.

вочные листки об обвиняемых в государственных преступлениях»⁵⁵ и пр.

Цель настоящей работы — выяснить общие условия и конкретные черты судебных процессов «Народной воли», опираясь в методологическом отношении на многочисленные и принципиальные оценки К Маркса, Ф Энгельса, В. И. Ленина, относящиеся к истории второй революционной ситуации в России, послемартовской реакции 80-х годов, народничества вообще и «Народной воли» в особенности.

Предметом исследования являются, во-первых, некоторые (либо малоизученные, либо спорные) вопросы истории единоборства «Народной воли» с царизмом и, в частности, приемы и средства борьбы царизма против «Народной воли» в 1879—1890-х годах. Во-вторых (и главным образом), в работе исследуется круг вопросов, непосредственно по судебным процессам «Народной воли», а именно: 1) расчеты, которыми руководствовался царизм, устраняя народовольческие процессы, и особенности процессов как с политической, так и с юридической точек зрения; 2) требования «Народной воли» к поведению ее членов перед царским судом и степень, а также способы выполнения этих требований подсудимыми, их революционная этика и тактика; 3) зависимость процессов «Народной воли» от политической конъюнктуры и влияющие на политическую конъюнктуру в стране; 4) отклики на процессы «Народной воли» русской и международной общественности, влияние процессов на идейную дифференциацию и радикализацию русского общества, их роль в привлечении интереса и сочувствия к русскому освободительному движению на Западе и Востоке.

Входит в задачи работы также попытка определить значение процессов «Народной воли» для освободительной борьбы в России на разночинском этапе, а равно и смысл уроков, которые были извлечены из них русскими революционерами следующих поколений и могут быть полезными для борцов за свободу разных стран в настоящем и будущем.

---

⁵⁵ Конкретные ссылки на официальные документы и верлюстрацию см. далее в тексте книги.

По сравнению с первым изданием книги, во второе издание внесены следующие изменения:

1) Исправлены отмеченные в отзывах о первом издании недостатки (дискуссионные излишества, фактические неточности, ошибки в таблице процессов).

2) Сокращены экскурсы в предысторию судебных процессов «Народной воли», переставшие быть необходимыми после издания в 1976 г. моей книги «Царские суды против революционной России» — о политических процессах 1870-х годов.

3) Значительно расширена I глава, заново подготовлены главы IV—V, дополнено (по данным, обнаруженным за последние годы) приложение.

За помощь в подготовке второго издания благодарю Е. А. Таратута, К. Н. Атласову-Юхневич, И. С. Вахрушеву, Е. Н. Никитина.

Царизм и «Народная воля»

«В

России в те времена, — писал в 1894 г. Ф. Энгельс о рубеже 70—80-х годов, — было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета (ispolnitel'nyj komitet) заговорщико-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким...»¹.

Деятельность так называемой старой «Народной воли» (той, которую возглавлял Исполнительный комитет первого, до марта 1881 г., состава — «Великий ИК», как именовали его современники) хронологически целиком совпадает с периодом второй революционной ситуации в России (1879—1881 гг.). В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» показал, что кульминационной вехой второй революционной ситуации было царевубийство 1 марта 1881 г.: до тех пор царизм под натиском революционного лагеря и либеральной оппозиции колебался и лишь после того как «революционеры исчерпали себя 1-ым марта», а «либеральное общество... ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами», «партия самодержавия» перешла в наступление и «волна революционного прибой была отбита»².

Владимир Ильич Ленин датировал вторую революционную ситуацию и 1879—1880 гг. (в статье «Крах II Интернационала») ³. В этой связи академик М. В. Нечкина пишет: «Хотелось бы встретить внимательный разбор того, почему Ленин, отлично знавший дату 1 марта 1881 г., не ввел этот год в предложенную им датировку революционной ситуации конца 70-х годов, точно обозна-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 449

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 44—45

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

чив ее 1879—1880 годами»⁴. Думается, этот вопрос решить просто. Как явствует из контекста работы «Крах II Интернационала», Ленин называл даты всех революционных ситуаций в России (1859—1861, 1879—1880, 1905 гг.) *не точно*, а условно, округленно, датируя в каждом случае отнюдь не всю протяженность революционной ситуации, а наиболее характерное и устойчивое ее выражение. При этом он учитывал, что в 1881 г. революционное движение развивалось по восходящей линии только первые месяцы, а после события 1 марта оно уже «шло на убыль и падало»⁵.

Попытки иных исследователей замкнуть в даты 1879—1880 гг. всю революционную ситуацию⁶ бездоказательны. Для нас важно уяснить ленинский *анализ* второй революционной ситуации в «Гонителях земства и Аннибалах либерализма», а не противопоставлять ему даты из «Крах II Интернационала». Этот анализ показывает, что событие 1 марта 1881 г. — не только хронологически бесспорный факт революционной ситуации, но и ее апогей.

Разобраться в датировке второй революционной ситуации помогает тезис, сформулированный XIV конференцией РКП(б): «Следует различать между: а) революционной ситуацией вообще, б) *непосредственно*-революционной ситуацией и в) прямой революцией»⁷. Если непосредственно-революционная ситуация прямо предшествует революции, то общая революционная ситуация может длиться дольше, чем непосредственная, и сохраняется даже после того, как революция не совершилась и революционное движение в целом пошло на убыль. С этой точки зрения можно считать (в согласии с факта-

---

⁴ Нечкина М. В. Ленинская концепция истории революционного движения в России. — Коммунист, 1970, № 7, с. 64.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 123

⁶ Ср.: Очерки истории СССР (1861—1904). М., 1960, с. 220; История СССР. Под ред. Б. Д. Дацюка. М., 1970, т. 1, с. 259; Кузнецов И. В. История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971, с. 192 и сл.; Оржевский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982, с. 168.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 3 (1924—1927), с. 208.

ми), что ситуация 1879—1881 гг. (точнее, до марта 1881 г.) была непосредственно-революционной, тогда как общая революционная ситуация сохранялась несколько дольше.

Активность масс в 1879—1881 гг. была хоть и «экстраординарной»⁸, но меньшей, чем в годы первой революционной ситуации (1859—1861). Несравненно слабее выступало на этот раз крестьянство. К концу 70-х годов оно активизировалось. Его выступления приняли ярко выраженный аграрный характер. Из них 22 только за 1878—1880 гг. царизм подавил лишь с помощью войск⁹. Повсеместные слухи о всеобщем переделе земли создавали в деревне угрозу восстания. И все-таки по размаху крестьянского движения 1879—1881 гг. далеко уступали 1859—1861 гг. Если на рубеже 50—60-х годов число крестьянских волнений выражалось ежегодно в сотнях и даже тысячах¹⁰:

1857—100	1861—1859
1858—378	1862— 844
1859—161	1863—509
1860—186	1864—156,

то в годы второй революционной ситуации крестьянские волнения исчислялись лишь десятками¹¹:

1877—21	1881— 58
1878—34	1882— 81
1879—43	1883—101
1880—17	1884—117.

К концу семидесятых годов в России начался подъем рабочего движения, которое представило собой качественно новый (сравнительно с 1859—1861 гг.) фактор революционной ситуации, в перспективе еще более дейст-

---

⁸ «Экстраординарную активность» масс В. И. Ленин считал необходимым признаком всякой революционной ситуации (Полн. собр. соч., т. 26, с. 379).

⁹ Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сборник документов М., 1968, с. 529.

¹⁰ Крестьянское движение в России в 1857—мае 1861 гг. Сб. документов М., 1963, с. 736; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сб. документов. М., 1964, с. 798—800.

¹¹ Анфимов А. М. Крестьянское движение в России во второй половине XIX в.— Вопросы истории, 1973, № 5, с. 23, 26.

венный и опасный для царизма, чем волнения крестьян. Движение рабочих приобретало особую силу оттого, что оно, в отличие от крестьянского, было сравнительно организованным. В 1875 г. в Одессе, а в 1878 г. в Петербурге сложились первые политические организации русского рабочего класса («Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих»). Но размах и воздействие рабочего движения на политику «верхов» до середины 80-х годов тоже оставались еще слабыми¹², что удостоверяют и данные о количестве выступлений рабочих¹³:

1877—22	1881—27
1878—53	1882—26
1879—60	1883—31
1880—33	1884—28.

Итак, массовое движение в 1879—1881 гг. было менее сильным, чем в годы первой революционной ситуации, и ненамного превышало средний уровень 70—80-х годов. Крестьянство еще не обрело даже былой активности с тех пор как царизм в 1861 г. открыл первый клапан реформ, умерив — отчасти и ненадолго — накал «социальной войны» между крестьянами и помещиками, а рабочий класс только начал свою «социальную войну» против капитала. Тем не менее, второй после 1859—1861 гг. революционный натиск оказался в целом сильнее первого. Особую интенсивность и целенаправленность придавал ему революционно-демократический лагерь как выразитель и защитник интересов грудящихся масс, буквально приумноживший себя за 20 лет между первой и второй революционными ситуациями. Главной силой этого лагеря в 1879—1881 гг. являлась «Народная воля», которая тогда вела, по выражению жандармского генерала П. А. Черевина, «guerre à mort» (войну не на жизнь, а на смерть)¹⁴ с царизмом.

Правда, «Народная воля» резко ослабила, по сравнению со своими предшественниками — народниками

---

¹² См.: Горякина В. С. Рабочий вопрос в России в период революционной ситуации 1879—1881 гг. — Вопросы истории. 1963, № 6.

¹³ Рабочее движение в России в XIX в. Документы и материалы. М., 1950, т. 2, ч. 1, с. 45—56.

¹⁴ ЦГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 11, л. 153.

70-х годов — революционную работу в деревне, среди крестьян, но все-таки занималась и этой работой, считая, что «первая удача в городе может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства» и что «даже временный успех восстания в городах не окончится победой, если крестьянство сочувственным встречным восстанием не поддержит дела городов»¹⁵.

Исполнительный комитет и местные организации «Народной воли» в специальных листовках разъясняли крестьянам, что «черный передел делается самим народом, а на царей надеяться нечего»¹⁶, призывали «собирайтесь всем миром» и посылать к царю ходяков со своими требованиями, а если царь их не «уважит», идти «на смертный бой против злодеев народных»¹⁷. Такие листовки распространялись (из рук в руки, по почте, расклейкой на заборах и стенах домов, в селах, на полях, огородах, постоянных дворах, в «питейных заведениях») среди крестьян Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Тульской, Уфимской, Киевской, Харьковской, Одесской, Полтавской, Черниговской, Таврической, Эстляндской губерний и Области войска Донского¹⁸.

Для пропаганды среди крестьян-староверов и сектантов «Народная воля» учредила так называемое «Христианское братство», целью которого провозглашалась «борьба с нынешним правительством и низвержение нынешних порядков». От имени этого «братства» народовольцы пытались поднять на борьбу против «сатанинской силы» царизма сектантов и старообрядцев Тверской и Саратовской губерний¹⁹.

---

¹⁵ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 109.

¹⁶ Эвенчик С. Л. Из истории народовольческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта 1881 г.— В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 108.

¹⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX в. Сб. документов и материалов в 2-х т. М.—Л., 1965, т. 2, с. 234, 240.

¹⁸ Ср.: Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М., 1966, с. 369—373; Эвенчик С. Л. Указ. соч., с. 108; Серебрянникова В. Г. О народовольческих листовках «социалистов черноземной полосы». — В кн.: Из истории общественно-политического движения в России XIX в. М., 1967.

¹⁹ Волк С. С. Указ. соч., с. 378—380.

Как явствует из документов и «Народной воли» и царского сыска, народовольческая пропаганда находила среди крестьян сочувственный отклик, вызывая (или усиливая начавшееся ранее) брожение. Так, в Петровском и Сердобском уездах Саратовской губернии крестьяне собирали сельские сходы для чтения прокламаций «Народной воли», а в одном селе, «когда волостной писарь, чтобы предотвратить чтение прокламации на сходе, изорвал ее, то его сильно избили»²⁰. Волновались под впечатлением народовольческих прокламаций также крестьяне Воронежской, Тамбовской, Орловской и других губерний, причем, как это констатировал в конце 1881 г. Департамент полиции, «во многих местах»²¹. Под влиянием и, видимо, не без участия народовольцев вспыхнуло в марте 1881 г. самое крупное за все время второй революционной ситуации выступление крестьян Бежецкого и Весьегонского уездов Тверской губернии. Это выступление, участники которого (не менее 3 тыс. только в Бежецком уезде) избивали помещиков, чиновников, полицейских, было подавлено лишь с применением регулярных войск²².

Исполнительный комитет заботился и об организационной стороне своего «крестьянского дела». Осенью 1880 г. ряд членов ИК и, в первую очередь А. И. Желябов, задумали создать, наряду с рабочей, студенческой и военной, сельскую организацию «Народной воли», но не успели сделать этого, отвлекшись на форсированную подготовку царевубийства²³.

Зато в городах — среди интеллигенции, рабочих, военных — «Народная воля» развернула пропагандистскую, агитационную и организаторскую деятельность в масштабах, невиданных ранее. Сил у «Народной воли» было неизмеримо больше, чем у любой из революционных организаций прошлого. По «самым осторожным» подсчетам С. С. Волка, она объединяла 80—90 местных, 100—120 рабочих, 30—40 студенческих, 20—25 гимназиче-

---

²⁰ Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М., 1960, с. 70.

²¹ Эвенчик С. Л. Указ соч., с. 116—119.

²² Виноградов В. А. К вопросу о влиянии борьбы народо-вольцев на крестьянские настроения в губерниях Верхневолжья. — Освободительное движение в России. Саратов, 1981, вып. 10.

²³ Волк С. С. Указ. соч., с. 368.

ских и 20—25 военных кружков по всей стране от Гельсингфорса до Тифлиса и от Ревеля до Иркутска²⁴. Эти подсчеты далеко не исчерпывающи. Л. Н. Годунова установила, что только военных кружков «Народной воли» было не менее 50-ти в 41 (как минимум) городе²⁵.

Все народовольческие кружки действовали энергично и не без успеха. Небывалым для России того времени размахом отличалась их деятельность среди рабочих. Автор монографии о «Народной воле» С. С. Волк полагает, будто народовольцы поначалу не придавали значения этой деятельности, прервав таким образом традицию «чайковцев», «москвичей», землевольцев, и лишь под впечатлением неудач «красного террора» обратились к рабочим²⁶. С. Л. Эвенчик убедительно опровергла эту точку зрения, доказав, что и в теории, и на практике «Народная воля» с первых своих шагов ориентировалась на вовлечение рабочих в революцию как на одно из главных условий победы²⁷. Считая, что при отсутствии революционной инициативы в массах, партия «должна взять на себя почин переворота», но, в конечном счете, победу революции обеспечат народные и, главным образом, крестьянские массы²⁸, «Народная воля» подчеркивала «особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по относительно большей развитости» именно рабочих, которым она отводила роль ударного отряда восставших масс: почин партии «может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих...»²⁹.

В этой связи народовольцы считали, что рядом с пропагандой и агитацией среди рабочих «должна идти организация рабочих масс, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и солидарности интере-

---

²⁴ Волк С. С. Указ. соч., с. 272—273 (карта), 276.

²⁵ Годунова Л. Н. Военная организация народовольцев. — Вопросы истории, 1973, № 9, с. 123. Все города здесь перечислены.

²⁶ Волк С. С. Указ. соч., с. 278—279.

²⁷ Эвенчик С. Л. Вопрос о рабочих в «Народной воле». — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1970, т. 359, с. 216—219.

²⁸ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 174, 189; Литература партии «Народная воля», с. 93.

²⁹ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 176, 180.

сов»³⁰. Уже в конце 1879 г. они создали первую рабочую группу в Петербурге, а весной 1880 г., на ее основе,— Центральный рабочий кружок, вокруг которого к осени того же года «группировались многие сотни рабочих»³¹ едва ли не со всех заводов столицы (Обуховского, Семянниковского, Балтийского, Чугунолитейного, Патронного, Вагонного, Нобеля, Фридланда, Голубева, Лесснера, Берда и др.³²). Московская рабочая группа «Народной воли» охватывала 100—200 человек³³, Одесская — до 300, сильными были рабочие группы народолюбцев и в Киеве, Харькове, Ростове. По данным следствия, на Юге к «Народной воле» примыкали не менее тысячи рабочих. Создавались народолюбческие рабочие кружки и во многих городах других районов страны, включая Ригу, Ярославль, Владимир, Иваново-Вознесенск, Шую, Нижний Новгород, Саратов, Казань, Пермь, Тагил³⁴.

Все они действовали активно и разнообразно. В Петербурге народолюбцы не только вели пропаганду среди рабочих (привлекая труды К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Гражданская война во Франции»), участвовали в организации стачек — на Семянниковском, Балтийском, Александровском заводах, судостроительном заводе Голубева. Местные группы «Народной воли» организовывали стачки рабочих в Перми и Киеве³⁵. Вождь «Народной воли» А. И. Желябов хорошо понимал, что в России «стачка есть... факт политический»³⁶. Саратовская рабочая группа в конце 1880 г. попыталась организовать даже демонстрацию «трудового населения»³⁷. Широко — по тому времени — развевывалась пропаганда среди

---

³⁰ Там же, с. 181. Читатель должен учитывать здесь, что народолюбцы понимали рабочий класс как более восприимчивую к революционным идеям, развитую и активную, но небольшую и, в целом, менее значимую, чем крестьянство, часть народа.

³¹ Литература партии «Народная воля», с. 217—218.

³² Волк С. С. Деятельность «Народной воли» среди рабочих в годы второй революционной ситуации.— Исторические записки, 1963, т. 74, с. 199, 204.

³³ Твардовская В. А. Организационные основы «Народной воли». — Исторические записки, 1960, т. 67, с. 126.

³⁴ Исторические записки, 1963, т. 74, с. 207—208, 210.

³⁵ Там же, с. 199, 207—208, 215.

³⁶ Плеханов Г. В. Соч. М—Л., 1927, т. 24, с. 137.

³⁷ Исторические записки, 1960, т. 67, с. 126—127.

рабочих в Москве (на 30 предприятиях), Киеве (с охватом почти всех железнодорожных пунктов от Киева до Одессы), в Одессе (с воздействием на рабочие кружки Херсона, Севастополя, Симферополя) ³⁸.

Действенным оружием пропаганды среди рабочих была народовольческая «Рабочая газета», которая, как явствует из жандармского дознания, распространялась по всей России ³⁹. Руководил ее изданием, как, впрочем, и всей деятельностью Рабочей организации «Народной воли», А. И. Желябов. Вместе с ним создавали рабочие кружки и участвовали в них другие выдающиеся деятели ИК: С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Грачевский, П. А. Теллалов, С. Н. Халтурин, М. Н. Тригони, Г. П. Исаев, А. А. Франжоли. У каждого из них «личная деятельность среди рабочих поглощала значительную часть сил даже в самый разгар террористической борьбы» ⁴⁰.

Считая, что в грядущей революции «успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска» ⁴¹, «Народная воля» с конца 1879 г., наряду с Рабочей организацией, начала создавать и к концу 1881 г. создала свою Военную организацию — самую мощную в русском революционном движении после декабристов. Специальная «Программа Военно-революционной организации», представлявшая как бы раздел общей народвольтческой программы, нацеливала организацию на один из двух возможных вариантов ее участия в революции: либо присоединение к народному восстанию, либо военная «инсurreкция» как пролог и начало восстания масс ⁴². Организация считала себя частью партии. «Народная воля» и подчинялась Исполнительному комитету. В ее руководящий Военно-революционный центр постоянно входили представители ИК (первыми были А. И. Желябов и Н. Н. Колодкевич).

Военная организация «Народной воли» до сих пор

---

³⁸ Исторические записки, 1963, т. 74, с. 208, 210.

³⁹ Там же, с. 198.

⁴⁰ Литература партии «Народная воля», с. 218.

⁴¹ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 181.

⁴² Там же, с. 196.

изучена недостаточно⁴³. Даже посвященная ей кандидатская диссертация Л. Н. Годуновой⁴⁴ оставляет открытым ряд вопросов, касающихся масштабов, сил, планов и деятельности организации. Во всяком случае, по ориентировочным (видимо, не исчерпывающим) подсчетам, она объединяла 400 офицеров, имела обширные связи, вплоть до высших сфер (М. Д. Скобелев, начальник Академии Генерального штаба М. И. Драгомиров)⁴⁵, и готовила к восстанию крупные силы: весной 1882 г. глава организации А. В. Буцевич только в Кронштадте «рассчитывал на два морских экипажа (около 8 тысяч человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизоны девяти крепостных фортов»⁴⁶. Вероятно, периферийные кружки Военной организации, действовавшие более чем в 40 городах, тоже рассчитывали на местные гарнизоны. По сви-

---

⁴³ Как историографический курьез, свидетельствующий о малом знакомстве с историей Военной организации «Народной воли», отмечу «наблюдение» одного из ее современных последователей. «В. И. Ленин, говоря о народофильской борьбе, обратил внимание на Суханова, который занимал в Военной организации «Народной воли» выдающееся место. Он писал: «Часть тяготеет к марксизму» (И. Суханов, — хотя у него тутантинны еще тьма)» (Корягин и Б. Г. Некоторые страницы истории Военной организации «Народной воли». — В кн.: Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1973, вып. 5, с. 131). В действительности, Ленин писал здесь (Полн. собр. соч., т. 22, с. 306) об эсере И. И. Суханове (Гиммере), который только родился в год, когда был расстрелян народолюбец И. Е. Суханов.

⁴⁴ Годунова Л. И. Военная организация партии «Народная воля» (1880—1884). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук М., 1971.

⁴⁵ В опубликованных источниках сохранились косвенные данные о влиянии Военной организации «Народной воли» на М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова и других «лиц высшей военной иерархии» (Иванов С. А. К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов — Былое, 1907, № 9, с. 198—199; Серебряков Э. А. Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 59; Валуйев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. 238; Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 296). Их подтверждает свидетельство М. А. Тихоцкой (Балавсиской) о том, что ее брат, видный деятель Военной организации, майор И. А. Тихоцкий, который был близок к М. И. Драгомирову, ввел в круг своих «больших и сильных связей» М. Ф. Грачевского, фактически возглавлявшего в первой половине 1882 г. всю деятельность «Народной воли» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 648, лл. 1—2).

⁴⁶ Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924, с. 97.

детельству члена Военно-революционного центра Н. М. Рогачева, в конце 1881 г. организация решила распространить свои действия «на все части войска, расположенные в европейской России»⁴⁷.

Наибольший, подчеркнуто общероссийский размах приняла революционная деятельность «Народной воли» среди интеллигенции и, главным образом, учащейся (в первую очередь, студенческой) молодежи. Партия крестьянской демократии, выражавшая и отстаивавшая прежде и больше всего интересы крестьянства, «Народная воля» по составу и методам борьбы «была в основном партией интеллигенции, преимущественно молодой»⁴⁸. Ее связи с учащейся молодежью всей страны были превосходно налажены и организованы⁴⁹. В Петербурге действовала Центральная университетская группа, которая объединяла и направляла усилия народовольческих кружков во всех высших учебных заведениях столицы. Подобные же центральные группы координировали деятельность многочисленных студенческих кружков в Москве, Киеве, Казани. Отдельные студенческие кружки функционировали при местных организациях «Народной воли» во всех городах, где имелись высшие учебные заведения (Одесса, Харьков, Ярославль, Вильно, Дерпт). В контакте с ними развивалась деятельность гимназических и семинаристских кружков тех же и многих других (где не было высших учебных заведений) городов.

Вся эта широко разветвленная сеть кружков действовала с большой энергией. Она вносила организующее и политическое начало в стихийные волнения учащейся (особенно, студенческой) молодежи. Для этого использовались не только общепартийные документы, но и специально обращенные к студентам издания (гектографированные журналы «Студенчество» и «Свободное слово», газета «Борьба»), прокламации, которые шокировали либералов-постепеновцев своей революционностью. «Про-

---

⁴⁷ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 291.

⁴⁸ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 243.

⁴⁹ Подробно см.: Волк С. С. Народная воля, гл. 11; Твардовская В. А. Указ. статья.— Исторические записки, 1960, т. 67, с. 127—129.

кламации сыплются градом. И какие? — ужасался, например, проф. А. Ф. Кистяковский. — Прокламации 60-х годов в сравнении с нынешними верх смирения и невинной риторики»⁵⁰. Ряд выступлений студентов, организованных народовольцами, заставил говорить о себе всю мыслящую Россию. Особенно сильное впечатление произвела устроенная народовольцами антиправительственная демонстрация на университетском акте в Петербурге 8 февраля 1881 г. в присутствии 4 тыс. студентов, преподавателей и почетных гостей (среди которых, кстати, был Н. М. Пржевальский). Народовольцы во главе с А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Н. Е. Сухановым, В. Н. Фигнер разбросали по залу революционные листовки, Лев Коган-Бернштейн успел сказать с хор краткую обличительную речь, а Папий Подбельский, шагнув в президиум, заклеил восседавшего там министра просвещения А. А. Сабурова пощечиной⁵¹.

Благодаря идейному и организационному руководству «Народной воли», студенческое движение в 1879—1882 гг. обрело опасные для царизма размах и силу, представив собой важный элемент второй революционной ситуации. «Народная воля», со своей стороны, черпала в нем надежное пополнение сил для партии. Наблюдательный директор Департамента полиции В. К. Плеве верно подметил: «Крамола производит во время студенческих беспорядков рекрутский набор»⁵².

Студенты, гимназисты, семинаристы использовались для пропаганды, агитации, организаторской работы не только в собственной среде, но и среди крестьян, рабочих, служащих, солдат, как в центре страны, так и на окраинах. «Народная воля» стремилась революционизировать все национальности Российской империи. Провозгласив в своей программе их равенство и право на самоопределение⁵³, она разъясняла: «Народовольство как социалистическая партия чуждо каких бы то ни было на-

---

⁵⁰ Из истории общественной мысли и общественного движения в России Саратов, 1964, с. 195

⁵¹ Официальные материалы об этой демонстрации с приложением подлинной листовки см.: ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 1, 1881, д. 59.

⁵² Выдрип Р. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908, с. 27.

⁵³ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 188.

циональных пристрастий и считает своими братьями и товарищами всех угнетенных и обездоленных, без различия происхождения...»⁵⁴.

Исходя отсюда я не отвлекаясь на «препираательства с праздно болтающими педантами-автономистами»⁵⁵, народовольцы создавали свои организации на Украине (которая была вся покрыта густой сетью их рабочих, военных, студенческих, гимназических, семинаристских кружков)⁵⁶, в Белоруссии (Минск, Витебск, Могилев, Гродно, Белосток), Литве (Вильно, Ковно), Латвии (Рига, Двинск, Митава, Либава), Эстонии (Ревель, Дерпт), Молдавии (Кишинев, Аккерман), Грузии (Тифлис, Гори), Казахстане (Уральск)⁵⁷. Все эти организации с ведома и по указаниям Исполнительного Комитета объединяли вокруг себя демократические элементы национальных меньшинств, поднимая их на борьбу против самодержавия.

Помогали «Народной воле» в натиске на царизм и ее более обширные, чем у какой-либо другой из русских революционных организаций домарксистской поры, международные связи (в частности, с К. Марксом и Ф. Энгельсом⁵⁸, английскими, французскими, немецкими, итальянскими, польскими, чешскими, румынскими, болгарскими, сербскими, венгерскими, америкапскими и другими социа-

---

⁵⁴ Литература партии «Народная воля», с. 165—166.

⁵⁵ Там же, с. 166.

⁵⁶ См., напр.: Рудько Н. П. Революційні народники на Україні. Київ, 1973; Катренко А. Н. Революционное народничество конца 70-х—начала 80-х годов XIX в. на Украине—Киев, 1969.

⁵⁷ См.: История Латвийской ССР. Рига, 1954, т. 2, с. 136—139; История Молдавской ССР. Кишинев, 1965, т. 1, с. 512; Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е—начало 80-х годов XIX в.). Минск, 1972; Мегкюс V. *Narodnikai ir pirmieji marksistai Lietuvoje*. Vilnius, 1967, p. 47—52; Швелидзе З. Л. Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX в.—Вопросы истории, 1957, № 12, с. 133—134; Исаков С. Тартуское студенчество 1880-х годов и движение народников.—Учен. зап. Тартуского ун-та, 1972, вып. 290; Галиев В. З. Народовольческие кружки в Казахстане.—Освободительное движение в России. Саратов, 1978, № 8.

⁵⁸ Подробно см.: Волк С. С. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля».—В кн.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

листами и демократами⁵⁹). «Политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов»,— таково было одно из программных требований «Народной воли»⁶⁰. Следуя ему, народовольцы держали мировую общественность в курсе своих революционных дел, при случае обращались к ней с воззваниями о поддержке («Исполнительный комитет европейскому обществу», «Французскому народу», послание Карлу Марксу), опирались на ее сочувствие и солидарность. Многие сделали в привлечении международных симпатий к «Народной воле» ее постоянные представители за границей (П. Л. Лавров, Л. Н. Гартман, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина), вся ее авторитетная эмиграция.

Такова в общих чертах картина революционной борьбы «Народной воли». В. И. Ленин усматривал великую историческую заслугу народовольцев именно в том, что «...они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»⁶¹. Трудно после этого согласиться с мнением, бытующим иногда в литературе, будто народовольцы «работой в деревне не занимались вовсе», их «деятельность в рабочей среде была весьма

---

⁵⁹ Спытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969; Иванова Н. В. Из истории русско-английских общественных связей в 80—90-х годах XIX века.— Учен. зап. Курского пед. ин-та, 1969, т. 60; Виноградов В. Н. Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX века.— Новая и новейшая история, 1971, № 4; Меринг Ф. История германской социал-демократии. М.—Пг., [б. г.], т. 4, с. 158, 160; Раджоньерн Э. Итало-русские общественные связи (1860—1900). М., 1968; Бакалов Г. Русская революционная эмиграция среди болгар.— Каторга и ссылка, 1930, № 3; Очак И. Из истории русско-сербских революционных связей в 80-х годах XIX века.— В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Нире Л. Отклики в Венгрии на деятельность русских революционных демократов.— В кн.: Венгерско-русские литературные связи. М., 1964; Corbet Ch. A l'ère des nationalismes l'opinion française face à l'inconnue Russie (1799—1894). Paris, 1967; Mechy J. Ohlasy narodnictví v českém delnickém hnutí v osmdesátých letech minulého století — Acta Universitatis Carolinae, 1964, Philosophica et Historica, 3.

⁶⁰ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 183.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

ограниченной», «не получила широкого развития и работа в армии», а вся (или почти вся) революционная практика «Народной воли» сводилась к террору⁶².

Все это надо учитывать при оценке народовольческого террора. Во-первых, террор был в руках «Народной воли» лишь *одним из многих* средств борьбы. Во-вторых, занимались им только члены и ближайшие агенты ИК плюс несколько сменявших друг друга техников, металлшиков, наблюдателей (в подготовке и осуществлении всех восьми народовольческих покушений на царя участвовали в общей сложности 12 таких лиц⁶³). К тому же ИК отнюдь не довольствовался террором и не был «технически-подрывной командой», как называли его Д. О. Заславский и С. С. Волк⁶⁴. Он вникал во все сферы деятельности партии: создавал рабочую, военную, студенческую организации и руководил ими, устраивал местные группы, рассылал в них пропагандистов и агитаторов, сам возглавлял студенческие демонстрации, офицерские сходки, рабочие стачки, издавал газету «Народная воля», Листок «Народной воли», «Рабочую газету», множество прокламаций с разъяснением программы и конкретных дел партии. Это видно, между прочим, из книги самого С. С. Волка⁶⁵. Местные же группы «Народной воли» вообще не занимались террором.

Тем не менее террор занял в практике народовольцев первый план — не сам по себе, а как предводник и ускоритель народной революции, которую готовили все местные и специальные организации «Народной воли». «История движется ужасно тихо, — говорил А. И. Желябов. — Надо

---

⁶² Очерки истории СССР (1861—1904) М., 1960, с. 200, Борьба В. П. Ленин против мелкобуржуазной революционности и авантюризма М., 1966, с. 73, Кузнецов И. В. История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917) М., 1971, с. 185, Печкина М. В. Декабристы и проблема трех революций — История СССР, 1976, № 2, с. 59.

⁶³ Г. Д. Гольденберг, И. И. Гриневецкий, И. П. Емельянов, В. А. Меркулов, Т. М. Михайлов, И. Ф. Окладский, Н. И. Рысаков, Е. М. Сидоренко, М. В. Тетерка, Я. Т. Тихонов, А. В. Тырков, П. Н. Тычиши.

⁶⁴ Заславский Д. О. А. И. Желябов. М.—Л., 1925, с. 106—107; Волк С. С. «Народная воля», с. 115.

⁶⁵ Волк С. С. Указ. соч., гл. 8-11.

ее подталкивать»⁶⁶. Посредством террора, сосредоточив на нем меньшие, но главные свои силы, народовольцы рассчитывали, с одной стороны, возбудить революционное настроение в массах и, с другой стороны, вызвать панику в правительственном лагере, чтобы таким образом создать удобный момент для вооруженного восстания масс⁶⁷. В условиях России конца 1870-х — начала 1880-х годов, когда рабочий класс только формировался, а крестьянство оставалось забитым и пассивным, когда царизм обрушил на страну шквал «белого» террора, «красный» террор был оправдан как «специфически русский, исторически неизбежный способ действия»⁶⁸. Однако расчет народовольцев не оправдался. Их трагедия заключалась в том, что народные массы тогда не были готовы к революционному выступлению, а террор силами партии при всей его величественности⁶⁹ оказывался средством, недостаточным ни для захвата власти, ни для возбуждения масс.

Опыт «Народной воли» наглядно показал русским революционерам: террор, даже самый героический, поднять массы на восстание бессилён. В. И. Ленин так и заявил в 1902 г.: непригодность террора «ясно доказана опытом русского революционного движения»⁷⁰. Это значило, что после «Народной воли» в условиях бурного роста массового (особенно, пролетарского) движения уповать на террор безрассудно, но отнюдь не означало, что «Народная воля» при отсутствии условий для восстания масс⁷¹ (когда, кстати, и непригодность террора еще *не была доказана* русским опытом) тоже могла обойтись без террора. В том фазисе, которого достигло русское революционное движение к рубежу 1870—1880-х годов, террор нельзя было просто отбросить, его можно было только

---

⁶⁶ Семенов П. И. Из воспоминаний об А. И. Желябове. — Былое, 1906, № 4, с. 219.

⁶⁷ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 173, 176.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 148; см.: т. 19, с. 158; т. 21, с. 197.

⁶⁹ «...Осуществленная посредством «устрашающего» и действительно устрашающего террора попытка (народовольцев. — Н. Т.) захватить власть — была величественна...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173)

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 380.

⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.

преодолеть. Он оказывался тогда единственно возможным, *еще не испытанным способом борьбы*, т. е. как бы собирательным примером таких *действий*, о которых хорошо сказал А. И. Герцен: «Как только человек видит возможность... действовать, действие становится для него физиологической необходимостью. Оно может быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, но не может не быть. Никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, восполняет их, отрекается от них»⁷².

Ряд современных исследователей умозрительно заключают, что террор вовсе не был обязательным для «Народной воли», что в отношении борьбы народовольцев все же была альтернатива, можно было действовать иначе, с несравненно большей пользой для судеб движения», а именно путем повседневной организационной работы среди масс⁷³. Нет ничего проще, чем пенять таким образом «Народной воле» в наши дни, абстрагируясь от исторической ситуации 1879—1881 гг. Но характерные для той ситуации факты опровергают подобное умозрение. С одной стороны, не надо забывать, что сама «Народная воля» наряду с террором и притом большими своими силами, вела «повседневную организационную работу среди масс» (преимущественно рабочих), но не смогла тогда извлечь из этой работы «несравненно большей пользы для судеб движения», чем из террора. Во всяком случае об альтернативе террору, на которую указывают теперь некоторые историки, «Народная воля» знала и по мере возможности использовала ее. Но, как подметил Эмиль Кроткий, «суд потомства плох тем, что рассматривает дело в отсутствие потерпевшего». С другой стороны, если под альтернативой народовольческому террору С. С. Волк и другие разумеют «работу среди масс» *без террора*, то бесплодность такой альтернативы в 1879—1881 гг.

---

⁷² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1959, т. 17, с. 108.

⁷³ Волк С. С. «Народная воля», с. 248—249; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 218—220; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, с. 80.

убедительно показав на собственном горьком опыте «Черный передел».

Сами народовольцы веско оговаривали преходящую обусловленность своего террора. Исполнительный комитет «Народной воли» заявил протест против покушения анархиста Ш. Гито на президента США Д. Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — разъяснял ИК, — в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»⁷⁴. Сознывая моральную и политическую предосудительность террора, народовольцы допускали его лишь как вынужденное, крайнее средство. «Террор — ужасная вещь, — говорил С. М. Кравчинский, — есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилия»⁷⁵.

Как средство борьбы «красный террор» «Народной воли» имел очевидные слабости и вредные издержки (отрыв от масс, недостаток сил, обилие жертв). Но поскольку он был делом рук революционной партии и притом в отсутствие широкого массового движения, он, при всех его слабостях, играл не только отрицательную, но и положительную роль. В. И. Ленин не напрасно называл его «величественным», ««ужасным» и действительно устрашавшим». С одной стороны, «красный террор» 1879—1881 гг. как гребень волны революционного натиска дезорганизовывал царизм и вынуждал его к отступлению. С другой стороны, он высоко поднимал престиж русских революционеров, создавал вокруг них героический ореол и делал их таким образом (даже при отсутствии прочных связей с массами) центром притяжения для широких демократических кругов. «Почти все в ранней юности, — свидетельствовал Ленин о своем поколении, — восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской тради-

⁷⁴ Литература партии «Народная воля», с. 127.

⁷⁵ Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 354.

ции стоил борьбы...»⁷⁶. На рубеже 70—80-х годов эта геройская традиция была в самом зените. Дело не в том, будто все демократы стремились тогда стать именно террористами. Дело в том, что «красный террор», пока он развивался успешно, приумножал активность и политическую нацеленность всей революционной борьбы, тем самым мобилизуя новых борцов, стимулируя их энергию. Это отражалось даже на идейных противниках «Народной воли» — чернопеределъцах.

Деятельность «Черного передела», хотя и далеко уступавшая по размаху и продуктивности народовольческой, тоже являлась компонентом революционного натиска на самодержавие. Чернопеределъцы вели пропаганду и агитацию главным образом среди рабочих в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Минске, Витебске, Могилеве, Вильно, Казани, Саратове, создали в Киеве «Южнорусский рабочий союз» с охватом до 1000 рабочих⁷⁷, вели за собой часть студенчества и офицерства. При этом они под впечатлением народовольческого террора постепенно склонялись к признанию политической борьбы способом «Народной воли»⁷⁸ и даже предлагали народовольцам боевой союз: «Чернопеределъцы сохраняют свою полную самостоятельность в сфере пропаганды и агитации, но в чисто боевых выступлениях они объединяются с народовольцами и всецело подчиняются руководству их генерального штаба или Исполнительного комитета»⁷⁹.

«Красный террор» «Народной воли» отчасти возбуждал и народные массы, усиливал их стихийный протест против «верхов», о чем говорят дошедшие до нас отклики в «низах» на цареубийство 1 марта 1881 г. Рабочие и крестьяне начали сознавать или хотя бы ощущать неустойчивость власти и авторитета царя. Видный рабочий-революционер 80-х годов Василий Панкратов вспоминал о 1 марта: «Этот удар, как набатный звон, пробудил даже ту часть рабочих, которая была равнодушна и

---

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181.

⁷⁷ Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2, с. 427.

⁷⁸ Левин Ш. М. «Черный передел» и проблема политической борьбы.— В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

⁷⁹ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923, кн. 1, с. 364.

даже враждебна к революционному движению. Это не значит, что она стала революционной, нет, но она стала говорить, рассуждать: «За что убили царя? Кто убил?» Рассуждали, разумеется, вкривь и вкось, но все же рассуждали, думали»⁸⁰. Только за восемь месяцев 1881 г. (с 1 марта по 1 ноября) власти рассмотрели свыше 4 тысяч дел «об оскорблении величества», то есть в три раза больше обычного⁸¹. В архиве Министерства юстиции зафиксированы сотни откликов на цареубийство крестьян Петербургской, Новгородской, Казанской, Саратовской, Пензенской, Харьковской, Одесской, Минской, Сувалкской и многих других губерний: «Собаке — собачья смерть», «того государя убили и этого надо убить», «нехай убивают царей; одного убили, другого убьют, всех побьют, тогда будут цари из нашего брата»⁸² и т. д.

«Красный террор» расшевелил на рубеже 70—80-х годов даже тяжелых на подъем русских либералов.

Куда ни взглянь — в углу, в щели —
Все: крысы, мыши, даже блохи
Протестовать уже пошли,—

писал о том времени поэт-демократ Л. И. Пальмин.

Русская буржуазия к концу 70-х годов экономически была уже настолько сильной, что не могла больше мириться с ничтожностью своей политической роли и добивалась для себя политических привилегий, хоть приблизительно сообразных с ее экономическим весом. Но, поскольку она росла под опекой царизма и привыкла бояться его и нуждаться в нем⁸³, ее домогательства облекались в лояльные формы. Либералы хотели бы не ликвидировать самодержавие, а лишь выторговать у него какую-нибудь конституцию, «...хоть такую, — иронизировали революционеры-народники, — какую имеют от

---

⁸⁰ Панкратов В. С. Воспоминания (1880—1884). М., 1923, с. 8.

⁸¹ Литература партии «Народная воля», с. 145, 170.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 8, 30, 33, 62. См. также: ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 231, 244, 257, 262, 273, 286, 291, 306.

⁸³ «Европейской буржуазии самодержавие — помеха, нашей буржуазии оно — опора», — писал Н. К. Михайловский в № 2 газеты «Народная воля» (Литература партии «Народная воля», с. 29).

царя зубры в Беловежской пуше»⁸⁴, только бы оградить себя от крайностей деспотизма и произвола.

Под стать требованиям были и средства борьбы либералов — главным образом унаследованные от 50—60-х годов адресные кампании, причем адреса, которые подносились правительству, даже либерал И. И. Петрункевич сокрушенно называл «пошлыми, униженными, вполне ничтожными»⁸⁵. Но все-таки под впечатлением «красного террора» народников (что называется, «под шумок») либералы, во-первых, и адресами стали беспокоить царизм чаще, настойчивее, а главное, осмелели настолько, что отважились даже на дело, неслыханное ранее, — нелегальное организационное оформление своей оппозиции. 1-2 апреля 1879 г. в Москве состоялся первый так называемый земский съезд. Здесь 30-40 левых либералов, среди которых были М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев, И. И. Петрункевич, А. И. Чупров, обсуждали идею создания собственного тайного общества для борьбы за конституцию, но, хорошенько поразмыслив, отвергли такую идею⁸⁶. В то же время либералы заводили связи с революционным лагерем, чтобы урезонить слишком беспокойных народников и навязать им свой темп политической борьбы. На декабрьских 1878 г. переговорах в Киеве с группой террористов (В. А. Осинский, В. К. Дебогорий-Мокриевич и др.) Иван Петрункевич — этот самый левый, почти «красный» буржуазный либерал 70-х годов (впоследствии — председатель ЦК партии кадетов) — доказывал, что надо действовать «тактично», и уговаривал «бестактных» революционеров не раздражать правительство «крайностями» террора. Революционеры его не послушались, переговоры расстроились⁸⁷.

---

⁸⁴ Революционная журналистика 70-х годов, с. 80. Обоснование политической программы либерализма 70-х годов см.: Кавелин К. Д. Политические призраки. Berlin, 1878, с. 59, 69; Кошелев А. И. Что же теперь делать? Berlin, 1879, с. 63—71.

⁸⁵ Юбилейный земский сборник (1864—1914). Спб., 1914, с. 430. Н. А. Карышев насчитал 599 земских ходатайств перед правительством за 1875—1879 гг. и 538 — за 1880—1882 (Карышев Н. А. Земские ходатайства (1865—1884). М., 1900, с. 2).

⁸⁶ Белокогонский И. П. Земское движение. М., 1914, с. 16; Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977, с. 184—185.

⁸⁷ Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. Спб., 1906, с. 373—374.

По сути дела буржуазный либерализм противостоял в 70—80-е годы не только реакции, но и революции. Либералы вымогали у правительства уступки, конечно, для того, чтобы самим поживиться на этом, а также и для того, чтобы предотвратить революцию в стране. М. Н. Катков точно определил принципиальную разницу в позиции революционера и либерала тех лет: «Революционер говорит правительству — «уступи, или я буду стрелять!», а либерал говорит правительству — «уступи, или он будет стрелять»⁸⁸. Но, как бы то ни было, давление либеральной оппозиции дополняло (хотя и в малой степени) революционный натиск на самодержавие и усиливало «кризис верхов».

Весь не только явный, но и подспудный процесс нарастания и спада кризиса самодержавия П. А. Зайончковский датирует временем с весны 1878-го до середины 1882 г.⁸⁹ С наибольшей силой этот кризис проявился в 1879—1881 гг., то есть в период самых активных действий «Народной воли». При этом в 1879 г. (как и в 1878) налицо была, собственно, одна сторона кризиса — невиданный ранее (и нараставший) шквал репрессий. Что же касается уступок, реформ, то эта, другая, тоже непременная сторона всякого «кризиса верхов» пока исчерпывалась лишь конституционными *толками* и неофициальными *проектами* (К. Н. Посьета, Г. Г. Кириллова, Е. В. Богдановича)⁹⁰, да разногласиями в действиях правительства, которые кн. Д. И. Святополк-Мирский определил как «административные прыжки в разные стороны»⁹¹. Иначе говоря, царизм в 1878—1879 гг. считал себя еще достаточно сильным и способным искоренить крамолу путем наращивания репрессий, не прибегая к уступкам.

Апогей «белого террора» 70-х годов наступил после выстрелов А. К. Соловьева в Александра II (2 апреля 1879 г.), когда Россия была расчленена на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали временщики с диктаторскими пол-

⁸⁸ Веселовский Б. Б. Земские либералы. Спб., 1906, с. 9.

⁸⁹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 475.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. III отд., Секр. архив, оп. 1, д. 725, л. 1—47; д. 773, л. 3—14; д. 1013, л. 10 об.

⁹¹ ФЦГИА УССР, ф. 791, оп. 1, д. 189, лл. 4—4 об.

номочиями, сразу «шесть Аракчеевых». Другими словами, в дополнение к самодержцу Всея Руси воцарились еще петербургский, московский, киевский, харьковский, одесский и варшавский самодержцы, которые соперничали друг с другом в деспотизме и жестокости. О петербургском генерал-губернаторе И. В. Гурко Ф. М. Достоевский рассказывал, что ему «ничего не значит сказать: «я сошлю, повешу сотню студентов»»⁹². Киевский «самодержец» М. И. Чертков в апреле — августе 1879 г. ежемесячно подписывал по несколько смертных приговоров. Властью одесского «аракчеева» Э. И. Тотлебена людей «вагонами отправляли из Одессы» в административную ссылку⁹³. Изо дня в день следовали все новые и новые чрезвычайные узаконения «белого террора». За 1879 г. царизм, по подсчетам М. И. Хейфеца, сочинил 445 таких узаконений⁹⁴. Для XIX в. это — своего рода всероссийский рекорд.

Однако репрессии не доставляли царизму желанного умиротворения. Напротив, в отпор «белому террору» усиливался (особенно, с августа 1879 г., когда оформилась «Народная воля») «красный террор». О том, как была накалена к концу 1879 г. обстановка в России, красноречиво свидетельствуют компетентные современники. «Вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении», — записывает в дневник 3 декабря 1879 г. военный министр Д. А. Милютин⁹⁵. «Все мечутся в страхе», — вторит ему управляющий морским министерством адмирал И. А. Шестаков⁹⁶. «Просто в ужас приходишь от одной мысли о том, не на Везувии ли русское государство?» — жалуется сенатор Я. Г. Есипович⁹⁷. «Почва зыблется, зданию угрожает падение», — заключает председатель Комитета министров П. А. Валуев⁹⁸.

В такой обстановке с конца 1879 г. «верхи» мало-помалу стали уступать революционному натиску и его

---

⁹² Голос минувшего, 1914, № 4, с. 124.

⁹³ Фроленко М. Ф. Собр. соч. М., 1932, т. 1, с. 195.

⁹⁴ Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России, с. 83.

⁹⁵ Милютин Д. А. Дневник. М., 1950, т. 3, с. 187.

⁹⁶ ГПБ РО, ф. 856, д. 6, л. 583.

⁹⁷ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 4, с. 154.

⁹⁸ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг., Пг., 1919, с. 38.

острию — «красному террору». 19 ноября народовольцы едва не взорвали под Москвой царский поезд, после чего центральный орган «Народной воли» объявил, что в любом случае «смерть Александра II — дело решенное, и что вопрос тут может быть только во времени, в способах, вообще в подробностях»⁹⁹. При дворе забили тревогу, громче прежнего заговорили о конституции, а два конституционных проекта — П. А. Валуева и великого князя Константина Николаевича в январе 1880 г. даже подверглись обсуждению (безрезультатному) у царя¹⁰⁰. Когда же народовольцы проникли в Зимний дворец и 5 февраля взорвали в нем царскую столовую, правительственный лагерь пришел в смятение. Придворная знать кликушествовала от страха¹⁰¹. «Льво-яростный (по выражению Н. С. Лескова) кормчий» реакции М. Н. Катков хныкал: «Бог охраняет своего помазанника. Только бог и охраняет его»¹⁰². Царь и министры боялись, что 19 февраля (по случаю очередной годовщины падения крепостного права) революционеры поднимут восстание. Из-за этого были даже отменены национальные празднества, назначенные на 19—20 февраля в честь 25-летия царствования Александра II¹⁰³. Сам царь между 5 и 19 февраля никуда не выходил из дворца. Класс имущих со дня на день ждал новых взрывов и всеобщей «резни». «Люди состоятельные выезжали за границу, ценные вещи в домах зарывали в подвалы», — свидетельствовали современники¹⁰⁴. «Страшное чувство овладело нами, — плакался наследник престола. — Что нам делать?»¹⁰⁵.

---

⁹⁹ Литература партии «Народная воля», с. 48.

¹⁰⁰ В а л у е в П. А. Дневник 1877—1884 гг., с. 40, 47, 48, 50—55; М и л ю т и н Д. А. Дневник, т. 3, с. 184, 186—187.

¹⁰¹ «Нервы так настроены, что поминутно рассчитываешь взлететь на воздух», — записывал 6 февраля 1880 г. в дневнике великий князь Константин Константинович (ЦГАОР, ф. 660, оп. 1, д. 16, л. 101).

¹⁰² Московские ведомости, 1880, 6 февраля (передовая «А»).

¹⁰³ В о е й к о в В. В. Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III. — Известия Тамбовской ученой археографической комиссии, Тамбов, 1911, вып. 54, с. 67.

¹⁰⁴ Граф Михаил Гариелович Лорис-Меликов. — Русская старина, 1889, № 1, с. 69; См. также: Де-Воллан Г. А. Очерки прошлого. — Голос минувшего, 1914, № 4, с. 139.

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 79, л. 320.

Решено было искать спасение от революции в диктатуре. 12 февраля 1880 г. царизм сколотил Верховную распорядительную комиссию во главе с субалтерн-императором графом М. Т. Лорис-Меликовым — орган беспрецедентный в русской истории, перед которым на какое-то время ступался даже самодержец Всея Руси. Лорис-Меликов взялся выволочь правительство из кризиса, но признал тщетными откровенные репрессии и предложил в дополнение к ним демагогические реформы, а именно — устроить совещательный орган из чиновников и выборных от общества при Государственном совете, который сам был совещательным органом при царе¹⁰⁶. Иначе говоря, «конституция Лорис-Меликова», как называли ее буржуазные историки, вовсе не являлась конституцией, но, по словам В. И. Ленина, «осуществление лорис-меликовского проекта могло бы при известных условиях, т. е. под напором освободительного движения, быть шагом к конституции»¹⁰⁷. Царизм уступал силе революционного натиска. Сам царь был удручен сложившейся ситуацией, признавался своей морганатической супруге Е. М. Юрьевской в желании отречься от престола и удалиться в Каир, к «теплому климату»¹⁰⁸, а на уступки «крамоле» смотрел, как на зло, столь же пагубное, сколь неизбежное. «Да ведь это Генеральные штаты!» — возмутился он, прочитав «конституцию» Лорис-Меликова, но... одобрил ее и 1 марта 1881 г. за считанные часы до смерти назначил на 4 марта заседание Совета министров для того, чтобы согласовать правительственное сообщение о предстоящей реформе¹⁰⁹.

1 марта 1881 г. «Народная воля» привела в исполнение смертный приговор Александру II. Цареубийство, дерзко анонсированное печатным органом партии, дважды (19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г.) лишь чудом не удавшееся и, наконец, совершенное, как ужасался

---

¹⁰⁶ Подробно о проекте Лорис-Меликова см. в указ. соч. П. А. Зайончковского и М. И. Хейфеца.

¹⁰⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

¹⁰⁸ Laferté V. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882, p. 59.

¹⁰⁹ См. рассказ П. А. Валуева (в записи М. И. Семевского): ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 553 (об.) — 554. Проект правительственного сообщения см.: Русский архив, 1916, кн. 1, с. 21—26.

М. Н. Катков, в столице империи, «на публичном проезде, среди дня, в средоточии всех властей»¹¹⁰, повергло в транс правительственный лагерь. «Верхи» на время потеряли ориентацию и в первые дни действовали по принципу «Спасайся, кто может!». 3 марта П. А. Валуев предложил новому царю Александру III назначить регента на случай, если его тоже убьют. Царь обиделся и около двух недель делал вид, что никогда не согласится на такое самоунижение, но 14 марта все-таки назначил регента (великого князя Владимира Александровича)¹¹¹, а сам, будучи не в силах более превозмочь страх перед вездесущими террористами, сбежал из Петербурга в Гатчину. «Наше правительство теряет голову», — писал в те дни адмирал И. А. Шестаков¹¹².

Действительно, такой паники в «верхах», как в 1880—1881 гг., когда вся страна была объявлена на осадном положении, придворная знать жила в пароксизме страха, министры мрачно констатировали маразм власти, один царь был убит, а другой бросил столицу и укрылся в предместном замке, где и прозябал чуть ли не в одиночном заключении, как «военнопленный революции»¹¹³, — такого Россия не видела ни раньше, ни позже, вплоть до 1905 г. Другое дело, что в 1861 г. царизм пошел на большие уступки. Ведь в 1881 г., через 20 лет после отмены крепостного права, самодержавию в сущности нечего было уступать кроме... самодержавия. Теперь ему приходилось, как заметил Ф. Энгельс, «...уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях...»¹¹⁴. Если в 1861 г. он решал задачу уступить и остаться, то теперь оказался перед вопросом «быть или не быть?»

Таким образом, одна из двух главных функций «красного террора», а именно — дезорганизация правительства — «Народной воле» удалась. Момент был удобен для того, чтобы пойти на штурм самодержавия и, если не свергнуть его, то для начала вырвать у «верхов» уступки, более выгодные «низам», чем ублюбочная «конституция» Лорис-Меликова. Но в этот выигрышный момент у наро-

---

¹¹⁰ Московские ведомости, 1882, 1 марта (передовая).

¹¹¹ Милютин Д. А. Дневник, т. 4, с. 28, 41

¹¹² ГПБ РО, ф. 856, д. 7, л. 1.

¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

¹¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 451.

довольцев не оказалось сил, которые можно было бы бросить в бой. Вопреки их ожиданиям, народные массы не всколыхнулись.

Здесь важно иметь в виду, что именно в те годы (1880 — начало 1881), когда «кризис верхов» достиг апогея (лорис-меликовские маневры, паника после царевубийства), массовое — и крестьянское, и рабочее движение уже шло на убыль по сравнению с 1879 г. Отсюда хорошо видна существенная особенность второй революционной ситуации в России (в отличие от первой).

В годы первой революционной ситуации лагерь революционеров-демократов практически был еще крайне малочислен и слаб. Решающей силой натиска «низов» являлось тогда не революционно-демократическое, а массовое (почти исключительно крестьянское) движение, которое достигло вершины в 1861 г.: по числу и размаху крестьянских волнений 1861 год в России вплоть до 1905-го не имел себе равных. Именно крестьянское движение, в первую очередь, и предопределило тогда «кризис верхов». Решающим же фактором второй революционной ситуации, который главным образом и обусловил новый (после 1861 г.) кризис самодержавия, была борьба народовольцев — этот, по выражению Ф. Энгельса, «нож деятелей, приставленный к горлу правительства»¹¹⁵. «Благодаря этой борьбе и только благодаря ей,— подчеркивал В. И. Ленин,— положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»¹¹⁶.

Эта ленинская оценка давно и неоспоримо подтверждена всей совокупностью данных о борьбе «Народной воли» против царизма. Между тем, некоторые исследователи сочли решающей силой второй революционной ситуации крестьянское движение, а борьбу народовольцев расценили лишь как вспомогательный элемент, «усиливавший кризис верхов и дезорганизацию правительства»¹¹⁷. С. С. Волк уклончиво называет схватку «На-

¹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 105.

¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 39.

¹¹⁷ Хейфец М. И. Указ. соч., с. 46, 51, 68—69; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в. Л., 1969, с. 221; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, с. 81; Кузнецов И. В. История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971, с. 195.

родной воли» с царизмом «одним из существенных элементов второй революционной ситуации»¹¹⁸.

Разумеется, массовое движение нельзя недооценивать. Хотя оно само по себе и было в 1879—1881 гг. слабее, чем в 1859—1861 гг., тот факт, что в 1879—1881 гг. (в отличие от 1859—1861) действовала общероссийская централизованная революционная организация, которая руководствовалась интересами масс и пыталась поднять их на восстание, придавал массовому движению особую значимость и опасность для царизма. П. А. Зайончковский справедливо заключает, что «политический кризис самодержавия (1879—1881 гг.— Н. Т.) не достиг бы такой глубины, если бы правительство не боялось соединения стихийной борьбы крестьянских масс с политической борьбой революционных народников»¹¹⁹. Это бесспорно. Стихийная борьба крестьянских масс служила социальной базой народничества, питала собой его революционный подъем. Речь идет вовсе не о том, что будто бы «вся вторая революционная ситуация в России, так сказать, сделана руками террористов-народовольцев», как утрируют мою точку зрения Ш. М. Левин и М. В. Нечкина¹²⁰, а о том, что народовольцы (кстати, не только террористы) являлись главной, *решающей* силой революционного натиска 1879—1881 гг.

Сама «Народная воля» переоценивала силу своего натиска и глубину кризиса верхов. Колебания правительства она принимала за «последние предсмертные конвульсии»¹²¹. Даже трезво мыслящий А. И. Желябов считал в мае 1880 г., что «два-три толчка, при общей поддержке, и — правительство рухнет»¹²².

Дело в том, что внешние признаки кризиса верхов (растерянность царя, министров, придворной камарильи)

---

¹¹⁸ Волк С.С. «Народная воля», с. 458.

¹¹⁹ Зайончковский П. А. Указ. соч., с. 474.

¹²⁰ В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в., с. 221; см. также: Дискуссия о внутренней периодизации раночинского этапа русского революционного движения.— История СССР, 1966, № 4, с. 129.

¹²¹ Литература партии «Народная воля», с. 16.

¹²² Письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову.— Былое, 1906, № 3, с. 72.

создавали у современников преувеличенное представление о глубине кризиса. Народовольцам казалось, будто смятение, начавшееся в верхнем этаже государственного устройства, свидетельствует, что революция назрела. Между тем, опыт истории учит, что для революции необходим такой кризис верхов, который «...касается именно основ государственного устройства, а вовсе не каких-нибудь частных его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»¹²³. Такой кризис верхов в России 1879—1881 гг. был еще не настолько сильным, чтобы можно было говорить о предсмертных конвульсиях царизма. С другой стороны, «Народная воля» вслед за П. Н. Ткачевым ошибочно считала, что царизм — это явление надклассовое: «русское правительство — железный колосс на глиняных ногах; оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя»¹²⁴. Это заблуждение также дезориентировало народовольцев в истинных размерах «кризиса верхов», склоняло их к переоценке глубины и возможных последствий кризиса. Предатель Н. И. Рысаков, по его словам, слышал от А. И. Желябова, что «партия надеялась на восстание не позже этого (1881-го. — Н. Т.) года»¹²⁵. Во всяком случае еще до середины февраля 1881 г. ИК обсуждал вопрос о возможности немедленного восстания и лишь после тщательного подсчета своих сил на время отсрочил его¹²⁶.

На деле же, хотя царизм в 1879—1881 гг. и уступал революционному натиску, его громадные материальные силы не терпели чувствительного урона от отдельных неудач, тогда как малочисленные силы «Народной воли» с каждым ее успехом таяли. Еще до 1 марта были арестованы такие столпы «Великого ИК», как А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. А. Квятковский, С. Г. Ширяев, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, А. И. Зунделевич, Н. В. Клеточников. «Мы проживаем капитал», — с тре-

---

¹²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300—301.

¹²⁴ Литература партии «Народная воля», с. 4.

¹²⁵ Валк С. Н. Из показаний Н. И. Рысакова. — Красный архив, 1926, т. 6, с. 188.

¹²⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х т. М., 1964, т. 1, с. 260—261.

вогой говорил Желябов¹²⁷. В канун 1 марта арестован был и сам Желябов. На смену выбывшим из строя бойцам ИК выдвигал новых — из среды пропагандистов, а это влекло за собой (в Петербурге, по крайней мере) свертывание пропагандистской, агитационной и организаторской работы партии. Символичным для предмартовских дней был ответ главы Военной организации ИК Н. Е. Суханова на вопрос кронштадтских моряков, только что обращенных им в народовольчество, о правах и обязанностях членов «Народной воли»: «Бомба — вот ваше право. Бомба — вот ваша обязанность!»¹²⁸. Террор все более выдвигался на первый план и, как прожорливый циклоп, поглощал лучшие силы партии.

В таких условиях царевубийство оказалось для «Народной воли» пирровой победой. «Революционеры исчерпали себя 1-ым марта». Эта ленинская формулировка заключает в себе глубокий смысл. Хотя «Народная воля» и после 1 марта сохранила часть сил, а затем пополняла их и еще долго продолжала борьбу, но возместить и физические и моральные потери (гибель «Великого ИК», крах расчетов на то, что царевубийство повлечет за собой взрыв революционной активности масс) она уже не могла. Поскольку же крестьянское и рабочее движение с 1880 г. уже шло на убыль, а либеральная оппозиция и после 1 марта ограничилась по старинке одними ходатайствами, царизм воспрянул духом и перешел в контрнаступление. Таким образом, «второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного приояа была отбита...»¹²⁹.

Итак, решающей силой демократического натиска 1879—1881 гг. являлась в отсутствие достаточно широкого массового движения борьба народовольцев как выразителей и защитников воли народных масс. Именно она, главным образом, и обусловила в те годы кризис самодержавия. Это удостоверяют факты и документы — о динамике массового движения тех лет, о действительности борьбы «Народной воли», о колебаниях «верхов» перед

---

¹²⁷ Тихомиров Л. А. Начала и концы (либералы и террористы). М., 1890, с. 46.

¹²⁸ Фигнер В. Н. Портреты народовольцев.— Былое, 1918, № 4—5, с. 79.

¹²⁹ Ленин В. И. Полн собр соч., т. 5, с. 45.

лицом, в первую очередь, именно народовольческой «кромолы». В свое время на это прямо указывали Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Попытки же некоторых исследователей оспорить такой взгляд основываются не на фактах и документах, а на догматическом убеждении, исключающем такой оборот дела, чтобы народные массы даже временно, в конкретно-исторической обстановке, могли сыграть меньшую роль, нежели партия, хотя бы и выражающая интересы масс.

В этой связи решается и вопрос о месте «Народной воли» в развитии народничества: как главный фактор второй революционной ситуации «Народная воля» со всеми ее достоинствами и недостатками — высший этап народнического движения. Бытующее мнение, будто «уже во второй половине 70-х годов революционное народничество переживало не восходящий, а нисходящий период своего развития»¹³⁰, противоречит логике истории второй революционной ситуации. Если считать народовольчество уже нисходящим этапом народнического движения и учитывать к тому же, что борьба рабочих и крестьян даже в момент ее относительного подъема на рубеже 70—80-х годов оставалась еще слабой, как объяснить, из чего сложился в 1879—1881 гг. (как раз в период «Народной воли!») революционный натиск? Почему вдруг царизм именно в те годы стал подумывать о возможности капитуляции? И перед кем? Перед движением, клонившимся к упадку?

Видимо, в поисках ответа на эти вопросы И. Д. Ковальченко выдвинул своеобразный тезис, первая часть которого заведомо исключает вторую: «Деятельность народовольцев представляла собой уже нисходящий этап в истории революционного народничества. Но это, разумеется, не означало спада общего накала революционного движения»¹³¹. Слабый накал крестьянского и рабочего движения 70—80-х годов удостоверен фактами: По

---

¹³⁰ Ионова Г. И., Смирнов А. Ф. Революционные демократы и народники. — История СССР, 1961, № 5, с. 138—139. Таково же мнение М. В. Нечкиной (Известия АН СССР, Отд. лит. и яз., 1955, т. 14, вып. 2, с. 181) и И. Д. Ковальченко (Вопросы истории, 1960, № 4, с. 72).

¹³¹ В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, с. 81.

мнению И. Д. Ковальченко, и народовольческое движение было ущербным. Спрашивается, откуда же, за чей счет рос тогда «общий накал» революционной борьбы?

Вторая революционная ситуация не переросла в революцию главным образом из-за слабости массового движения, из-за отсутствия революционного *класса*, способного поднять массы и повести их за собой. Именно слабость массового движения, с одной стороны, объективно выдвигала тогда революционную *партию* (народовольцев) как решающую силу, а с другой стороны, обрекала ее, лишая поддержку масс, на поражение.

Как партия «Народная воля» сделала в условиях 1879—1881 гг. максимум возможного. «Пути, которыми шли народовольцы, были неверны, эти пути не вели к победе, но других путей для эпохи 70-х годов не было и быть не могло», — так определила историческую трагедию «Народной воли» Э. Б. Генкина¹³². С. С. Волк считал такое определение «несостоятельным» и назвал «другой путь», сославшись при этом на В. И. Ленина: «Задача подлинно революционной партии, подчеркивал Ленин, — не устройство заговоров, а *организация классово-борьбы пролетариата и руководство этой борьбой*»¹³³. В. И. Ленин, однако, говорил это в 1899 г. по адресу социал-демократии¹³⁴. Переадресовывать ленинское указание «Народной воле» 1879—1881 гг. — значит грешить против историзма. Сами народовольцы в 1879 г. обоснованно заявили как бы в назидание некоторым историкам: «Пропаганда идеально полезных способов действия на практике может быть крайне вредна, если они в настоящее время совершенно немыслимы»¹³⁵.

* * *

После 1 марта 1881 г. «Народная воля» отступала и гибла под ударами царизма, но усилиями многочисленных последователей вновь и вновь восстанавливала (в

---

¹³² Генкина Э. Б. Ленин о революционном народничестве и народовольчестве. — В кн.: Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». М., 1931, с. 165.

¹³³ Волк С. С. «Народная воля», с. 249.

¹³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 183.

¹³⁵ Литература партии «Народная воля», с. 3.

той или иной степени) свои силы и связи. К весне 1883 г. в результате дегаевщины она, казалось, была разгромлена до основания. Но минуло каких-нибудь полтора года, и народовольцы успели восстановить или завести обширную сеть связей. Конспиративные записки, отнятые при обыске в октябре 1884 г. у Г. А. Лопатина, Н. М. Саловой и Н. П. Стародворского, дали властям нить к массовым арестам народовольцев в 31 городе (включая Петербург, Москву, Киев, Минск, Тифлис, Воронеж, Саратов, Дерпт, Ярославль, Екатеринбург, Томск), а также в станице Урюпинской на Хопре, с привлечением к дознанию 300 человек¹³⁶. Это был разгром революционных сил, почти равный дегаевскому. Но, пока готовился с 1884-го до 1887 г. «лопатинский» процесс («21-го»), Б. Д. Оржих, Б. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг и др. воссоздали сильную Южно-русскую организацию «Народной воли» с центрами в Екатеринославе, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске¹³⁷, а в Петербурге сложилась так называемая «Террористическая фракция партии «Народная воля»» во главе с А. И. Ульяновым и П. Я. Шевыревым.

Гибель организаций Б. Д. Оржиха и А. И. Ульянова тоже еще не означала конца «Народной воли». В 1888—1889 гг. усилиями народовольцев, среди которых первую роль играла С. М. Гинсбург, был восстановлен петербургский центр партии¹³⁸, а в 1889—1890 гг. М. В. Сабунаев и другие образовали многолюдную сеть народовольческих кружков в Поволжье (Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Казань)¹³⁹. В начале 90-х годов прямыми наследниками «Народной воли» выступили петербургская «Группа народовольцев» (1891—1896 гг.) и партия «Народного права» (1893—1894 гг.)¹⁴⁰.

---

¹³⁶ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, лл. 33—41 (жандармская копия записок Г. А. Лопатина).

¹³⁷ Шехтер-Минор А. Н. Южно-русская народовольческая организация.— В кн.: Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928.

¹³⁸ Фрейфельд Л. В. Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов.— В кн.: Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929.

¹³⁹ К истории сабунаевской революционной организации 1889—1890 гг.— В кн.: Народовольцы. М., 1931, сб. 3.

¹⁴⁰ Широкова В. С. Партия «Народного права». Саратов, 1972.

О том, что размах народолюбивого движения после 1881 г., хотя и неуклонно из года в год (с малыми колебаниями) убывал, но все же до конца десятилетия оставался значительным, говорят данные жандармских дознаний, которые в начале 1930-х годов исследовала И. И. Ракитникова (ее рукопись, оставшаяся неопубликованной, хранится в ЦГАЛИ). Число кружков «Народной воли», раскрытых дознаниями с 1 июля 1881 г. по 1890 г., составляло:

1881—31	1886—32
1882—43	1887—25
1883—35	1888—16
1884—47	1889— 8
1885—45	1890—10 ¹⁴¹

Показательны и сводные данные Департамента полиции за те же годы о числе мест (главным образом городов), в которых производились дознания о «Народной воле»:

1881—40	1886—29
(VII—XII)	
1882—52	1887—19
1883—48	1888—24
1884—44	1889—16
1885—41	1890—26 ¹⁴²

В этой связи нельзя не пожалеть о том, что история «Народной воли» после 1881—1882 гг. (особенно же после 1884 г.) остается до сих пор чуть ли не *tabula rasa*. Авторы монографий, прямо или косвенно посвященных «Народной воле», ставят точку на 1881¹⁴³, 1882¹⁴⁴ или, в лучшем случае, 1884 г.¹⁴⁵

До тех пор, пока не началось массовое рабочее движение во главе с социал-демократией (то есть примерно

¹⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 56, л. 43.

¹⁴² Там же, л. 32.

¹⁴³ Антонов В. Ф. Революционное народничество. М., 1965.

¹⁴⁴ Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М.—Л., 1966

¹⁴⁵ Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. Монография В. А. Твардовской об идеологии «Народной воли» (Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969), как явствует из ее названия, тоже не выходит за хронологические рамки начала 80-х годов.

до середины 90-х годов), народовольцы среди русских революционеров преобладали. Общее число всех социал-демократических организаций в России за 1883—1893 гг. составляло 54 (включая 11 кружков и групп смешанного типа) в 30 географических пунктах¹⁴⁶, тогда как народовольческих организаций, только раскрытых жандармами в 1883—1890 гг., по данным И. И. Ракитниковой, было 218, не менее, чем в 100—150 географических пунктах. Если учесть к тому же особый характер деятельности народовольцев, станет ясно, почему царизм в течение 80-х и начала 90-х годов считал врагом № 1 именно «Народную волю» и против нее, главным образом, нацеливал свою карательную политику. «Полиция, власти, — вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, — считали тогда опаснее представителей народовольчества, идущих на насилье, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор Департамента полиции Зволянский»¹⁴⁷.

Законодательным прикрытием для «белого террора» 80-х годов служило «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (иначе — «Положение об охране») от 14 августа 1881 г. Принятое как чрезвычайная мера на три года, оно затем каждый раз по истечении срока возобновлялось — вплоть до крушения царизма. В оценке В. И. Ленина это и была «фактическая российская конституция»¹⁴⁸. Она открывала широчайшие возможности для узаконения карательных беззаконий. Однако в способах подавления, которые царизм практиковал после 1881 г., не прибавилось ничего нового по сравнению с репрессиями 1879—1881 гг., так же, впрочем, как и не убавилось ничего старого. По-прежнему царизм применял против революционеров (народовольцев, в первую очередь) *все* способы подавления с той лишь разницей, что если в 1879—1881 гг. ему приходилось метаться от постоянных законов к исклю-

¹⁴⁶ История КПСС в 6-ти т. М., 1964, т. 1, с. 594—596.

¹⁴⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1956, т. 1, с. 27; Крупская Н. К. Лидия Михайловна Книпович. М., 1932, с. 13.

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 114.

чительным и придумывать время от времени какие-то новые чрезвычайные карательные органы (военные суды, временных военных генерал-губернаторов, Верховную распорядительную комиссию), то с 14 августа 1881 г. он мог чинить расправу более уверенно и стабильно, поскольку теперь к его услугам было всеобъемлющее руководство по репрессиям, своего рода карательная «конституция».

Началом всех начал в борьбе с «крамолой» оставался неусыпный полицейский надзор. Он удивлял и пугал современников своими масштабами, точно определить которые едва ли возможно. С одной стороны, официальные власти называли явно заниженные цифры. Например, к 1 января 1880 г. по ведомости Верховной распорядительной комиссии в стране насчитывалось 6790 политических поднадзорных¹⁴⁹. С другой стороны, иные неофициальные данные выглядят завышенными. Так, генеральша А. В. Богданович в том же 1880 г. свидетельствовала (ссылаясь на члена Верховной распорядительной комиссии М. И. Батянова!): «теперь во всей России находятся 400 тыс. человек под надзором полиции»¹⁵⁰.

Разнузданный надзор влек за собой эпидемию доносов, которые стекались в Департамент полиции отовсюду, не только по принуждению, как в сатире А. К. Толстого «Сон Попова»¹⁵¹, но и добровольно. «Доносят по злобе, по неудавшейся любви, доносят спьяна и т. д.», — писала газета «Народная воля»¹⁵². Агент-контрразведчик «Народной воли» Н. В. Клеточников, прослуживший 734 дня в недрах царского сыска, не боялся преувеличить, когда заявил на суде: «Меня просто поразило число ложных доносов. Я возьму громадный процент, если скажу, что из ста доносов один оказывается верным. А между тем, почти все эти доносы влекли за собой арест, а потом и ссылку»¹⁵³.

---

¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 410, л. 9 об.

¹⁵⁰ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.—Л., 1924, с. 33.

¹⁵¹ См. с блеском написанные 30—35 строфы сатиры: Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х т. М., 1963, т. 1, с. 441—443.

¹⁵² Литература партии «Народная воля», с. 31.

¹⁵³ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906, с. 63.

Аресты (а в особенности, обыски, которые почти всегда предшествовали арестам) в 80—90-е годы действительно наводнили Россию. Правительство щедро оплачивало арест любого более или менее известного народовольца. Г. П. Судейкин получил 15 000 руб. за арест члена ИК М. Ф. Грачевского 5 июня 1882 г. и 5000 руб. за арест народоволки Л. А. Волкенштейн 30 октября 1883 г. Полковник В. Д. Новицкий за то, что он 4 марта 1884 г. арестовал народовольцев М. П. Шебалина и П. Ф. Шебалину, был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени и премии в 3000 руб. Полковнику С. С. Секеринскому за арест 18 января 1886 г. народовольца С. А. Иванова были пожалованы орден Святого Владимира 4-й степени и 3000 руб. За аресты 1 марта 1887 г. в Петербурге тот же Секеринский получил орден Св. Станислава 2-й степени, штатные чины охранки — 2750 руб. и филеры — 3000 руб. Кроме того, царь лично выплатил каждому филеру по 1000 руб.¹⁵⁴

В погоне за наградой жандармы старались обыскивать и арестовывать как можно больше людей, понимая, что с ростом числа арестованных растут и шансы изловить в этом числе хотя бы одного искомого революционера. «Нередко в постановлениях об аресте писали: «Арестовать впредь до выяснения причин ареста», — вспоминал современник. — Значит арестовывали не потому, что собраны какие-либо улики, а для того, чтобы собрать эти улики»¹⁵⁵. Разумеется, в обстановке всеохватывающего надзора и неисчислимых доносов, каждый из которых мог привести к обыску и аресту, народовольцам трудно было действовать, тем более, что и надзор, и доносы нацеливались именно против них. Однако не надзор и не доносы, рассчитанные большей частью «на авось», представляли главную опасность для «Народной воли». Гораздо опаснее были ловушки, которые царизм подстраивал народовольцам руками многочисленных и к тому же специально выдрессированных агентов — шпионов и провокаторов.

---

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1894, д. 240, лл. 291—292 (сведения о наградах за аресты народовольцев обнаружены и сообщены мне В. В. Широковой).

¹⁵⁵ Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940, с. 175.

Колыбелью тайной полиции считается Франция. Именно французская охранка стала образцом для аналогичных учреждений как на Западе, так и в России. Время Второй империи во Франции явило собой «золотой век» контрреволюционной провокации. Но в 1880-е годы царизм превзошел провокационные достижения Второй империи. «Нигде, ни в одном европейском государстве, — справедливо замечали французский социалист Жан Лонге (внук Маркса) и русский эмигрант Георгий Зильбер, — ядовитый цветок провокации не распустился с такой пышностью, как на благоприятной почве русского царизма»¹⁵⁶.

Начало пышного «цветения» провокации в России относится к послемартовской реакции 80-х годов. В 1879—1881 гг. этот «ядовитый цветок» еще не расцвел — в немалой степени потому, что тогда царских шпионов и провокаторов систематически разоблачал Н. В. Клеточников, служивший для «Народной воли» своеобразным щитом и громоотводом¹⁵⁷.

После ареста Клеточникова «Народная воля» уже не могла обезвреживать шпионаж и провокации царизма с прежним успехом. Зато царизм стал действовать в этой области гораздо успешнее. Сказалось не только и даже не столько устранение Клеточникова, сколько два других обстоятельства.

Во-первых, царизм обогатился должным опытом. Мало того, что он отточил оружие провокации в трудной борьбе с русскими революционерами. Ему помогло и усвоение карательного опыта иностранных правительств. М. Т. Лорис-Меликов изучал «Исключительный закон» Бисмарка и справлялся у немецкого посла о средствах борьбы с революционным движением в Германии¹⁵⁸, а Н. П. Игнатьев пользовался в устройстве ловушек против народовольцев советами многоопытного префекта париж-

---

¹⁵⁶ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1924, с. 13.

¹⁵⁷ См. о нем: Троицкий Н. А. Подвиг Николая Клеточникова. — Прометей, 1972, № 9. В. И. Савченко (автор документальной повести о Клеточникове «Гайна клесчатой тетради») подсчитал, что Клеточников обезвредил больше 300 агентов (Савченко В. Контрразведчик революции. — Смёна, 1978, № 1, с. 19).

¹⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 866, оп. 1, д. 91, л. 1—12.

ской полиции Л. Андриё¹⁵⁹. С той же целью профессор полицейского права И. Е. Андреевский был командирован в Лондон, Париж, Берлин и Вена¹⁶⁰.

Во-вторых, царское правительство вышколило кадры подлинных мастеров шпионажа, которые научились распознавать в отдельных участниках или (гораздо чаще) попутчиках революционного движения потенциальных провокаторов, искусно их вербовать и руководить ими. Такие мастера добивались в сыске и провокациях крупных удач. Начальник Петербургского ГЖУ А. В. Комаров, например, «заагентурил» столь незаурядных провокаторов, как В. А. Меркулов и И. Ф. Окладский. Еще большим приобретением петербургской охраны стал провокатор, а впоследствии (1905—1909 гг.) начальник русской тайной полиции за границей Авраам Геккельман (он же Ландезен, Петровский, Бэр и генерал фон-Гартинг), который был завербован из сотрудников «Народной воли» в марте 1883 г.¹⁶¹ и за 80—90-е годы провалил ряд нелегальных явок, типографий, целых кружков.

Очень многолюдной и деятельной была сыскная агентура московской охраны. В Москве (а также в Харькове и Ростове-на-Дону) подвизался матерый провокатор 80-х годов С. К. Белов¹⁶². Позднее (1887 г.) в Москве же был «заагентурен» из попутчиков «Народной воли» и с 1 января 1889 г. прикомандирован к охранному отделению знаменитый С. В. Зубатов¹⁶³.

Словом, шпионаж и провокации царизма с первых же лет правления Александра III разрослись как никогда. Появилась фаланга мастеров сыска, вокруг которых кишели рядовые сыщики, подмастерья. Центральной фигурой этого сыскного полчища был Георгий Порфирьевич Судейкин, который затмевал своими успехами всех остальных сыщиков, вместе взятых:

---

¹⁵⁹ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 394.

¹⁶⁰ Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России, с. 109.

¹⁶¹ Падение царского режима. М.—Л., 1927, т. 7, с. 322.

¹⁶² См. о нем: Кантор Р. М. Провокатор Степан Белов.— Каторга и ссылка, 1924, № 3.

¹⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 147 (Справка об агентурной деятельности и службе С. В. Зубатова).

Умный, предприимчивый, честолюбивый и беспринципный Судейкин с начала 70-х годов служил в Киевском ГЖУ, отличился (с помощью искусных провокаций) в раскрытии революционных кружков Юга, был приглашен в столицу и весной 1881 г. стал заведовать агентурой петербургской охранки. До конца 1882 г. он успел причинить большой урон «Народной воле». Самым крупным его успехом той поры была облава, устроенная в Петербурге с 4 на 5 июня 1882 г., после того, как его агенты выследили динамитную лабораторию ИК. В ту ночь жандармы арестовали сразу 120 человек, в числе которых оказались два члена ИК — М. Ф. Грачевский и А. П. Корба, — а также десятки рядовых народовольцев¹⁶⁴. Но Судейкин метил на большее. Он настойчиво плел сеть провокации вокруг «Народной воли», рассчитывая проникнуть в центр партии и развалить ее изнутри до основания. Для этого требовался не петербургский только, а всероссийский масштаб розыскной деятельности. В конце 1882 г. таковой был доверен Судейкину.

3 декабря 1882 г. Александр III утвердил «Положение об устройстве секретной полиции в империи». Оно вводило должность инспектора секретной полиции для руководства политическим розыском по всей России¹⁶⁵. Первым инспектором и был назначен Судейкин. Именно в этой роли он содейл самую грандиозную в России XIX века (а может быть, и в истории царского сыска вообще¹⁶⁶) провокацию, известную как «дегаевщина», хотя точнее было бы называть ее «судейкинщиной»¹⁶⁷.

С. П. Дегаев — артиллерийский штабс-капитан, член Военного центра «Народной воли», деятельный и пыл-

---

¹⁶⁴ Прибылев А. В. Записки народовольца. М., 1930, с. 47—48.

¹⁶⁵ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 977, л. 9—12 («Положение об устройстве секретной полиции в империи» и «Инструкция инспектору секретной полиции»).

¹⁶⁶ Еще более сенсационная «азефовщина» 1902—1908 гг. по размерам вреда, причиненного революционному движению, думается, уступает дегаевщине. С. П. Дегаев вызвал опустошение в рядах партии, которая была главной силой движения, тогда как Е. Ф. Азеф опустошал ряды партии (эсеров), в горостепенной, сравнительно с партией социал-демократов.

¹⁶⁷ Подробно см.: Троицкий Н. А. Дегаевщина.— Вопросы истории, 1976, № 3.

кий, но идейно и нравственно неустойчивый, бывший до 1 марта 1881 г. (пока во главе «Народной воли» стоял «Великий ИК») в тени, после 1 марта по недостатку в лидерах стал выдвигаться на первый план. К моменту ареста (20 декабря 1882 г.) он вместе с Верой Фигнер фактически стоял у руля «Народной воли» и уже как один из лидеров партии попал в руки Судейкина. Проницательный сыщик быстро смекнул, что по натуре Дегаев — такой же, как и он, беспринципный честолюбец. Играя на слабостях Дегаева и козыряя перед ним своей силой, Судейкин морально выпотрошил его и прельстил поистине сатанинским планом: Дегаев должен был при содействии жандармской охраны устранить старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором стал бы диктатором: затем Судейкин и Дегаев вдвоем, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охраны), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой¹⁶⁸.

После того, как 14 января 1883 г. Судейкин устроил Дегаеву фиктивный побег из-под стражи, Дегаев четыре месяца авторитетно вращался в «Народной воле» и выдавал Судейкину ее планы, связи, кадры. Прежде всего провокатор выдал Военный центр партии, а вслед за ним все местные военные группы. Арестованы были 200 офицеров. Те же, кто уцелел, потеряли веру в жизнеспособность народовольчества и отошли от него. В результате от Военной организации «Народной воли» не осталось камня на камне. Жертвами дегаевщины стали и десятки «штатских» народовольцев, в том числе Вера Фигнер — последний член ИК, еще остававшийся в России на свободе.

Казалось, все идет по плану Судейкина и Дегаева. Но Дегаев понял, что, кроме незавидной роли жандармской ищейки, ему на поводу у Судейкина рассчитывать не на что. Между тем его стал мучить страх перед возможным разоблачением и мезтью со стороны народовольцев, которые, как он хорошо знал об этом, умели

---

¹⁶⁸ Дегаевщина (материалы и документы). — Былое, 1906, № 4, с. 31—32.

расправляться с предателями¹⁶⁹. Поэтому в мае 1883 г., будучи по делам охраны в Париже, он покаялся там перед заграничным представителем ИК Л. А. Тихомировым, купил у него себе жизнь ценой убийства Судейкина, вернулся к Судейкину уже как агент ИК и 16 декабря 1883 г. заманил шефа охраны к себе в квартиру, где его прикончили народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Кошашевич¹⁷⁰.

Дегаевщина (это, как выразился И. М. Гревс, «полицейско-революционное кровосмешение»¹⁷¹) — не единственный шедевр карательной изобретательности царизма 80-х годов. Другим такого же рода шедевром была пресловутая «Святая (или «Священная», как ее иначе называют) дружина». Она сформировалась летом 1881 г. под впечатлением цареубийства 1 марта и действовала до начала 1883 г. как *тайное* общество искоренения крамолы — с видимым расчетом клин вышибать клином. Составили ее 729 персон, преимущественно из высших сфер: два, если не четыре, брата царя (великие князья Алексей и Владимир, а возможно еще Сергей и Павел), министр двора И. И. Воронцов-Дашков, начальник штаба Петербургского военного округа П. А. Шувалов, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, будущие председатели Совета министров С. Ю. Витте и Б. В. Штурмер, 54 генерала и адмирала, «короли» прессы, дипломаты, банкиры, «зубры» купечества, светские хлыщи¹⁷². Приглашали туда и главную военную знаменитость эпохи, «белого генерала» М. Д. Скобелева, но он отказался, заявив, что присягнул не вступать ни в какие тайные общества¹⁷³.

Специально для «наружной охраны священной особы

---

¹⁶⁹ За предательство и шпионаж народники только в 1878—1881 гг. казнили Н. Шарашкина, Г. Финогенова, А. Никонова, Т. Курилова, Н. Рейнштейна, В. Барановского, А. Жаркова, С. Прейма.

¹⁷⁰ Дегаев сразу после убийства Судейкина как в воду канул. Позднее выяснилось, что он уехал в США, где сделал по-американски сенсационную карьеру от грузчика до профессора математики. Там и умер в 1920 г. (Генкин И. Предатель С. П. Дегаев в Америке.— Каторга и ссылка, 1933, № 9).

¹⁷¹ Гревс И. М. В годы юности.— Былое, 1918, № 12, с. 47.

¹⁷² Ср.: Сенчакова Л. Т. «Священная дружина» и ее состав.— Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1967, № 2; Лемке М. К. Святая дружина.— ИРЛИ РО, ф. 661, д. 16, ч. 34, л. 1628.

¹⁷³ Литература партии «Народная воля», с. 179.

государя императора» «Дружина» завела вспомогательную лигу под названием «Добровольная охрана», члены которой только в Москве составляли целую армию — 14 915 человек¹⁷⁴. Сама «Дружина» охраной царя не занималась. Она рассчитывала запустить свои шупальца в революционный лагерь и дезорганизовать его. Поскольку же необходимой для этого сыскной квалификации она не имела, то действовала на авось: всюду шпионила, всех подозревала, причисляла к народовольцам от избытка подозрительности даже бесконечно далеких от них людей, вроде царского лейб-медика С. П. Боткина. Очень богатая деньгами, она обзавелась громадным фондом в 300 тыс. руб. для расходов на агентурные нужды, устроила свои отделения почти в 30 городах страны и три заграничные агентуры — в Париже, Берлине, Вене¹⁷⁵.

«Святая дружина» была энергичной, но бестолковой. Она путалась в ногах Департамента полиции, норовя превзойти его, флиртовала с аферистами, которые продавали ей за крупные суммы давно известные, а то и выдуманные «секреты»¹⁷⁶. Тайна самой «Дружины» скоро открылась и стала притчей во языцех. Щедрин высмеивал ее в «Письмах к тетеньке» как «Союз недремлющих лоботрясов»¹⁷⁷. К тому же коноводы «Дружины» не ладили с К. П. Победоносцевым. «Русский папа» в письме от 23 ноября 1882 г. припугнул и без того затравленного царя опасностью заговора против него внутри слишком разросшейся и обнаглевшей «Дружины»¹⁷⁸. Судьба «Дружины» была решена. Уже 26 ноября того года царь повелел распустить ее, и началась ликвидация дел «Дружины», затянувшаяся до января 1883 г.¹⁷⁹

¹⁷⁴ ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 71, д. 466, л. 72.

¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 1574, л. 82, 216 (памятная записка о целях и средствах «Святой дружины»).

¹⁷⁶ Так, агент «Дружины» И. Н. Климов дознался и сообщил в Департамент полиции, что вожаками нигилизма в Женеве являются «Софья Бырдина» и «Ебедиям». Пришлось разъяснять агенту, что речь идет о С. И. Бардиной и М. К. Элпидине, давно известных Департаменту (З а с л а в с к и й Д. О. «Взволнованные лоботрясы». М., 1931, с. 75).

¹⁷⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 14, с. 362.

¹⁷⁸ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925, т. 1, с. 396.

¹⁷⁹ Общество «Священной дружины» (отчетная записка за 1881—1882 гг.). — Красный архив, 1927, т. 2, с. 206.

В условиях, когда царизму пришлось мобилизовать против «крамолы» все средства и силы, вплоть до «недремлющих лоботрясов», он не мог не призвать на помощь и свою верную союзницу — церковь.

Во-первых, «святые отцы» должны были освящать авторитетом своего сана и божьего имени законность расправы с революционерами. Поп с крестом на эшафоте как бы облагораживал и оправдывал палача с веревкой. Характерно, что инструкция о порядке исполнения смертных приговоров, принятая в 1879 г., обязывала священника шествовать вслед за осужденным на казнь рядом с палачом¹⁸⁰.

Во-вторых, церковь была призвана вести рука об руку с государством всероссийскую кампанию черносотенной пропаганды против революционного лагеря с целью его изоляции и осрамления. Ради этого Синод и предписал 8 мая 1881 г. возгласить по всем церквам империи особую ектенью «О еже помянути грехов и беззаконий наших и потребити от нас все неистовые крамолы супостатов, господу помолимся»¹⁸¹. Такого рода общероссийский молебен был затеян впервые после благодарной ектеньи всевышнему по случаю расправы с декабристами в июле 1826 г.¹⁸² Теперь, с мая 1881 г. молитвы «против крамолы» стали постоянным компонентом литургии до конца царизма¹⁸³. «Крамola» проклиналась в них, как самая страшная ересь и наихудшее зло. Архиепископ херсонский Платон возглашал, например, что террор «Народной воли» «гораздо хуже» и опаснее «нашествия галлов» 1812 г.¹⁸⁴.

Итак, царизм боролся против «Народной воли» изо всех сил и всеми средствами. В условиях второй революционной ситуации вся его внутренняя политика свелась к массивированной обороне самодержавного режима и сохраняла свое полицейское назначение еще долго после того, как прямая опасность для самодержавия ми-

---

¹⁸⁰ Ущерович С. С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 164.

¹⁸¹ Церковный вестник, 1881, № 22, с. 1.

¹⁸² Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905, т. 1 (Декабристы), с. 467.

¹⁸³ Фалеев Н. И. Россия под охраной. — Былое, 1907, № 10, с. 16.

¹⁸⁴ Херсонские губернские ведомости, 1880, 27 февраля.

новала (до следующей революционной ситуации). Каза-лось, «все творческие функции великой страны были обращены на одну охрану»¹⁸⁵. А ведь царизм вел борьбу с народовольцами и за пределами своей страны, тщаьсь обратить в свою пользу «творческие функции» других стран.

Важным орудием этой борьбы была для царизма его заграничная агентура, которая следила (иногда совме-стно с полицейскими властями заинтересованных стран) за русскими революционерами-эмигрантами и через по-средство такой слежки старалась проникнуть в тайны ре-волюционного подполья в самой России, устраивала про-вокации, рассчитанные на то, чтобы восстановить против «нигилистов» мировую общественность. До 1883 г. по-стоянной агентуры за границей царизм не имел, довольст-вуясь услугами отдельных агентов, которые иной раз скандально проваливались и компрометировали царское правительство перед Европой, как это было в деле Трох-гейма 1880 г. (симуляция покушения на царскую яхту¹⁸⁶). С 1880 г., когда «Народная воля» начала склонять на свою сторону мировое общественное мнение, воздейст-вуя на него и своим героическим примером, и прямой апелляцией к нему, царизм настойчиво пытался устроить за границей агентурный стационар, но только в июне 1883 г. основал, наконец, дееспособную постоянную за-граничную агентуру, которая и функционировала до по-следних дней царского режима¹⁸⁷.

Центрами заграничной агентуры стали два города, каждый из которых являлся средоточием русской рево-люционной эмиграции,— Париж и Женева. Кроме того, в зону особой активности агентуры входили Лондон, Бер-лин, Вена, Бухарест.

В течение 18 лет (с весны 1884-го по 1902 г.) заведо-вал агентурой П. И. Рачковский. С его именем связаны крупные диверсии против народовольческой «крамолы». Так, в ночь на 20 ноября 1886 г. он организовал налет на

---

¹⁸⁵ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М., 1955, т. 7, с. 197.

¹⁸⁶ Лейкина В. Р. Покушение на царскую яхту.— Каторга и ссылка, 1931, № 3.

¹⁸⁷ Подробно см.: Вахрушев И. С. Русские революционеры и заграничная охранка царизма в 70—80-х годах XIX в.— Освободи-тельное движение в России. Саратов, 1978, № 8.

типографию «Народной воли» в Женеве, увенчавшийся полным разгромом типографии: истреблены более 6 тыс. экземпляров изданий, рассыпан весь набор и — по улицам города — до 6 пудов шрифта. Сообщая о подробностях налета в Департамент полиции, Рачковский хвастался «необычайностью дела, не имевшего до сих пор примера в практике какой-либо из европейских политических полиций»¹⁸⁸. В 1890 г. по материалам Рачковского правительство Франции, чтобы угодить царизму и подтолкнуть его к заключению франко-русского союза, арестовало целую группу эмигрантов-народовольцев. На этом основании Департамент полиции признавал за Рачковским «известную роль в деле укрепления дружественных отношений России с Францией»¹⁸⁹.

Такого рода «дружественными отношениями» царизм был бы рад скрепить усилия европейских правительств для преследования народовольцев по всему континенту. Сразу после 1 марта 1881 г. он попытался было созвать «антинигилистическую» конференцию держав Европы для выработки общего плана действий против «Народной воли», а когда эта затея из-за уклончивости Италии, Франции и Англии сорвалась¹⁹⁰, встал на путь заключения двусторонних договоров о взаимной выдаче политических преступников. К 1885 г. царизм заключил такие договоры с Германией, Австро-Венгрией, Румынией и настойчиво побуждал к тому же другие страны. «...Русское правительство, — отметил в январе 1885 г. Ф. Энгельс, — пускает в ход все средства, чтобы заключить с западно-европейскими государствами соглашения о выдаче русских революционеров-эмигрантов»¹⁹¹.

Задуманная царизмом общеевропейская система преследования и взаимной выдачи политических преступников, которая превратила бы весь континент в громадную ловушку для «нигилистов», не удалась. «Антинигилистическая» цепь держав, связанных двусторонними соглашениями с Россией, недосчитывала три главных зве-

---

¹⁸⁸ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1887, д. 412, л. 5.

¹⁸⁹ Карьера П. И. Рачковского. Документы. — Былое, 1918, № 2, с. 79.

¹⁹⁰ См. об этом: Тарле Е. В. Кн. Бисмарк и царубийство 1 марта 1881 г. (Соч. в 12-ти т. М., 1961, т. 11).

¹⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 195.

на, три очага русской политической эмиграции — Англию, Францию и Швейцарию. Тем не менее часть своего замысла царизм реализовал. Кроме Германии, Австро-Венгрии и Румынии, согласившихся выдавать России не только царубийц, но и вообще всех террористов, такие державы, как Бельгия (17 августа 1881 г.), Монако (24 августа 1883 г.), Португалия (28 апреля 1887 г.), а еще ранее Испания (9 марта 1877 г.) и Нидерланды (1 августа 1880 г.) договорились с Россией взаимно выдавать людей, причастных к царубийствам¹⁹².

Итак, царизм использовал для выслеживания и вылавливания народовольцев средства всех разновидностей и масштабов. Когда же уличенный или только заподозренный в принадлежности к «Народной воле» попадался карателям, его ждала жестокая расправа. Вершилась она и в судебном, и в административном порядке.

Административным (без привлечения к суду) наказаниям подвергались те из арестованных, против кого не доставало (а то и вовсе не было) улики. Такими наказаниями служили, как правило, либо отдача под гласный полицейский надзор, либо ссылка — «на родину» (то есть по месту жительства), в северные губернии и (с 1878 г. — чаще всего) в Сибирь, от мест «не столь отдаленных» до «отдаленнейших»¹⁹³.

Масштабы административной ссылки ужасали современников¹⁹⁴, хотя точно определить их нельзя. Официальные данные на этот счет явно занижены — и намеренно, как подметил С. М. Кравчинский, «из нежелания правительства признать всю меру своего позора», и невольно, из-за того, что переизбыток властей, правомочных распоряжаться ссылкой, мешал правительству учесть все его жертвы¹⁹⁵. Кравчинский же, ссылаясь на документы, бывшие в его распоряжении, утверждал, что в 1880 г. число

---

¹⁹² Все перечисленные договоры опубликованы в ПСЗ.

¹⁹³ Подробно об административной ссылке в России 1860—1890-х годов см.: Троицкий Н. А. Безумство храбрых. М., 1978, гл. 1, § 3.

¹⁹⁴ «Сия яма так переполнена, что сто лет ее чисти — опять на сто лет останется», — ропсал на административную ссылку М. Е. Салтыков-Щедрин (Полн. собр. соч., т. XIX, с. 219). С. М. Кравчинский называл ее «чумой, опустошавшей русскую землю» (Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964, с. 189).

¹⁹⁵ Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч., с. 235—236.

лиц, административно высланных за «политику», достигло в России 3 тысяч, а за следующие пять лет удвоилось¹⁹⁶. Административный порядок был; конечно, самым распространенным способом расправы царизма с народо-вольцами. Самым распространенным, но не главным.

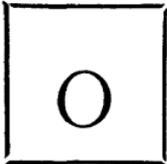
Административная расправа чинилась над людьми, которые были мало или совсем не уличены в революционных делах; они чаще всего имели лишь косвенное, иногда случайное отношение к движению, а то и вообще не имели к нему никакого отношения. Разумеется, были исключения, когда жандармские власти не находили улики, достаточных для предания суду, и против активных революционеров, ссылали их в административном порядке. Так, в числе административно сосланных оказались и несколько видных народо-вольцев (В. А. Жебунев, В. С. Лебедев, С. В. Мартынов, И. И. Попов, В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг). Но, как правило, активные революционеры шли под суд. Не только по составу подсудимых и общественной значимости судебных дел, но и в том отношении, как царизм готовил каждое судебное разбирательство, какое место в ряду возможных репрессий ему отводил и какие надежды с ним связывал, — главную роль в карательной политике царизма 80-х годов играли судебные процессы.

«Народная воля» на них доминировала. Начиная с середины 1880-го и по 1890 г. царизм, по моим подсчетам, устроил 110 судебных процессов против русских революционеров. Из них только на 35 (причем менее важных) не судились народо-вольцы. Все остальные процессы целиком или частично были народо-вольческими.

---

¹⁹⁶ Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч., с. 236.

Судебные процессы «Народной воли»
в годы революционной ситуации
(1879—1882)

пыт политических процессов 70-х годов (в особенности, так обесславивших царизм, как процессы «50-ти», «193-х», Веры Засулич) заставил карателей усомниться в целесообразности суда над революционерами.

В 80-е годы верхи, включая самого царя, считали, что в «guerre á mort» с крамолой весь ритуал судопроизводства, позволяющий «нигилистам» и цареубийцам проповедовать их разрушительные идеи, — лишняя и вредная для правительства роскошь. Александр III выражал такой взгляд с присущей ему циничной прямо-той. Еще в 1881 г. незадолго до суда над первомайцами, он заявил М. Т. Лорис-Меликову: «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли, наконец, всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления»¹. Этому взгляду царь уже не изменял. Известна его резолюция, начертанная на докладе гр. Д. А. Толстого об аресте вторых первомайцев: «По-моему, лучше было бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума² отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание»³.

Против соблюдения законности судопроизводства (особенно по отношению к цареубийцам) настроены были и придворные круги, и официозная пресса. Небезызвестная генеральша А. В. Богданович в ожидании процесса первомайцев возмущалась: «Это просто коме-

¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966, т. 2, с. 142.

² Вот что пугало царя в политических процессах — «шум», который они вызывали.

³ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927, с. 360.

дия — судить этих людей. Их надо без суда наказать!»⁴. Не по-женски яростно негодовала по этому поводу и влиятельная при дворе фрейлина А. Ф. Тютчева (дочь Ф. И. Тютчева и жена И. С. Аксакова): «Все это показное соблюдение юридических норм и законного беспристрастия, проявленное по отношению к этим висельникам, имеет в себе что-то искусственное, фальшивое, карикатурное...». По мнению А. Ф. Тютчевой, сама справедливость должна была в данном случае «снять повязку, бросить весы и вооружиться мечом»⁵. Глава придворной партии К. П. Победоносцев был настроен подобным же образом. Он питал вообще ко всей судебной реформе такое отвращение, что после 1864 г. (как он сам признался в этом министру юстиции Д. Н. Набокову) «дал себе слово не ставить ног в новые судебные учреждения»⁶. Не зря именно к нему адресовались и бережно им хранились палаческие откровенности вроде опуса того анонима, который с равной злобой проклинал и «пса Желябова», и «суку Перовскую», и всю затею суда над ними как «юродивую и уродливую комедию»⁷.

Проклятьям анонимного клеветы Победоносцева вторил (в более литературных выражениях, конечно) хор официозной прессы, в котором солировали М. Н. Катков и И. С. Аксаков. Оба они буквально издевались над процессуальными нормами судопроизводства. «Судится важный государственный преступник, участник убийств и подкопов, узнать имя которого в высшей степени нужно, — горячился Аксаков. — Но едва он успел раскрыть рот для ответа, как судья с извиняющейся любезностью спешит остановить его словами: «Вы можете и не отвечать, можете, если хотите, утаить правду»⁸. Катков предостерегал судебный синклит от процессуаль-

---

⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник, с. 52. Впрочем, генеральше мало и казни. «Говорят, их повесят в пятницу, — записывает она в дневнике, несколько дней спустя, — дай бог, чтобы попытали» (Там же, с. 53. Выделено мной. — Н. Т.).

⁵ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник (1855—1882). М., 1929, с. 229, 230.

⁶ Перетц Е. А. Дневник (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 55.

⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.—Пг., 1923, т. 1, ч. 1, с. 214, 215.

⁸ Русь, 1881, 12 марта.

ного «миндальничания», требуя такой жестокости к подсудимым, «чтобы смерть их принизила, а не возгордила их единомышленников», ставил в пример судьям дело террориста И. О. Млодецкого, которого без церемоний судили, приговорили и казнили в один день; наконец, уверял своих читателей (и подсказывал тем самым правительству), что, так как подсудимые признали себя виновными, а вина их ужасна, то «весь этот парад» (суд, стало быть) попросту ни к чему⁹.

Однако решиться на прямую отмену своей же собственной, угодливо воспетой в России и уважительно одобренной на Западе, судебной реформы царизм не мог, а до тех пор, пока сохраняли силу судебные уставы 1864 г., приходилось терпеть зло политических процессов. Оставался путь нейтрализации уставов 1864 г. частными «разъяснениями» и дополнениями, путь постепенного сведения к минимуму гласности, публичности и состязательности процессов. Этот путь царизм прошел до конца.

По судебным уставам 1864 г. государственные преступления рассматривались в общем порядке уголовного судопроизводства — либо судебными палатами, либо (в исключительных случаях, по высочайшему повелению) Верховным уголовным судом. Дознание и предварительное следствие были возложены на членов судебных палат и специальных следователей под присмотром лиц прокурорского надзора¹⁰. Но уже 19 мая 1871 г., когда только что было доведено до конца затянувшееся и к тому же показавшееся властям слишком демократичным с процессуальной точки зрения дознание и следствие по делу нечаевцев, вышел закон, согласно которому производство дознания о политических делах передавалось жандармам¹¹. Этот закон, призванный сделать дознание более оперативным и менее церемонным, стал ширмой для прикрытия традиционно-жандармского беззакония, ибо, как писал о нем в особой записке 1878 г. на имя наследника А. Ф. Кони, закон этот обращал внимание «лишь на то, что открыто, а не как открыто» и «не приго-

---

⁹ Московские ведомости, 1881, 26, 28, 30 марта (передовые статьи).

¹⁰ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Спб., 1867, ч. 2, с. 388—389, 394.

¹¹ ПСЗ, собр. 2, т. 46, отд. 1, с. 591—594.

вор суда об основательности исследования, а мнение начальства о ловкости и усердии исследователей стали ставиться в оценку многих дознаний»; явился даже «особый род дознаний, производимых не о преступлении, а на предмет отыскания признаков государственного преступления, причем, конечно, рамки исследования могли расширяться до бесконечности»¹².

Спустя месяц после обнародования этого закона в Петербурге начался процесс нечаевцев — первый в России крупный гласный политический процесс. Петербургская судебная палата вела его точно по уставам 1864 г. и вынесла столь мягкий приговор, что царь Александр II потребовал от министра юстиции К. И. Палена представить «свои соображения о том, какие следует принять меры для предупреждения повторения подобных, ни с чем не сообразных приговоров...»¹³. Пален сообразил, что гарантировать правитель-ство от подобных приговоров может лишь специальное, на уровне высших органов государственной власти, судилище по всем сколько-нибудь серьезным политическим делам (критерий серьезности дела усматривался в том, чтобы наказание, предусмотренное для него по закону, было сопряжено с лишением или ограничением прав состояния). Такое судилище Пален предложил учредить в лице Особого присутствия Правительствующего Сената. Проект Палена был одобрен Государственным советом и 7 июня 1872 г. утвержден царем, получив силу закона¹⁴.

Так, уже в 1872 г. политические дела в значительной степени были изъяты из общего порядка судопроизводства. Но поскольку ни жандармские дознания, ни судебные процессы в Особом присутствии не удовлетворяли правительство в его борьбе с крамолой, царизм продолжал исправлять судебные уставы. 19 июля 1878 г. Александр II распорядился создать при Министерстве юстиции Комиссию «для тщательного обсуждения обнаруженных в законах 19 мая 1871 г. и 7 июня 1872 г. неудобств»¹⁵. Комиссия занялась было изысканием мер к

---

¹² Ко ни А. Ф. Политическая записка 1878 г. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 2, с. 333, 334.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1016, оп. 1, д. 193, л. 21.

¹⁴ ПСЗ, собр. 2, т. 47, отд. 1, с. 808—812.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 68, л. 43—183 (журнал Комиссии).

еще большей оперативности и бесцеремонности жандармских дознаний, но, прежде чем она успела выработать соответствующий законопроект, царизм решился на самое радикальное дополнение к уставам 1864 г.

Дело в том, что к осени 1878 г. в революционно-народническом движении обозначился поворот к непосредственной политической борьбе с правительством. Свообразным объявлением «*guerre á mort*» правительству явилась серия громких актов красного террора от выстрела 24 января в петербургского градоначальника до убийства 4 августа шефа жандармов. Заметным стало оживление массового, а также либерального движения. В стране начала складываться революционная ситуация. Правительство по-прежнему надеялось одолеть крамолу одними репрессиями и ради этого придумало военизировать свою карательную систему. В такой обстановке 9 августа 1878 г. был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»¹⁶.

Наряду с изменением подсудности и порядка судопроизводства, царизм в 70-е годы пересматривал и лестницу наказаний за государственные преступления. С этой целью был образован ряд комиссий при министерствах внутренних дел и юстиции и Государственном совете (например, в 1872 г. под председательством Э. В. Фриша, в 1879 г. — Д. Н. Набокова)¹⁷. Иностранные уложения служили царскому правительству своеобразным ориентиром, по которому (но с обязательным превышением!) следовало определять наказания. В архиве Комиссии Э. В. Фриша сохранилось тщательно подобранное «Извлечение из законоположений России и некоторых иностранных государств (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Испании. — *H. T.*) о преступлениях против Верховной власти и образа правления и о тайных обществах». Из этого документа видно, что за «насильственное посягательство, имеющее целью изменить государственное устройство, форму правления или поря-

---

¹⁶ ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 89—90.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 331 (материалы Комиссии); Министерство юстиции за сто лет (1802—1902). Историч. очерк. Спб., 1902, с. 165.

док наследия престола»¹⁸, которое в России (по статьям 241 и 249 Уложения о наказаниях) каралось смертной казнью, в Германии полагалось пожизненное (а при смягчающих обстоятельствах — срочное, «не менее 5 лет») заключение, в Италии — заточение в крепость на 21—23 года, в Англии — ссылка на 7 лет, во Франции — «ссылка в укрепленную местность» без указания срока¹⁹. Надо думать, что при сравнении российской шкалы наказаний с иностранными царизм гордился тем, насколько дальше других правительств был он от «миндальничанья» в борьбе с крамолой.

Итак, в течение 70-х годов царизм успел проделать значительную (если не большую) часть судебной контрреформы. «Народной воле» пришлось уже иметь дело с таким судом, который *по закону* мог чинить над нею расправу в упрощенном, более выгодном для судей и менее удобном для подсудимых порядке судопроизводства, чем на процессах не только нечаевцев, но и деятелей «хождения в народ» («50-ти», «193-х» и др.).

Судили народовольцев главным образом военные суды и Особое присутствие сената. Здесь прошли 55 из 82 процессов, которые, по моим подсчетам, были (полностью или частично) народовольческими: 7 — в Особом присутствии и 48 — в военных судах. Кроме того, 23 незначительных дела о народовольцах (почти все в Сибири) рассматривали губернские и окружные суды и два²⁰ — судебные палаты.

Из семи самых крупных процессов «Народной воли» три («16-ти», «14-ти» и «21-го») слушали в петербургском военно-окружном суде и четыре (оба дела «1 марта», «20-ти» и «17-ти») — в Сенате. Отсюда видно, что суд сенаторов как орудие расправы с народовольцами царизм в особо важных случаях предпочитал даже военному суду, поскольку сенаторский синклит, с одной стороны, был достаточно респектабелен (не в пример воен-

---

¹⁸ Цитируется итальянская формулировка преступления Английская, французская и немецкая формулировки, расходясь с итальянской в букве, одинаковы с ней по смыслу.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 331, л. 80 об.— 81, 89 об., 92 об.

²⁰ Дела И. Н. Телепнева в Одессе (1885 г.) и П. А. Ковалева в Харькове (1887), судившихся за оскорбление действием тюремных властей.

ному суду), а с другой стороны, не менее жесток, чем военный суд, и послушен правительству. Составляли его первоприсутствующий и пять сенаторов, которых назначал сам царь, по своему, царскому усмотрению²¹, разумеется, из числа наиболее одаренных карательными способностями. П. Л. Лавров еще в 1875 г. обессмертил жрецов Фемиды из Особого присутствия в таких выражениях: «судьи-лакеи» и «судьи-палачи», которые назначаются «царским плевком» и спешат «прибавить новые слои вонючей грязи к тем старым слоям, что так художественно облепили их», причем «облизывают себе губы при мысли о царских милостях»²².

Под стать сенаторам «судьями-лакеями» и «судьями-палачами» были и сословные представители, которых присоединяли к Особому присутствию как делегатов от общества в таком составе: один из губернских и один из уездных предводителей дворянства, городской голова одного из губернских городов Европейской России и один из волостных старшин Петербургской губернии. Все они тоже назначались на каждый год царем по спискам, которые с максимальной строгостью выбора готовили министр внутренних дел (по дворянским предводителям и городским головам) и петербургский губернатор (по волостным старшинам), а представлял на высочайшее усмотрение министр юстиции²³. «Как известно,— писал о них в 1901 г. В. И. Ленин,— эти сословные представители, слитые в одну коллегия с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства»²⁴. Словом, Сенат в руках царизма, казалось бы, не оставлял желать ничего лучшего для судебной расправы с революционерами.

Но по мере того как разгоралась борьба между революционерами и правительством, возникало столько политических дел, что сосредоточить их все в Особом при-

---

²¹ Учреждение Правительствующего Сената. Спб., 1886, т. 1, ч. 2, с. 5, 13.

²² Лавров П. Л. Избр. соч. на социально-политические темы. М., 1935, т. 4, с. 39.

²³ Устав уголовного судопроизводства. Спб., 1883, ст. 1061⁴.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 407.

существовании Сената не было возможности, а другая и, по существу, последняя инстанция, ведавшая делами о государственных преступлениях,— судебные палаты,— не представлялась достаточно авторитетной и надежной инстанцией²⁵. Более того, даже Сенат, как показали процессы «50-ти» и «193-х», мог спастись перед подсудимыми и тем самым повредить авторитету правительства. Правда, после скандала вокруг неожиданно мягкого приговора по делу «193-х», — приговора, который III отделение даже опротестовало перед царем, причем царь принял этот протест во внимание²⁶, — после этого суд сенаторов никогда более не подводил царизм. Но недостаток санкций против «50-ти» и «193-х» лег пятном на репутации Сената. Военные же суды в том, как они обращались с подсудимыми и какие выносили им приговоры, были безупречны перед правительством. С. М. Кравчинский имел все основания заявить, что эти суды «являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги»²⁷.

Закон от 9 августа 1878 г. передавал в ведение военных судов не все дела о государственных преступлениях, а лишь те из них, которые были сопряжены с «вооруженным сопротивлением властям»²⁸. Прочие же дела оставались подведомственными судебным палатам, если не объявлялось высочайшее повеление о рассмотрении того или иного из них в Сенате. Но в обстановке, когда борьба народников все сильнее разгоралась и нацеливалась против самодержавия (2 апреля 1879 г. А. К. Соловьев стрелял в царя), царизм цеплялся за чрезвычайные меры и продолжал военизировать судопроизводство. Высочайший указ от 5 апреля 1879 г. дал право временным генерал-губернаторам предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в любом государственном преступлении²⁹. Теперь военные суды

---

²⁵ Верховный уголовный суд мог использоваться, как уже сказано, лишь в исключительных случаях.

²⁶ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976, с. 197—198.

²⁷ Степняк-Кравчинский С. М. Указ. соч., с. 131.

²⁸ ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 90.

²⁹ Там же, т. 54, отд. 1, с. 298.

стали заниматься даже такими делами, в которых не было и намека на насилие. Таковы были, например, дела С. Ц. Обедзинского в Харьковском военно-окружном суде 31 января 1882 г. по обвинению в «распространении преступных сочинений»³⁰ и Н. Н. Рашевского, преданного военному суду в Москве 23 сентября 1881 г. за «имение у себя» (?!) запрещенной литературы³¹.

В подобных случаях власти для видимости правосудия обычно приплюсовывали к доказанному обвинению прямо-таки дежурное, хотя бы и недоказуемое, обвинение в принадлежности к революционному сообществу, имеющему целью ниспровергнуть посредством *насильственного* переворота существующий в империи государственный и общественный строй. Такое обвинение было юридически достаточным поводом не только для передачи дела в военный суд (по закону от 9 августа 1878 г.), но, в случае его доказанности, и для смертного приговора обвиняемому (по статье 249 Уложения о наказаниях). Если же доказать обвинение не удавалось, суд легко мог выйти из затруднения, оправдав подсудимого, хотя из опасения за свою репутацию в глазах правительства военные суды выносили оправдательный приговор неохотно и редко.

В результате после 9 августа 1878 г. до 1 марта 1881 г. из 63 политических процессов 48 слушались в военных судах, а из 85 следующих дел с 1 марта 1881 г. до 1890 г. еще 45 тоже были рассмотрены военными судами. Проф. Н. Н. Полянский, конечно, ошибался, утверждая, что политические процессы в военных судах «до 1881 г. были сравнительно редким, а после 1881 г. даже исключительным явлением» вплоть до 1905—1907 гг.³²

Царизм не прочь был бы отнести к ведению военных судов вообще все политические дела, даже самые важные. Дело о цареубийстве 1 марта 1881 г. и то предполагалось вначале решить военным судом³³. Военный министр Д. А. Милютин вынужден был разъяснять минист-

---

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 37, л. 224.

³¹ ЦГАМ, ф. 16, оп. 113, д. 256, л. 58.

³² Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 43.

³³ В алк С. Н. Вокруг 1 марта 1881 г.—Красный архив, 1930, т. 3.

ру юстиции Д. Н. Набокову и через посредство Набокова царю, как было бы «неудобно и неблагоприятно повершить столь важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании военно-окружного суда» и как «прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената»³⁴. После этого понадобилось специальное совещание у царя с участием великого князя Владимира Александровича, председателя Комитета министров П. А. Валуева, четырех министров (М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, Д. Н. Набоков, А. В. Адлерберг) и статс-секретаря, где и «состоялось решение в пользу суда Сенатом»³⁵.

Интересно, что первоуртовцев как в 1881-м, так и в 1887 году не стали судить Верховным уголовным судом, который после судебной реформы 1864 г. созывался дважды и оба раза — по делу именно о покушении на цареубийство (Д. В. Каракозова в 1866 г. и А. К. Соловьева в 1879 г.). Вероятно, в противоположность излишне упрощенному (для столь важного дела, как попытка или даже факт цареубийства) порядку судопроизводства в военных судах, Верховный уголовный суд был неудобен для правительства из-за чрезмерной громоздкости следственного и судебного разбирательства и самого состава суда. Председателем его являлся председатель Государственного совета (то есть один из великих князей), членами — председатели департаментов совета и первоприсутствующие в кассационных департаментах сената, а прокурорские обязанности не только на суде, но и в ходе предварительного следствия возлагались на министра юстиции³⁶. К тому же, как подметил С. Шпицер, возмозно, сказалась и «сложность процесса, требовавшая особой опытности и уклона юристов»³⁷, чего не доставало Верховному уголовному суду, межд тем как Особое присутствие в избытке владело должным опытом и уклоном. Как бы то ни было, после дела А. К. Соловьева Верховный уголовный суд не составлялся ни разу.

Для более полного представления о судебных инстан-

---

³⁴ Милютин Д. А. Дневник. М., 1950, т. 4, с. 30.

³⁵ Валуев П. А. Дневник (1877—1884). Пг., 1919, с. 150.

³⁶ Устав уголовного судопроизводства, ст. 1062—1065.

³⁷ Шпицер С. М. Как судили первоуртовцев (по неизданным материалам).— Суд идет!, 1926, т. 4, с. 205.

циях, которые чинили расправу с народовольцами, заметим, что суд присяжных в 80-е годы вообще не допускался к разбирательству политических дел. Этот, по крылатому выражению М. Н. Каткова, «суд улицы»³⁸ был (при всех его недостатках) самым демократическим учреждением судебной системы царизма, единственным в ней действительно независимым представителем общества. По уставам 1864 г., присяжные заседатели избирались «из местных обывателей всех сословий» при довольно умеренном имущественном цензе (доход или жалованье не менее 200 руб. в год). В число их обычно попадали чиновники низших (до 14-го включительно) классов Табели о рангах — учителя, лица свободных профессий, торговцы, «хозяйственные» крестьяне, то есть представители средних слоев населения и мелкобуржуазной интеллигенции, зачастую настроенные против деспотического режима. Такие присяжные заседатели могли вызывающе оправдать заведомого государственного преступника. Это и показал оправдательный вердикт присяжных по делу Веры Засулич, после которого царизм уже не доверял больше присяжным ни одного дела, хотя бы только с оттенком «политики»³⁹.

В. И. Ленин имел в виду царское *уголовное* судопроизводство, когда отмечал, что «...правительство Александра III, вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных»⁴⁰. Что же касается судопроизводства по делам *политическим*, то в этой сфере еще при Александре II царизм признал суд присяжных опасным и навсегда отнял у него право судить государственные преступления. М. Е. Салтыков-Щедрин язвил по этому поводу при описании судебного процесса в «Современной идиллии»: «Присяжных заседателей не было никого, потому что процесс был политический, а у присяжных заседателей политического смысла не полагается»⁴¹.

---

³⁸ Кони А. Ф. Собр. соч., т. 1, с. 401.

³⁹ Ранее, по уставам 1864 г., «полигических» (В. Засулич, С. Нечаева и др.) предавали суду присяжных в общеуголовном порядке.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 406

⁴¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 15, с. 254.

Поскольку царизм к тому времени, когда вступила в поединок с ним «Народная воля», успел значительно обкорнать судебные уставы 1864 г. (дознания по делам о государственных преступлениях сделал жандармскими, а суды — военными, отстранил от политических дел суд присяжных, но зато учредил для нужных приговоров по этим делам сенаторский суд), постольку система судебного преследования народовольцев могла показаться вполне надежной. Местные жандармские власти на рубеже 70—80-х гг., действительно, почти фетишизировали эту систему и старались превзойти друг друга в устройстве как можно большего числа как можно более многочленных процессов, видя в этом не только хороший способ раздавить крамолу, но также и выигрышное средство сделать себе карьеру. В обычае киевских, например, жандармов было устраивать каждый год по несколько процессов, ные из которых оказывались очень внушительными: по делу о Чигиринском заговоре в 1879 г. судились 45 человек, а по делу о соединенном кружке народовольцев и чернопередельцев (М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского) в 1880 г. — 21. Только за 1879—1882 гг. в Киеве прошли 22 политических процесса, в Одессе — 14, тогда как даже в Петербурге — 15, а в Москве — 9.

Судя по числу дознаний, жандармские власти на местах (особенно, в «столицах» временных генерал-губернаторств) готовы были устроить и еще больше процессов. По данным министерства юстиции, за 1879—1882 гг. в округе московской судебной палаты велось 1215 дознаний при 1255 обвиняемых, в округе харьковской палаты — 1128 дознаний (1276 обвиняемых), одесской палаты — 796 дознаний (972 обвиняемых)⁴². Однако высшие власти из года в год (особенно после процесса первомартовцев) все реже санкционировали предание обвиняемых суду, предпочитая расправляться с ними в административном порядке.

В тех же случаях (пока еще очень частых не только для 1879—1880, но и для 1881—1882 гг.), когда дело ввиду его важности все-таки поступало в суд⁴³, админи-

---

⁴² ЦГИА СССР, ф 1405, оп. 535, д. 48, л. 53, 69, 75

⁴³ В 1879 г. было 30 процессов, в 1880, — 32, в 1881 — 16, в 1882 — 20.

стративные верхи⁴⁴ с беспокойством надзирали за его ходом, вмешиваясь иногда даже в процессуальные детали. И в этом отношении самым показательным был процесс первомайцев. Председательствовал на процессе сенатор Э. Я. Фукс. Из его воспоминаний, а также из дневника государственного секретаря Е. А. Перетца мы знаем о попытке верхов (включая царя) сделать процесс более жестким, чем допускал закон. Петербургский градоначальник Н. М. Баранов пожаловался К. П. Победоносцеву «на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений», Победоносцев донес об этом царю, царь потребовал объяснений у министра юстиции Д. Н. Набокова, министр — у Фукса. Возник скандал. Фукс потом вспомнил: «Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд». В конце концов, эту мысль оставили. Фукс получил только «высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимых», да, кроме того, Набоков (тоже не по высочайшему ли повелению?) потребовал не давать слова Желябову для защитительной речи⁴⁵. Фукс, правда, слово Желябову дал, но придирчиво (19 раз!) прерывал его речь, требуя «не впадать в изложение теории».

Чтобы сделать политический суд вполне надежным, царизм и в 1879—1882 гг. продолжал судебную контрреформу, все больше стесняя даже ту, весьма ограниченную гласность, публичность и состязательность, которая допускалась в Сенате и военных судах.

Еще 18 января 1879 г. начальникам губерний был разослан циркуляр министерства внутренних дел, который гласил: «Государь император высочайше соизволил воспретить на будущее время вообще печатание самостоятельных стенографических отчетов по делам о государственных преступлениях, с тем, чтобы всякого рода издания, как повременные, так и неповременные, ограничивались по этим делам лишь перепечаткою того, что

---

⁴⁴ В зависимости от того, каково было дело и где оно слушалось, это мог быть командующий войсками округа, временный генерал-губернатор, министр (внутренних дел или юстиции) и сам царь.

⁴⁵ Воспоминания Э. Я. Фукса, цит. С. Шпицером (Суд идет!, 1926, № 4, с. 207—203); Перетц Е. А. Дневник, с. 55.

будет напечатано: о делах, подлежащих ведению Верховного уголовного суда и Особого присутствия правительствующего сената,— в «Правительственном вестнике», а о делах, подлежащих ведению судебных палат и военных судов,— в местных официальных изданиях, т. е. в губернских или областных ведомостях»⁴⁶. Этот циркуляр министр внутренних дел Л. С. Маков сопроводил разъяснением, согласно которому ведомственные отчеты о политических процессах должны были ограничиваться «по возможности, краткою фактической передачею судебного разбирательства с устранением всяких неуместных подробностей, а тем более каких-либо тенденциозных выводов со стороны обвиняемого или его защиты»⁴⁷.

Печать, привыкшая за восемь лет (со времени процесса нечаевцев) давать подробные отчеты о политических процессах, не сразу подчинилась разъяснению Макова, тем более, что оговорка «по возможности» лишала его должной категоричности. 17 октября того же, 1879 года Маков в специальном отношении к шефу жандармов А. Р. Дрентельну посетовал на то, что судебные отчеты печатаются все-таки «в полном объеме, за исключением лишь особо выдающихся резких и неудобных мест» и предложил обязать губернские власти «ограничиваться в этих случаях печатанием в полном объеме лишь обвинительного акта и приговора, судебное же следствие и речи прокурора и защиты опубликовывать в самом сжатом виде»⁴⁸. Характерно, что речи подсудимых, которые и так уже печатались (да и то не всегда) «в самом сжатом виде», здесь не упомянуты.

А. Р. Дрентельн согласился с Маковым, и 20 октября их согласованное мнение было сообщено по телеграфу генерал-губернаторам для руководства⁴⁹. После этого газетные отчеты о процессах стали еще короче и лояльнее, исключая самые крупные дела («16-ти», 1 марта 1881 г.), которые по-прежнему печатались фактически «в полном объеме», хотя и с купюрами в местах «тенден-

---

⁴⁶ К истории ограничения гласности судопроизводства. — Былое, 1907, № 4, с. 230.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 495, л. 9—9 об.

⁴⁹ Там же.

циозных выходов». Положение 14 августа 1881 г. окончательно пресекло публикацию отчетов о политических делах. Отчет о деле 1 марта оказался *последним* в царской России официальным печатным отчетом о политическом процессе.

Последовательно запрещался в 1879—1882 гг. и доступ публики на политические процессы. Собственно, публичность судебных заседаний по делам о государственных преступлениях после процесса нечаевцев (где в первый и последний раз публика допускалась свободно) всегда была относительной. С 1879 г., после того, как политические дела отошли в ведение военной юстиции, она стала почти фиктивной. Как правило, в зал суда попадали избранные лица по именным билетам, получить которые мог далеко не каждый⁵⁰. Большую часть этой публики составляли сановные особы, снедаемые любопытством увидеть тех самых нигилистов, которых они воображали себе понаслышке такими чудовищами. Адвокат и поэт А. Л. Боровиковский по этому поводу еще в дни процесса «50-ти» писал как бы от имени подсудимых:

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели⁵¹.

В процессе первомайцев публику представляли, например, принц Петр Ольденбургский, ряд министров (военный, юстиции, финансов), государственный секретарь, государственный контролер, петербургский градоначальник, сонмище генералов, английский посол⁵². Много сановников являлось и на другие народолюбческие процессы. «Крестов у нас в суде, как на кладбище,

---

⁵⁰ В зал суда по делу первомайцев впускались с подъезда по Шпалерной улице судьи, свидетели и высокопоставленные особы с белыми билетами, а с другого подъезда (по Литейному проспекту) — прочие (тоже избранные) лица с коричневыми билетами. На каждом билете значились фамилия, имя и отчество, а также звание владельца, подписи инспектора здания судебных установлений и прокурора судебной палаты, сургучная печать. Полицейские посты и судебные приставы трижды проверяли билеты: у подъезда, в аванзале и у входа в зал (см.: Московские ведомости, 1881, 27 марта, особое прибавление к № 86).

⁵¹ Поэты-демократы 1870—1880-х годов Л., 1968, с. 489.

⁵² Московские ведомости, 1881, 27, 28, 29 марта.

а звезд как на небе»,— писал на волю с процесса «16-ти» А. И. Зунделевич⁵³.

Непременную часть публики на всех процессах, до суда над первомайцами включительно, составляли русские и (если дело ожидалось громкое) иностранные корреспонденты. На процессе первомайцев их было 15: от 10 иностранных газет и от 5 русских («Правительственный вестник», «Голос», «Новое время», «Порядок», «Московские ведомости») ⁵⁴. На процессе «16-ти» иностранную печать представляли лишь 2—3 английских корреспондента ⁵⁵.

Наконец, допускались на все процессы близкие родственники подсудимых. Что же касается прочей публики, то она на процессах 1879—1881 гг. была малочисленной, а в военных судах ее зачастую вовсе не было, хотя военно-судебный устав позволял судьям рассматривать при закрытых дверях только дела «по обвинению подсудимых в произнесении дерзких оскорбительных слов против государя императора или членов императорского дома» ⁵⁶. Даже на процессе «16-ти», который отличался сравнительно широкой гласностью (во всяком случае, топографический отчет об этом процессе газеты печатали почти целиком), места для публики занимали лишь сановники, корреспонденты и близкие родственники подсудимых (мать Евгении Фигнер, отец А. И. Зунделевича, жена Я. Т. Тихонова, сестра А. А. Квятковского) ⁵⁷.

Положение 14 августа 1881 г. обязало военные суды рассматривать политические дела «всегда при закрытых дверях» ⁵⁸. Право иногда закрывать двери судебных заседаний теперь превратилось в обязанность закрывать их всегда. Более того, хотя в Положении речь шла только о военных судах (если не считать оговорки о местностях, объявленных на исключительном положении, где министр внутренних дел мог объявить закрытым любой суд) принцип «закрытых дверей» был распространен и на заседания Особого присутствия сената. Процесс пер-

---

⁵³ Каторга и ссылка, 1930, № 3, с. 100.

⁵⁴ Голос, 1881, 27 марта (8 апреля).

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 44, л. 1 об.

⁵⁶ Военно-судебный устав. Сиб., 1867, с. 209.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 44, л. 1 об.

⁵⁸ ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 263 (Выделено мной. — Н. Т.).

вомартовцев оказался не только последним в России политическим процессом, о котором был напечатан стенографический отчет, но и последним процессом, на который допускалась нетитулованная публика. На следующем крупном процессе (в том же Особом присутствии) — «20-ти» — публика, если не считать сановных особ и родственников подсудимых, уже отсутствовала, не были допущены и корреспонденты — ни иностранные, ни русские⁵⁹. «Процессы все при закрытых дверях происходят», — писал М. Е. Салтыков-Щедрин в последние дни 1881 г. из Петербурга друзьям — Н. А. Белоголовому в Париж и Г. З. Елисееву в Ниццу⁶⁰.

При закрытых дверях легче было ущемлять такой обязательный принцип пореформенного судопроизводства, как состязательность сторон. Это и делалось от процесса к процессу — не в исполнение каких-либо узаконений, а в зависимости от обстановки: либо, как на процессе «20-ти», по инициативе судей, которые в общем ловко припоровливались к политической конъюнктуре, либо (в случае, если суд оказывался недостаточно ловким) под прямым административным давлением сверху, как на процессе первомаковцев. В ранних процессах народо-вольцев (М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского, Харьковской организации, «16-ти») принцип состязательности еще соблюдался. Речи подсудимых и адвокатов выслушивались до конца (хотя из печатных отчетов все их «тенденциозные выходки» исключались). После дела «16-ти», где прозвучали слишком призывные и потому опасные для правительства речи подсудимых, судьи стали вести дела жестче. Первоприсутствующий Э. Я. Фукс на процессе первомаковцев то и дело одергивал как подсудимых, так и адвокатов (19 раз прервав речь Желябова, он 7 раз вмешался и в речь адвоката В. Н. Герарда, требуя не говорить то одного, то другого в защиту подсудимых). Зато обвинительную речь прокурора Н. В. Муравьева Фукс выслушал в почтительном молчании, хо-

---

⁵⁹ Из представителей печати на процессе «20-ти» присутствовал только редактор «Правительственного вестника» Г. П. Данилевский (См.: ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 282).

⁶⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 19, с. 249, 250.

ты; как он сам признал это, прокурор карикатурил программу «Народной воли» с разными передержками»⁶¹.

На процессе «20-ти», который слушался уже при закрытых дверях, сенаторы норовили лишить подсудимых даже такой, крайне стесненной, возможности защищаться, какая была предоставлена «цареубийцам». Председательствовал на этом процессе сенатор П. А. Дейер — «безобразный гном» (по выражению А. Ф. Кони), в щедушном тельце которого невесть как умещались исполинские ресурсы желчи и ненависти к революционерам, тот самый Дейер, который до процесса «20-ти» судил Сергея Нечаева, а после — Александра Ульянова и Ивана Каляева. Он не только прерывал подсудимых, но и вообще лишал их слова (не позволил А. Д. Михайлову сделать заявление о пристрастности сенаторов как судей коронных, а Г. П. Исаеву и Н. Н. Колодкевичу — изложить требования партии), с полицейской строгостью надзирал за поведением обвиняемых⁶² и даже запретил было на время суда узаконенные свидания защитников с их подзащитными, но после коллективного протеста защиты, подкрепленного ссылками на статьи закона, вынужден был отменить запрет⁶³. Допрос обвиняемых судьи вели с подчеркнутой наглостью. Дейер откровенно злобствовал, прокурор (все тот же Н. В. Муравьев) изощрялся в оскорблениях⁶⁴. Когда Г. П. Исаев заявил, что его в канцелярии градоначальника били, прокурор рассмеялся, а первоприсутствующий под смех прокурора прикрикнул на Исаева: «Это к делу не относится!»⁶⁵. «Вертеп палачей», — так назвал это судилище А. Д. Михайлов⁶⁶.

---

⁶¹ Суд идет!, 1926, № 4, с. 208.

⁶² Стоило, например, А. И. Баранникову знаком попросить у защитника обвинительный акт, как Дейер вспылал: «Подсудимый, никаких знаков я делать не позволю! Если это еще раз повторится, то вы будете удалены из зала!»

⁶³ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906, с. 58—59, 75, 79, 118—120.

⁶⁴ Впрочем, Дейер и в этом не уступал Муравьеву. Узнав, что подсудимый М. В. Тетерка — рабочий, он стал язвить его: «Какой же работой ты занимался?» — «Всякой работой, какой придется» — «А убивать можешь?» Тетерка ответил спокойно: «Я еще, собственно, никогда никого не убил» (Там же, с. 64, 92).

⁶⁵ Там же, с. 64, 96.

⁶⁶ Письма народовольца А. Д. Михайлова, М., 1933, с. 216.

Военные суды еще меньше заботились о состязательности сторон, чем сенаторы, да и признаков ее в военных судах было меньше, чем в Сенате. После процесса «16-ти» военные суды, закрыв от публики двери заседаний, решали политические дела в обстановке своеволия с бесцеремонным пренебрежением к процессуальным правам обвиняемых. В этом отношении особенно выделялись процессы на Украине, где в 1879—1882 гг. свирепствовал киевский военный прокурор В. С. Стрельников — «Торквемада деспотизма»; по выражению Сергея Кравчинского.

До 1881 г. Стрельников руководил дознаниями и выступал обвинителем только на процессах в Киеве, среди которых был и ряд громких дел (В. А. Осинского, В. К. Дебогория-Мокриевича, М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского). Уже в то время (1879—1880 гг.) он выделился даже из среды военных прокуроров пристрастием и жестокостью. Мало того, что он не гнушался никакими приемами «запугивания» обвиняемых перед судом, например, картинно изображал, как обвиняемый будет на виселице высовывать язык и хрипеть или придумывал прямо-таки архитектурные проекты, вроде того, чтобы воздвигнуть эшафот для народовольца В. Г. Иванова перед окном его камеры⁶⁷. Даже отнюдь не гуманный начальник киевского ГЖУ В. Д. Новицкий 20 марта 1882 г. пожаловался в Департамент полиции на то, что после допросов Стрельникова устраивать суд рискованно, ибо «на суде многие-многие арестанты заявят такие факты обращения с ними, которые могут быть невыгодны в смысле предания их хоть некоторой гласности»⁶⁸.

Впрочем, и на суде Стрельников вел себя, как палач. «Будешь висеть!» — грозил он подсудимым по ходу судебных прений⁶⁹. Опасен он был не столько сам по себе, сколько потому, что задавал тон процессам, на которых он выступал, царил-даже над судьями. Защитники же, которые назначались для военных судов из числа канди-

---

⁶⁷ Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое, 1906, № 5, с. 26; Надин П. Стрельниковский процесс 1883 г. в Одессе. — Былое, 1906, № 4, с. 87—88.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 983, л. 9.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 34, л. 127 (Воспоминания Ф. Г. Богдановича).

датов на военно-судебные должности⁷⁰, трепетали перед Стрельниковым. Характерен эпизод, описанный М. Р. Поповым. Едва защитник Попова Бельский начал речь, сказав: «Я буду касаться только юридической стороны дела; что же касается политических взглядов клиента, то это все дело предоставляю г. Попову — он, конечно, гораздо лучше меня справится с этой задачей», как Стрельников вскочил с места и набросился на защитника: «А вы что, предварительно беседовали с подсудимым Поповым о его политических взглядах? Что же вы не сообщите суду, что они вам понравились?» Бельский осекся и «стал продолжать свой урок, как растерявшийся ученик после окрика учителя, неуверенно, краснея»⁷¹.

Поскольку царизм держал курс на свертывание законности судопроизводства в борьбе с народовольцами, такой прокурор, как Стрельников («прокурор-паук», как назвал его А. Ф. Кистяковский⁷²), был для него находкой. Не зря именно ему по высочайшему повелению от 5 августа 1881 г. было поручено «производство дознаний по делам о государственных преступлениях в губерниях, подчиненных киевскому, подольскому и волынскому, а также временному одесскому генерал-губернаторам», причем царь дал министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву право «распространить район действий названного генерала (Стрельников был тогда генерал-майором. — Н. Т.) и на иные местности империи»⁷³. Фактически Стрельников стал после этого жандармским проконсулом всего Юга России. Теперь он мог по-стрельниковски чинить суд и расправу не только в Киеве, но и в Одессе, Николаеве, на Волыни и в Подолии. Он и взялся за это с такой ретивостью, что ИК «Народной воли» постановил казнить его.

Выполнить постановление поручено было члену ИК С. Н. Халтурину и агенту Н. А. Желвакову. 18 марта

---

⁷⁰ Офицеры и чиновники военного ведомства с высшим юридическим образованием, которые прикомандировывались к военным судам для подготовки к штатным военно-судебным должностям и были официально подчинены прокурору как начальнику по службе.

⁷¹ Попов М. Р. Записки землевольца М., 1933, с. 303.

⁷² ЦГИА УССР, ф. 263, оп. 1, д. 26, л. 41.

⁷³ Седой. Из архивных раскопок. Миссия Стрельникова. — Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 58—60.

1882 г. на Приморском бульваре в Одессе Желваков застрелил Стрельникова, но сам был схвачен вместе с Халтуриным, который помогал ему в роли кучера приготовленной для этого случая пролетки. Оба народовольца были преданы военному суду. Этот суд вершился так палачески, что даже сам Стрельников остался бы им доволен. Утром 19 марта Александр III телеграфировал из Гатчины министру внутренних дел: «Очень и очень сожалею о генерале Стрельникове. Потеря трудно заменимая. Прикажете генералу Гурко судить убийц военно-полевым законом, и чтобы в 24 часа они были повешены без всяких отговорок»⁷⁴. И. В. Гурко, бывший тогда генерал-губернатором Одессы, выполнил приказ: суд и казнь состоялись в 24 часа. В зале суда не было не только никакой (даже избранной) публики, но и ни свидетелей, ни защитников; судьи приговорили подсудимых к виселице с глазу на глаз⁷⁵. Словом, председатель этого суда генерал Кирилин мог бы по справедливости сказать, что процесс Желвакова — Халтуринна — самый подходящий венок на могилу Стрельникова.

Итак, в годы революционной ситуации царизм, хотя и вынужден был, ввиду собственной неустойчивости, считаться с законностью судопроизводства, всячески стеснял ее, постепенно сводя на нет публичность, гласность, состязательность судебного следствия.

Непременной особенностью народовольческих процессов была тогда и предвзятость обвинения. Видя в народовольцах наиболее опасных врагов правительства, царский суд на каждом процессе старался определять им высшую меру наказания. В большинстве случаев приговор (особенно, смертный) заранее диктовали суду административные власти (генерал-губернаторы, царь), и поскольку улики для такого приговора иногда не доставало, а то и вовсе не было, суд прибегал к подтасовке, фальсификации, наконец, к сочинению недостающих данных — иными словами, *подводил* обвиняемых под данный приговор.

Юридически правильные обвинительные акты и приговоры на процессах «Народной воли» почти не встреча-

---

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 599, л. 1.

⁷⁵ Из Одессы. — На родине, Женева, 1883, № 3, с. 57—58.

лись. За единичными исключениями, улики всегда было меньше, чем нужно для поддержки обвинения, а приговоры оказывались не менее, если не более жестокими, чем требовала тяжесть обвинения (хотя бы и не доказанного). Даже в деле 1 марта 1881 г., где обвинение располагало достаточными уликами, включая вещественные доказательства (прокламации, мины, динамит и пр.) и собственные признания подсудимых, «немало было оснований,— как подметил известный публицист Г. К. Градовский,— к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием»: Желябов был арестован еще до царевбийства, Перовская, Кибальчич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, даже Рысаков его не убил; непосредственным убийцей был Гриневицкий, но он сам погиб от бомбы, которая поразила царя⁷⁶. Суд не принял во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств и вынес всем подсудимым приговор, адекватный тяжести обвинения. Поскольку же обвинение в данном случае основывалось на очевидных уликах, резолюция суда выглядела юридически оправданной. В других процессах обвинительные акты изобиловали не столько доказательствами, сколько натяжками.

Излюбленным приемом царской прокуратуры был монтаж обвинительных актов из показаний предателей. Даже крупные процессы готовились подобным образом. Обвинительный акт по делу кружка М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского почти целиком был составлен из показаний провокатора Л. И. Забрамского, которые прокурор разбавлял своими измышлениями, ибо Забрамский (цитирую М. Р. Попова) «знал о наших делах немного или, правильнее, у него были обо всем отрывочные сведения»⁷⁷. Например, Забрамский знал, что Севастьяну Ильяшенко поручено было купить лошадей (их предполагалось использовать для перевозки нелегальной литературы), но не смог объяснить, для чего именно. Прокурор домыслил за провокатора, что лошади потребовались обвиняемым для ограбления казначейства⁷⁸.

Точно так же главным источником обвинительного

---

⁷⁶ Градовский Г. К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, с. 85.

⁷⁷ Попов М. Р. Записки землевольца, с. 252.

⁷⁸ Там же, с. 234, 252.

акта по делу «16-ти» были предательские показания Г. Д. Гольденберга, а по делу «20-ти» — В. А. Меркулова, причем и Гольденберг (по неведению), и Меркулов (по злой воле) извращали истину. Меркулов откровенно клеветал на своих бывших товарищей, показывая, к примеру, что народовольцы «всеми путями старались привлечь рабочих и простолюдинов к участию в предприятиях партии; с этой целью для них устраивали пирушки, угощали водкой, давали денег, приглашали женщин и т. п.»⁷⁹. Богато насыщен обвинительный акт по делу «20-ти» и предательскими показаниями казненного Н. И. Рысакова, подобно тому как обвинение по делу «16-ти» базировалось на показаниях уже покончившего с собой к тому времени Гольденберга.

Каратели злоупотребляли предательскими показаниями не только потому, что из них легче всего было смонтировать нужное обвинение. Ведь в таких случаях надо было считаться с возможностью скандального разоблачения показаний, как это и было на некоторых процессах, еще не утративших признаков состязательности⁸⁰. Особый интерес обвинительной власти к показаниям предателей был вынужденным. Дело в том, что органы дознания и следствия, отчасти по своей неопытности, а главным образом по вине народовольцев как отличных конспираторов, часто не могли уличить арестованного в том или ином преступлении, хотя были в этом убеждены. Правда, отсутствие улик еще не значило для обвинителей, что надо отказаться от обвинения. В. С. Стрельников в таких ситуациях не без оснований хвастался перед обвиняемыми: «Достаточно одного моего убеждения в вашей виновности. Суд на все будет смотреть моими глазами»⁸¹. Тем не менее, даже Стрельников (не говоря уже о других прокурорах) считал нужным для видимо-

---

⁷⁹ Процесс 20-ти народовольцев, с. 81.

⁸⁰ Даже на процессе «20-ти», где сохранилось лишь жалкое подобие состязательности, рабочий Макар Тетерка сумел парировать навет Меркулова: «Это неправда, что будто нас привлекали к партии водкой, пирушками и т. п. Ничего этого не было. Я при своей деятельности руководствовался не деньгами, не пирушками, а просто злобой ко всему, меня окружавшему. Людям, благодаря которым я попал в партию, я, несмотря на грозящую мне ответственность, всегда буду благодарен» (там же, с. 20, 81).

⁸¹ Из Одессы. — На родине, Женева, 1883, № 3, с. 52.

сти правосудия подкрепить свое убеждение хотя бы чисто формальными уликами. Приходилось цепляться за мелочи, а когда и вовсе не за что было зацепиться,— уповать на дежурный способ, который еще на процессе нечаевцев адвокат А. И. Урусов определил так: «Данных нет, улик нет, надо прибегнуть к соображениям»⁸². Немудрено, что при таких затруднениях показания какого-нибудь предателя могли показаться сущим кладом.

Для поддержки обвинения на судебном следствии важно было подобрать надежных свидетелей. Царский суд в общем умел это делать. Главными свидетелями на процессах народовольцев выступали дворники и городовые. К ним обычно приплюсовывали домохозяев, а также избранных лиц из военных или обывателей, на которых обвинение могло положиться. К примеру, на процессе первомайцев из 47 свидетелей оказалось 12 городских и полицейских, 11 офицеров и солдат охраны, 7 дворников, 6 домохозяев, у которых жили народовольцы, а в числе остальных фигурировали лейб-гвардейский фельдшер, камер-паж, инженер-генерал, петербургский полицмейстер и царский кучер⁸³. Примерно так же (не столько из частной, сколько из «казенной» публики) комплектовался состав свидетелей на процессах «16-ти», «20-ти» и др. Были попытки использовать в качестве свидетелей обвинения и раскаявшихся революционеров, но они успеха не имели. Только Стрельникову удалось было выставить свидетелем против обвиняемых по делу М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского землевольца Арсения Богославского, но в последний момент этот свидетель поставил киевского Торквемаду в поучительно глупое положение. Вот как это было.

А. А. Богославский 22 февраля 1880 г. был приговорен Киевским военно-окружным судом к смертной казни через повешение. Стрельников обещал сохранить ему жизнь, если он согласится выступить свидетелем обвинения на процессе Попова-Буцинского. Тот согласился. По ходу процесса перед допросом свидетелей Стрельников отрекомендовал его судьям как знатока «закулис-

---

⁸² Правительственный вестник, 1871, 12 июля.

⁸³ Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. Спб., 1906, с. 105—206.

ной стороны русских революционеров» и достойного разоблачителя их пороков. Ввели Богославского. Стрельников предложил ему «познакомить суд со всеми тайнами революции». Тот молчал. Стрельников дал ему навязанный вопрос: «Например, начните с того, что толкает наших революционеров на незаконный путь? Корыстные цели, не так ли?» Свидетель молчал. Тогда председатель суда, в свою очередь, поинтересовался: «Что же толкает русскую молодежь на революционный путь?» Богославский неожиданно ответил: «Любовь к народу». — «Что?» — переспросил тугой на ухо председатель. «Любовь к народу!» — громко повторил Богославский. По знаку председателя он был немедленно выведен из зала суда и больше не появлялся⁸⁴.

После этого инцидента власти не решались выставлять на процессах свидетелями даже проверенных агентов, вроде Л. И. Забрамского или С. П. Дегаева, предпочитая брать у них на предварительном следствии и потом зачитывать на суде письменные показания.

Понятно, что в таких условиях, когда гласность, состязательность и прочие атрибуты законности судопроизводства последовательно сводились на нет, приговоры по делам о «Народной воле» были крайне жестокими. М. Н. Покровский в 1926 г. так комментировал в «Правде» приговор участникам Казанской демонстрации 1876 г.: «Пятнадцать лет каторги за демонстрацию, мирную, невооруженную, — этому едва поверят даже люди, пережившие репрессии Столыпина, даже помнящие эпоху Плеве»⁸⁵. Но этот действительно свирепый приговор бледнеет перед теми, которые суд выносил народовольцам. Студент Киевского университета И. И. Розовский, еще не достигший совершеннолетия, 6 марта 1880 г. по приговору Киевского военно-окружного суда был повешен только за то, что он имел у себя прокламации ИК «Народной воли»⁸⁶. В. И. Ленин (со ссылкой на В. И. Засулич) в 1901 г. отмечал эту смертную казнь

---

⁸⁴ Попов М. Р. Записки землевателя, с. 256—257 (А. А. Богославский в том же 1880 г. (22 ноября) был загублен в тюрьме).

⁸⁵ Покровский М. Н. Избр. произведения. М., 1967, кн. 4, с. 74.

⁸⁶ ЦГИА УССР; ф. 316, оп. 1, д. 75, л. 131—133 (приговор суда).

«17-летнего мальчика за найденный у него печатный листок» как пример жестокостей царизма, «не бывавших ни раньше, ни позже»⁸⁷.

Случай с Розовским действительно уникален (хотя Розовскому и было не 17 лет, как считали, по слухам, современники, а 20). Но похожих случаев в 1880—1882 гг. было много. Повешенный вместе с Розовским (по другому приговору) М. П. Лозинский, который, правда, имел не 20 лет от роду, а «уже» 24, также был уличен только в хранении народовольческих прокламаций и в попытке бежать из-под ареста⁸⁸. Под смертную казнь был подведен московским военно-окружным судом 30 июня 1881 г. за передачу народовольческой прокламации И. Ю. Старынкевич, которому только из «снисхождения» суд в последний момент определил 20 лет каторги⁸⁹, а народовольца О. И. Нагорного тот же московский военный суд по делу об убийстве шпиона Семена Прейма приговорил 14 сентября 1882 г. к смертной казни вместе с убийцей Прейма Н. П. Евсеевым буквально ни за что — только по косвенным уликам. «Требовалось,— писала об этом драконовском приговоре «Народная воля»,— непременно найти постороннюю интеллигентскую руку, направлявшую пож рабочего (Евсеева.— Н. Т.) и такая рука представилась в лице Нагорного»⁹⁰.

Всего на 35 процессах 1880—1882 гг. по делам о «Народной воле» царские суды вынесли 35 смертных приговоров. Из них 19 (за 21 процесс) объявили военные судьи и 16 (только за два процесса!) — сенаторы. По конфирмации 20 смертных приговоров (10 военных и 10 сенаторских) были заменены вечной каторгой⁹¹. Кроме того, к вечной каторге на тех же 35 процессах были приговорены еще 9 человек. Срочную каторгу (от 2½ до 20 лет) присудили 34 обвиняемым, ссылку — 50, прочие наказания (тюрьма, арестантский дом, смирительный

---

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 44.

⁸⁸ ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 73, л. 154—156 (приговор суда).

⁸⁹ ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 37, д. 179, т. 2, л. 14 об.

⁹⁰ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 192. Царь заменил Нагорному смертную казнь вечной каторгой.

⁹¹ Еще два смертных приговора царь заменил срочной каторгой: И. В. Родионову в 1880 г. (6 лет) и М. Э. Новицкому в 1882 г. (12 лет).

дом) — 33. Оправданы были на процессах, о которых идет речь, 16 человек, причем 12 из них оправдал сравнительно гуманный харьковский военный суд на первом процессе народовольческой (харьковской) организации в октябре 1880 г. и по делу А. А. Сиповича (январь 1882 г.), а за все остальные процессы оправданными оказались лишь крестьянин А. И. Спицын, случайно привлеченный к делу А. Н. Лаврениуса (сентябрь 1881 г.), латышский офицер К. К. Айзуп, против которого не нашлось никаких улик, кроме предательского оговора (апрель 1882 г.), и предатель В. А. Меркулов в деле «20-ти». Всего на 35 народовольческих процессах 1880—1882 гг. судились 177 человек⁹².

Только за 1880—1882 гг. были казнены 12 народо-вольцев⁹³. Самая казнь проделывалась тогда с редким даже для азиатчины варварством. Царизм и до 70-х годов успел прослыть нещадным и изобретательным палачом революционеров. Достаточно вспомнить казнь декабристов, когда трое повешенных сорвались и были вздернуты на виселицу вторично, или садистские церемонии казней над петрашевцами в 1849 г. и Николаем Ишутиным в 1866 г. В 70—80-е гг. жестокость и садизм царских палачей оставили гораздо большее число еще более изуверских следов. Показателен тот ритуал казни, которому был подвергнут 14 мая 1879 г. в Киеве ближайший предтеча «Народной воли» Валериан Осинский. Вопреки обычаю, Осинскому не завязали глаза и для начала повесили перед ним одного за другим двух его самых близких друзей (голова Осинского за эти минуты побелела, как снег), а в тот момент, когда палач накинул петлю на шею Осинскому, оркестр по распоряжению «Торкве-

---

⁹² Кроме того, в 1880—1882 гг. состоялись еще 33 политических (тоже исключительно народнических) процесса при 117 подсудимых (землевольцах, чернопередельцах и близких к ним). Приговоры здесь были значительно мягче. Только четверых (землевольцев А. Д. Обошесва и А. Ф. Михайлова 14 мая 1880 г. и чернопередельцев Н. П. Щедрина и А. И. Преображенского 29 мая 1881 г.) осудили на смертную казнь, замененную вечной каторгой.

⁹³ Вот их имена: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, А. А. Квятковский, Н. Е. Суханов, С. Н. Халтурин, Н. А. Желваков, А. К. Пресняков, Т. М. Михайлов, Е. Г. Легкий, И. И. Розовский и Н. И. Рысаков.

мады» Стрельникова заиграл «Камаринскую»⁹⁴. При исполнении смертной казни над первоартовцами 3 апреля 1881 г. Тимофей Михайлов за какие-нибудь четверть часа был повешен три раза, так как дважды, уже повешенный, он срывался с виселицы. Такого тоже не бывало ни раньше, ни позже. Очевидец этой казни, немецкий корреспондент, писал в «Кельнской газете»: «Я был свидетелем дюжины казней на Востоке, но никогда не видел подобной живодерни»⁹⁵. На живодерню походила и казнь нарбдовольца Е. Г. Легкого 19 июля 1882 г. в иркутской тюрьме. Палач уже повесил было осужденного, но веревка оборвалась, Легкий — еще живой — упал на помост и был повешен еще раз⁹⁶.

Политические казни 1879—1882 гг. сделали знаменитостью символическую для царского режима фигуру — палача Ивана Фролова. Душегуб-виртуоз (из уголовников), он так пленил царские власти своим палаческим даром, что ему в течение ряда лет доверялись все наиболее важные казни революционеров (через повешение), причем не только в Петербурге, но и в некоторых других городах (Киев, Одесса, Николаев). Люди, не искушенные в мотивах предпочтительной симпатии царизма к Фролову, склонны были думать, будто, кроме Фролова, в России вообще нет более палачей. Лев Толстой так и писал об этом в 1908 г.: «Недавно еще не могли найти во всем русском народе двух палачей. Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли во всей России найти другого палача, и одного возили с места на место. Теперь не то»⁹⁷. В действительности, «не то» было и в 80-е годы. Фролов огнюдь не являлся тогда *ipso solo*. Халтурина и Желвакова, Легкого и Лисянского, Штромберга и Рогачева, вторых первоартовцев с успехом вешали другие палачи. Но Иван Фролов, бесспорно, был и остался самым «знаменитым» палачом в России по значению казненных

---

⁹⁴ Степняк-Кравчинский С. М. Соч., т. 1, с. 415.

⁹⁵ Kölnische Zeitung, 1881, 16 april, s. 2.

⁹⁶ ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 106, л. 16 (анонимная корреспонденция из Томска о казни Е. Г. Легкого).

⁹⁷ Толстой Л. Н. Не могу молчать. Полн. собр. соч., т. 37, с. 86.

им жертв. За 1879—1882 гг. в исполнение приговоров царского суда он повесил 26 революционеров (народников), среди которых были Осинский, Соловьев, Лизогуб, Квятковский, Кибальчич, Перовская, Желябов⁹⁸.

Помимо карательных законов, которые влекли за собой достаточно жестокие наказания при условии, если налицо оказывались нужные (не добытые, так сочиненные) улики, особую жестокость народовольческих процессов в немалой степени определяла воля царя, стоявшего над законом и властного диктовать или изменять любой приговор. И Александр II, и Александр III ревниво следили за каждым процессом «Народной воли», иногда вмешиваясь в ход и результаты судебного следствия, поскольку и тот, и другой считали народовольцев не только наиболее опасными, но и смертельными *личными* своими врагами.

Александра II заслуженно прозвали «Вешателем». С его санкции меньше чем за два с половиной года (с августа 1878 до конца 1880) 21 народник-террорист был повешен и один — расстрелян. Виселицу царь-«освободитель» считал более «соответственным» (чем расстрел) наказанием для борцов за свободу и не преминул сообщить это своим сатрапам для руководства. 12 мая 1879 г. главный военный прокурор В. Д. Философов секретно уведомил всех временных генерал-губернаторов (которым тогда принадлежало право подтверждать смертные приговоры): «Государь император, получив сведения, что некоторые из политических преступников, судившихся в Киеве военным судом (речь идет об Осинском, Брандтнере и Свириденко.— *Н. Т.*), приговорены к смертной казни расстрелянием, изволил заметить, что в подобном случае соответственнее назначать повешение. О вышеизложенном имею честь сообщить вашему высокопревосходительству для руководства при конфирмации приговора военных судов по делам сего рода»⁹⁹.

Как личность Александр II, не в пример своему фельдфебельски крутому и ограниченному родителю, был тонко воспитан, солидно образован (освоил под ру-

---

⁹⁸ Подробно о Фролове см.: Венедиктов Д. Г. Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930.

⁹⁹ Венедиктов Д. Г. Указ. соч., с. 27.

ководством В. А. Жуковского французский, английский, немецкий и польский языки) и относительно сентиментален, что выражалось у него в слезах сострадания, которые он лил, например, при виде погибших «за веру, царя и отечество» (даже при чтении сводок об их числе), и в трогательной привязанности к некоторым людям (особенно, к возлюбленной Е. М. Долгорукой и к телохранителю А. М. Рылееву), а также к псу «Милорду». Горизонт мысли Александра II тоже превосходил николаевский. Личные качества царя, конечно, налагали свою печать если не на сущность правительственной политики, то на ее проявления, однако то была печать не гуманности, а лицемерия и колебаний. Д. А. Милютин утверждал, что в отличие от Александра I, который после либерального начала кончил Аракчеевым, Александр II будто бы до конца оставался «верен благим и гуманным внушениям своего мягкого сердца»¹⁰⁰. Это верноподданническая ложь. На деле Александр II, как мы знаем, кончил «шестью Аракчеевыми», за что и был приговорен народовольцами к смерти.

Перед лицом революционного натиска Александр II, никогда не обладавший ни политической твердостью, ни силой характера, и к тому же буквально разлагавшийся от страха за свою жизнь («коронованная полуразвалина», — пишет о нем в дневнике от 3 июня 1879 г. П. А. Валуев¹⁰¹), колебался, но под влиянием придворной реакции и личной злобы к «нигилистам» все-таки предпочитал наращивать «белый террор». Смертные приговоры в карательной практике своих «шести Аракчеевых» царь встречал с удовлетворением, а помилования — с недовольством. В духе виселичных симпатий царя (а может быть, и по его инициативе) петербургский временный военный генерал-губернатор И. В. Гурко 30 апреля 1879 г. ввел педантичную инструкцию о том, как вешать революционеров, которая, в частности, предписывала играть экзекуционный марш и бить дробь, если осужденный «будет что-либо говорить или кричать»¹⁰². Зато стоило тому же Гурко помиловать террориста Л. Ф. Мирского

---

¹⁰⁰ Милютин Д. А. Дневник, т. 4, с. 93—94

¹⁰¹ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг., с. IV.

¹⁰² Ушерович С. С. Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 164.

(вечной каторгой, вместо виселицы), как царь кольнул его презрительным отзывом: «Действовал под влиянием баб и литераторов»¹⁰³. Очевидно, во избежание излишка помилований Александр II 24 марта 1880 г. приказал, чтобы генерал-губернаторы впредь утверждали своей властью только смертные приговоры, а в тех случаях, когда они сочтут возможным заменить казнь другим наказанием, испрашивали на это санкции у царя¹⁰⁴. Отныне самодержец стал не только высшей, но и единственной инстанцией, правомочной миловать осужденного на смерть революционера, тогда как предавать смерти могли по-прежнему генерал-губернаторы.

Высочайшее помилование даровалось в 1879—1882 гг. лишь в особых случаях — либо вследствие откровенных показаний осужденного (пример: И. В. Родионов в деле И. И. Розовского), либо ввиду неустойчивости правительства, когда оно боялось чрезмерно обострить казнями обстановку в стране (дело «16-ти»), либо под напором мировой общественности (дела 1 марта и «20-ти»).

Царизм мог без ущерба, а скорее с выгодой для себя чаще снисходить к помилованию смертников. Ведь, с одной стороны, по форме, оно выглядело актом милосердия и подкрепляло авторитет царской власти, а с другой, по существу, не облегчало судьбу осужденного. Газета «Народная воля» верно подметила, что высочайшее помилование — «это не больше как неудачный юридический термин, обозначающий, что смерть через повешение заменена смертью через заключение»¹⁰⁵. В самом деле, кроме единичных случаев, когда смертная казнь заменялась каторгой, царь миловал смертников пожизненным одиночным заключением, которое убивало помилованных почти наверняка — медленнее, но зато и мучительнее, чем веревка палача. Достаточно заметить, что только в 1881—1884 гг. (до открытия Шлиссельбургской «государевой тюрьмы») были загублены в застенках Трубецкого бастиона и Алексеевского рavelина Петропавловской крепости помилованные народовольцы Геся

¹⁰³ ЦГАОР, ф. III отд. Секр. архив, оп. 1, д. 977, л. 10 об.

¹⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 640, л. 79—80.

¹⁰⁵ Литература партии «Народная воля», с. 173.

Гельфман, Степан Ширяев, Людмила Терентьева, Петр Теллалов, Николай Клеточников, Александр Баранников, Макар Тетерка, Мартин Ланганс, Александр Михайлов, Николай Колодкевич.

Почему же все-таки царизм редко проявлял столь, казалось бы, безущербное для него монаршее милосердие к осужденным народовольцам? Видимо, потому, что боялся их даже пленных, замурованных в каменные могилы, боялся, как бы они, и «одетые камнем», не учинили бы какую-нибудь крамолу и не доставили правительству лишних хлопот. Сумел же С. Г. Нечаев в декабре 1880 г. на восьмом году заточения в Алексеевском рavelише установить связь с первым же народовольцем, только что заключенным в рavelии (С. Г. Ширяевым) и при его содействии войти в регулярные сношения с ИК «Народной воли». Особенно встревожил высокие сферы тот факт, что связными служили Нечаеву и Ширяеву караульные рavelина, которых Нечаев успел привлечь на свою сторону. Пришлось в самой Петропавловской крепости затевать скандальное судебное дело. 1—3 декабря 1882 г. военный суд за стенами крепости «с могильной, чисто петропавловской безгласностью» (по выражению газеты «Народная воля») приговорил народовольцев Е. А. Дубровина и А. А. Филиппова, которые руководили связными, к различным срокам каторги и 16 караульных солдат — к ссылке в Сибирь¹⁰⁶. И в последующие годы «помилованные» вечной каторгой народовольцы не покорялись, а непрестанно протестовали (разными способами — от пощечин тюремщикам до самоубийств) против каторжного режима, заставляя правительство время от времени смягчать его.

В ряде случаев «высочайшие помилования» сопровождались такими человеческими трагедиями, в сравнении с которыми даже смертная казнь выглядела менее трагичной. Геся Гельфман 29 марта 1881 г. была приговорена к смертной казни через повешение. Ввиду ее беременности казнь *отсрочили* до рождения ребенка. Больше трех месяцев Геся со смертным приговором ждала родов. Только 2 июля Александр III под давлением ми-

---

¹⁰⁶ Протокол суда по делу Е. А. Дубровина и др см: ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 650, л. 128—134.

ровой общественности заменил казнь через повешение казнью через пожизненное одиночное заключение. 12 октября в тюрьме, в антисанитарных условиях, Гесья родила дочь, а через три месяца, 25 января 1882 г., ребенка отняли у матери и сдали под № 824 в петербургский воспитательный дом, причем царь позаботился распорядиться, «чтобы дочь Гельфман носила иную фамилию». В тот же день врач засвидетельствовал «потрясающие ознобы» и «общее воспаление брюшины» у Геси Гельфман. 1 февраля она умерла в страшных мучениях¹⁰⁷. Вскоре, не прожив и года, умерла ее дочь, а еще через год в одиночном склепе Алексеевского равелина был замучен осужденный на смертную казнь и «помилованный» царем муж Геси — член ИК «Народной воли» Николай Колодкевич.

О судьбе Геси Гельфман знал весь мир. Но подобные же судьбы других смертников-народовольцев, ставших жертвами «высочайшего помилования», оставались почти или совершенно неизвестными. Такова, например, судьба агента ИК А. Б. Арончика, который был осужден на смерть по делу «20-ти», но «помилован» заточением в Шлиссельбург навечно. В первый же год заключения Арончик заболел психически, еще через год его разбил паралич, и в течение шести лет после этого он безвыходно лежал в камере, страдая от пролежней, без элементарного ухода и медицинской помощи, едва способный подняться, чтобы взять еду. Тело его гноилось язвами, в которых кишели черви. Умер он в апреле 1888 г. несказанно мучительной смертью. Даже заматерелый тюремщик, увидев труп Арончика, ужаснулся: «Боже, до чего довели человека!»¹⁰⁸. Подробности гибели Арончика и других народовольцев, которых после «высочайшего помилования» царские тюремщики ежедневно в течение ряда лет казнили в казематах Петропавловки (а с 1884 г. — Шлиссельбурга) палаческим «обхождением», голодом, холодом, сыростью, смрадом, цингой, чахоткой и прочими тяготами каторжного режима, — эти жуткие подробности стали достоянием гласности лишь десятки

---

¹⁰⁷ Иохельсон В., Кантор Р. Гесья Гельфман. Материалы для биографии и характеристики. Пг. — М., 1922, с. 44—45.

¹⁰⁸ Кани П. Я., Кораблев Ю. И. Петрокрепость. Л., 1958, с. 94.

лет спустя, отчасти из воспоминаний некоторых чудом все переживших узников (Веры Фигнер, Николая Морозова, Михаила Фроленко), а главным образом, из исследований советских историков, вскрывших тайники архивов царизма¹⁰⁹.

Тяжела была участь и тех народовольцев, которым суд определял каторгу или ссылку. Народовольцы-каторжане до открытия «государевой тюрьмы» в Шлиссельбурге (1884 г.) и политической каторги на Сахалине (1886 г.) содержались, главным образом, в тюрьмах Карийской каторги¹¹⁰, кроме тех, кого царизм считал особо опасными и упрятывал в Трубецкой бастион и Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Всего за 18 лет существования политической каторги на Каре (1873—1890 гг.) через нее прошли 212 осужденных по разным процессам. Из них 197 были народниками¹¹¹. Поступали они на Кару большей частью в 1880—1884 гг., то есть как раз в годы «Народной воли», но до того, как открылась «государева тюрьма» в Шлиссельбурге, ставшая главным обиталищем каторжан-народовольцев. Вот данные о поступлении на Кару всех ее 212 политических узников:

1873—2	1882—46
1875—2	1883—20
1877—6	1884—23
1878—7	1885—7
1879—1	1886—6
1880—57	1888—6
1881—26	1889—3 ¹¹²

---

¹⁰⁹ Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. Пг., 1924; Щеголев П. Е. Алексеевский рavelин. М., 1929; Венедиктов-Безюк Д. Г. Сухая гильотина. — Каторга и ссылка, 1932, № 8—9.

¹¹⁰ В Забайкалье на р. Каре (приток Шилки, впадающей в Амур).

¹¹¹ Из остальных 15 карийцев семеро были участниками рабочих организаций, шестеро — польской партии «Пролетариат» и двое не имели отношения к революционерам.

¹¹² Подсчет сделан по списку карийцев из статьи: Осмоловский Г. Ф. Карийцы (Материалы для статистики русского революционного движения). — Минувшие годы, 1908, № 7. В трех изданиях «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета (т. 3, гл. 5, § 49) аналогичный подсчет сильно искажен неоговоренными опечатками (под 1880 г. там значатся 25 узников, под 1889 — 56).

Карийский режим не был так откровенно рассчитан на последовательное умерщвление узников, как петропавловский или шлиссельбургский, но с 1880 г., как только на Каре начали поступать народовольцы, он тоже стал очень жестоким.

20 сентября 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири новую инструкцию, согласно которой каторжанам запрещалась всякая переписка, все они (не только на работе, но и в камерах) должны были оставаться «всегда в оковах», а «в чрезвычайных случаях, как то явного сопротивления, замыслов к заговорам, буде никакие благоразумные меры не будут достаточны, заведующий ссыльно-каторжными может употребить холодное и в самой крайности огнестрельное оружие, не ответственю в таком случае за убитых и раненых»¹¹³. Всякое проявление протеста против каторжного режима подавлялось нещадно. В феврале 1882 г. «Народная воля» писала, что на Каре Наталья Армфельд «за непочтительность» была избита прикладами, а Григорий Попко, Иван Тищенко и Григорий Фомичев за попытку побега прикованы к тачке¹¹⁴.

Ссылка в Восточной Сибири мало отличалась от каторги. Народовольцев ссылали чаще всего в Якутию. Если в 1863—1878 гг. туда поступил 21 ссыльный, то в 1879—1890 гг.— 292, и почти все они были народовольцами¹¹⁵. Что касается условий, в которых жили якутские ссыльные 80-х гг.¹¹⁶, то о них коротко и ясно сказал народовольцу А. Л. Гаусману ответственный чиновник Департамента полиции Н. Ф. Русинов: «О Средне-Колымске мы ничего больше не знаем, как то, что там жить не лезь я. Поэтому мы туда и отправляем вас»¹¹⁷.

* * *

Такова была в 1879—1882 гг. судебная расправа царизма с народовольцами.

¹¹³ ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 701, л. 2 об., 6—6 об.

¹¹⁴ Литература партии «Народная воля», с. 174.

¹¹⁵ 100 лет Якутской ссылки. М., 1934, с. 175—176.

¹¹⁶ Подробно см.: Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х годов. Исторический очерк по неизданным архивным материалам. М., 1925.

¹¹⁷ Былое, 1906, № 9, с. 132—133.

Прежде чем перейти к вопросу о том, как «Народная воля» вела себя перед царским судом, важно подчеркнуть, что народовольцы с начала и до конца своей «*guerre á mort*» с царизмом отлично знали, что их ожидает, если они попадут в руки властей. Во-первых, они могли оценивать царское судопроизводство по официальным отчетам, которые печатались в газетах, как правило, о каждом политическом процессе до суда над первоартовыми включительно. Во-вторых, русская подпольная («Начало», «Земля и воля», «Народная воля») и заграничная («Община», «Набат», «Общее дело», «Вольное слово») печать предавала гласности и такие подробности судебных процессов (как, впрочем, и административного преследования), о которых умалчивали официальные отчеты. Наконец, как ни старался царизм хранить в тайне ужасы каторги и сибирской ссылки, народники не только узнавали, но и умели оповестить о них русское и европейское общество. «Земля и воля» в 1878 г. напечатала брошюру А. В. Долгушина, а «Народная воля» с 1880 г. распространяла записки В. С. Свитыча о каторжном режиме Новобелгородского централа, где содержались политические каторжники (до того как в ноябре 1880 г. централ был закрыт, и все его узники переведены на Кару)¹¹⁸. Кроме того, редакция «Народной воли» печатала на страницах своего органа и отдельными прокламациями материалы о жертвах Петропавловской крепости, Кари́йской каторги, Якутской ссылки. Из них наиболее впечатляющими были письма из Петропавловской крепости «От мертвых к живым» (июнь 1882 г.)¹¹⁹ и «Каторга и пытка в Петербурге в 1883 г.» (автор — Анна Корба)¹²⁰, а также обзор писем и корреспонденций из Сибири, опубликованный в № 8—9 «Народной воли» от 5 февраля 1882 г. под названием «Тюрьма и ссылка»¹²¹.

Эти документы «Народная воля» печатала, главным образом, для того, чтобы разоблачить перед обществен-

---

¹¹⁸ В Советской России брошюры Долгушина и Свитыча были переизданы (См.: Долгушин А. В. Заживо погребенные. Пг., 1920; Свитыч В. С. Надгробное слово Александру II. Пг., 1920).

¹¹⁹ Литература партии «Народная воля». Спб., 1907, вып. 2, с. 313—320.

¹²⁰ Там же, с. 321—329.

¹²¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 172—177.

ным мнением беззакония и жестокости, которые царизм чинил под маской правосудия, и пробудить в обществе как русском, так и европейском чувство протеста. С другой стороны, подобные разоблачения служили своеобразным *memento mori* тем, кто искал в революционной борьбе лавры, забывая о ее терниях. «Народная воля» учитывала, что документально засвидетельствованные картины жесточайшей расправы царизма с «крамольниками» могут отпугивать от революции нежелательных для нее (увлекающихся, но нестойких) попутчиков, тогда как настоящие, убежденные и сильные духом революционеры, которым не страшны ни пытки, ни казни, почерпнут из этих картин лишь новый заряд ненависти к царизму и решимость бороться до полного его уничтожения.

* * *

К тому времени, когда перед царским судом предстала «Народная воля», русские революционеры успели выработать обязательные принципы поведения на случай ареста, следствия и суда. Началась эта работа всерьез только в 70-е годы, причем «Народная воля» сочла нужным продолжить ее, уточняя и дополняя уже выработанные принципы.

До 70-х годов согласованных принципов поведения перед царским судом русские революционные организации не имели. Члены их после ареста выступали тогда не от имени своих организаций, а каждый сам по себе — в меру стойкости личных убеждений и силы характера. За время 1825—1871 гг.¹²² царизм устроил против русских революционеров четыре больших судебных процесса (декабристов, петрашевцев, ишутинцев, «32-х»). Материалы их показывают, что тогда подсудимые, даже из числа самых выдающихся революционеров, часто пасовали перед царскими судьями. Признанные вожди декабризма — П. И. Пестель и К. Ф. Рылеев, Никита Муравьев и Сергей Муравьев-Апостол, А. П. Юшневский и Е. П. Оболенский, А. А. Бестужев и С. Г. Волконский,

---

¹²² Именно с 1871 г. начались частые судебные процессы революционеров-«семидесятников».

М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский (не говоря уже о С. П. Трубецком) — в показаниях, письмах к царю и на очных ставках раскаивались и оговаривали друг друга с такой откровенностью,¹²³ которая больше подходит под определение М. Н. Покровского («моральная катастрофа») ¹²⁴, чем М. В. Нечкиной («верноподданническая поза» для сокрытия следов революционной деятельности от карателей) ¹²⁵. Объяснение же этой откровенности М. В. Нечкина дает, по-видимому, верное, хотя и не исчерпывающее: «Хрупкая (выделено мной.— Н. Т.) дворянская революционность легко надламывалась перед лицом явной победы царизма, общего разгрома движения, полной гибели планов и массовых арестов участников». И далее: «За заключенными в Петропавловской крепости участниками восстания 14 декабря не стояло революционного класса. Они не чувствовали в нем опоры и многие пали духом» ¹²⁶.

На процессе петрашевцев выражал «верноподданническую покорность» (правда, после долгого упорства) сам М. В. Буташевич-Петрашевский, калялись и другие видные петрашевцы: А. В. Ханыков, Ф. Н. Львов, Н. А.

---

¹²³ Восстание декабристов. Материалы, т. 1 (дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рыльева, Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского, Никиты Муравьева), с. 30—33, 46—47, 152—155, 189, 199—202, 237, 296, 363—364, 428, 442—448; т. 4 (П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола), с. 126, 256—261; т. 9 (М. П. Бестужева-Рюмина), с. 43, 123; т. 10 (А. П. Юшневского, С. Г. Волконского), с. 51, 115—136 и др.

¹²⁴ Восстание декабристов М.—Л., 1925, т. 1, с. X.

¹²⁵ Там же, т. 10, с. 10. Впрочем, в другом месте М. В. Нечкина оценила поведение декабристов на следствии иначе: «покаянные срывы» (Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 400).

¹²⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. 2, с. 397—398. В нашей историографии есть тенденция не объяснять, а затушевывать слабости первых русских революционеров, представлять даже капитулянтское их поведение на следствии и суде вполне достойным (см. напр.: Артемьев С. А. Следствие и суд над декабристами. — Вопросы истории, 1970, № 2). Сторонники этой тенденции не учитывают обстоятельства, которое метко сформулировал В. А. Зайцев: «Революционное движение свято, но и его надо исследовать со всеми присущими ему противоречиями. Существа, которые стали бы воздавать звездам почести, вместо того, чтобы исследовать их внутреннее строение, недалеко бы ушли вперед в своем развитии» (Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, М., 1969, т. 246, вып. 14, с. 6—7).

Момбелли, Д. Д. Ахшарумов, Н. П. Григорьев. Откровенные показания дал Н. А. Спешнев¹²⁷. На процессе ишутинцев из 19 подсудимых, выступивших с последним словом, 13 заявили о раскаянии и просили милосердия¹²⁸.

Очевидно, и петрашевцы и ишутинцы падали духом перед царскими судьями отчасти по той же причине, что и декабристы: за ними не было революционного класса, который мог бы служить им опорой. Правда, ишутинцы были уже представителями нового, разночинского поколения русских революционеров, которое и по происхождению, и по убеждениям было дальше от господствующего класса и ближе к народу, чем декабристы или даже петрашевцы. Но тот факт, что действовать ишутинцам довелось в обстановке глубокого спада революционного движения, и все их попытки поднять народ на борьбу оказались тщетными,— этот факт, конечно, деморализовывал их перед угрозой судебной расправы. Почти то же самое следует сказать и о подсудимых по делу «32-х» (1862—1865 гг.) — самому крупному за 60-е годы в количественном отношении. Многие из них откровенничали перед судом, раскаивались, а то и выдавали все, что знали¹²⁹. Впрочем, по этому делу больше судилось случайных лиц, чем революционеров.

Возможно также в какой-то степени, поскольку тогда революционеры официально не согласовывали правила поведения после ареста, что кто-то из декабристов, петрашевцев, ишутинцев каялся из тактических соображений, а именно из расчета получить, хотя бы ценой самоунижения, свободу и продолжить борьбу. Классический пример *такого* раскаяния — «Исповедь» М. А. Бакунина, обращенная к Николаю I из Алексеевского рavelина в июле 1851 г., и его же прошение о помиловании на имя Александра II из Шлиссельбургской крепости в феврале

---

¹²⁷ Дело петрашевцев. М.—Л., 1937, т. 1, с. 182, 194, 389, 427; М.—Л., 1951, т. 3, с. 25, 128, 252; Семевский В. И. Следствие и суд по делу петрашевцев. — Русские записки, 1916, № 10, с. 29, 31.

¹²⁸ Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. М.—Л., 1930, т. 2, с. 322—340.

¹²⁹ Лемке Мих. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. Спб., 1908.

1857 г. Бакунин каялся, но никого не выдавал¹³⁰. Это и была «верноподданническая поза».

Революционные круги (как, впрочем, и все русское общество) своевременно узнавали о «покаянных срывах» борцов, плененных царизмом, ибо власти по обыкновению печатно оповещали об этом страну. В донесении следственной комиссии по делу декабристов, в приговоре петрашевцам и «32-м» и в правительственном сообщении о результатах следствия по делу ишутинцев особо оговорены случаи, когда революционеры раскаивались и выдавали друг друга¹³¹. Это обстоятельство, по-видимому, явилось одной из главных причин, которые заставили русских революционеров заняться выработкой обязательных принципов поведения после ареста.

Первые документально засвидетельствованные попытки такого рода относятся к 60-м годам. «Ответ «Великоруссу» (1861 г.) Н. А. Серно-Соловьевича наставлял революционеров быть стойкими и верными своему делу везде — при составлении «тайных союзов», в заточении, ссылке и на эшафоте¹³². Ишутинцы пытались уже согласовать конкретные правила поведения. По данным следствия, между ними на одной из сходов «было положено в случае ареста не делать сознания и при этом условлено, как и что говорить; некоторые же из главных и ближайших сообщников преступления (имеется в виду покушение Д. В. Каракозова.— Н. Т.) соглашались между собой заpastись ядом стрихнином для отравления себя, если бы от них при допросах стали вымогать признание»¹³³. На суде выяснилось, что у ишутинцев также «существовало правило: кто выдаст, того выдавать»¹³⁴. Но дальше предварительной договоренности дело не пошло; согласовать обязательные для всех принципы и за-

---

¹³⁰ В самом начале «Исповеди» он поставил условие: «Не требуйте от меня, чтоб я вам исповедовал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои». Николай I против этих слов пометил: «Этим уже уничтожает всякое доверие...» (Материалы для биографии М. Бакунина. М.—Пг., 1923, т. 1, с. 103).

¹³¹ Государственные преступления в России в XIX в. /Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Спб., 1906, т. 1, с. 20, 26, 27, 34, 35, 39, 44, 105, 108, 141.

¹³² Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 236—237.

¹³³ Государственные преступления в России в XIX в., т. 1, с. 138.

¹³⁴ Покушение Каракозова, т. 1, с. 48.

крепить их каким-либо уставным документом ишутинцы не успели.

Только в 70-е годы, когда, с одной стороны, росла и разнообразилась революционная практика, требуя все более гибкого руководства, которое охватывало бы все ее возможные формы, а с другой,— участились политические процессы с новыми, не виданными ранее, чертами гласности, публичности, состязательности, революционеры настойчиво стали вырабатывать обязательные принципы поведения после ареста.

Необходимость в этом стала особенно жгучей в результате разгрома «хождения в народ» летом 1874 г., когда по всей России разом были арестованы 4 тысячи человек и началась подготовка грандиозного политического процесса (который потом вошел в историю под названием «Большой процесс» или «Процесс 193-х»). В специальной статье по этому поводу П. Л. Лавров предупредил тогда революционеров, что законность царского судопроизводства (хотя и реформированного в 1864 г.) фиктивна: «Вам можно надеяться только на самих себя. Закон не защитит вас. Судьи-палачи не пощадят вас». Лавров требовал, чтобы подсудимые и перед таким судом держались мужественно: «Вы можете, вы должны завоевать себе уважение как личности. Вы не можете, вы не должны дозволить бросать грязь на ваше знамя, на ваши убеждения». Однако использовать в интересах революции какие-либо процессуальные достоинства реформированного суда Лавров в 1874 г. не считал возможным и поэтому вдохновлял подсудимых не столько на борьбу, сколько на мученичество. «Помните,— обращался он к ним,— что раз вы в руках суда, вероятность вашей дальнейшей активной деятельности очень невелика... Но вы можете действовать сильно, хотя и пассивно, при посредстве страданий, которые вы вписываете в мартиролог русского социализма. Позаботьтесь, чтобы ваше имя вдохновляло других идти по той же дороге, к той же цели, на те же мучения. Ваш мартиролог есть, может быть, ваше последнее оружие. Выковывайте его крепче и чище. Ваша энергия может воодушевить многих. Ваше слабодушие может ослабить еще большее число»¹³⁵.

---

¹³⁵ Лавров П. Л. Процесс. — Вперед! Лондон, 1874, т. 3, с. 228, 230.

Точно так же наставлял деятелей «хождения в народ» другой заграничный орган революционного народничества «Работник» в статье «Как отзовется в народе последний суд!» по поводу процесса В. М. Дьякова и др. (№ 9 за 1875 г.): «...Пока суд стоит так, что сытые судят голодного, грабители — ограбленного, враги народа — его друзей, от суда нечего ждать ни правды, ни милости... Конец все равно один, так лучше уж не унижаться, не вывертываться, как будто и в самом деле думаешь, что судьям есть дело до правды; лучше же прямо плюнуть в глаза этим судьям и молчать»¹³⁶. Но при недостатке улик «Работник» советовал подсудимым использовать декларированную уставами 1864 г. возможность защиты и «вывертываться» в меру этой возможности: «Пока судьи еще не признали в тебе кровного врага своего, пока еще можно тебе отвести им глаза, не запутав никого, до тех пор вывертывайся; может быть, и удастся уйти из их лап»¹³⁷.

Такая тактика диктовалась логикой любого судопроизводства, как наиболее целесообразная. Ей, в частности, следовал на своем процессе 1863—1864 гг. Н. Г. Чернышевский, когда он, с одной стороны, упорно отрицался от инкриминированных ему преступлений, подчеркивая: «Сколько бы меня ни держали, я поседею, умру, но прежнего своего показания не изменю», а с другой стороны, вскрывал юридическую несостоятельность каждого из взведенных на него обвинений, доказывая по тем же данным, которыми располагало следствие, что с Герценом его разделяют «политические несогласия» и «личная неприязнь», что он, Чернышевский, «не социалист» и т. д.¹³⁸.

Однако год от году опыт политических процессов ломал привычные представления о возможностях подсудимых. Процессы 1877—1878 гг. (особенно «50-ти» и «193-х») показали, что подсудимые способны не только пассивно страдать, но и активно бороться на суде, причем не вывертываться из лап судей, а судить их самих.

---

¹³⁶ Газета «Работник» (1875—1876) /Под ред. В. И. Невского. М., 1933, с. 80.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Дело Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968, с. 238, 314, 386 и др.

Так именно строились речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной на процессе «50-ти», Ипполита Мышкина на процессе «193-х». Дело «193-х» подсказало революционерам, что формы активной борьбы на суде могут быть разные: не только программная речь, но, к примеру, и организованный бойкот суда. Очевидной стала и возможность использовать в интересах подсудимых некоторые процессуальные гарантии (право делать суду заявления, относящиеся к порядку судебного разбирательства, — о нарушениях гласности, состязательности и т. д., вмешиваться в допрос свидетелей, консультироваться с адвокатами, самим выступать с защитительными речами в случае отказа от адвокатов, произносить последнее слово). С другой стороны, на каждом процессе обнаруживалось, как предвзято, а то и мошеннически сфабрикованы из показаний обвиняемых материалы жандармского дознания и предварительного следствия.

Поэтому землевольцы весной 1878 г. включили в текст устава следующий пункт: «Член основного кружка, попавший в руки правительства с явными уликами, должен на предварительном следствии и дознании отказаться от дачи показаний, а на суде руководиться интересами дела, а не личными»¹³⁹. Тот факт, что устав революционной организации впервые в России особо формулировал принципы поведения на дознании, следствии и суде, показателен для конца 70-х годов. Тогда политические процессы уже стали важным фронтом борьбы между революционерами и правительством, причем революционеры удостоверились, что на дознании и следствии любое их заявление может быть подделано в пользу обвинения, тогда как на суде при наличии (пусть весьма относительном) публичности, гласности, состязательности подсудимые отчасти уравниваются в процессуальных правах с обвинителями и получают кое-какие возможности как для изложения, так и для защиты своих взглядов.

Естественно, что «Земля и воля» обязала своих членов на дознании и следствии вообще не давать никаких показаний, зато предоставила им свободу действий на суде, предписав только «руководиться интересами дела, а не личными». Интересно, что такого же правила еще с

---

¹³⁹ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 89.

30-х годов держались французские революционеры, и Ф. Энгельс, зная о нем, ставил его в пример немецким социал-демократам. Вот что писал он А. Бебелю 13—14 сентября 1886 г.: «Одному вы можете поучиться у французов. Уже 50 лет там у всех революционеров существует правило: обвиняемый *отказывается* давать следователю *какие бы то ни было показания*. Следователь имеет право спрашивать, а обвиняемый имеет право не отвечать, не возводить обвинений на самого себя и на своих товарищей. Раз и навсегда принято, что всякий отход от этого правила рассматривается как полуизмена, и оно дает огромную выгоду во всех процессах. Зато потом, во время публичного разбирательства дела, руки развязаны. Ведь на предварительном следствии протоколы составляются так, что показания фальсифицируют, а затем всяческими приемами подсовывают обвиняемым для подписи. Подумайте-ка об этом»¹⁴⁰.

Народовольцы, поскольку они, во-первых, учли опыт многочисленных политических процессов 1871—1879 гг., а, во-вторых, сами стали жертвами не меньшего числа столь же громких процессов, заботились о поведении революционеров перед судом еще больше, чем все их предшественники. «Суд — это экзамен для каждого революционера», — таков был взгляд «Народной воли»¹⁴¹.

Держась этого взгляда, народовольцы в первом же (липецком) варианте устава ИК подтвердили «судебный» параграф «Земли и воли», но дополнили и уточнили его: «Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний и ни в коем случае не может назвать себя членом Комитета. Комитет должен быть невидим и недосыгаем. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую связь с Комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества»¹⁴².

---

¹⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 447.

¹⁴¹ Добрускина Г. Н. Автобиография. — Энци. словарь Гранат, т. 40, приложение 2, с. 125; о том же см.: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов. М.—Л., 1925, с. 175.

¹⁴² Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947, т. 2, с. 513. (липецкий вариант устава дошел до нас только в изложении Морозова на память.)

Правило не называть себя членом ИК соблюдалось неукоснительно. Народовольцы использовали его для того, чтобы внушить правительству даже в тех случаях, когда оно судило вождей партии (Желябова, Александра Михайлова, Перовскую), будто у него в плену лишь второстепенные деятели, а главные — все еще на свободе. И Желябов, и Перовская, и Михайлов, и другие члены ИК называли себя перед судом *агентами* Комитета. Это, по справедливому замечанию Г. В. Плеханова, «не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета»¹⁴³, ибо все непосвященные умы думали, что если даже такие люди, как Желябов и Перовская, — всего лишь агенты ИК, то каковы же должны быть члены Комитета! «Когда мы (ярославские лицеисты. — Н. Т.) прочли заявление Желябова о том, что он является в организации «Народной воли» только агентом 3-й степени¹⁴⁴, — вспоминал А. В. Геденовский, — то мы решили, что при такой силе революционной партии, при такой геройской борьбе не может быть и речи о длительном существовании самодержавия»¹⁴⁵.

Зато требование «отказаться в случае ареста от всяких показаний» и, особенно, «выпутываться» из дела, хотя бы и для того, чтобы «далее служить целям общества», часто не выполнялось, так оно не гармонировало с героико-романтическим настроением народовольцев. «Мысль, что их могут принять за испугавшихся или малодушных, — свидетельствовал Н. А. Морозов, — казалась им до того невыносимой, что они забывали в эту минуту обо всяких руководящих правилах. Большинство объявляли себя по уставу агентами третьей степени, но затем излагали целиком всю свою революционную деятельность, не касаясь лишь деятельности товарищей»¹⁴⁶. Правда, сам Морозов «не делал ничего подобного, так как ни на миг не забывал, что какие бы то ни было при-

---

¹⁴³ Плеханов Г. В. Соч. М., 1926, т. 12, с. 427.

¹⁴⁴ Агентами именно 3-й степени называли себя после ареста, как правило, все члены ИК. Так как, согласно уставу ИК, агенты были двух степеней доверия, из которых высшей считалась вторая, то фактически третья степень (казавшаяся постороннему глазу низкой) и означала членство в ИК.

¹⁴⁵ Геденовский А. В. Ярославский революционный кружок 1881—1886 гг. — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 96.

¹⁴⁶ Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. 2, с. 515.

знания непоследовательны с точки зрения заговорщика, обязавшегося держать втайне все дела своей организации»¹⁴⁷. Вот полный текст его первого и последнего показания по делу «20-ти» от 24 апреля 1881 г.: «По убеждениям своим я террорист, но был ли террористом по практической деятельности, предоставляю судить правительству. Я не считаю для себя возможным дать какие-либо сведения по предмету обвинения меня в липецком съезде, в участии в покушении 19 ноября 1879 г. в г. Москве и вообще на все вопросы по существу дела, так как моя жизнь до ареста тесно связана с жизнью других лиц, и мои разъяснения, хотя бы они и относились только лично ко мне, могли бы повлиять на судьбу моих знакомых и друзей, как уже арестованных, так и находящихся на свободе. Николай Морозов»¹⁴⁸.

Подобным же образом, точно по уставу, вели себя после ареста и некоторые другие члены ИК, в частности М. Ф. Фроленко и А. В. Якимова. Фроленко в одном из неопубликованных писем к Вере Фигнер (от 26 марта 1932 г.) так рассказал о своем поведении на следствии по делу «20-ти»: «Меня только дважды вызывали из Трубецкого (бастиона. — Н. Т.) на следствие, и оба раза я заявил, что показаний до суда не буду давать, и они меня больше не тревожили и ни о чем не спрашивали, показав лишь Меркулову при втором вызове»¹⁴⁹. Действительно, весь текст второго показания Фроленко занял три строки: «Зовут меня Михаил Федоров Фроленко. На вопросы об участии моем в деле Первого марта, а также о посылке денег Фердинанду Люстигу отвечать не желаю»¹⁵⁰.

Собственно, на процессах 1880—1882 гг. никто более из членов ИК, кроме Фроленко, Морозова и Якимовой, не отказывался на дознании и следствии от показаний, если только личность его была установлена¹⁵¹. Вопреки

---

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 505, л. 341 об.—342.

¹⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 805, л. 72 об.

¹⁵⁰ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 509, л. 262.

¹⁵¹ Члены ИК С. А. Иванова и Н. К. Бух тоже не давали никаких показаний (по делу «16-ти»), пока властям не удалось опознать их (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 525, т. 10, л. 23—24 об., 26—27, 55, 82).

уставному требованию, они излагали свои революционные дела (как, например, Желябов, Перовская Суханов), а еще чаще писали обширные автобиографические заявления, каждое из которых можно озаглавить: «Почему я стал революционером?» Такие показания и заявления безнадежно уличали их авторов, однако против кого-либо из «единомышленников» и «соучастников» никаких улик властям не давали.

Член ИК Н. Н. Колодкевич на первом же допросе по делу «20-ти» 10 февраля 1881 г. заявил: «Прежде чем приступить к ответам на вопросы по существу, я должен предварить, что буду показывать то, что касается лично меня, но не буду упоминать о тех лицах, с которыми приходил в соприкосновение в моей революционной деятельности. Сегодня, однако, не буду давать показаний, так как не составил план объяснения, а посему и прошу отложить мой допрос до 12 февраля»¹⁵². Этого правила Колодкевич и придерживался на всех допросах¹⁵³, точно так же, как и все другие члены ИК, которые, оказавшись в заключении, находили (в нарушение устава), что пленному революционеру перед лицом неизбежно жестокой кары (зачастую и смертной) более приличествует показать и врагу, и современнику и, возможно, будущему историку все, что он сделал, чем отказаться от всяких показаний. Н. Е. Суханов еще до ареста говорил товарищам по Военной организации «Народной воли»: «Наше дело, господа, чистое, и мы не должны давать ни малейшего повода думать, будто стыдимся своего дела или боимся ответственности; мы должны всегда с гордостью заявлять, кто мы и что мы делаем, а не вилить в разные стороны»¹⁵⁴. П. А. Теллалов же на процессе «17-ти» заявил в лицо судьям: «В таких серьезных делах, как дела о государственных преступлениях, всякое укрывательство мы считаем по меньшей мере предосудительным»¹⁵⁵. Поэтому, отдавая должное стойкости, верности революционному долгу и дисциплинированно-

---

¹⁵² ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 504, ч. 2, л. 486.

¹⁵³ Там же, л. 510—511.

¹⁵⁴ Серебряков Э. А. Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 44—45.

¹⁵⁵ Речи подсудимых в процессе «17-ти». — Былое, 1906, № 12, с. 243.

сти народовольцев типа Морозова или Фроленко, нельзя не признать согласными с революционной этикой и, в конечном счете, еще более выигрышными для революции, чем морозовское или фроленковское заpiresательство, судебнo-следственные показания таких «нарушителей» устава ИК, как Желябов и Перовская, Александр Михайлов и Квятковский, Ширяев и Колодкевич¹⁵⁶.

Разумеется, с точки зрения революционной целесообразности, более правильным, практичным для народовольцев было следовать на допросах букве устава (как это делали Морозов и Фроленко), ибо таким путем они затрудняли властям сбор улик против обвиняемых, а стало быть, сохраняли надежду на смягчение приговора, сохранение жизни и продолжение борьбы, не теряя при этом революционного достоинства.

Заметим здесь, что в том тексте окончательного варианта устава ИК, который впервые был опубликован В. Л. Бурцевым в 1924 г.¹⁵⁷ и перепечатан под редакцией С. С. Волка в 1965 г.¹⁵⁸, нет пункта о поведении после ареста. Трудно допустить, что народовольцы при доработке устава летом и осенью 1879 г., когда один за другим шли политические процессы террористов, исключили такой пункт. Более вероятно другое. В. Л. Бурцев напечатал устав в качестве копии с копии, найденной в бумагах жандармского генерала В. Д. Новицкого. Некоторые исследователи «Народной воли» (Б. И. Николаевский, В. А. Твардовская) взяли этот документ под сомнение, резонно ссылаясь на то, что никаких доказательств его подлинности нет, и сами народовольцы, члены ИК (Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова и др.), зная о нем, не только не засвидетельствовали его достоверность, но, напротив, «полностью его игнорировали: он не включен ни в один из сборников документов «Народной воли»¹⁵⁹. Поэтому отсутствие пункта о поведении после ареста в документе, ко-

---

¹⁵⁶ Для современного историка эти показания служат теперь драгоценными документами, помогающими уяснить не только идеологию и практику, но и психологию народовольцев.

¹⁵⁷ На чужой стороне. Берлин-Прага, 1924, № 7.

¹⁵⁸ Революционное народничество 70-х годов, т. 2.

¹⁵⁹ Твардовская В. А. Организационные основы «Народной воли». — Исторические записки, 1960, т. 67, с. 103.

торый нашел Бурцев, еще не доказывает, что такой пункт отсутствовал и в подлинном тексте устава ИК.

Ряд косвенных данных заставляет думать, что этот пункт был перенесен из липецкого в окончательный вариант устава. Свидетельства Н. А. Морозова: «Этот параграф почти всегда нарушался после ареста... Я же сам не делал ничего подобного...»¹⁶⁰, — явно относятся к значительному числу народовольческих процессов, включая процесс «20-ти», по которому судился сам Морозов. Между тем к тому времени, когда был утвержден окончательный текст устава (до зимы 1879—1880 гг.), не состоялся еще ни один из процессов «Народной воли», и если бы параграф о поведении после ареста был действительно исключен из устава ИК, Морозову незачем было бы разъяснять, почему «этот параграф почти всегда нарушался».

В 1880—1882 гг. члены ИК неизменно интересовались правилами поведения после ареста, стараясь уточнить и единообразить их. Напечатанная в первом же номере органа «Народной воли» «Последняя исповедь» Минского служила своеобразным напутствием для тех, кому предстояло оказаться в суде и на эшафоте. А. Д. Михайлов в письмах к товарищам из тюрьмы в дни процесса «20-ти» советовал выработать «определенный план единообразного поведения на дознании и суде»¹⁶¹. «Завещание» Михайлова от 16 февраля 1882 г., в котором оценивались жизненно важные стороны деятельности партии, содержало и такое наставление: «Завещаю вам, братья, установить единообразную форму дачи показаний до суда, причем рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок»¹⁶². Иными словами, Михайлов советовал держаться на дознании так, как это было предписано уставом ИК, но считал нужным дополнить слишком общее уставное предписание, «определенным планом единообразного поведения на дознании и суде». Рукопись, отнятая при обыске 5 июня 1882 г. у М. Ф. Грачевского,

---

¹⁶⁰ Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. 2, с. 51Б.

¹⁶¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 195.

¹⁶² Там же, с. 210.

тоже предостерегала народовольцев как от сознательных «оговорщиков», так и от случайных оговоров, возможных при любом объяснении на дознании¹⁶³.

Принцип отказа от объяснений на дознании, сформулированный в липецком тексте устава ИК, был затем включен и в «Устав дружины (подгруппы) рабочих», который обязывал каждого вступающего в дружину дать «обещание вести себя перед властями в случае ареста с достоинством, не вредя своими показаниями товарищам; при аресте с несомненными доказательствами виновности — обещание отказаться от дачи каких бы то ни было показаний»¹⁶⁴. «Устав организации Гороблагодатских рабочих дружин тайного общества «Народная воля» формулирует точно такие же требования¹⁶⁵. Таким образом, рядовые (в данном случае, рабочие) члены партии обязывались следовать тому же принципу поведения после ареста, который еще в Липецке был объявлен уставным для членов ИК. На этом основании можно заключить, что формулировка принципа, о котором идет речь, не только не исключалась из устава ИК, но и распространялась на уставные документы вспомогательных организаций «Народной воли».

Итак, в общих чертах поведение народовольцев на дознании и суде регламентировалось уставными требованиями партии, хотя один существенный пункт этих требований, предписывавший отказываться от всяких показаний, чаще нарушался, чем выполнялся. Что же касается плана, который, по мысли А. Д. Михайлова, должен был конкретизировать требования устава, то его народовольцы выработать не успели. Поэтому на суде, в зависимости от характера и доказуемости обвинения, меры процессуальных ограничений, возможности сношений между подсудимыми и подсудимых с волей, а также от прочих условий, они избирали разную тактику поведения, заботясь только о том, чтобы она не вредила интересам партии: либо открыто провозглашали себя чле-

---

¹⁶³ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 531, л. 877—877 об.

¹⁶⁴ Четыре уставных документа «Народной воли» /Подготовил к печати Б. С. Итенберг. — Исторический архив, 1962, № 3, с. 136—137. «Устав дружины» составлялся в конце 1880 или в начале 1881 г., т. е. полутора годами позднее липецкого устава ИК.

¹⁶⁵ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 352.

нами-партии и мотивировали ее требования (как это делали, например, А. А. Квятковский, С. Г. Ширяев, А. И. Желябов, Александр Михайлов), либо признавали себя членами партии, но отказывались от каких бы то ни было показаний (как Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова), либо (в тех случаях, когда обвинению не доставало улик) отрицали даже свою принадлежность к партии (так, например, поступали М. В. Ланганс, Л. С. Златопольский, А. Б. Арончик). Сама практика политических процессов подсказывала народолюбцам различные способы поведения, которые можно было использовать без ущерба для революционного достоинства партии.

Процессы «Народной воли» сразу же обратили на себя внимание современников новыми, отличными от прежних процессов чертами. Во-первых, бросалась в глаза внешняя корректность поведения подсудимых. М. Н. Катков в передовой статье «Московских ведомостей» по поводу процесса «16-ти» не преминул отметить: «Скандалов, какими отличались прежние процессы, не было»¹⁶⁶. В этой связи Н. Ф. Анненский сделал интересное и, в сущности, верное, хотя и несколько шаржированное сопоставление: «В Большом процессе («193-х» — Н. Т.) наивные идеалисты и мечтатели ругались, потрясали решетками, наводили ужас на судей. Это было в семьдесят восьмом году. А через два-три года перед теми же сенаторами, безупречно одетые в черные пары и в крахмальных воротничках, Александр Квятковский и потом Желябов давали в корректнейшей форме показания: «Я уже имел честь объяснить суду, что бомба, назначенная для покушения на императора, была приготовлена там-то и состояла из следующих частей...»¹⁶⁷.

Корректность подсудимых народолюбцев в какой-то степени, вероятно, объясняет, почему царизм на первых процессах «Народной воли» был несколько снисходителен к состязательности сторон. Судьи могли рассчитывать, что сами подсудимые, поскольку они отказались чинить анархистские обструкции обвинению, в «честном»

---

¹⁶⁶ Московские ведомости, 1880, 6 ноября.

¹⁶⁷ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1954, т. 6, с. 197.

процессуальном поединке будут посрамлены коронными юристами, а что касается их террористических идей, то они лишь возмутят и отвратят от крамолы все слои общества.

Другой, менее заметной для постороннего глаза, но несравненно более важной особенностью народовольческих процессов было правило подсудимых заявлять о своей принадлежности к революционной партии и пропагандировать идеи и дела партии. Если до процесса «50-ти» русские революционеры скрывали перед судом свои убеждения, не произносили программных речей и категорически отрицали наличие какой-либо революционной организации, если на процессах «50-ти» и «193-х» иные из них смело исповедовали свои революционные убеждения и произносили программные речи, но опять-таки не сознавались в принадлежности к революционной организации, то для процессов «Народной воли» обычными стали программные речи подсудимых *от имени революционной партии и организации*, принадлежность к которой утверждалась с вызовом и гордостью.

Никогда ранее царский суд не слышал таких *партийных* заявлений, как то, которое сделал на первом же процессе партии «Народная воля» член ИК С. Г. Ширяев: «Как член партии я действовал в ее интересах и лишь от нее, да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью»¹⁶⁸. От имени партии и, главным образом, о партии говорил на процессе первоапрельцев А. И. Желябов. Первоприсутствующий старался сбить его с партийной декларации к частным объяснениям, одергивал, требовал говорить только о себе лично:

«Первоприсутствующий. Вы опять говорите о партии...

Подсудимый Желябов. Я принимал участие в ней!»¹⁶⁹.

Глубоко партийными были и объяснения на процессе

---

¹⁶⁸ Процесс 16-ти террористов. Спб., 1906, с. 228.

¹⁶⁹ Дело 1 марта 1881 г., с. 340.

«20-ти» А. Д. Михайлова, который гордо заявил о себе: «Я член партии и организации «Народной воли»¹⁷⁰.

Заявления подсудимых о принадлежности к революционной партии случались и до «Народной воли», но лишь как исключения из правила. Пожалуй, только Валериан Осинский 7 мая 1879 г. в Киевском военно-окружном суде перед угрозой неминуемого смертного приговора заявил судьям по-народовольчески вызывающе, что имеет честь принадлежать к русской революционной партии¹⁷¹. В целом же, как разъяснила «Народная воля» в № 2 от 15 ноября 1879 г., «подсудимые первых политических процессов¹⁷² не так открыто заявляли о принадлежности своей к партии: еще революция не имела тех прав в глазах своих приверженцев, какие она имеет теперь, еще не считалось обязанностью честного человека становиться в ее ряды, еще члены ее не могли считать за честь принадлежать к ней, когда она только что нарождалась и ничем себя не заявляла»¹⁷³.

С другой стороны, и на процессах «Народной воли» случались отказы от принадлежности к партии, но они были таким же исключением из правила, каким до «Народной воли» являлось признание этой принадлежности.

Судебные процессы по делам о «Народной воле» начались с февраля 1880 г. на Украине. Первым из них был процесс в Киевском военно-окружном суде 27 февраля по обвинению студента Киевского университета Иосифа Розовского в распространении прокламаций ИК. С 14 по 26 июля в Кieve судились участники объединенного кружка народовольцев и чернопеределъцев во главе с членом «Черного передела» М. Р. Поповым и народовольцем Д. Т. Буцинским, а 19 августа — участник Каменец-Подольской группы «Народной воли» Дмитрий Пшыбысов с товарищами. Наконец, в Харькове с 22 сентября по 2 октября 1880 г. слушался процесс группы

---

¹⁷⁰ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906, с. 67.

¹⁷¹ Процесс социалистов В. Осинского, С. Лешерн-фон-Герцфельд и И. Волошенко. Краткий отчет заседания Киевского военно-окружного суда. Б. м., 1879, с. 5.

¹⁷² Имеются в виду процессы только 1870-х годов, но сказанное здесь в еще большей степени относится и ко всем предыдущим политическим процессам в России, начиная с декабристов.

¹⁷³ Литература партии «Народная воля», с. 34.

участников Харьковской народовольческой организации. Все эти процессы не имели большого общественного значения, поскольку обвиняемые держались разрозненно и пассивно, воздерживались от программных речей и о самом существовании партии «Народная воля» не говорили. Такое их поведение объяснялось, видимо, тем, что, во-первых, состав подсудимых был слабым и разнородным (народовольцы, чернопередельцы, случайные лица), а во-вторых, и программные требования «Народной воли» к тому времени, когда участники перечисленных процессов оказались в неволе, еще не были окончательно выработаны¹⁷⁴.

Только на процессе «16-ти», который проходил в Петербурге с 25 по 30 октября 1880 г., «Народная воля» впервые заявила о себе как партия. И по характеру обвинения, которое инкриминировало подсудимым главные дела «Народной воли» от липецкого съезда до взрыва в Зимнем дворце, и по составу подсудимых, среди которых оказались пять членов и три агента ИК, это был процесс не отдельных народовольцев и не какой-либо местной группы «Народной воли», как ранее, а именно процесс партии. Подсудимые (в первую очередь, А. А. Квятковский и С. Г. Ширяев) подчеркнули эту особенность процесса своими выступлениями, из которых царский суд и, ввиду гласности процесса, всё русское общество впервые увидели воочию, что такое партия «Народной воли», каковы ее идеалы и средства, деловые качества и моральный облик бойцов.

После процесса «16-ти» и только после него уже нельзя было больше посётовать на загадочность «красного террора», подобно тому, как в марте 1880 г. это сделал профессор Петербургского университета В. Васильев: «Что мы знаем об этих страшных привидениях и призраках, которые бродят между нами, о которых и узнаем только после страшных оставленных ими следов, когда

---

¹⁷⁴ Самый ранний из программных документов «Народной воли» — «Программа Исполнительного комитета» — в ноябре 1879 г. только еще обсуждался, а напечатан был в № 3 органа партии от 1 января 1880 г. (причем почти весь тираж этого номера попал в руки полиции) и отдельным изданием — 22 марта 1880 г. Между тем, участники процессов, о которых идет речь, арестовывались большей частью еще до начала или в самом начале 1880 г.

они уже исчезнут? Кто знает о них более, кто видал их лицом к лицу?»¹⁷⁵.

Показательно, что власти в лице прокурора Петербургской судебной палаты В. К. Плеве именно по материалам процесса «16-ти» составили для служебного пользования «Очерк происхождения, развития, организации и деятельности русской социально-революционной партии» («Народной воли»). Этот первый по времени очерк истории «Народной воли» (датирован 22 августа 1880 г.) весьма добросовестно, без ругательств, которые в данном случае были бы лишними, поскольку очерк не подлежал распространению в обществе, пересказывал следственные показания Ширяева и Квятковского о возникновении, целях и средствах борьбы «Народной воли», хотя организационное устройство партии (о чем народо-вольцы перед судом умалчивали) изображал путано, по Г. Д. Гольденбергу: партия, мол, «по своей организации распадается на две части — распорядительную комиссию и исполнительный комитет», из которых «первая выносит решения, а второй их исполняет»¹⁷⁶.

Не случайно сами народо-вольцы называли процесс «16-ти» своим первым процессом¹⁷⁷, между тем как хронологически он не был таковым. На нем впервые практически определилась та линия поведения, которой подсудимые народо-вольцы с тех пор держались всегда, — особенно на процессах 1880—1882 гг., пока в стране сохранялись признаки революционной ситуации, а в судопроизводстве по государственным преступлениям — остатки публичности, гласности, состязательности.

Обстановка революционного подъема 1879—1881 гг. и отчасти 1882 г. не могла не повлиять на поведение как судей, так и подсудимых. Если суд в той обстановке боялся подсудимых и с оглядкой на высшую администрацию лавировал между желанным упразднением законности судопроизводства и вынужденным (до тех пор, пока правительство не вышло из кризиса) соблюдением хотя бы ее видимости, то подсудимые под впечатлением революционного подъема действовали целеустремленно

---

¹⁷⁵ Новое время, 1880, 6(18) марта.

¹⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7779, л. 259 об.—260.

¹⁷⁷ Воспоминания Н. К. Буха об этом процессе так и названы «Первый процесс народо-вольцев» (Каторга и ссылка, 1931, № 7).

и наступательно. Их выступления, будь то показание, защитительная речь или последнее слово, были полны революционного оптимизма, веры в неодолимость социалистических идей — даже перед лицом смерти. Так выступали не только лидеры и трибуны партии (Квятковский и Ширяев, Желябов и Кибальчич, Александр Михайлов и Суханов) и не только их ближайшие помощники — например, агент ИК Николай Желваков, воскликнувший перед казнью на эшафоте: «От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!»¹⁷⁸. Так выступали и рядовые народовольцы, вроде малограмотного рабочего Якова Тихонова, который в последнем слове перед смертным приговором сказал: «Я знаю, мне и другим товарищам осталось всего несколько часов до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мною не погибнет. Ее нельзя бросить, как нас, в мрачные тюрьмы, ее нельзя повесить»¹⁷⁹.

При таком настроении народовольцы считали своим долгом обосновывать и в следственных показаниях, и в судебных речах закономерность вызревания русской революции и неизбежность ее. М. Ф. Грачевский на допросе 5 августа 1882 г. подчеркивал, что революция predetermined социальными-экономическими уродствами российской действительности: до 1861 г. это был «крепостной гнет во всех его проявлениях», а после 1861 г. — «недоконченность реформ», отдавшая крестьян «на съедение капиталу и представителям власти», самодержавный деспотизм и произвол, настойчивые усилия правительства «задушить умственную и нравственную жизнь народа»¹⁸⁰. В этой связи на процессе «20-ти» Т. И. Лебедева¹⁸¹ и, особенно, Н. Е. Суханов доказывали, что, по

---

¹⁷⁸ Из Одессы. — На родине, Женева, 1883, № 3, с. 58.

¹⁷⁹ Процесс 16-ти террористов, с. 228.

¹⁸⁰ Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Красный архив, 1926, т. 5, с. 151—156. О бедственном положении масс как о главной предпосылке русской революции народовольцы говорили и в судебных речах — например, Квятковский на процессе «16-ти», Суханов на процессе «20-ти» (Процесс 16-ти террористов, с. 226; Процесс 20-ти народовольцев, с. 96). Рассуждения Желябова на процессе первомайцев о бедствиях крестьянства были изъяты цензурой из официального отчета, но дошли до нас в записи корреспондента лондонского «Таймс» (Footman D. Red Prelude, A Life of A. J. Zhelyabov. Second Edition. London, 1968, p. 213).

¹⁸¹ Процесс 20-ти народовольцев, с. 102—104.

мере того как царизм тщится искоренить «крамолу», она, наперекор всем репрессиям, вовлекает в себя все больше и больше людей. «Если не изменятся наши порядки, — говорил Суханов, обращаясь к судьям, — то на этой скамье подсудимых часто будут сидеть и ваши, господа, дети — дети лиц обеспеченных, дети, получившие самое строгое и нравственное воспитание»¹⁸².

Неотвратимость победы революции предрекали со скамьи подсудимых А. А. Квятковский¹⁸³, Н. И. Кибальнич¹⁸⁴, А. Д. Михайлов¹⁸⁵, обосновывали в автобиографических показаниях С. Г. Ширяев¹⁸⁶, Н. Н. Колодкевич¹⁸⁷, М. Ф. Грачевский. «Я храню глубокое убеждение, — писал Грачевский в показании от 19 августа 1882 г., — что для России период возрождения настал, и никакие громы забалканских и ташкентских героев не убьют его, а, напротив, если не вложат свои окровавленные сабли в ножны и не удовлетворят народные требования... то они должны заранее помириться с мыслью, что в раздутом ими пожаре им придется сгореть»¹⁸⁸.

Каков должен быть характер предстоящей революции (демократический или социалистический), народо-вольцы ни на следствии, ни на суде не объясняли, ограничиваясь ссылкой на то, что революция будет *народной*. Вообще доктрину народничества они в показаниях и судебных речах не излагали. Правда, все они, как правило, отводили решающую роль в грядущем обновлении России народу, провозглашая, что «дело народа может быть выиграно лишь самим народом»¹⁸⁹, «осуществление народных идеалов может произойти только посред-

---

¹⁸² ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 391, л. 10 (Речь Суханова цитируется по гектографированному изданию «Народной воли», несколько отличному от текста, опубликованного в неофициальном отчете по делу «20-ти» и в эмигрантских газетах «Вольное слово» и «Общее дело»).

¹⁸³ Процесс 16-ти террористов, с. 226.

¹⁸⁴ Дело 1 марта 1881 г., с. 348.

¹⁸⁵ Процесс 20-ти народо-вольцев, с. 70.

¹⁸⁶ Автобиографическая записка Степана Ширяева. — Красный архив, 1924, т. 7, с. 78—79.

¹⁸⁷ Из народо-вольческих автобиографических документов. — Красный архив, 1927, т. 1, с. 211.

¹⁸⁸ Автобиографические показания М. Ф. Грачевского, с. 162.

¹⁸⁹ Автобиографическая записка Степана Ширяева, с. 78.

ством народного восстания»¹⁹⁰. Софья Перовская в этой связи говорила перед судом, что «партия «Народной воли» отнюдь не считает возможным *навязывать* (выделено мною. — Н. Т.) какие бы то ни было учреждения или общественные формы народу и обществу и полагает, что народ и общество рано или поздно примут эти («Народной воли». — Н. Т.) взгляды и осуществят их в жизни»¹⁹¹.

В объяснениях народовольцев на следствии и суде сквозила мысль о нерасторжимом единстве идеалов партии и народа, о служении народу как высшем долге революционера. Желябов на вопрос судей о его занятиях так и ответил: «Служил делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом»¹⁹². Желябов особенно подчеркивал, что он «человек, из народа вышедший, для народа работавший», что вся партия, которую он представляет, — это «партия *народолюбцев-социалистов*» (выделено мною. — Н. Т.)¹⁹³. Кибальчич в судебной речи заявил, что его идеал — свободный труд на благо народа: «Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.»¹⁹⁴. Замечательно выразил отношение народовольцев к народу, к простому русскому мужику, М. Ф. Грачевский: «Он, со всеми его «потрохами», для меня дороже самого себя; я живу его интересами, думаю и гадаю за него и вместе с ним, страдаю за него больше, чем он, потому что понимаю больше его»¹⁹⁵.

Собственно, это единение целей партии с чаяниями народа и только это народовольцы и выставляли в объяснениях на следствии и суде как характерный признак народнической доктрины: «Мы решились, — говорил на суде Желябов, — участвовать во имя сознанных наро-

---

¹⁹⁰ Процесс 16-ти террористов, с. 226 (А. А. Квятковский).

¹⁹¹ Дело 1 марта 1881 г., с. 91.

¹⁹² Там же, с. 7.

¹⁹³ Там же, с. 92, 93.

¹⁹⁴ Там же, с. 88.

¹⁹⁵ Автобиографические показания М. Ф. Грачевского, с. 154—155.

дом интересов... Это отличительная черта народничества»¹⁹⁶. Подобным же образом объясняли программу народнической партии Квятковский на процессе «16-ти»¹⁹⁷ и Юрий Богданович на дознании по делу «17-ти», причем последний в показании от 5 мая 1882 г. сделал упор на том, что «Народная воля» «по своему составу, целям и средствам — то же самое, чем были раньше народники, и что она, таким образом, есть тот же самый организм, только окруженный новыми условиями»¹⁹⁸. Анализ этих новых условий и соответственно новых целей и средств, которые отличали «Народную волю» от ее предшественников, народовольцы и уделяли главное внимание в следственных показаниях и судебных речах.

Все они доказывали, что в условиях, когда царизм всей мощью правительственной системы нещадно давил всякое, даже самое мирное, проявление недовольства, революционная партия неминуемо должна была преодолеть былой аполитизм и сосредоточить усилия на борьбе с правительством за политические свободы. Об этом говорили на следствии и суде Квятковский и Ширяев, Желябов и Перовская, Александр Михайлов и Колодкевич¹⁹⁹. Суханов в своем последнем слове разъяснял, что, хотя корень всех социальных неурядиц в стране — это «крайне тяжелое экономическое положение русского народа», все же «нельзя прямо непосредственно улучшить экономическое положение, необходимо раньше добиться хоть каких-нибудь улучшений в положении политическом, получить хоть несколько политической свободы, чтобы затем уже приложить свои силы на пользу народа»²⁰⁰.

Под таким углом зрения народовольцы со скамьи подсудимых излагали свою программу политического переустройства России, очищая ее от наветов обвинительной власти. Прежде всего, они отвергали ходячее обвинение русских революционеров в анархизме. «Нас давно называют анархистами, но это совершенно невер-

---

¹⁹⁶ Дело 1 марта 1881 г., с. 339.

¹⁹⁷ Процесс 16-ти террористов, с. 225.

¹⁹⁸ Красный архив, 1927, т. 1, с. 219.

¹⁹⁹ Процесс 16-ти террористов, с. 225; Дело 1 марта 1881 г., с. 342; Процесс 20-ти народовольцев, с. 67—68; Былое, 1918, № 4—6, с. 287; Красный архив, 1927, т. 1, с. 210.

²⁰⁰ Процесс 20-ти народовольцев, с. 96.

но, — говорил в последнем слове Квятковский. — Мы отрицаем только данную форму государственной организации, как такую, которая блюдет интересы только незначительной части общества, интересы капиталистов, землевладельцев, чиновников и прочих и служит главной причиной данного бедственного положения народа. Мы утверждаем, что государство, напротив, должно служить интересам большинства, т. е. народа, что может быть исполнено только при передаче власти народу, при участии в государственной жизни самого народа»²⁰¹. Устарелость и несостоятельность обвинения «Народной воли» в анархизме вслед за Квятковским разоблачали Желябов на процессе первомайцев («Мы государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение...») ²⁰² и Богданович, который на дознании по делу «17-ти» доказывал, что клеймо анархизма переадресовывается «Народной воле» от деятелей «хождения в народ» «без всякого действительного основания»²⁰³.

С другой стороны, подсудимые народовольцы энергично оспаривали тезис царских юристов (ссылавшихся при этом на показания Г. Д. Гольденберга) о том, что будто бы гвоздем решений Липецкого съезда и осью всей деятельности партии явилось царубийство. И Квятковский, и Ширяев на процессе «16-ти», а на последующих процессах Желябов и Александр Михайлов, поскольку им приходилось иметь дело с показаниями Гольденберга, указывали на «постоянный субъективизм этого умершего свидетеля», который сам «был поглощен мыслью о необходимости последовательного повторения покушений, для него не было других целей, других средств», и как человек, «преданный делу», но «недостаточно образованный и подготовленный для обсуждения общих программных вопросов», он судил о программе партии (тогда окончательно еще не определившейся²⁰⁴) в меру своего разумения, принимая желаемое за действительное²⁰⁵. На деле же ни расчеты «Народной воли»,

---

²⁰¹ Процесс 16-ти террористов, с. 226.

²⁰² Дело 1 марта 1881 г., с. 333.

²⁰³ Красный архив, 1927, т. 1, с. 218.

²⁰⁴ Г. Д. Гольденберг был арестован еще 14 ноября 1879 г.

²⁰⁵ Процесс 16-ти террористов, с. 113; Дело 1 марта 1881 г., с. 336; Процесс 20-ти народовольцев, с. 68.

ни самые причины ее возникновения в недрах «Земли и воли» вовсе не были столь узкими, как понял их и представил в своих показаниях Гольденберг и как они истолкованы (по Гольденбергу) царскими властями и некоторыми историками, вплоть до современных²⁰⁶.

«...Распадение народнич[еской] партии на две фракции вышло вовсе не из-за террора и царубийства, — говорил на суде С. Г. Ширяев, — но обусловилось разницею во взглядах на политическую деятельность. Что же касается террора, я думаю, разногласие здесь не было принципиальным, и стремления фракций могли бы быть согласены на этом пункте без разделения партии, ибо террор, как известно, допускался и старо-народническ[ой] организацией»²⁰⁷. Суть дела в том, объяснял Ширяев, что старая народническая программа оказалась *недостаточной*, поскольку она «совершенно игнорирует вопрос политический, т. е. вопрос о передаче власти в государстве в руки народа, и призывает все силы партии к деятельности, цель которой — экономический переворот». Поэтому Липецкий съезд постановил «*полнить программу «Земли и воли» требованием изменения существующего государственного строя в том смысле, чтобы власть в государстве была передана самому народу путем организации представительных политических учреждений. Это положение и сделалось основным пунктом новой программы, развивая которую съезд стал далее обсуждать средства к осуществлению намеченной цели...*»²⁰⁸.

Точно так же, в согласии с «Программой Исполнительного Комитета», формулировали «общую цель» партии («народоправление, переход верховной власти в руки народа») и мотивировали ее Желябов и Александр Михайлов²⁰⁹. Некоторые народовольцы (в частности, Желябов, Михайлов, Колодкевич, Исаев) пыта-

---

²⁰⁶ История СССР. М., 1954, т. 2. Россия в XIX в. /Под ред. М. В. Нечкиной, с. 591; История СССР /Под ред. Б. Д. Дацюка. М., 1970, с. 250.

²⁰⁷ Революционное народничество семидесятых годов, т. 2, с. 251.

²⁰⁸ Там же, с. 249—250.

²⁰⁹ Дело 1 марта 1881 г., с. 340, 342—343; Процесс 20-ти народовольцев, с. 68; Программа Исполнительного Комитета. — В кн.: Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 171—172.

лись со скамьи подсудимых изложить программные требования «Народной воли» подробно, по пунктам, но судьи не давали им это делать, прерывая их выступления в самом начале и требуя, под угрозой лишить их слова, «не впадать в изложение теории»²¹⁰. Поэтому подсудимые спешили провозгласить хотя бы главные требования своей партии, выделяя при этом именно принцип народоправления.

После 1 марта 1881 г., когда, с одной стороны, достиг апогея кризис самодержавия, но, с другой стороны, ИК увидел, что у него нет сил для решающего удара по царизму, народовольцы из тактических соображений некоторое время пытались склонить правительство к согласию на такие требования, которые представляли собой нечто вроде программы-минимум «Народной воли», призванной подготовить условия для последующей реализации программы-максимум. Самым ярким выражением этой тактики явилось знаменитое письмо ИК к Александру III от 10 марта 1881 г., а отчасти — и бесплодные переговоры отдельных членов ИК с В. К. Плеве и агентами «Святой дружины» с конца 1881 до конца 1882 гг. Эта тактика проявилась и в поведении народовольцев перед царским судом.

Н. И. Кибальчич в показании 20 марта 1881 г. объяснял, что «Народная воля» готова отказаться от террора при условии «полнейшей свободы слова, печати, сходок и избирательной агитации» и что «в таком именно смысле проектировано напечатать обращение к императору Александру III»²¹¹. На процессе «20-ти» по настоянию защиты (видимо, согласованному с подсудимыми) было прочитано вслух письмо ИК к Александру III²¹², которое ставило перед царизмом, во избежание «кровавой перетасовки, судорожного революционного потрясения всей России», два условия:

«1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

---

²¹⁰ Дело 1 марта 1881 г., с. 332—333, 340; Процесс 20-ти народовольцев, с. 119, 120.

²¹¹ Показания первомартовцев. Из актов предварительного следствия. — Былое, 1918, № 4—5, с. 295.

²¹² См. об этом: Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 216.

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями», причем на время выборов «вплоть до решения народного собрания», правительство должно было гарантировать полную свободу печати, слова, избирательных программ²¹³.

Подсудимые, которые в большинстве своем только теперь ознакомились с письмом ИК, «пришли от него в восторг»²¹⁴ и строили свои выступления на суде в согласии с его духом и требованиями²¹⁵. После суда А. Д. Михайлов в письме к товарищам признал тактически правильным временно сосредоточить все усилия партии на достижении ближайших целей, выдвинутых в письме ИК: «Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего»²¹⁶.

В показании по делу «17-ти» от 5 мая 1882 г. член ИК Ю. Н. Богданович формулировал даже еще более умеренные требования, чем в письме ИК Александру III, заметив, однако, что эти требования предъявляются лишь «в смысле приготовления естественного перехода к народному представительству»: отмена чрезвычайных законов, соблюдение судебных уставов 1864 г., свобода вероисповеданий, отмена выкупных платежей, пересмотр и реорганизация всей податной системы «с целью поднятия народного благосостояния»²¹⁷. Эти примеры говорят, что народовольцы в своих выступлениях на следствии и суде руководствовались не только программой, но и тактическими (в данном случае послемартовскими) планами партии.

Итак, политическое переустройство страны, замена самодержавия народоправлением, а для начала — об-

---

²¹³ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 193, 195.

²¹⁴ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 195.

²¹⁵ См., например, выступления А. Д. Михайлова, Н. Е. Суханова, М. Н. Тригони, Г. П. Исаева, Л. Д. Терентьевой (Процесс 20-ти народовольцев, с. 86—87, 93, 96, 99; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3, л. 1—4).

²¹⁶ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 217.

²¹⁷ Красный архив, 1927, т. 1, с. 221—222.

щая амнистия по всем политическим делам, отмена чрезвычайных законов и обеспечение элементарных демократических свобод (слова, печати, собраний) — вот какие требования предъявляли народовольцы на судебных процессах 1880—1882 гг. от имени своей партии в первую очередь. Примечательно, что чисто социалистические принципы (уничтожение «частной собственности на землю и на орудия крупного производства», распределение «продуктов общего труда по потребностям каждого» и др.), которые провозглашались в программных документах «Народной воли»²¹⁸ и о которых народовольцы говорили на следствии²¹⁹, в судебных речах не фигурировали. Понять этот своеобразный тактический ход подсудимых можно только с учетом общего взгляда «Народной воли» на соотношение демократического и социалистического переворота в России.

Дело в том, что утопический предрассудок, будто, говоря словами В. И. Ленина, «простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию»²²⁰, хотя и был присущ народо-вольчеству, но (во всяком случае, применительно к 1880—1881 гг.) лишь в относительной степени. Есть основания полагать, что народовольцы, по мере того как разгоралась их схватка с царизмом за политическую свободу, склонялись к тому, что демократический переворот должен предшествовать социальному как первая и самостоятельная стадия революционного преобразования страны, причем, если политическая революция сильна и для партии (через посредство «простого захвата власти»), то революция социальная осуществима только силами народа.

Так, например, в «Программе ИК» (декабрь 1879 г.) «*демократический политический переворот, как средство социальной реформы*» провозглашался явно в том

---

²¹⁸ Ср.: Программа Исполнительного комитета, с. 172; Программа рабочих, членов партии «Народной воли», с. 184; Передовая статья № 8—9 «Народной воли». — В кн.: Литература партии «Народная воля», с. 159.

²¹⁹ Ср.: Автобиографическая записка С. Г. Ширяева. — Красный архив, 1924, т. 7, с. 78; Показания Н. И. Кибальчича. — Былое, 1918, № 4—5, с. 292; Автобиографические показания А. Д. Михайлова. — В кн.: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов, с. 89.

²²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 286.

смысле, как трактовала эти явления передовая статья № 2 «Народной воли» от 15 ноября 1879 г.: «При наших государственных порядках политический и социальный переворот совершенно сливаются»²²¹, а в «Подготовительной работе партии» (весна 1880 г.) политический переворот рассматривается уже лишь как «первый шаг к осуществлению народных требований», вслед за которым должна быть развернута подготовка к перевороту социалистическому²²². «Программа рабочих, членов партии «Народной воли» (ноябрь 1880 г.) объединяет социалистические и демократические преобразования в одном перечне задач партии, но разъясняет, что «в наше время такие (социалистические.— Н. Т.) порядки нам не по плечу» и что «сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа»²²³.

Мысль о демократическом и социалистическом переворотах как о двух одновременных этапах грядущей русской революции налицо и в программной статье Н. И. Кибальчича «Политическая революция и экономический вопрос» для № 5 «Народной воли» от 5 февраля 1881 г., где речь идет о том, что «политическая борьба с государством для нашей партии является... могущественным средством приблизить экономический переворот и сделать его возможно более глубоким»²²⁴; и в передовой статье № 6 «Народной воли» от 23 октября 1881 г., которая ставит в порядок дня «политический переворот... обуздание деспотизма, замену неограниченной монархии всенародным представительством» как необходимое предварительное условие последующей «социализации жизни»²²⁵; и в передовой статье № 8—9 «Народной воли» от 5 февраля 1882 г., где предсказывается, что «народ сумеет совершить революцию в экономической сфере» вслед за политическим переворотом, осуществляемым силами революционной партии²²⁶.

---

²²¹ Программа Исполнительного Комитета, с 173; Литература партии «Народная воля», с 25.

²²² Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 175, 181.

²²³ Там же, с. 185.

²²⁴ Литература партии «Народная воля», с. 107

²²⁵ Там же, с. 130—131, 134.

²²⁶ Там же, с. 159. Заметим, что цитируемые здесь передовые статьи написаны разными авторами: в № 6 — Л. А. Тихомировым, в № 8—9 — В. С. Лебедевым.

Советские историки различают внутри народо-вольчества отдельные течения, из которых главными были, по терминологии Г. В. Плеханова, народо-вольцы «желябовского толка», выступавшие за политический переворот как преддверие социального переворота, и народо-вольцы «тихомировского согласия», которые ратовали за социальный и политический переворот одновременно²²⁷. Считается, что «большинство народо-вольцев придерживалось идеи одновременного политического и социального переворота»²²⁸. Между тем, только что цитированные программные заявления «Народной воли» позволяют думать, что, по крайней мере, в 1880—1881 гг. в партии преобладал взгляд на политический и социальный переворот «желябовского толка», а не «тихомировского согласия». В этой связи понятным становится, почему такие лидеры партии, как Желябов, Александр Михайлов, Квятковский, Ширяев, Кибальчич, Суханов и др., пропагандировали со скамьи подсудимых идею политической, а не социальной революции.

Правильного понимания классовой сущности и соотношения между буржуазно-демократической и социалистической революцией у народо-вольцев тогда не было, да и быть не могло, поскольку в России конца 70-х годов еще не сложились в должной мере необходимые предпосылки социализма — как материальные (соответствующий уровень развития капиталистического производства), так и социальные (достаточно сформировавшийся пролетариат)²²⁹. Но представление о том, что совершить

---

²²⁷ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70 годы XIX в. М., 1958, с. 495—496; Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, с. 159—163. Пожалуй, здесь точнее было бы говорить не о течениях в народо-вольчестве, а об оттенках народо-вольческого течения.

²²⁸ Волк С. С. «Народная воля», с. 197, 198—199.

²²⁹ Правда, Г. В. Плеханов уже в 1883 г. (в работе «Социализм и политическая борьба») пришел к выводу о том, что Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией и что только после победы этой последней возможен переход к революции социалистической. Но, во-первых, хотя 1883 г. отделяют от 1879 всего четыре года, с ними ушла в прошлое целая эпоха; именно в те четыре года были исчерпаны революционные возможности народничества, и, вследствие этого, революционная мысль в России с удвоенной vorкостью стала искать новые, ненароднические пути к победе. А,

демократические и социалистические преобразования разом нельзя, что демократический переворот должен предварять, приближать и облегчать переворот социалистический,— такое представление народовольцы «желябовского толка» имели, хотя, как верно подметила В. А. Твардовская, здесь подразумевались *«различия во времени, продиктованные обстоятельствами, а не различие этапов, имеющих разную социальную базу и соответствующую ей цель»*²³⁰.

Больше того, народовольцы учитывали, что именно программа демократического переворота привлечет к ним наибольшее сочувствие и содействие общества — и русского (так как оно кровно заинтересовано в демократизации политического строя России), и европейского (ибо оно уже пользуется благами демократических свобод, программированных «Народной волей», и считает их естественными для каждой цивилизованной нации). Об этом свидетельствуют прямые заявления народовольцев на следствии и суде. Например, Александр Михайлов и Грачевский в автобиографических показаниях подчеркивали, что лозунг политического освобождения народа — это «лозунг уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина»²³¹, что задачи демократического переворота «бьют в унисон с желаниями всех слоев русского народа»²³² и т. д. В «проектированной, но не конченной защитительной речи» на процессе «20-ти» Михайлов поставил в заслугу «Народной воле» нацеленность «против абсолютной монархии, которая ныне повсюду в Европе заменена народоправлением»²³³.

Таким образом, народовольцы пропагандировали в

во-вторых, и вывод Плеханова был еще незрелым, ибо он неправильно определял расстановку классовых сил в буржуазно-демократической революции (единственно возможным союзником пролетариата объявлялась буржуазия, а крестьянство как революционная сила сбрасывалось со счета).

²³⁰ Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 годов, с. 159

²³¹ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Указ соч., с. 156.

²³² Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Красный архив, 1926, т. 5, с. 162.

²³³ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 220.

судебных речах программу демократической, а не социалистической революции из соображений тактики, считая, что политический переворот — это первоочередная и вполне реальная задача, которая к тому же делает «Народную волю» центром притяжения для самых широких слоев русского и европейского общества. Естественно, что со скамьи подсудимых в условиях какой-то, хотя бы и весьма ограниченной, гласности и в расчете на гласность они обосновывали, главным образом, именно эту задачу, хотя отнюдь не скрывали своих социалистических убеждений и тем самым давали понять, что их демократическая программа есть программа *социалистов*. Такая тактика была наиболее целесообразной, ибо она ставила в порядок дня действительно назревшие в России буржуазно-демократические преобразования, временно отодвигая на второй план социалистические требования, являвшиеся тогда чистой утопией. Следовательно, народовольцы, хотя они не признавали утопичности своей социалистической программы, на практике отдавали предпочтение ее реальному буржуазно-демократическому содержанию перед утопически-социалистическим облачением. Разумеется, все это придавало особую злободневность политическим процессам «Народной воли».

Так излагали и мотивировали народовольцы перед судом цели своей партии. Что касается средств борьбы, то, прежде всего, подсудимые старались доказать их многообразие как «организации революционных сил в самом широком смысле»²³⁴. Народовольцы решительно возражали против избитого обвинения их партии в том, что она будто бы абсолютизирует террор, уповает исключительно на «борьбу с существующим порядком посредством совершения убийств правительственных лиц»²³⁵ и вообще руководствуется «фанатическим исповеданием убийства»²³⁶.

Отметим здесь, что у самих народовольцев (даже в составе ИК) не было полного единства взглядов на место

---

²³⁴ Дело 1 марта 1881 г., с. 342 (речь А. И. Желябова).

²³⁵ Процесс 16-ти террористов, с. 166 (обвинительная речь прокурора И. Д. Ахшарумова).

²³⁶ Дело 1 марта 1881 г., с. 209 (обвинительная речь Н. В. Муравьева).

и роль террора. Известно, что среди них были «чистые террористы» (в ИК — Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Г. Г. Романенко), которые расценивали террор («способ Вильгельма Телля»; по излюбленному выражению Морозова) как универсальное средство борьбы, считая, что «самой удобной» и даже «самой справедливой из всех форм революции» является «террористическая революция»²³⁷. Были среди них и так называемые «якобинцы», то есть фактически бланкисты (в ИК — Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеева), далекие от фетишизации террора, но полагавшиеся на государственный переворот и *захват власти* все-таки заговорщическими средствами в отрыве от работы в массах. Однако идея «чистого террора» была с самого начала отвергнута большинством «Народной воли» (кроме Морозова, Любатович и позднее примкнувшего к ним Романенко, историки могут назвать в числе народовольцев еще только одного «чистого террориста» — предателя Г. Д. Гольденберга), а что касается бланкистской идеи «захвата власти», то она, во-первых, не заключала в себе принципиального расхождения с программой ИК²³⁸, а во-вторых, хотя и получила преобладание в руководстве партии, но лишь с конца 1881 г. Словом, в годы революционной ситуации и та, и другая идея представляли собой лишь отклонения от ведущей тактической линии «Народной воли», выразителями которой были Желябов, Александр Михайлов, Перовская, Ширяев, Квятковский, Кибальчич, Грачевский, Вера Фигнер. Эта линия выражалась в том, что народовольцы старались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием, используя для этого ВСЕ возможные средства, среди которых не желанием

---

²³⁷ Морозов Н. Террористическая борьба. Лондон [Женева], 1880, с. 8.

²³⁸ «Захват власти» предполагалось осуществить с целью передачи ее народу, после чего ожидалась «революция в экономической сфере» силами народа. «Содействие народа» не исключалось и при «захвате власти» (См.: Программа военно-революционной организации. — В кн.: Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 196; Письмо ИК заграничным товарищам — Там же, с. 316, 319; Передовая статья № 8—9 «Народной воли». — В кн.: Литература партии «Народная воля», с. 159; Из автобиографии В. Н. Фигнер. — Былое, 1917, № 3, с. 184)

народовольцев, а силою обстоятельств на первый план выдвигался террор.

Следуя этой линии, народовольцы на каждом процессе, если только представлялась возможность, разъясняли, что судить о месте террора в тактике «Народной воли» можно не по взглядам Н. А. Морозова, за которые партия не ответственна и которые служат лишь «отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства»²³⁹, но — на основании партийной программы, в которой террор «не составлял принципиальной части»²⁴⁰, а занял «второстепенную, если не третьестепенную часть»²⁴¹. «Средствами,— объяснял на процессе «20-ти» А. Д. Михайлов,— признаны были: пропаганда партийных идей, агитация среди рабочих и народа, разрушительная террористическая деятельность, удаление более вредных для народа людей, организация тайных обществ вокруг одного центра, усиление связей в обществе, войске, народе, организация и совершение переворота при достижении обществом известной силы» и только «среди других средств стояло цареубийство», которое в конце концов было признано, под давлением «окружающих условий», «наиболее пригодным, наиболее действительным для данного времени»²⁴².

Признавая, что в деятельности партии террор занимает все большее место, чем это предписывается программой, подсудимые настойчиво доказывали его обусловленность. «Если вы, гг. судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия,— говорил Желябов,— то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною»²⁴³.

Желябов напоминал, что с начала 70-х годов народники долгое время вели «мирную пропаганду социали-

---

²³⁹ Дело 1 марта 1881 г., с. 336 (речь А. И. Желябова).

²⁴⁰ Процесс 16-ти террористов, с. 216 (речь С. Г. Ширяева).

²⁴¹ Там же, с. 226 (речь А. А. Квятковского).

²⁴² Процесс 20-ти народовольцев, с. 87.

²⁴³ Дело 1 марта 1881 г., с. 337.

стических идей», но это движение, «совершенно бескровное», «разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок»²⁴⁴. Ту же мысль развивал в показаниях по делу «20-ти» Александр Михайлов: «Прежде чем начать кровавую борьбу, социалисты испробовали все средства, какими пользуются на Западе политические партии. Но за проповедь их карали каторгой, за книги — тюрьмой и ссылкой... Преградили все пути, забывая, что когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки»²⁴⁵. Собственно, на процессах почти каждый из подсудимых, кому удавалось выступить с речью, так или иначе подтверждал вывод, который афористически сформулировал на процессе «16-ти» С. Г. Ширяев: «Красный террор Исполнительного Комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого»²⁴⁶.

При этом народовольцы решительно отменяли обвинение в жестокости, которое предъявлялось им по каждому делу. Не отрицая жестокости террора как такового, будь он «белым» или «красным», ответственность за нее народовольцы возлагали на царизм, который своими разнузданными преследованиями заставлял прибегать к насилию, хотя бы в целях самосохранения, даже людей, казалось бы органически неспособных по своим душевным качествам на какое-либо насилие²⁴⁷. Замечательно сказал об этом в последнем слове на процессе «16-ти» А. А. Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся им»²⁴⁸.

Царизм народовольцы объявляли ответственным и за возможное обострение террора в стране. Заявляя на следствии и суде о готовности революционной партии

---

²⁴⁴ Там же. Ср. заявление на следствии С. Л. Перовской (Былое, 1918, № 4—5, с. 287).

²⁴⁵ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Указ. соч., с. 157.

²⁴⁶ Процесс 16-ти террористов, с. 227.

²⁴⁷ Именно этот тип людей чуть ли не преобладал в столь страшном для царизма «великом ИК». Назову, для примера, Перовскую, Морозова, Колодкевича, Кибальчича, Богдановича, Лебедеву, Зунделевича, Савелия Златопольского, Клеточникова.

²⁴⁸ Процесс 16-ти террористов, с. 226, 227.

«сложить оружие террористической борьбы» в случае, если правительство примет условия, предъявленные ему ИК в письме на имя Александра III, народовольцы в то же время предупреджали, что «если будет продолжаться прежняя политика преследования свободного слова, если не будет дарована широкая амнистия революционным деятелям, то продолжение террористической деятельности со стороны партии представляется совершенно неизбежным»²⁴⁹, а тогда «ударит час, и он уже близко, когда кровь, вместо того, чтобы литься по каплям, как это было до сих пор с той и другой стороны, прольется ручьями. Но кто будет в ответе за это?»²⁵⁰.

О чем бы ни говорили народовольцы перед царским судом, они выступали от имени партии, и главной заботой каждого из них (как правило) была при этом забота о чести и достоинстве партии. Квятковский так и заявил (по примеру Осинского) в своем последнем слове на процессе «16-ти», что он имеет честь принадлежать к партии «Народная воля»²⁵¹, а Ширяев в дни того же процесса написал друзьям: «Хотелось бы подольше поработать рука об руку с вами, да не пришлось, а раз попавши в когти правительства и притом по такому важному делу, могу сослужить единственную и последнюю службу дорогим интересам нашей партии,— не щадя своей шкуры и примирившись с мыслью о неизбежной смерти, не запятнать И. К., в этом теперь и состоит моя единственная работа»²⁵².

Так же были настроены на процессе «16-ти» и последующих процессах и другие народовольцы — соратники Ширяева и Квятковского. Желябов, едва суд предоставил ему слово, начал защитительную речь с такой преамбулы: «Гг. судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем

---

²⁴⁹ Былое, 1918, № 4—5, с. 295 (показание Н. И. Кибальчица по делу 1 марта 1881 г.).

²⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3, л. 4 (речь Г. П. Исаева на процессе «20-ти»).

²⁵¹ Процесс 16-ти террористов, с. 225.

²⁵² Каторга и ссылка, 1930, № 3, с. 99.

их виде»²⁵³. Вся речь Желябова и была образцом защиты не его «личных свойств», а «цели и средств партии», образцом, который тем не менее раскрывает перед нами и его, Желябова, великолепные «личные свойства» «убежденного деятеля». То же самое можно сказать и о выступлении Александра Михайлова на процессе «20-ти», в котором подчеркивалось, что «Народная воля» — это не «шайка убийц», как пытался представить ее прокурор, а политическая партия, борющаяся за «вознесение интересов народа выше интересов единодержавия»²⁵⁴. Даже прокурор Н. В. Муравьев в обвинительной речи по делу «20-ти» оценил партийность поведения подсудимых: «Им надо отдать дань уважения,— они и в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат»²⁵⁵.

Но откровенно излагая «в настоящем их виде» цель и средства партии, народовольцы ни на следствии, ни на суде не открывали ее организационных тайн. Квятковский на вопрос председателя суда об организации «Народной воли» ответил: «Я нахожу показания Гольденберга запутанными, недостаточными и неверными, но сам я отказываюсь объяснять организацию партии, так как не считаю себя вправе это сделать»²⁵⁶. Такому правилу следовали все члены ИК, которые только и знали организацию партии сверху донизу. Александр Михайлов на процессе «20-ти» четко разграничил понятия «партия» и «организация»: «Партия — это определенная группа людей единомыслящих, не связанных между собой никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме неперемennого условия единомыслия предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений. Партия включает в себе организацию, но последняя определенно ограничена в ней самой. Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия»²⁵⁷.

---

²⁵³ Дело 1 марта 1881 г., с. 332.

²⁵⁴ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 220.

²⁵⁵ Там же, с. 211.

²⁵⁶ Процесс 16-ти террористов, с. 116.

²⁵⁷ Процесс 20-ти народовольцев, с. 69. С этой точки зрения называть партией в современном смысле слова можно лишь организацию «Народной воли», что я и делаю.

В этой связи Михайлов, по примеру Квятковского и Ширяева, заявил, что «переданный Гольденбергом так подробно организационный проект есть отчасти его собственные соображения, а с другой стороны,— соображения кого-либо из бывших на Липецком съезде, высказанные ему в частных, личных с ним объяснениях; на самом же деле организация «Н[ародной] в[оли]» была результатом деятельности конца 79 и начала 80[-го] годов», т. е. уже после ареста Гольденберга, однако сам Михайлов отказался объяснить организационную структуру «Народной воли»²⁵⁸. Несколько по-иному держался этого правила Желябов. И на следствии, и на суде, он, в отличие от других членов ИК, не замалчивал организацию партии, а как бы рекламировал главные принципы ее устройства, подчеркивая, что это — «организация единая, централизованная, состоящая из кружков автономных, но действующих по одному общему плану, в интересах одной общей цели»²⁵⁹.

Подобные заявления, не раскрывая организационных тайн партии (то есть вопросов о том, какие именно кружки, где, как и в каком составе действуют «по одному общему плану»), с другой стороны, создавали у суда и публики впечатление внушительности революционных сил. Стремление выставить перед врагами мощь партии в ее истинном и даже несколько преувеличенном виде²⁶⁰ вообще было свойственно Желябову и на следствии, и на суде. Прокурор Н. В. Муравьев злобно, но проницательно подметил его «желание и порисоваться значением партии и, отчасти, попробовать запугать»²⁶¹.

Впрочем, такое (можно сказать, тоже «желябовского толка») стремление отличало многих народовольцев. Его легко увидеть в речи Я. Т. Тихонова на процессе «16-ти»²⁶², показании Кибальчича по делу 1 марта от 20

---

²⁵⁸ Процесс 20-ти народовольцев, с. 69, 70.

²⁵⁹ Дело 1 марта 1881 г., с. 93, 342—343; См. также: Показания первоапрельцев (из актов предварительного следствия). — Былое, 1918, № 4—5, с. 280—281.

²⁶⁰ Например, Желябов заявил на суде, что на царевубийство по призыву ИК вызвалось 47 добровольцев (Дело 1 марта 1881 г., с. 94), что маловероятно.

²⁶¹ Дело 1 марта 1881 г., с. 275.

²⁶² Процесс 16-ти террористов, с. 228.

марта 1881 г.²⁶³, и особенно, в объяснениях по делу «20-ти» Александра Михайлова, который, подобно Желябову, изображал чуть ли не всемогущим как Исполнительный Комитет («это учреждение НЕУЛОВИМОЕ, НЕДОСЯГАЕМОЕ»)²⁶⁴, так и партию в целом: «Интеллигенция, молодежь дали тысячи борцов, они создали партию, могучую нравственную силою, они, несмотря на преграды цензуры и преследования правительства, разгласили и разнесли идею социализма по всем уголкам необъятной России»²⁶⁵.

Дело революции народовольцы считали не только партийным, но и патриотическим делом. Служить революционной партии значило, по их мнению, наилучшим образом служить родине. Поэтому с такой страстью провозглашали они перед царскими судьями свой революционный патриотизм, вопреки назойливому обвинению в том, что идеи революции и социализма — это, мол, «недуг наносной, пришлый, преходящий, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный»²⁶⁶. В этом отношении народовольцы продолжали традицию своих предшественников — революционеров 70-х годов, которые держались взгляда, ярко выраженного, например, в майской 1879 г. прокламации «Земли и воли» по случаю казни В. Д. Дубровина: «Нас называют отщепенцами земли русской, — мы, действительно, отщепенцы, но отщепенцы в смысле нравственного превосходства перед поклонниками монархизма, в смысле искренности нашей любви и преданности земле русской»²⁶⁷.

И на следствии, и на суде народовольцы умели показать, что они преисполнены патриотического чувства и горды им. Вот характерная подробность суда над перво-мартовцами. «Я тоже имею право сказать, что я русский

---

²⁶³ Былое, 1918, № 4—5, с. 295—296. «Оставшиеся после меня на свободе техники, — говорил Кибальчич, — могут, если бы это понадобилось, выполнить технические работы с таким же успехом и без моего участия»

²⁶⁴ Процесс 20-ти народовольцев, с. 69.

²⁶⁵ Прибылева-Коржа А. П., Фигнер В. Н. Указ. соч., с. 101.

²⁶⁶ Дело 1 марта 1881 г., с. 291 (фрагмент обвинительной речи Н. В. Муравьева, характерный и для других обвинительных речей).

²⁶⁷ ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, д. 129, л. 163 об.—164 (жандармская копия).

человек, как сказал о себе прокурор», — заявил в защитительной речи Желябов²⁶⁸. Сановная публика сочла такое заявление кощунственным и негодующе зароптала. Очевидец этой сцены, граф фон-Пфейль навсегда запомнил, с каким достоинством Желябов пресек ропот сановников: «Он выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока опять не водворилась тишина»²⁶⁹.

Пожалуй, сильнее всего патриотизм народовольцев выразался в том, как они прокламировали *отечественное* происхождение своих взглядов. «До боли в сердце горько становится при воспоминании об упреках, которые бросают в лицо русским революционерам в том, что они набрались «своих» фантазий и утопий на Западе, что оттуда они вывезли идеи о необходимости борьбы труда с капиталом и поддерживающей его властью, что они их «вычитали», русская жизнь их не дает, — писал в показании от 19 августа 1882 г. М. Ф. Грачевский. — Мне дала эти идеи, как выводы, путем неотвязчивых дум, бессонных ночей, путем глубоких нравственных страданий, сама русская жизнь, она наталкивала меня на эти выводы, и я их не мог не сделать, если бы даже и старался противодействовать их появлению в моей голове. Родились они в деревне в 18—19 лет, воспитались потом в городе и на железной дороге, окончательно развились и окрепли в Петербурге, доразвились в трехлетнем уединении в тюрьме... Нечего и говорить, что для меня, как и для многих мало-мальски развитых людей, кумиров в 19—20 лет уже не осталось ни одного, последним из них пал кумир абсолютной власти»²⁷⁰. Эта декларация очень показательна для народовольцев и по содержанию, и по форме. Многие из них (например, Желябов, Александр Михайлов, Ширяев, Кибальчич, Суханов, Лебедева²⁷¹)

---

²⁶⁸ Дсло 1 марта 1881 г., с. 336.

²⁶⁹ Гр. фон-Пфейль. Последние годы императора Александра II. — Новый журнал литературы, искусства и науки, 1908, № 4, с. 56.

²⁷⁰ Красный архив, 1926, т. 5, с. 155—156. (Выделено мной. — Н. Т.).

²⁷¹ Дело 1 марта 1881 г., с. 336—340; Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов, с. 81—86; Красный архив, 1924, т. 7, с. 75—76; Былое, 1918, № 4—5, с. 296; Процесс 20-ти народовольцев, с. 96, 102—104.

говорили на следствии и суде то же самое, причем (для большей наглядности) — каждый о себе лично, как бы суммируя им самим пережитое и осмысленное.

Именно кровная связь идей «Народной воли» с потребностями русской жизни заставила народовольцев, как выразился на суде Н. Е. Суханов (офицер, присягнувший в свое время на верность царизму), «поставить любовь к родине и народу выше остального», выше даже воинского долга перед присягой²⁷². Сын генерала и внук адмирала М. Н. Тригони поставил «любовь к родине и народу» выше долга перед традициями семейного уклада, чиновник Клеточников — перед государственной службой, ученый Кибальчич — перед наукой. Из чувства патриотизма Кибальчич не стерпел, когда эксперты суда, вставшие в тупик перед секретом устройства его метательных снарядов, заключили, будто гремучий студень (взрывчатый состав) для них доставлен из-за границы: «Я должен возразить против мнения экспертизы о том, что гремучий студень заграничного приготовления. Он сделан нами»²⁷³.

Патриотизм Кибальчича был пылким и чуждым национальной ограниченности; предпочтительную любовь к своему народу он сочетал в себе с любовью к другим народам мира. В преддверии смертного приговора Кибальчич разрабатывал первый в мире проект летательного аппарата с реактивным двигателем, мечтая о благе не только родины, но и всего человечества: «Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу РОДИНЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной,

---

²⁷² ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373, конв. 2, л. 10.

²⁷³ Дело 1 марта 1881 г., с. 170. М. Н. Покровский верно подметил: «Народовольческая техника обогнала даже западноевропейскую: бомбы, приготовленные для 1 марта Кибальчичем, были настоящим «новым словом» в этой области» (Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1965, кн. 2, с. 474).

а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью»²⁷⁴.

Есть нечто символическое в том, что ученый, пионер из пионеров ракетной техники, был революционером, что в царской России он создавал свой гениальный проект почти в буквальном смысле по пути из камеры смертника на эшафот, что его самого царизм казнил, а проект его заживо похоронил в архиве, тогда как в России народной, во имя которой боролся и отдал жизнь Кибальчич-революционер, идеи Кибальчича-ученого ожили в практике начавшегося завоевания человеком, говоря словами К. Э. Циолковского, «околосолнечного пространства», а сам Кибальчич стал национальной гордостью как ученый, революционер, патриот.

Пример Кибальчича, как, впрочем, и другие примеры, извлеченные из истории судебных процессов «Народной воли», служит веским подтверждением той, в сущности, давно уже доказанной опытом человечества правды, что истинный революционер — это и есть патриот в лучшем смысле слова.

* * *

Все сказанное о революционной убежденности, партийности и патриотизме народовольцев помогает уяснить секрет их исключительной стойкости перед царским судом. Именно осознанная идея революции давала тогда, по словам Александра Михайлова, «десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение; идея их разделяет, пара-

---

²⁷⁴ Пионеры ракетной техники. Кибальчич. Циолковский. Цандер. Кондратюк. Избранные труды. М., 1964, с. 15. «Проект воздухоплавательного прибора» Кибальчича датирован 23 марта 1881 г. Впервые опубликован лишь при Советской власти (Былое, 1918, № 4—5, с. 115—121). Цитируется по новейшей его публикации.

О научном значении проекта Кибальчича см.: Чернышев Н. Г. Проблема межпланетных сообщений в работах К. Э. Циолковского и других отечественных ученых. М., 1953.

лизует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди «Народной воли», как самая их идея, не знают страха и преград»²⁷⁵. В этом народо-вольцы и убеждали мир со скамьи подсудимых. Как правило, они вели себя на судебных процессах, действительно, как выразился С. Г. Ширяев, «не щадя своей шкуры», и вписали таким образом в историю русского революционного движения неувядаемые образцы героизма, мужества, самопожертвования. Не зря такие зубры реакции, как генерал Р. А. Фадеев, удивлялись «безумной отваге русских крамольников»²⁷⁶, и даже сам Александр II, по свидетельству генерала П. А. Черевина, как-то признал: «Да, странные эти люди, в них есть нечто рыцарское»²⁷⁷.

Юридической стороной судебного разбирательства народо-вольцы интересовались мало. Во-первых, они отвергали законность царского судопроизводства в принципе. С. Г. Ширяев на процессе «16-ти» заявил об этом судьям вполне откровенно: «Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у нас с вами нет общего мерил для решения этого вопроса. Вы стоите на точке зрения существующих законов, мы — на точке зрения исторической необходимости»²⁷⁸. С точки зрения «исторической необходимости» народо-вольцы либо заявляли, что, хотя они принадлежат к революционной партии, виновными в этом себя не считают (так поступали, например, Ширяев²⁷⁹, Халтурин и Желваков²⁸⁰, П. Т. Лозянов на процессе М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского²⁸¹), либо вообще не говорили о виновности, провозглашая в ответ на вопрос суда, признают ли они себя виновными, свою принадлежность к партии (Желябов, Перовская, Александр Михайлов, Фроленко, Кибальчич, Колодкевич и другие корифеи ИК), а в тех случаях, когда они, следуя процессуальной формальности,

---

²⁷⁵ Показания А. Д. Михайлова по делу «20-ти» от 14 января 1881 г. — В кн.: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народо-волец А. Д. Михайлов, с. 136.

²⁷⁶ ЦГАОР, ф. 569, оп. 1, д. 58, л. 8.

²⁷⁷ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 3, л. 5.

²⁷⁸ Процесс 16-ти террористов, с. 227.

²⁷⁹ Там же, с. 76.

²⁸⁰ ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, т. 1, д. 174, л. 495, 496.

²⁸¹ ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 291, ч. 2, л. 130.

признавали себя виновными в принадлежности к партии, обычно дополняли такое признание объяснениями, в которых противопоставляли существующей законности ту же «историческую необходимость» (так вели себя, например, Квятковский, Зунделевич, Суханов).

Во-вторых, народовольцы видели, что по отношению к ним царизм попирает и существующую законность, — видели и при случае прямо указывали на это со скамьи подсудимых. Чаще всего в таких случаях речь шла о гласности судопроизводства. «Где же залог беспристрастного правосудия? — допрашивал судей на процессе «20-ти» Александр Михайлов. — Где посредник, к которому мы могли бы апеллировать? Где общество, где гласность, которая могла бы выяснить отношения враждующих? Их нет, и двери закрыты! И мы с вами, гг. судьи, наедине!»²⁸². Подсудимые по делу о харьковской группе «Народной воли» А. А. Сипович, С. Ц. Обедзинский и Д. Г. Цимблер в коллективном заявлении от 19 января 1882 г. на имя председателя суда с просьбой ходатайствовать перед генерал-губернатором «о том, чтобы в зал суда была допущена публика, — ведь истина не боится света!», писали: «Кто не согласится, что тайные суды, введенные в наше время, — это анахронизм, что подобные учреждения напоминают нам средневековые инквизиторские суды, над которыми история поставила черный крест»²⁸³. Желябов в деле первомайцев поставил вопрос шире — не только о гласности суда и посредничестве между судьями и подсудимыми, но в этой связи и о подсудности политических дел вообще. Текст его заявления из Петропавловской крепости в Особое присутствие сената от 25 марта 1881 г. (за день до начала процесса) был опубликован²⁸⁴ (правда, без ссылки на точный адрес подлинника²⁸⁵). Ввиду особой важности этого документа для нашей темы привожу его полностью:

«Принимая во внимание: во-первых, что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение Особо-

---

²⁸² Процесс 20-ти народовольцев, с. 72.

²⁸³ ЦГИА УССР, ф. 733, оп. 1, д. 15, л. 133—134.

²⁸⁴ Былое, 1918, № 4—5, с. 284; «Народная воля» перед царским судом. М., 1930, с. 63—64.

²⁸⁵ Подлинник заявления хранится в ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 515, л. 164—165. Обе его публикации выполнены без ошибок.

го присутствия сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство как сторона, пострадавшая должно быть признано заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьей в своем собственном деле; что Особое присутствие, как состоящее из правительственных чиновников, обязано действовать в интересах своего правительства, руководясь при этом не указаниями со-вести, а правительственными распоряжениями, произ-вольно именуемыми законами,— дело наше неподсудно. Особому присутствию сената.

Во-вторых, действия наши должны быть рассмат-риваемы как одно из проявлений той открытой, всеми признанной борьбы, которую русская социально-рево-люционная партия много лет ведет за права народа и права человека против русского правительства, насиль-ственно завладевшего властью и насильственно удержи-вающего ее в своих руках по сей день. Единственным судьею в деле этой борьбы между социально-револю-ционной партией и правительством может быть лишь весь русский народ через непосредственное голосова-ние или, что ближе, в лице своих законных представите-лей в Учредительном собрании, правильно изб-ранным; и, в-третьих, так как эта форма суда (Учре-дительное собрание) в отношении нас лично неосущест-вима, так как суд присяжных в значительной степени представляет собой общественную совесть и не связан в действиях своих с присягой на верную службу одной из заинтересованных в деле сторон, — на основаниях, выше изложенных, я заявляю о непод-судности нашего дела Особому присут-ствию правительствующего сената и тре-бую суда присяжных в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оп-равдательный приговор, как Вере Засулич, но и выра-зит нам признательность отечества за деятельность осо-бенно полезную. 1881 г., 25 марта, Андрей Желябов. Петропавловская крепость».

Безусловно, Желябов не рассчитывал на удовлетво-рение своего требования. Едва ли надеялись на выполне-ние своей просьбы Сипович и его товарищи. Их заявле-ния, подобно тому, которое сделал на процессе «20-ти» Александр Михайлов о безгласности суда, носили хара-

тер обличения и протеста — в такой, однако, форме, от которой власти по закону не могли отмахнуться, а должны были принять ее, рассмотреть и удостоить ответом. Поскольку же ответ, как и следовало ожидать, был отрицательным²⁸⁶, он оказывался выгодным для революционеров средством саморазоблачения правительства, особенно в том случае, если подсудимым удавалось предать его широкой огласке²⁸⁷.

В обстановке узаконенного для политических процессов беззакония подсудимые народовольцы сознавали бесплодность юридической полемики с обвинением и поэтому затевали ее редко. На процессе харьковской организации «Народной воли» из 14 подсудимых вел такую полемику только В. А. Данилов, на процессе «16-ти» — Квятковский и Ширяев, на процессе «20-ти» — Михайлов. Активнее всех и в этом отношении был Желябов, который, хотя и оговорился, что «в русских законах не силен»²⁸⁸, сумел разоблачить юридическую несостоятельность некоторых, прямо-таки краеугольных, натяжек обвинения даже с точки зрения русских законов. Когда суд отказал ему в просьбе вызвать свидетелями по его делу А. И. Баранникова и Н. Н. Колодкевича на том основании, что «по общему смыслу законов, относящихся до свидетелей, к числу их не могут быть отнесены такие лица, которые совместно преследуются за одно и то же деяние», Желябов обратил это основание против Г. Д. Гольденберга, предательские показания которого (в качестве свидетеля) фигурировали как важный (а в ряде случаев, главный и даже единственный) источник сведений в обвинительных актах не только по делу 1 марта, но и по двум другим крупнейшим делам — «16-ти» и «20-ти». «Обвиняемый Гольденберг, — заявил Желябов, — находится в том же положении, как Кошурников (нелегальная фамилия Баранникова. — Н. Т.) и Колодкевич, т. е.

---

²⁸⁶ И Желябова, и Синовича с товарищами суд уведомил, что их заявления оставлены «без последствий».

²⁸⁷ Желябов, после того как официальный отказ на его заявление от 25 марта был объявлен ему лично, попросил «удостоверить подлинность» отказа (повторив при этом свое заявление) на судебном заседании в присутствии публики. Суд был вынужден это сделать (Дело 1 марта 1881 г., с. 4—6.).

²⁸⁸ Там же, с. 10.

состоит обвиняемым по одному со мной делу. Спрашивается: дух русского закона, распространяющийся на Кошурникова и Колодкевича, не должен ли распространяться и на Гольденберга...?»²⁸⁹.

Судьи попали в щекотливое положение. Отказаться от показаний Гольденберга — значило бы лишить фактической основы внушительную часть обвинения по трем громким процессам, один из которых уже завершился пятью смертными приговорами. Суд не мог пойти на это. Оставалось надеяться изыскать для Гольденберга какое-то новое толкование «общего смысла законов, относящихся до свидетелей». Сенаторы прервали судебное разбирательство, удалились на совещание и выработали там новую мотивировку, которую по возвращении в зал суда и предъявили Желябову: Гольденберг, мол, «за смертью находится в ином положении, нежели лица, указанные Желябовым, так как последние являются обвиняемыми с ним по делу, еще в отношении их неоконченному»²⁹⁰.

Просто и остроумно опроверг Желябов традиционную уловку царской прокуратуры подгонять взгляды подсудимых под те «вещественные доказательства» (книги, письма и пр.), которые находили у них при обысках, хотя бы тот, у кого нашли полученное им письмо или прочитанную книгу, не был согласен с прочитанным. «...Все эти вещественные доказательства, — иронизировал Желябов, — находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они едут плоды его убеждений, потому у него и находятся?»²⁹¹.

Поведение Желябова перед царским судом вообще заслуживает особого внимания²⁹². Надо иметь в виду, что процесс по делу 1 марта 1881 г. был для подсудимых более трудным испытанием, чем любой из других политических процессов в царской России. Во-первых, беспрецедентное обвинение (убийство царя!) не оставляло им никаких шансов на сохранение жизни. При таком обороте дела для них, казалось бы, теряли всякий смысл

---

²⁸⁹ Там же, с. 11.

²⁹⁰ Там же, с. 12.

²⁹¹ Там же, с. 336.

²⁹² Подробнее см.: Троицкий Н. А. Служил делу освобождения народа... — Человек и закон, 1974, № 3.

стличия законности от беззакония. Избранная публика была настроена враждебно к подсудимым. Трудно было им рассчитывать и на сочувствие общества, шатнувшегося с перепугу после 1 марта вправо. Народные массы слишком плохо знали и еще хуже понимали мотивы убийства царя, слывшего «Освободителем», чтобы оценить героизм цареубийц перед судом и стать для них хотя бы моральной опорой. К тому же прокурор Н. В. Муравьев произнес на процессе едва ли не самую трескучую в истории царского суда обвинительную речь, дабы очернить и еще более изолировать подсудимых от общества.

С юридической точки зрения речь Муравьева, хотя она и была поставлена его льстецами в ряд «с наиболее известными речами знаменитейших ораторов всех времен и народов»²⁹³, довольно посредственна. Собственно, исследовать что-либо, устанавливая и аргументировать прокурор не имел нужды. Фактическая сторона обвинения была очевидна, каждый из подсудимых признал ее, в достатке имелись и вещественные доказательства. Поэтому Муравьев изложил не юридический разбор дела, а политические соображения о нем. В политическом же отношении речь его просто невежественна. Достаточно сказать, что русские революционеры в его изображении — это «люди без нравственного устоя и собственного внутреннего содержания, но восприимчивые к чужому, постороннему влиянию, только бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбию, скромного неблагодарного труда не требующее»; их идеал, будто бы «выкроенный по образцам крайних теорий западного социализма», он уподобил «геркулесовым столпам бессмыслия и наглости», а к движущим мотивам их деятельности отнес и «революционное честолюбие — репутации Геделя, Нобилинга и др. не давали спать русским их единомышленникам», и даже «предвкушение кровожадного инстинкта, почуявшего запах крови»²⁹⁴.

Вряд ли сам Муравьев считал революционеров до

---

²⁹³ Ильинский В. Адвокат против адвокатуры. Спб., 1894, с. 11.

²⁹⁴ Дело 1 марта 1881 г., с. 284—285, 287—288, 292.

такой степени ограниченными и свирепыми, как он их здесь изображал. Составленный им в 1880 г. (преимущественно по материалам судебных процессов) краткий — на 18 листах — «Очерк исторического развития и деятельности русской социально-революционной партии» за время с 1863 г. по 5 февраля 1880 г.²⁹⁵ был сравнительно добросовестным по содержанию и умеренным по тону, — может быть, оттого что предназначался он не для печати, а для служебного пользования.

Видимо, на процессе цареубийц Муравьев намеренно тасовал и сгущал краски, чтобы разжечь против подсудимых у судей, публики и всего общества палаческое настроение, подстать своему. Оглушительно патетическая речь его была обращена не к разуму слушателей, а к их чувству, «Гг. сенаторы, гг. сословные представители! — начал Муравьев. — Призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний, когда-либо свершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи. Перед свежую, едва закрывшуюся могилую нашего возлюбленного монарха, среди всеобщего плача отечества, потерявшего так неожиданно и так ужасно своего незабвенного отца и преобразователя, я боюсь не найти в своих слабых силах достаточно яркого и могучего слова, достойного того великого народного горя, во имя которого я являюсь теперь перед вами требовать правосудия виновным, требовать возмездия, а поруганной ими, проклинающей их России — удовлетворения»²⁹⁶. Так был взят тон, в котором гроыхала вся, растянувшаяся на пять часов обвинительная речь. Муравьев хвастал тем, что его оружие — это «еще дымящиеся кровью факты», клеймил «кровожадные мысли убийц» и «злодейский список» их дел («огненными клеймами сверкают на его страницах пять посягательств на жизнь усопшего монарха»), скорбными красками рисовал картину цареубийства («обрывается голос, цепенеет язык и спирает дыхание, когда приходится говорить от этом...»), а затем, простерши руки к скамье подсудимых, восклицал: «Вы хотите знать цареубийц? Вот они!»²⁹⁷.

---

²⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 185, л. 1—18.

²⁹⁶ Дело 1 марта 1881 г., с. 208.

²⁹⁷ Там же, с. 211, 214, 217, 286, 291.

В заключение речи Муравьев высказал свое «глубокое убеждение» в том, что «между истинно честными людьми не найдется и не может найтись ни одного сколько-нибудь сочувствующего им человека» и предрек народовольцам бесславную гибель: «Все их кровавые замыслы и злодейства разобьются о верную (самодержавию, стало быть — *Н. Т.*) русскую грудь, разлетятся в прах перед ясным разумом, волею и любовью русских людей»²⁹⁸.

В такой обстановке все первоартовцы, кроме Рысакова, держались на суде героически, но главным героем процесса был Желябов. Он и попал-то на процесс цареубийц добровольно, по собственному заявлению, которое может служить для каждого революционера примером мудрого самопожертвования. Арестованный еще до цареубийства (27 февраля 1881 г.) Желябов мог бы избежать участи первоартовцев, но он, как только узнал о событии 1 марта и об аресте Рысакова, направил из тюрьмы прокурору судебной палаты следующее заявление с пометкой «очень нужное»: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, — было бы вопиюще несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения.

Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов. 2 марта 1881 г. Д[ом] Пр[едварительного] закл[ючения]».

Опасаясь отказа властей и как бы подзадоривая их принять его заявление, Желябов приписал в постскрипте: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить о д н у виселицу, а не д в е»²⁹⁹.

Это заявление Желябов написал, видимо, тотчас после очной ставки с Н. И. Рысаковым, устроенной ему в 2 часа ночи с 1-го на 2-е марта. Он узнал тогда о цареубийстве и, обращаясь к Рысакову и присутствовавшим

---

²⁹⁸ Там же, с. 283, 296.

²⁹⁹ Былое, 1918, № 4—5, с. 279.

при этом жандармским чином, «с большой радостью сказал, что теперь на стороне революционной партии большой праздник и что совершилось величайшее благодеяние для освобождения народа»³⁰⁰. Тогда же он заключил, что для столь громкого процесса «Народной воли», как процесс о цареубийстве, Рысаков — фигура слишком мелкая и ненадежная. ИК, по-видимому, отлично понял смысл заявления Желябова. Во всяком случае, Софья Перовская, как только узнала о нем, определила: «Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным»³⁰¹.

На суде Желябов использовал как подсудимый все свои процессуальные права (право делать заявления суду, участвовать в допросе свидетелей, оспаривать выводы прокурора, выступать с защитительной речью и последним словом) исключительно в интересах партии, нисколько не заботясь о себе лично. Он умел обратить в пользу партии даже, казалось бы, мелочи судебного разбирательства: так, показание свидетеля Самойлова о том, что народоволец Ю. Н. Богданович где-то был, якобы, «выпивший», Желябов горячо оспорил, подчеркнув: «Наша деятельность такова, что перерождает людей, и пьянству мы не предаемся»³⁰², а показание другого свидетеля (очевидца цареубийства) Павлова так же горячо поддержал, чтобы опровергнуть утверждение обвинительного акта, будто «метательный снаряд был брошен (в Александра II — Н. Т.) сзади»³⁰³. Для Желябова судебный процесс был очередным актом единоборства «Народной воли» с царизмом, и он, презрев уготованный ему смертный приговор, не только надеялся, но и, судя по всему, считал своим долгом выиграть этот процесс политически и морально, чтобы он еще выше поднял перед лицом России и Европы авторитет русской революционной партии и еще раз ударил по авторитету царизма. Именно с этой целью он разоблачал в ходе судебного

---

³⁰⁰ Там же, с. 23 (рапорт начальника Петербургского ГЖУ А. В. Комарова в Департамент полиции от 3 марта 1881 г.).

³⁰¹ Степняк-Кравчинский С. Соч. М., 1958, т. 1, с. 512 (из рассказа Анны Эпштейн, встречавшейся с Перовской в мартовские дни 1881 г. в Петербурге).

³⁰² Дело 1 марта 1881 г., с. 194.

³⁰³ Там же, с. 104, 124.

го разбирательства наиболее компрометирующие властей извращения законности (контрреформированную подсудность политических дел, подтасовку свидетелей и вещественных доказательств) и требовал, «чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью. Таким образом, она будет отдана на суд общественный и суд Европы»³⁰⁴. Собственную же защитительную речь Желябов целиком употребил на разъяснение в противовес наветам прокурора истинных целей и средств борьбы «Народной воли» во всей их притягательной силе.

Сознание правоты того дела, которое он отстаивал, придавало Желябову на суде избыток сил, так удивлявший (а то и восхищавший) очевидцев даже из враждебного лагеря. Держался он гордо, выступал красноречиво и с такой уверенностью в себе, какой недоставало ни прокурору, ни судьям³⁰⁵. Зная, что его ждет виселица, он был полон неиссякаемого оптимизма, который сквозил и в том, как оживленно он переговаривался с товарищами, — особенно с Перовской, сидевшей рядом,³⁰⁶ и в том, как деловито вмешивался в допрос свидетелей и как последовательно вел свою программную речь через 19 окриков первоприсутствующего, и в том, с каким достоинством одернул он взглядом сановную публику, когда она зашикала на его слова «я русский человек».

Только великий оптимист мог чуть ли не с веревкой на шее посмеяться над злобой своих палачей. Когда прокурор, наращивая мстительную патетику своей речи, сказал: «Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц...», — Желябов в тот момент рассмеялся. Прокурор смолк, судьи и публика оцепенели; какое-то время в судебном зале под сенью громадно-

---

³⁰⁴ Там же, с. 338.

³⁰⁵ Враги по неразумению видели в этой уверенности Желябова какую-то фанатическую рисовку. «Желябов рисуется героем своих доктрин», — записывал в дневнике 28 марта 1881 г. П. А. Валуев (Дневник 1877—1884 гг., с. 159). Как «наглость» и «нахальство» фанатика воспринял поведение Желябова на процессе М. Н. Катков (Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1881 г., М., 1898, с. 162, 163).

³⁰⁶ К. П. Победоносцев в дни суда уведомлял царя: «Желябова оставили сидеть рядом с Перовской, так как уже считают их за отпетых людей» (Письма Победоносцева к Александру III, т. 1, с. 324).

го портрета убитого царя слышен был только звонкий смех «цареубийцы». И хотя через минуту внешне все вновь встало на свои места, а Муравьев сумел даже вернуть в речь ловкий верноподданнический экспромт («когда люди плачут — Желябовы смеются») ³⁰⁷, смех Желябова все-таки смазал эффект разглагольствований прокурора о клейме мрака на душах и лицах революционеров, а в значительной степени и эффект всей обвинительной речи.

Поведение Желябова на суде возвысило перед общественным мнением не только партию «Народной воли», но и его самого как лучшего представителя партии. Даже враги признали это. Прокурор Н. В. Муравьев почувствовал в нем вожака и возразил против попытки Желябова представить себя всего лишь агентом ИК: «Я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность и что если существует соединение, присваивающее себе название «Исполнительный комитет», то в рядах этого соединения почетное место принадлежит подсудимому Желябову» ³⁰⁸. Составители официальной «Хроники социалистического движения в России» князь Н. Н. Голицын и жандармский генерал Н. И. Шебеко выделили Желябова из всех русских революционеров, дав ему характеристику, в которой сквозь ненависть проскальзывает невольное уважение к личности вождя «Народной воли»: «Имя великого организатора стало популярным: то был страшный Желябов, великий организатор новых покушений в местностях и условиях самых разнообразных и неслыханных. Он обладал удивительной силой деятельности и не принадлежал к числу дрожащих и молчащих. Невозможно допустить, чтобы хотя тень раскаяния коснулась его сердца в промежутке между организацией преступления и часом его искупления...» ³⁰⁹.

Действительно, из числа не только первомайцев, но и всех вообще народовольцев, прошедших через горнило царского суда, Желябов был самой значительной фигурой. На каждом крупном процессе «Народной воли» один-два подсудимых всегда выделялись своей полити-

---

³⁰⁷ Этот инцидент запечатлен и в официальном отчете о процессе: Дело 1 марта 1881 г., с. 210—211.

³⁰⁸ Дело 1 марта 1881 г., с. 274.

³⁰⁹ Хроника социалистического движения в России (1878—1887 гг.). М., 1906, с. 160.

ческой активностью: в деле «16-ти» — Квятковский и Ширяев, «20-ти» — Александр Михайлов, «17-ти» — Грачевский и Богданович, «14-ти» — Вера Фигнер, «21-го» — Лопатин, второго 1 марта — Александр Ульянов. Но никто из них не становился в такой степени героем процесса, как Желябов. Больше того, вся история процессов в царской России, столь богатая образцами революционной доблести подсудимых (достаточно назвать имена Петра Алексеева, Ипполита Мышкина, лейтенанта Шмидта), не знает примера, равного примеру Желябова.

Андрей Желябов наиболее ярко выразил на суде ту линию поведения, которой в 1880—1882 гг. следовали, за малым исключением, все народовольцы. Уступая (более или менее) Желябову в политической зрелости и даровании трибуна, они проявляли не меньшую стойкость и способность к самопожертвованию. Отличительной чертой их поведения перед судьями, тюремщиками и палачами было бесстрашие. Смертные приговоры не пугали их. Агент ИК Н. А. Желваков выразил их общее настроение, когда, осужденный на виселицу, воскликнул: «Меня повесят, но найдутся другие! Всех вам не перевешать!»³¹⁰.

Случалось и так, что народовольцы, выделенные из категории смертников (С. А. Иванова, Александр Михайлов, Баранников), сожалели, что им не довелось разделить участь товарищей, осужденных на смерть³¹¹, а иные (например, москвич И. Ю. Старынкевич³¹² и киевлянин П. Ф. Лобанев-Лобанчук-Гудзь) заявляли суду протест против смягчения приговора, если находили в мотивировке смягчения что-либо, пятнавшее честь революционера. П. Ф. Лобанев, после того, как ему заменили 15 лет каторги шестью годами по причине будто бы выраженного им раскаяния, подал в суд следующее заявление: «...Смягчение наказания, благодаря «раскаянию», произошло неправильно... Не только не раскаявался в «содеянных мною поступках», но на суде я заявил, что

---

³¹⁰ Из Одессы. — На родине, Женева, 1883, № 3, с. 58.

³¹¹ Процесс 16-ти террористов, с. 228; Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 210; Народоволец А. И. Баранников в его письмах, с. 125.

³¹² Хроника социалистического движения в России, с. 200.

принадлежу к русской социально-революционной партии, которой я обязан как умственным, так и нравственным своим развитием. Ежели в фактах обвинения нет обстоятельств смягчения, то я решаюсь воспользоваться первым приговором, чем такую ценою купить себе смягчение. Такой со стороны суда поступок уничтожает всякую возможность принимать какое бы то ни было участие в суде и относиться к нему с должным уважением»³¹³.

Осужденные на смерть народовольцы и собственную казнь старались превратить в оружие (теперь уже последнее) революционной борьбы — так, как подсказывал им со страниц первого же номера газеты «Народная воля» герой «Последней исповеди» Н. Минского:

Я не совсем бессилён,— умереть
Осталось мне, и грозное оружие
Я на врагов свою из этой смерти...
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой!³¹⁴

Не зря реакционная газета «Современные известия» ругалась: «Для наших злодеев эшафот есть своего рода трибуна»³¹⁵.

Разумеется, сказать на эшафоте или хотя бы по пути к нему какую-то речь было почти невозможно. Когда везли на казнь первомайцев, Тимофей Михайлов то и дело пытался обратиться к народу (по некоторым сведениям, он, между прочим, кричал: «Нас всех пытали!»³¹⁶), но барабанщики, непременно включавшиеся в эскорт

---

³¹³ ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 51, л. 81 (заявление П. Ф. Лобанева в Киевский военно-окружной суд от 29 августа 1881 г.).

³¹⁴ Литература партии «Народная воля», с. 11.

³¹⁵ Современные известия, 1881, 27 марта

³¹⁶ Набат, Лондон, 1881, № 1, с. 1. Слухи о том, что первомайцев перед казнью пытали, были очень упорными (Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах СПб., 1906, с. 33—34; Любатович О. С. Далекое и недавнее М., 1930, с. 108; Попов И. И. Мишувшее и пережитое М., 1933, с. 94). Б. М. Марквич еще 14 марта 1881 г. писал М. Н. Каткову, что Перовскую и ее товарищей «к понуждению их говорить» пытали «гальваническими батареями тока, которых не в состоянии выдержать долго никакой организм»: ГБЛ РО, ф. 120 (М. Н. Каткова), папка 33, л. 204. Точных данных об этом нет.

смертников, заглушали его. Другие (кроме первомайцев) народовольцы казнились тайно, народа возле них вообще не было. Поэтому все они выбирали своим последним оружием именно «безмолвную проповедь», то есть всем своим видом доказывали воочию чиновным зрителям и палачам, что настоящий революционер всегда, хотя бы и лицом к лицу со смертью, остается верен себе — непреклонный, бестрепетный. Так поступили и герои 1 марта, встретившие смерть гордо, с таким достоинством, которое будило невольное уважение к ним даже в стане врагов. Официальный отчет о казни констатирует, что «осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич, Желябов, менее — Рысаков и Михайлов», что «бодрость не покидала» их до последней минуты и что даже на эшафоте Желябов улыбался, а на лице Перовской «блуждал легкий румянец»³¹⁷. Дополним эти скупые признания официального отчета свидетельствами очевидцев из общества. Великая актриса М. Г. Савина, видевшая с балкона своей квартиры, как первомайцев везли к месту казни, рассказывала друзьям, что «кроме одного из приговоренных, Рысакова, лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц их окружавших. Софья Перовская... зарделась и просто сияла на темном фоне мрачной процессии»³¹⁸. «Они,— вспоминала о том же преклонившаяся перед мужеством первомайцев писательница В. И. Дмитриева,— прошли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы»³¹⁹.

Идя на смерть, народовольцы не жалели о своей судьбе, а, напротив, гордились ею. Александр Михайлов так и написал родным перед оглашением ему неизбежно смертного приговора: «Прекрасна смерть в сражении!»³²⁰. «Как бы Вы ни смотрели на мою деятельность,

---

³¹⁷ Суд и казнь первомайцев — Былое, 1918, № 4—5, с. 320, 322. Корреспондент лондонского «Таймс» тоже сообщал своим читателям: «Перовская была спокойнее всех и даже, что стоит отметить, до конца сохранила легкий румянец на щеках» (1 марта 1881 г. М., 1933, с. 250).

³¹⁸ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921, т. 2, с. 33.

³¹⁹ Дмитриева В. И. Так было. М., 1930, с. 203. (Выделено мной. — Н. Т.).

³²⁰ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 199.

как бы Вы ни относились к ней,—обращался в предсмертном письме к матери Квятковский,— Вы не можете, Вы не должны краснеть за своего сына. Вы должны знать, что я действовал, что я жил так, как говорила мне моя совесть, каковы были мои убеждения... Вы меня знаете, и, если я скажу, Вы мне поверите, что единственным мотивом моей деятельности была страстная моя любовь к народу, сильное желание быть ему полезным... Не думайте, что я страшусь решения своей судьбы... Нет, что бы то меня ни ожидало и даже самую смерть я приму спокойно, хладнокровно (не потому, что жизнь мне надоела; нет, жить еще хочется, даже, ах, как хочется) — в том меня поддерживает одно только сознание, что я действовал честно, что я поступал по своим убеждениям»³²¹. Своего малолетнего сынишку Квятковский в том же письме напутствовал такими словами: «Мой милый, дорогой мальчик... Не могу сказать тебе — старайся походить на меня. Но скажу тебе: уважай то, что я уважал, и люби то, что я любил. Это тебе мое отцовское завещание. Мать тебе объяснит это»³²².

Столь самоотверженной преданностью революционному делу и вера в его правоту позволяли народовольцам и перед лицом смерти не беспокоиться о себе лично. «Насчет себя, — читаем в перехваченной записке Н. Е. Суханова из тюрьмы к товарищу, — я совершенно спокоен. Тут праздников уже не приходится ждать никаких: повесят и все тут, да на го и пошел»³²³. Зато о деле своем, о партии они и перед смертью хотели узнать как можно больше, волнуясь за исход борьбы, которой они сами отдали все свои силы. Тот же Суханов в цитированной записке радовался: «Спасибо за новости. Насчет Киева — очень хорошо. Идет волной, когда-то придет девятый вал? Кого он вынесет на берег — кого потопит?

---

³²¹ Предсмертные письма Александра Квятковского /Сообщил Я. Д. Баум. — Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 208.

³²² Там же, с. 209.

³²³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9124, л. 5—5 об. Н. Е. Суханов был расстрелян 19 марта 1882 г. Морской министр адмирал И. А. Шестаков в тот же день записал в дневнике: «Суханов вел себя с достоинством. «Мертвые сраму не имут» (ЦГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 17).

Нельзя ли будет при следующем свидании с невестой вашей узнать более подробно...?»³²⁴.

Заведомо обреченные на смерть народовольцы переслали на волю товарищам завещания с выражением уверенности в неминуемой победе революции и, расставаясь с жизнью, вдохновляли живых на новые подвиги борьбы и самопожертвования. «Друзья! Один лишь миг остается нам до края могилы, — писал один из героев процесса «20-ти» А. И. Баранников. — С глубокой верой в свое святое дело, с твердым убеждением в его близкое торжество, с полным сознанием, что по мере слабых своих сил служил ему, схожу со сцены... Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»³²⁵. «Наполняйте землю последователями и обладайте ею», — завещал товарищам герой процесса «16-ти» А. К. Пресняков³²⁶. Заботой о наиболее разумном и эффективном использовании сил и средств партии проникнуто знаменитое «Завещание» Александра Михайлова от 16 февраля 1882 г.:

«Завещаю вам, братья, не расходовать силы для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели и употреблять их только в прямом стремлении к цели...

Завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть. Давайте окрепнуть их характерам, давайте время развить им все духовные силы...

Завещаю вам, братья, контролируйте один другого во всякой практической деятельности, во всех мелочах, в образе жизни... Надо, чтобы контроль вошел в сознание и принцип, чтобы он перестал быть обидным, чтобы личное самолюбие замолкало перед требованиями разума. Необходимо знать всем ближайшим товарищам, как человек живет, что он носит с собой, как записывает и что записывает, насколько он осторожен, наблюдателен, находчив. Изучайте друг друга. В этом сила, в этом совершенство отправления организации»³²⁷.

Отдавая должное революционной стойкости народовольцев на судебных процессах, следует особо выделить поведение подсудимых женщин.

³²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 82, д. 9124, л. 5 об.

³²⁵ Народоволец А. И. Баранников в его письмах, с. 133.

³²⁶ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 254.

³²⁷ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 240.

До 1870-х гг. участие женщин в русском революционном движении было единичным. Можно назвать имена всего лишь нескольких женщин, которые тогда (почти исключительно в 60-е годы) боролись или главным образом содействовали революционной борьбе в России. Это — Е. Л. Дмитриева, А. В. Корвин-Круковская, Е. Г. Бартенева, О. С. Левашева, Н. И. Утина (Корсини), М. П. Михаэлис. На политических процессах в России до 1871 г. никогда не судилась ни одна женщина.

В 1870-е же годы, когда революционное движение приобрело несравненно больший, чем прежде, размах, женщины включились в него и с тех пор всегда участвовали в нем активно и в большом числе. Отныне скамья подсудимых на политических процессах редко оказывалась не занятой женщинами. По первому же политическому делу 70-х годов (нечаевцев) суду были преданы 8 женщин, по делу «50-ти» — 16, по делу «193-х» — 38. Всего на 86 политических процессах 1871—1879 гг. царский суд вынес приговор 95 женщинам. За 1880—1894 гг. на 130 народнических процессах судились еще 87 женщин, из которых больше 50 принадлежали к «Народной воле». Показательно, что почти половина женщин, осужденных по политическим делам за все десятилетие (1880—1890 гг.), приходится на два года революционной ситуации — 1880 и 1881. Много женщин было среди подсудимых по делам о государственных преступлениях и в первый год революционной ситуации (1879). Вот для сравнения погодный подсчет числа подсудимых женщин на политических процессах в России с 1879 г.

1879 — 17	-	1887 — 11
1880 — 25		1888 — не было
1881 — 8		1889 — 9
1882 — 5		1890 — 1
1883 — 10		1891 — 2
1884 — 8		1892 — не было
1885 — 1		1893 — не было
1886 — 5		1894 — 2

На процессах народовольцев женщины не уступали в революционной стойкости мужчинам. Во всяком случае, на процессах 1880—1882 гг. среди них не нашлось ни одной, которая предала бы товарищей и вообще как-то смалодушничала. Между тем царский суд выносил

женщинам «Народной воли» приговоры, не менее свирепые, чем мужчинам. Достаточно сказать, что на процессе первомартовцев обе судившиеся там женщины, а на процессе «20-ти» две из трех, бывших под судом женщин, были приговорены к смертной казни (правда, казнить царизм отважился в XIX в. только одну женщину — Софью Перовскую, остальных губили на Каре, в Шлиссельбурге и Петропавловской крепости).

В качестве примера героизма русских женщин перед царским судом можно было бы сослаться на поведение чуть ли не каждой из революционерок, судившихся на процессах 1880—1882 гг. (за исключением, разве, М. В. Грязновой, которая на процессе «16-ти» не проявила должной, по народовольческим меркам, смелости). Все они держались мужественно и с достоинством, хотя и менее активно, чем мужчины.

Если не считать М. В. Грязновой, любая из женщин «Народной воли», осужденных в 1880—1882 гг., смогла бы, пожалуй, умереть на эшафоте так же героически, как умерла Софья Перовская. «Единственное мое желание, — заявила судьям на процессе «16-ти» Софья Иванова, — заключается в том, чтобы меня постигла та же участь, какая ожидает моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь»³²⁸. Татьяна Лебедева на процессе «20-ти» смело оправдывала царубийство, подчеркивая, что она «вполне сознательно и совершенно добровольно принимала в нем участие»³²⁹. Самоотверженно вела себя Софья Шехтер — и на суде (процесс М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского), и затем на каторге, где в 1883 г., когда ее, по случаю коронационного манифеста, амнистировали, она уведомила тюремщиков: «Я не считала, что царское правительство вправе меня наказывать, не считаю его вправе меня миловать, от амнистии отказываюсь»³³⁰. Безупречно стойкими были Евгения Фигнер на процессе «16-ти», Геся Гельфман на процессе первомартовцев, Анна Якимова и Лиля Терентьева на процессе «20-ти». Александр Михайлов в письме к друзьям перед приговором по делу «20-ти» так отозвался

---

³²⁸ Процесс 16-ти террористов, с. 228.

³²⁹ Процесс 20-ти народовольцев, с. 102.

³³⁰ Берман Л. Киевский процесс 21-го в 1880 г. — Каторга и ссылка, 1931, № 8—9, с. 89 (Прим. Е. Н. Ковальской).

о женщинах этого процесса: «Терентьева — розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева — сильная, решительная и самоотверженная натура. Якимова — простой цельный человек, до конца отдавшийся делу»³³¹. Что же касается Софьи Перовской, то о ней надо говорить особо.

История иногда строит поистине мефистофельские гримасы. Вот одна из них: прокурор по делу 1 марта Н. В. Муравьев был другом детства Софьи Перовской. В 1856—1859 гг. отец Муравьева служил губернатором, а отец Перовской — вице-губернатором в Пскове. Семья губернатора и вице-губернатора жили тогда по соседству, и дети их постоянно играли друг с другом³³². Однажды маленькая Соня с помощью брата Васи и сестры Маши даже спасла жизнь своему будущему обвинителю, вытащив его из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул³³³.

На процессе первомартовцев Муравьев требовал виселицу для Перовской с таким озлоблением, какого он не имел даже к Желябову. Именно Перовскую силился он представить олицетворением безнравственности и жестокости, вообще будто бы свойственных революционерам. «Обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать», — негодовал он, — как могла женщина встать «во главе заговора» и «с циничным хладнокровием» распорядиться «злодеянием»³³⁴. Перовская вела себя на процессе сдержанно (хотя с таким самообладанием и достоинством, что государственный секретарь Е. А. Перетц, наблюдая за ней в дни суда, заключил: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других»³³⁵). Во всяком случае, на выпады прокурора против нее лично она не отвечала. Но попытка выставить всех вообще народовольцев жестокими и безнравственными отщепенцами от общества возмутила ее

³³¹ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с 204

³³² Кстати, по сей день стоит в Пскове (не отмеченный никаким мемориальным знаком) дом, в котором жила Софья Перовская (ул. Советская, 42).

³³³ Об этом и других эпизодах детства С. Л. Перовской см.: Перовский В. Л. Воспоминания о сестре. М.—Л., 1927

³³⁴ Дело 1 марта 1881 г., с 277—278.

³³⁵ Перетц Е. А. Дневник (1880—1883) М.—Л., 1927, с. 54.

настолько, что она все свое — очень краткое — «последнее слово» целиком употребила на отповедь этой попытке: «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, — я все их подтвердила на дознании, — но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости»³³⁶.

Революционная убежденность Перовской, благородство, несокрушимая сила и вместе с тем детская нежность ее характера наиболее впечатляюще отразились в ее предсмертном письме к матери (от 22 марта 1881 г.). Обычным путем (через Департамент полиции) такое письмо не дошло бы до адресата. Подобные же письма Квятковского, Александра Михайлова, Баранникова и других были задержаны и остались в полицейских архивах. Перовская смогла переслать письмо матери через своего адвоката Е. И. Кедрина, который заслуженно пользовался ее доверием³³⁷. Текст письма вскоре был передан и за границу, где впервые был опубликован в 1882 г. «Красным крестом» «Народной воли»³³⁸, а затем обошел прессу многих стран мира. Английский журнал «Атенеум» назвал это письмо «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»³³⁹.

---

³³⁶ Дело 1 марта 1881 г., с. 349.

³³⁷ Кроме Перовской, Кедрин защищал (талантливо и смело) Александра Михайлова на процессе «20-ти», А. В. Якимову на процессе «193-х», А. В. Буцевича и Я. В. Стефановича на процессе «17-ти». О доверии Перовской к Кедрину говорит тот факт, что именно Кедрин по ее просьбе предупредил ИК «Народной воли», что в записной книжке, изъятой у Перовской при аресте, зашифрованы адреса явок для связи ИК с С. Г. Нечаевым в Алексеевском равелине (См. Фигнер В. Запечатленный труд, т. 1, с. 255—256)

³³⁸ Тихомиров Л. А. Софья Львовна Перовская. Лондон, 1882, с. 23—24.

³³⁹ Atheneum, 1883, № 2893 (Цит. по кн.: Таратута Е. Подпольная Россия. Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967, с. 175).

На русском языке письмо Софьи Перовской печаталось многократно³⁴⁰ и здесь нет необходимости приводить его текст. В нем просто и скромно, без малейшей рисовки сказалось качество, больше всего характерное для народовольца как типа русского революционера — самоотверженная преданность революционному долгу. «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, — писала Перовекая, — поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»³⁴¹.

Революционная стойкость народовольцев — как мужчин, так и женщин — была столь убедительна, что даже враги отчаивались сломать ее. Откровенно признал это в письме к Александру III (тогда еще наследнику престола) от 31 июля 1880 г. «полуимператор» М. Т. Лорис-Меликов: «На исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие; ложные учения, которыми они проникнуты, возведены у них в верования, способные довести их до полного самопожертвования и даже до своего рода мученичества»³⁴².

* * *

До сих пор речь шла о сильных сторонах поведения народовольцев перед царским судом в 1880—1882 гг., то есть именно о том, что было показательно для них, как *правило*. Замечу, однако (прежде чем пойдет речь об *исключениях* из этого правила), что и сильное у них имело свои, исторически обусловленные слабости. Прежде всего, сказывалась узость их социальной базы. Народовольцы не были так далеки от народа, как декабристы

---

³⁴⁰ Последний раз в кн.: Сегал Елена. Софья Перовская. М., 1962, с. 355—356.

³⁴¹ Сегал Елена. Указ соч., с. 355. Перед судом мать Перовской добилась свидания с дочерью. Им было велено сесть рядом, а напротив, почти касаясь их колен своими, уселись два жандарма. Обе женщины при таком соглядатайстве почти не разговаривали: Софья Львовна усгало и безмолвно полулежала, положив голову на колени матери.

³⁴² Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.). — Красный архив, 1925, т. I, с. 114.

или даже деятели первой революционной ситуации. Они имели деловые связи не только с обществом, но, отчасти, и с крестьянами, а в особенности, с рабочими, рассчитывали на поддержку крестьян и рабочих и черпали в этом какую-то долю сил под арестом, на суде и у виселицы. Тем не менее, политическая активность крестьянства и даже рабочего класса тогда оставалась еще столь низкой и поэтому возможность опереться на них оказывалась столь малой, что народовольцы перед царским судом предпочитали выступать не от имени класса (крестьян ли, интересы которых, в первую очередь, они представляли, или рабочих, среди которых больше действовали), а от имени партии. Именно на партию, а не на класс они, главным образом, и опирались в единоборстве (как политическом, так и моральном) с царскими судьями, тюремщиками и палачами. Подобная опора, конечно, не могла быть для народовольцев таким надежным источником революционной стойкости, каким стала для деятелей следующего, пролетарского этапа освободительной борьбы опора на класс, и притом самый революционный.

Вредила при случае народовольцам их искренность, но не всегда целесообразная (хотя и эффектная) склонность к самопожертвованию. М. Горький верно подметил «качества, свойственные лучшей революционной интеллигенции, — самоограничение, часто восходящее до самоистязания, самоуродования, до Рахметовских гвоздей...»³⁴³. Истоком и основой этого самоограничения была идея «долга народу», а также связанная с ней традиция революционного ригоризма, которая возникла еще в 60-е годы (под влиянием «Что делать?» Н. Г. Чернышевского), но особенно развилась после выхода «Исторических писем» П. Л. Лаврова (1869 г.) уже в 70-е и 80-е годы. У подсудимых народовольцев преувеличенный ригоризм выражался, как мы видели, в том, что они, ради того, чтобы избежать какого-либо «снисхождения» и разделить участь товарищей по делу, признавали за собой «преступления», даже не доказанные следствием, протестовали против смягчения приговора и чуть ли не требовали себе смертной казни, хотя улики против неко-

---

³⁴³ Горький М. В. И. Ленин. М., 1968, с. 63.

торых из них для этого явно не доставало. Такое самопожертвование иной раз (когда оно не было продиктовано политическими соображениями)³⁴⁴ оказывалось неблагоразумным и вредным, поскольку оно влекло за собой гибель борцов, сохранявших возможность спастись, а врагам давало повод выдать его за проявление дикарского фанатизма.

Узость социальной базы во многом обусловила также случаи малодушия и предательства в заключении и на суде среди народовольцев — даже из числа тех, кто при иных обстоятельствах мог фанатически идти на самопожертвование. Правда, оговорюсь сразу: таких случаев в 1880—1882 гг. было очень мало. Из 29 судебных процессов тех лет с участием народовольцев только на пяти (И. И. Розовского, харьковской организации «Народной воли», «16-ти», 1 марта 1881 г. и «20-ти») оказывались среди подсудимых единичные отступники и предатели. На процессе харьковской организации из 14 подсудимых двое (Я. И. Кузнецов и М. А. Блинов) раскаялись и подали прошения о помиловании³⁴⁵. По делу «16-ти» прошение о помиловании подал А. А. Зубковский, который, впрочем, не был народовольцем (член киевской организации «Земли и воли»), и сразу после суда стал предателем И. Ф. Окладский. Среди перво-мартовцев оказался предатель Н. И. Рысаков. Вместе с ним подал прошение о помиловании и Тимофей Михайлов³⁴⁶. Учитывая, что Михайлов и на суде и после суда (по дороге к месту казни, а также на эшафоте) держался мужественно, его прошение следует расценивать как юридический демарш перед царем против суда, ибо Михайлов был единственным из перво-мартовцев, кого суд фактически не смог уличить в причастности к царевубийству³⁴⁷. Наконец, в числе подсудимых по делу «20-ти»

---

³⁴⁴ Такие примеры самопожертвования, как заявление Желябова о его причастности к царевубийству или протест П. Ф. Лобанева-Лобанчука против смягчения ему приговора (из-за лживой мотивировки «ввиду раскаяния»), были, конечно, политически оправданы.

³⁴⁵ ЦГИА УССР, ф. 733, оп. 1, д. 9, л. 66, 67.

³⁴⁶ Текст прошения см.: ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 515, л. 229—230.

³⁴⁷ Ввиду отсутствия прямых улик против Михайлова, другие подсудимые (кроме Рысакова) настойчиво его выгораживали, желая спасти от петли (Дело 1 марта 1881 г., с. 86, 90, 91, 95—96).

тоже был один предатель (В. А. Меркулов) и еще трое подали прошения (Г. М. Фриденсон — «о помиловании», А. Б. Арончик и Ф. О. Люстиг — о смягчении наказания)³⁴⁸. Всего, таким образом, из 130 народовольцев, судившихся на 29 процессах 1880—1882 гг., оказались лишь три предателя и семь «подаванцев» (как называли тогда подавших прошения о помиловании).

Кроме того, еще прежде чем начались судебные процессы «Народной воли», царские каратели склонили к предательству небезызвестного Г. Д. Гольденберга. Земледелец и народоволец Григорий Гольденберг — пылкий террорист, который 9 февраля 1879 г. застрелил харьковского генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина — был арестован 14 ноября того же года. На дознании он проявил исключительную стойкость; наотрез отказавшись назвать кого-либо из «соучастников», смело мотивировал свое покушение («Ты имел несчастье родиться в монархической стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, бей же их же оружием, иди и убей Кропоткина») и по-народовольчески пригрозил правительству: «Так пусть же правительство знает, что мы не остановимся ни перед какими виселицами, что револьверные выстрелы не перестанут за нас говорить и защищать, пока в России не будет конституции... «Carthago delenda est»»³⁴⁹.

Прокурор А. Ф. Добржинский, понаторевший на вымогательстве показаний у заключенных, понял, что такой узник не уступит силе, но может раскрыться перед хитростью. После долгой моральной пытки³⁵⁰ он подкупил Гольденберга химерической идеей: открыть правительству истинные цели и кадры революционной партии,

---

³⁴⁸ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 434—438. Среди тех, кто подал прошение о смягчении наказания по делу «20-ти», был и Н. Е. Суханов. Однако его прошение так оговорено (по просьбе и «ради просьбы матери») и столь сдержанно по тону (ни слова раскаяния), что оно, как и поданное пять лет спустя, тоже ради матери, прошение Александра Ульянова, не пятнает его репутацию (ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 439).

³⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7935, л. 79 об., 80

³⁵⁰ К Гольденбергу подсаживали в камеру родную мать, которая умоляла сына не губить себя ради семьи; «сочувственно» показывали ему панические письма старика-отца, прощупывали степень его стойкости в «задушевных» беседах, которые вел с ним провокатор Федор Курицын.

после чего, мол, правительство, убедившись в том, сколь благородны и цели партии, и ее люди, перестанет преследовать такую партию. 9 марта 1880 г. Гольденберг написал обширное (80 страниц убористой рукописи) показание, а 6 апреля составил к нему приложение на 74 страницах с характеристикой всех упомянутых в показании (143-х!) деятелей партии. Тут были и Желябов, и Александр Михайлов, и Перовская, и Плеханов, и Морозов, и Кибальчич — словом, вся революционная элита, и о каждом из 143-х сообщались биографические сведения, обрисовывались их взгляды, личные качества, даже внешние приметы³⁵¹.

Добржинский и все жандармские власти ликовали, предвкушая поголовное истребление революционной партии. Гольденберг же в июне 1880 г. из разговоров с арестованным членом ИК А. И. Зунделевичем понял, что он патворил, и впал в отчаяние. На очередном допросе он «пригрозил» Добржинскому: «Помните, если хоть один волос упадет с головы моих товарищей, я себе этого не прощу». — «Уж не знаю, как насчет волос, — цинично отрезал прокурор, — ну, а что голов много слетит, это верно»³⁵².

Гольденберг не вынес мук совести. 15 июля 1880 г. он повесился в тюремной камере на полотенце. Перед смертью этот единственный в своем роде предатель написал «Исповедь», в которой он открывал «знакомым и незнакомым честным людям всего мира» свою наивную, несчастную и все-таки преступную душу: «Я думал так: сдам на капитуляцию все и всех, и тогда правительство не станет прибегать к смертным казням, а если последних не будет, то вся задача, по-моему, решена. Не будет смертных казней, не будет всех ужасов, два-три года спокойствия, — конституция, свобода слова, амнистия; все будут возвращены, и тогда мы будем мирно и тихо, энергично и разумно развиваться, учиться и учить других, и все были бы счастливы»³⁵³.

---

³⁵¹ Показание Гольденберга см.: ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 525, ч. 5-а, л. 1—40. Приложение см.: там же, л. 75—111.

³⁵² Якимов а А. В. Процесс 16-ти террористов. — В кн. «Народная воля» перед царским судом М., 1930, с. 21.

³⁵³ «Исповедь» Гольденберга опубликована Р. М. Кантором: Красный архив, 1928, т. 5, с. 137—174.

Историки «Народной воли» интересовались судьбой Гольденберга и объясняли причины его падения разочарованием в действительности террора, позерством и болтливостью, влиянием родителей и пр.³⁵⁴. Это все верно. Но не это главное. Погубил Гольденберга, на что указывали еще народовольцы, лично знавшие его, — недостаток революционной зрелости. «Молодой, порывистый, неустойчивый», как характеризовал его М. Ф. Фроленко³⁵⁵, «исключительно человек чувств, да еще, кроме того, совершенно не умеющий ими владеть», по словам Александра Михайлова³⁵⁶, Гольденберг был честен, но политически наивен. «Когда чувство в нем направлялось партией, оно двинуло его на подвиг. Но отрезанный от нее и не имея в себе самом руководящей, он, совершив неизмеримо бесчестный поступок, бесславно погиб»³⁵⁷.

Несколько по-иному надо оценивать предательство Окладского, Рысакова, Меркулова. Если Гольденберг стал предателем неосознанно, по наивности, и сам себя наказал за это, то Меркулов, Рысаков и Окладский сознательно пожелали стать не только предателями, но и провокаторами³⁵⁸. Между тем, последние двое, как и Гольденберг, до своего предательства успели показать себя героями. Окладский 18 ноября 1879 г. помогал Желябову взрывать царский поезд под Александровском, а на процессе «16-ти» в последнем слове принял эффектно-революционную позу: «Я не прошу и не нуждаюсь в смягчении моей участи. Напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это за оскорбление»³⁵⁹. Рысаков же 1 марта 1881 г. бросил первую бомбу в Александра II, а радостное восклицание царя «Сла-

---

³⁵⁴ Седов М. Г. Героический период революционного народничества, с. 216—217.

³⁵⁵ Фроленко М. Ф. О Гольденберге. Собр. соч. М., 1932, т. 2, с. 67.

³⁵⁶ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов, с. 97 (показание А. Д. Михайлова на следствии по делу «20-ти»).

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Рысакову не довелось стать провокатором, но он вызвался быть им 2 апреля 1881 г. перед самой казнью (допрашивали его и на следствии, и в дни суда, и после смертного приговора — только что не на шафоте). См. об этом: Шеголев П. Е. Последнее признание Рысакова — Былое, 1918, № 4—5. Власти, однако, выжав из Рысакова все, что он знал, предпочли повесить его.

³⁵⁹ Процесс 16-ти террористов, с. 228.

ва богу, я уцелел!» отпарировал историческим «Еще слава ли богу?».

Видимо, пали Рысаков и Окладский по той же причине, которая погубила Гольденберга. Все они были революционерами увлекающимися, но незрелыми, — без должной идейной закалки и силы характера. Рысаков был вовлечен в «Народную волю» Желябовым и под руководством Желябова выглядел достойным народовольцем. Воля Желябова и его преемницы Перовской толкнула Рысакова на подвиг. «Человек отраженного света», по меткому определению Ларисы Рейснер, Рысаков ответил царю «Слава ли богу?», «желябовскими, а не своими словами»³⁶⁰. В заключении же, один на один с палачами, когда от него потребовался героизм не романтического порыва ради славы, а стоического упорства во имя идеи, он оказался слабым для этого и пал. Точно так же и Окладский под Александровском, рядом с Желябовым, и даже на процессе «16-ти», рядом с Ширяевым и Квятковским, мог казаться героем, а после суда, в камере смертника, лицом к лицу с призраком неотвратимой виселицы не устоял перед соблазном помилования.

В литературе бытует версия о том, что Окладский стал провокатором еще до суда, а его последнее слово на суде цензурировал Департамент полиции. Такую версию еще в 1925 г. категорически высказал Ф. Я. Кон³⁶¹ и недавно с той же категоричностью повторил Арк. Ваксберг³⁶². Однако документальных подтверждений этой версии нет.

Известно, что раскрыл предательство Окладского только в 1918 г. Н. С. Тютчев³⁶³. До тех же пор лишь ходили неясные слухи о том, что Окладский «давал откровенные показания»³⁶⁴. Правда, агент ИК П. С. Ива-

---

³⁶⁰ Рейснер Л. Окладский.— В кн.: Избранное. М., 1965, с. 484.

³⁶¹ Кон Ф. Окладский как предатель и его поведение на суде. — Каторга и ссылка, 1925, № 2, с. 143.

³⁶² Ваксберг Арк. Последняя страница. — Знание — сила, 1964, № 1, с. 40.

³⁶³ В статье «Судьба Ивана Окладского» (Былое, 1918, № 4—5).

³⁶⁴ Тютчев Н. С. Революционное движение 1870—1880-х гг. Статьи по архивным материалам. М., 1925, с. 115; Там же, с. 182 (прим. ред. А. В. Прибылева).

новская в 1926 г. засвидетельствовала, будто еще «в 1881 г. Н. Клеточников передал Исполнительному комитету... объемистую тетрадь с обширнейшими предательскими показаниями Окладского»³⁶⁵, но вслед за тем напечатала поправку: «Сведения о предательстве Окладского были получены не в 1881 г. и не от Клеточникова, а позднее, через жандармов, передававших от С. Златопольского письма на волю»³⁶⁶. Это свидетельство, даже с поправкой, вызывает сомнения. Никто из народовольцев не подтвердил его, а столь авторитетный член ИК, как Вера Фигнер, удостоверяет, что предательство Окладского обнаружилось только «после открытия полицейских архивов»³⁶⁷. К тому же, «обширнейших предательских показаний», которые составили бы «объемистую тетрадь», Окладский в 1880—1881 гг. не давал. Вероятно, память изменила Ивановской, и она приписала Окладскому показания какого-нибудь другого предателя (скорее всего, Г. Д. Гольденберга, огличившегося именно «обширнейшими» письменными показаниями)³⁶⁸.

Как бы то ни было, опубликованная в 1918 г. Н. С. Тютчевым «Справка» Особого отдела Департамента полиции за 1903 г. об Окладском (сособразный послужной список провокатора) позволяет заключить, что Окладский начал предавать *после* суда по делу «16-ти»³⁶⁹. В пользу такого заключения говорит и доклад начальника Петербургского жандармского управления А. В. Комарова в Департамент полиции от 5 ноября 1880 г. Комаров докладывал, что 3 ноября того года (то есть три дня спустя после объявления Окладскому смертного приговора) он побывал в камерах каждого из смертников с

---

³⁶⁵ Ивановская П. С. Первые типографии «Народной воли». — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 39.

³⁶⁶ Письма в редакцию. — Каторга и ссылка, 1926, № 4, с. 291.

³⁶⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 269.

³⁶⁸ Н. В. Клеточников до своего ареста (28 января 1881 г.) мог еще не узнать подробности предательства Окладского, поскольку этот последний стал использоваться властями как предатель, главным образом, с марта т. г. — по делу о цареубийстве. Возможно, впрочем, что Клеточников сразу после процесса «16-ти» дал знать народовольцам об «откровенных показаниях» Окладского, а ИК не придавал им особого значения. Так, подозрительными «слухами» об Окладском тогда все и ограничилось.

³⁶⁹ Тютчев Н. С. Указ. соч., с. 115—116.

целью выведать у них «некоторые пояснения» к прежним их показаниям, причем, как явствует из текста доклада, Окладский был тогда для жандармов такой же загадкой, как Ширяев или Квятковский³⁷⁰. Наконец, учтем, что и Верховный суд РСФСР спустя четверть века, несмотря на все старания следователей и специального эксперта П. Е. Щеголева, не смог доказать, что Окладский на процессе «16-ти» был уже в роли провокатора³⁷¹.

Судьба Окладского — поучительный пример жизненного сальто человека без твердых убеждений, вовлеченного в круговорот политических катаклизмов. Революционер, осужденный на смертную казнь за героическую борьбу против царизма, он купил себе жизнь предательством и 37 лет нес позорную службу провокатора; был заочно разоблачен вскоре же после краха царизма и еще шесть лет хоронился от революционного правосудия; опознан и арестован в 1924 г., судим теперь уже революционным советским судом и вновь приговорен к смертной казни — на этот раз как царский холоуи за низменную борьбу против революционеров³⁷².

Что касается В. А. Меркулова, то в его предательстве нет никакой загадки. Малограмотный рабочий, не блиставший ни умом, ни энергией, он был принят народолюбцами в партию, по-видимому, из-за недостатка в людях (особенно «из народа»). Когда он был арестован (27 февраля 1881 г.), жандармы быстро смекнули, что он труслив и продажен. Последовал сеанс обычных угроз — и Меркулов сам предложил, если ему позволят под надзором полиции, указать в лицо всех известных ему в Петербурге революционеров. На докладе об этом генерала А. В. Комарова царь оставил помету: «Надеюсь, что воспользовались его предложением»³⁷³.

Став предателем, трус Меркулов боялся мести своих

---

³⁷⁰ ЦГАОР, ф III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч 2, л 10 об.—11.

³⁷¹ Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л., 1925.

³⁷² За давностью преступления и ввиду преклонного возраста Окладского Верховный уголовный суд РСФСР заменил ему смертную казнь тюремным заключением на 10 лет.

³⁷³ Щеголев П. Е. К делу 1 марта 1881 г. — Былое, 1918, № 4—5, с. 55, 60.

бывших товарищей, с которыми ему предстояло еще сесть на одну скамью подсудимых (по делу «20-ти»). Перед началом суда он даже подал на имя прокурора особое прошение о том, чтобы его не сажали рядом с другими подсудимыми³⁷⁴. Опасения предателя не были напрасными. На последнем заседании суда подсудимый Макар Тетерка (тоже рабочий) заклеил его увесистой пощечиной³⁷⁵.

Вредило делу и репутации «Народной воли» также предательство людей, которые, хотя и не принадлежали к партии, но входили с ней в какие-то (пусть самые мимолетные) сношения и за это оказывались иногда на одной с народовольцами скамье подсудимых. Таков был гимназист Иван Родионов, который на процессе И. И. Розовского выдал товарища, доверившего прокламации ИК «для распространения». По делу «16-ти» судились двое таких попутчиков «Народной воли» — земский врач А. П. Булич и управляющий именем известного революционера Д. А. Лизогуба В. В. Дриго, обвиненные в принадлежности к партии и в передаче денег террористам. Оба они малодушествовали, подали слезливые прошения о помиловании, а Дриго, кроме того, оставил жалкую исповедь с такой концовкой: «Если когда бы то ни было, хотя бы после моей смерти, рассказ этот мой будет прочтен и прочитавший скажет, что «да, Дриго, не был революционером и сослан без вины», то я буду совершенно вознагражден»³⁷⁶.

Среди такого рода попутчиков оказывались и провокаторы. Правда, за 1880—1882 гг. известен только один из них — киевский портной из крестьян Леонтий Забрамский, уголовный арестант. В тюрьме он был «за-агентурен» Г. П. Судейкиным³⁷⁷ и сумел втереться в доверие к участникам объединенного кружка народовольцев и чернопеределывцев (М. Р. Попова — Д. Т. Буципского), которых и выдал. Аресты, приведшие к киевско-

---

³⁷⁴ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 234.

³⁷⁵ Фроленко М. Ф. Собр. соч., т. 2, с. 143. Этот эпизод отмечен и в издании «Процесс 20-ти народовольцев» (с. 120).

³⁷⁶ ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч. 1, л. 192—201.

³⁷⁷ Судейкин заведовал тогда агентурной службой Киевского губернского жандармского управления. Л. И. Забрамский — его первая крупная жертва

му процессу «21-го» (июль 1880 г.), — в значительной степени дело рук Забрамского³⁷⁸.

Как ни редки были в 1880—1882 гг. случаи отступничества и предательства среди самих народовольцев и попутчиков партии, они все же свидетельствовали (особенно если учесть, что в последующие годы их стало гораздо больше), во-первых, об умении царского сыска идейно и морально развращать людей, а во-вторых, о недостатке революционной бдительности и взаимоконтроля у народовольцев, которые могли довериться таким людям, как Забрамский, а таких, как Меркулов, даже принять в партию. Не случайно Александр Михайлов в предсмертном завещании партии сделал такой упор на том «чтобы контроль вошел в сознание и принцип»³⁷⁹. Но в условиях, когда партия несла тяжелые потери в людях, а восполнять их при узости социальной базы было крайне трудно, каждый новый боец ценился так дорого, что соблюсти по отношению к нему должную меру бдительности и контроля не всегда представлялось возможным.

Особой оценки требуют те беспартийные террористы, которые пытались бороться с царизмом в одно время с «Народной волей» и по-народовольчески, но независимо от партии, на собственный страх и риск. Судебные процессы над ними обычно воспринимались как народовольческие. В 1880—1882 гг. прошли два таких процесса. Оба они слушались в Петербургском военно-окружном суде: 21 февраля 1880 г. — о покушении И. О. Млодецкого на диктатора Лорис-Меликова и 4—5 января 1882 г. — о покушении Н. М. Санковского на шефа тайной полиции П. А. Черевина.

«Народная воля» гласно определила свое отношение и к тому, и к другому покушению. В прокламации ИК от 23 февраля 1880 г. указывалось, что покушение Млодецкого — «единоличное, как по замыслу, так и по исполнению», причем было оговорено: «Млодецкий действительно обращался к ИК с предложением своих сил на какое-нибудь террористическое предприятие, но, не вы-

---

³⁷⁸ Подробно см.: Берман Л. Киевский процесс «21-го» в 1880 г. — Кагорга и ссылка, 1931, № 8—9, с 81—87

³⁷⁹ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 240.

ждав двух-трех дней, совершил своё покушение не только без пособия, но даже без ведома ИК. Это обстоятельство, между прочим, отразилось и на технической стороне предприятия³⁸⁰. ИК, без всякого сомнения, изыскал бы более верные средства совершения казни Меликова, если бы над ним состоялся смертный приговор»³⁸¹.

Что же касается покушения Санковского, то о нем ИК опубликовал 22 ноября 1881 г. следующее объявление: «Во избежание недоразумений Исполнительный комитет считает нужным заявить, что покушение Санковского на жизнь начальника полиции (он же и товариш министра внутренних дел) Черевина произведено помимо всякого со стороны Комитета ведения и участия»³⁸². Таким образом, ИК предусмотрительно дезавуировал и Млодецкого и Санковского на случай, если бы власти попытались использовать их поведение во вред репутации «Народной воли».

По отношению к Санковскому это было сделано еще до суда над ним и очень кстати, поскольку на суде он смалодушничал и после смертного приговора подал прошение о помиловании, в котором уверял: «Решительно не имел намерения убить генерала Черевина, а просто сделал это³⁸³ с целью манифестации в совершенно бессознательном состоянии и под влиянием полного расстройства моего организма от падучей болезни»³⁸⁴.

Зато Млодецкий своим поведением на суде лишний раз поддержал честь революционного знамени. Дело Млодецкого решилось в рекордно короткий срок. «Следствие начато 20 февраля 1880 г. Окончено 20 февраля 1880 г.» — так обозначено на папке с его документами³⁸⁵. Иначе говоря, следствие началось и окончилось в день покушения Млодецкого. 21 февраля состоялся суд,

---

³⁸⁰ Млодецкий вышел на Лорис-Меликова (когда тот подъезжал в экипаже к подъезду своего дома) с револьвером «возле двух стоявших у подъезда часовых, вблизи двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городских» (Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 223).

³⁸¹ «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 95.

³⁸² Литература партии «Народная воля», с. 147.

³⁸³ Санковский добился приема у Черевина и выстрелил в него, но промахнулся.

³⁸⁴ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 17, ч. 1, л. 131.

³⁸⁵ Там же, оп. 1, д. 145.

а 22-го Млодецкий был уже казнен. Поэтому ИК не успел выступить с оценкой покушения Млодецкого раньше суда и казни.

Как явствует из протокола суда по делу Млодецкого, подсудимый заявил о своей солидарности с народо-вольцами: «Я социалист, разделяю вполне их убеждения, но знакомых моих и друзей не назову»³⁸⁶. К процедуре суда Млодецкий отнесся с презрением. На вопрос о виновности, он, как записано в протоколе, «сидя на скамье, отвечал, что ему надоела эта комедия. Давать более никаких объяснений не будет, а оставляет только за собой право на последнее слово». Председатель суда приказал Млодецкому встать, угрожая, в противном случае, удалить его из зала и рассматривать дело о нем без него. Млодецкий не встал. Его удалили. Дальнейшие формальности (допрос свидетелей, речи прокурора и защитника) наскоро провели в отсутствие подсудимого, а его вновь потребовали в зал только для того, чтобы выслушать его последнее слово (к сожалению, в протоколе оно замалчивается) и объявить смертный приговор³⁸⁷.

Во время казни, судя по сохранившимся ее описаниям³⁸⁸, Млодецкий держался геройски: с улыбкой почтялся на эшафот и крикнул толпе простонародья, собравшейся вокруг виселицы: «Я умираю за вас!» Поэтому ИК, отдавая должное Млодецкому, поставил его поведение в ряд с лучшими примерами верности революционному долгу и не преминул использовать его в агитационных целях. «Грозен смерти час трусливому эгоисту, но непонятен страх убежденному человеку!» — гласила прокламация ИК по поводу казни Млодецкого³⁸⁹.

* * *

«Народная воля» внимательно следила за судебными процессами своих членов, старалась откликнуться на

---

³⁸⁶ Там же, л. 12 об.

³⁸⁷ Там же, л. 33 об—34 об.

³⁸⁸ Литература партии «Народная воля», с. 71; «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 95; Энгельмейер А. К. Казнь Млодецкого — Голос минувшего, 1917, № 7—8

³⁸⁹ «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 95.

каждый из них, оценить поведение подсудимых, извлечь из него какие-то уроки для революционной практики. Показательны в этом отношении отклики народовольцев на процесс «16-ти» — первое крупное дело «Народной воли».

Естественным для такого рода откликов был мотив отмщения за погибших товарищей. Он налицо и в стихотворении «После казни 4 ноября», опубликованном в № 4 «Народной воли» (анонимно) с призывной строкой: «Смерть за смерть! Кровь за кровь! Месть за казни!»³⁹⁰, и в словах А. Д. Михайлова, сказанных после казни 4 ноября об Александре II: «Теперь мы, кажется, с ним покончим»³⁹¹.

Но не этот мотив был главным в откликах «Народной воли» на процесс «16-ти» (как, впрочем, и на другие ее процессы). Прокламация ИК от 5 ноября 1880 г. даже предостерегала народовольцев: «Братья! Не поддавайтесь чувству удачи и мщения; будьте верны расчету, берегайте, накапливайте силы, судный час недалеко!»³⁹². ИК старался разъяснить партии политическое значение процесса и вдохновить ее на решающую борьбу не столько чувством мести за казненных, сколько пониманием их примера. В редакционной статье № 4 органа партии «По поводу процесса 16-ти» от 5 декабря 1880 г. говорилось, что «за последний год» было много политических процессов, но ни один из них «не имел для русской социально-революционной партии такого первенствующего значения», как процесс «16-ти». Если на прежних процессах речь шла о революционном лагере, даже о партии, но «партии неорганизованной», то теперь всенародно «установлено существование революционной организации, действующей по определенному плану, определившей свои ближайшие и отдаленные задачи»³⁹³. Редакция органа славил героев процесса «16-ти» за то, что они достойно представили перед судом и обществом партию, впервые так широковещательно заявившую о

---

³⁹⁰ Литература партии «Народная воля», с. 98 (4 ноября 1880 г. казнены были А. А. Квятковский и А. К. Пресняков).

³⁹¹ Тырков А. В. К событию 1 марта 1881 г. — Былое, 1906, № 5, с. 145.

³⁹² Литература партии «Народная воля», с. 91.

³⁹³ Там же, с. 96.

себе. «Счастлив народ, в недрах которого таятся эти титаны, — читаем в цитируемой статье, — глубоко знаменательна эпоха, рождающая их десятками. Эти десятки предвещают близкое наступление нового мира на развалинах тронов...»³⁹⁴.

Такие же отклики на процесс «16-ти» слышались и печатались в кругах русской революционной эмиграции. П. Н. Ткачев опубликовал в бланкистской газете «Ni dieu, ni maître» от 27 ноября 1880 г. специальную статью о процессе, в которой заключал: «Чем больше оно (царское правительство. — Н. Т.) старается задержать и подавить революционное движение, тем более это движение развивается и организуется. Последний процесс подтвердил это с такой очевидностью, что не осталось места никаким сомнениям. Он показал нам, с одной стороны, полную неспособность и бессилие правительства перед своим внутренним врагом, т. е. перед народом, и неустрашимость защитников его прав; с другой стороны, он констатировал значительный прогресс, который совершился в последнее время в организации революционной партии, в ее идеях и ее программах»³⁹⁵. Столь же оптимистически (вплоть до предсказания близости того времени, когда «монархов изведут, как клопов») оценил процесс «16-ти» П. Ф. Алисов³⁹⁶.

И в дальнейшем «Народная воля» старалась так или иначе откликнуться на каждый из своих процессов. Для этого использовались все возможные источники информации от правительственных отчетов до конспиративных записей подсудимых. Даже инструкции «Провинциальная деятельность учащейся молодежи» (зима 1881—1882 гг.) и «Агентам партии «Народная воля» при землячествах» (1882 г.) рекомендовали собирать «статистические сведения об административно сосланных, политических заключенных и осужденных»³⁹⁷. Почти в каждом номере газеты «Народная воля» и «Листка «Народной воли» печаталась какая-нибудь информация о

---

³⁹⁴ Там же, с. 98.

³⁹⁵ Ткачев П. Н. Русские письма. Революционное движение в России. Избр. соч на социально-политические темы М., 1933, т. 4, с. 416.

³⁹⁶ Алисов П. Ф. Процесс «16-ти». Genève, 1880, с. 10—11.

³⁹⁷ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 217, 218.

каком-либо процессе: то скупая заметка (как, например, о суде над И. Ю. Старынкевичем), то содержательная корреспонденция (как о деле И. И. Майнова и др.), то подробный отчет (как о процессе «20-ти»).

В 1883 г. на страницах «Вестника» и «Календаря» «Народной воли» был опубликован перечень политических процессов в России с 1826 по март 1883 гг.³⁹⁸ Правда, перечень этот неполон. Некоторые дела царизм сумел-таки сохранить в тайне от современников. Но за 1880—1882 гг. таких дел оказалось столь мало³⁹⁹, что в общем осведомленность «Народной воли» в те годы о политических процессах надо признать отличной. В перечне названы до полутора десятка дел, о которых легальная пресса молчала, причем в ряде случаев (о делах В. И. Тулисова, П. Ф. Лобанева, В. В. Демьяновского, Е. Г. Легкого, О. И. Нагорного, Е. А. Дубровина и др.) «Вестник» и «Календарь» не только называли подсудимых и сообщали приговор, но излагали и суть дела.

Учитывая большое агитационное значение своих судебных процессов, «Народная воля» заботилась о твердости духа подсудимых, морально поддерживала и вдохновляла их. Показательно опубликованное в № 3 органа «Народной воли» от 1 января 1880 г. стихотворение «Песнь гражданки» (с посвящением «Женам, не прошившим помилования своим мужьям»), которое воспевало самопожертвование во имя «гордой мечты» о революции⁴⁰⁰. Еще лучший пример — изъятое при обыске 5 июня 1882 г. у М. Ф. Грачевского воззвание от имени партии к товарищам, которым «предстоит скоро предстать перед судом». Оно призывало до конца быть верными революционному долгу: «Ничто не может утратить и остановить наших товарищей — даже виселица!»⁴⁰¹.

---

³⁹⁸ Вестник «Народной воли», 1883, № 1, с. 130—134; Календарь «Народной воли» на 1883 год Женева, 1883, с. 138—143.

³⁹⁹ Дела И. К. Тюрина и М. С. Ронесса, Г. А. Глико, Ф. Я. Гавриленко, А. Б. Шадрина и М. А. Садовникова (1880 г.) и П. Гурмаженко и М. Е. Головки (1881 г.), К. К. Айзупа, В. Е. Малавского, М. В. Грязновой, Л. П. Буланова (1882 г.).

⁴⁰⁰ Литература партии Народная воля», с. 57; Поэты-демократы 1870—1880-х годов Л., 1968, с. 95, 721.

⁴⁰¹ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 531, л. 883 (Воззвание сохранилось в жандармской копии).

При этом ИК старался во время суда, а также до и после него, держать связь с подсудимыми — и ради наиболее точной информации о судебном процессе, и в надежде на возможность освободить товарищей, а главное, для того, чтобы согласовывать поведение подсудимых с тактической линией партии. Особенно много хлопотал об этом ИК в дни процесса «16-ти», поскольку здесь «Народная воля» впервые заявила о себе перед судом как политическая партия. Через адвокатов и родственников подсудимые пересылали в ИК «для ясного представления о суде» свои уточнения и дополнения к официальному отчету, запрашивали, «что проводить» в защитительных речах — «программу ли 3-го номера газеты (т. е. программу ИК. — Н. Т.) или что новое»⁴⁰². ИК, со своей стороны, давал указания, но, по-видимому, не всегда успевал это сделать своевременно. Евгения Фигнер в письме на имя сестры Веры сразу после приговора, оценивая защитительные речи подсудимых, посоветовала: «Ваше послание слишком поздно пришло в этом отношении»⁴⁰³.

Письменную связь с подсудимыми ИК устанавливал, вероятно, по каждому крупному делу. Известно, что он получил через адвоката Е. И. Кедрина предсмертное письмо Софьи Перовской. С процесса «20-ти» в ИК доходили письма Александра Михайлова — «конспиративным путем», как вспоминала Вера Фигнер⁴⁰⁴ (возможно, через того же Е. И. Кедрина, который защищал Михайлова на суде и пользовался глубоким уважением своего подзащитного)⁴⁰⁵. Гораздо труднее было хотя бы только попытаться освободить товарищей, обвиняемых или уже осужденных. Власти, раздосадованные дерзкими побегами революционеров 70-х годов (П. А. Кропоткина, В. С. Ивановского, В. Ф. Костюрина, А. К. Преснякова, Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича), охраняли народоволь-

---

⁴⁰² Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 251, 252; Фигнер В. Н. Письма участников процесса «16-ти». — Каторга и ссылка, 1930, № 3, с. 97.

⁴⁰³ Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 256.

⁴⁰⁴ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец А. Д. Михайлов, с. 175.

⁴⁰⁵ Письмо А. Д. Михайлова к Е. И. Кедрину от 14 марта 1882 г. (Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Указ. соч., с. 260—263).

цев и в предварительном заключении, и на суде, и по дороге на казнь так, что устраивать побег стало почти невозможно.

Тем не менее, народовольцы строили планы освобождения арестованных и даже осужденных товарищей. Самым смелым был план освобождения первомайцев по пути их к месту казни 3 апреля 1881 г. Вот что рассказывал об этом плане член Военного центра «Народной воли» Э. А. Серебряков: «Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — человек по пятидесяти, а одну — в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры⁴⁰⁶. Группы предполагалось распределить на трех, выходящих на Литейный проспект, параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот, когда процессия (осужденных. — Н. Т.) проходила бы среднюю группу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск; боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которые, офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас (кружок морских офицеров в Кронштадте. — Н. Т.) о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю»⁴⁰⁷.

Наличие такого плана косвенно подтверждают и воспоминания рабочего-народовольца В. С. Панкратова⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁶ В народовольческих кружках Петербурга и Кронштадта было не меньше 40 офицеров.

⁴⁰⁷ Серебряков Э. А. Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 49—50.

⁴⁰⁸ Панкратов В. С. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг. М., 1906, с. 7.

«Не состоялся» же он, думается, главным образом, потому, что сами народовольцы сочли этот план нереальным, как только выяснилось, какой невиданно громадный конвой снарядили власти для пяти осужденных. Колесницы с «царевубийцами» конвоировали два эскадрона кавалерии и две роты пехоты, жандармы, околоточные, городовые; на всех уличных перекрестках вдоль пути следования колесниц дежурили еще четыре роты войск, усиленные наряды конной жандармерии и местная полиция; всего на Семеновском плацу корреспондент «Таймс» насчитал тысяч 10—12 солдат и жандармов⁴⁰⁹. «Не было только артиллерии», — вспоминала А. В. Якимов⁴¹⁰.

Итак, от плана освобождения первомайцев пришлось отказаться. П. А. Зайончковский полагает, что ИК вообще «не реагировал какими-либо действиями на казнь Желябова и его товарищей. Это, бесспорно, свидетельствовало о слабости революционеров»⁴¹¹. Такое мнение не совсем верно. ИК 4 апреля выступил с прокламацией по поводу казни первомайцев, которая, в частности, гласила: «...Над свежей могилой наших дорогих товарищей мы подтверждаем всенародно, что будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы, как не остановили они в прошлое царствование целый ряд бойцов, начиная с Ковальского... и кончая... Квятковским и Пресняковым... Исп[олнительный] Ком[итет] обращается с призывом ко всем, кто не чувствует в себе инстинкта раба, кто сознает свой долг перед страждущей родиной, — сомкнуть свои силы для предстоящей борьбы за свободу и благосостояние Русской Земли»⁴¹². Эта прокламация была отпечатана в 3 тысячах экземпляров и распространялась не без успеха. «Сильное впечатление», по свидетельству В. С. Панкратова, произвела она среди петербургских рабочих⁴¹³.

Что же касается планов освобождения осужденных или еще не судившихся заключенных, то они, как прави-

---

⁴⁰⁹ 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 251.

⁴¹⁰ «Народная воля» перед царским судом. М., 1930, с. 87.

⁴¹¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. с. 352.

⁴¹² «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 105.

⁴¹³ Панкратов В. С. Указ. соч., с. 7.

ло, не осуществлялись. За 1879—1882 гг. народовольцам удалось только два побега: 17 августа 1882 г. член Военной организации «Народной воли» подпоручик А. П. Тиханович под видом караульного начальника вывел из киевской тюрьмы В. Г. Иванова, а 19 декабря того года из той же тюрьмы бежал с помощью товарищей по заключению В. И. Бычков. Предпринятая же 16 августа 1882 г. в Саратове попытка освобождения из тюрьмы М. Э. Новицкого закончилась неудачей и стоила одному участнику этой попытки (М. Д. Райко) жизни, а двум остальным (П. С. Поливанову и самому Новицкому) — смертного приговора, замененного позднее каторгой. Естественно, что Александр Михайлов по окончании процесса «20-ти» передавал на волю товарищам: «Не расходовать силы для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели»⁴¹⁴.

Зато память осужденных и погибших борцов «Народная воля» чтит как партийную святыню — и в знак уважения к жертвам царизма, и с целью воспитания на их примере новых революционных кадров. До своего ареста 28 ноября 1880 г. больше всех заботился об этом Александр Михайлов. Он бережно собирал все, что могло увековечить память павших героев, и, кстати, арестован был в тот час, когда пришел в казенную фотографию взять заказанные им карточки А. А. Квятковского и А. К. Преснякова (незадолго перед тем казненных). Из тюрьмы, сам осужденный на смерть, Михайлов завещал народовольцам: «Старайтесь увековечить, прославить наших незабвенных великих товарищей Андрея Ивановича Желябова, Софью Львовну Перовскую и других с ними погибших. Предлагаемое мною издание документов Исполнительного комитета посвятите их имени; учредите во имя их ежегодное празднество, обязательное для всей организации или даже партии, посредством обращения к общественному мнению. Вы этим не только заплатите по достоинству этим великим могучим людям, но и морально окажете сильное влияние на партию, поднимете дух партии, вызовете многих на самопожертвование»⁴¹⁵.

Сделать все, завещанное Михайловым, «Народная

---

⁴¹⁴ Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 239.

⁴¹⁵ Там же, с. 233

воля» не смогла. В условиях обозначившегося в 1882 г. резкого спада революционной борьбы ей было уже не до учреждения «ежегодных празднеств». Не сумела она в тех же условиях и подготовить издание документов ИК. Но материалы о героях судебных процессов собирались и печатались. Только в течение 1882 г. народовольцы издали в своей женеvской типографии отдельными книгами биографии Желябова, Перовской, Кибальчича, Александра Михайлова, которые позднее переиздавались и служили важным средством революционной агитации. Ту же агитационную роль играли и материалы, печатавшиеся на страницах периодических изданий, — например, биография А. А. Квятковского в № 4 газеты «Народная воля», воспоминания о Н. Е. Суханове и некролог Я. Т. Тихонова в № 3 и 5 «Вестника «Народной воли», заметки очевидца о процессе «20-ти» в специальном приложении к № 8—9 «Народной воли», передовая статья № 1 «Листка «Народной воли» с прощальным словом о И. И. Розовском, М. П. Лозинском, И. О. Млодецком и др. Типографски и на гектографе печатались судебные речи народовольцев (Желябова, Суханова, Исаева) и прочие документы («На смерть Желябова», «На смерть Квятковского»), которые имели хождение от Петербурга до Иркутска ⁴¹⁶.

Пример осужденных и погибших народовольцев читали и старались использовать в борьбе против царизма также «Черный передел» и русская политическая эмиграция. Вслед за процессом «16-ти» они откликались и на другие процессы «Народной воли» агитационными материалами о героях и жертвах процессов. Таковы передовая статья «Набата» о первомартовцах под названием «Герои-мученики» ⁴¹⁷, обзор дела «20-ти» в «Общем деле» ⁴¹⁸, статья М. П. Драгоманова «Обаятельность энергии» о Н. Е. Суханове в «Вольном слове» ⁴¹⁹, воззвание чернопередельцев за подписью «Мирные обыватели» к обществу по поводу казни первомартовцев: «Спокойные граждане! Имеете ли вы духу благодушно записать-

---

⁴¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 30, л. 294; там же, ф. 908, д. 436, л. 7—7 об.

⁴¹⁷ Набат, 1881, № 2, с. 1—3.

⁴¹⁸ Общее дело, 1882, № 47, с. 14—15.

⁴¹⁹ Вольное слово, 1882, № 34, с. 1—3.

ся своими делами, слыша стенания мучеников, наших братьев, сдавленные рукою палача в подземельях и заглушенные боем барабанов на площадях? Мы отвечаем за себя — не можем!»⁴²⁰.

* * *

Сделаем некоторые выводы. Обстановка революционной ситуации стимулировала политическую активность народовольцев, укрепляла в них сознание возможности и близости победы над царизмом. Теория и практика народничества сохраняли тогда большую притягательную силу не только из-за отсутствия в стране другой, более целесообразной революционной теории, но и потому, что народничество оставалось знаменем движения, развивавшегося еще по восходящей линии. До тех пор, пока не была исчерпана революционная ситуация, казались в представлении современников неисчерпанными и возможности народничества как революционной идеологии, хотя объективно в России уже сложились условия для распространения марксизма.

В такой обстановке народовольцы на судебных процессах действовали смело и наступательно, даже перед угрозой заведомо предрешенной виселицы, удивляя самих карателей своей отвагой. Известный трубадур реакции генерал А. А. Киреев еще в 1879 г. проницательно усматривал главную опасность для царизма в том, что революционеры «убеждены в правоте их теорий, в законности их преступлений (это явствует из всех показаний их на суде)⁴²¹. Вот это-то убеждение в их правоте, в законности их теорий и нужно поколебать. В этом главнейше и заключается задача. В этом, и почти исключительно в этом, весь вопрос»⁴²². Правда, узость социальной базы «Народной воли», наряду с другими причинами (чрезмерным увлечением романтикой «красного террора», недостатком контроля за партийны-

---

⁴²⁰ Суд и пытка — Былое, Paris, 1909, № 9—10, с. 45.

⁴²¹ Печатаю записку в 1882 г., Киреев здесь сделал следующее примечание: «С какой страшной силой подтвердилось это на суде преступников 1 марта!»

⁴²² [Киреев А. А.] Избавимся ли мы от нигилизма? Записка, представленная в 1879 г. Спб., 1882, с. 28.

ми кадрами, воздействием царского сыска и шпионажа), обуславливала частичное засорение партии недостойными элементами, случаи малодушия, отступничества, предательства, но в условиях революционного натиска 1879—1881 и части 1882 гг. это было всего лишь исключение.

В целом народовольцы на процессах 1880—1882 гг. достойно поддержали авторитет русского революционного движения и помогли «Народной воле» поднять его именно в те годы на небывалую ранее высоту. Они продемонстрировали перед общественным мнением страны и всего мира такую идейную зрелость, благородство и силу духа, что попытки царского суда выставить их программу как «социальные бредни»⁴²³, а их самих — «людьми без нравственного устоя и собственного внутреннего содержания»⁴²⁴, оказались насквозь несостоятельными. Революционный лагерь с каждым процессом обретал новое оружие, будь то программная речь обвиняемого, его завещание, последняя улыбка на эшафоте или просто еще один факт «святой нераскаянности» перед царским судом. Весь опыт политических процессов 1880—1882 гг. утверждал неодолимость революционного движения в России, как это и констатировала передовая статья № 8—9 органа «Народной воли» от 5 февраля 1882 г.: «Если отдельных лиц легко выхватить из наших рядов, то задавить неумирающую идею не сможет никакая адская сила, — идея снова соберет под свое знамя еще более многочисленных приверженцев»⁴²⁵.

---

⁴²³ Киевлянин, 1880, 28 октября (обвинительная речь В. С. Стрельникова).

⁴²⁴ Дело 1 марта 1881 г., с. 292 (обвинительная речь Н. В. Муравьева).

⁴²⁵ Литература партии «Народная воля», с. 160.

**«Народная воля» перед царским судом
в годы упадка революционного народничества
(1883—1894)**

К

середине 1882 г. вторая революционная ситуация была исчерпана, что и обозначил приход к власти (30 мая) в качестве министра внутренних дел графа Д. А. Толстого и переход царизма к разнузданной реакции.

Борьба народников, пережившая в 1879—1881 гг. высший подъем, с 1882, а особенно с 1883 г., когда, с одной стороны, погибла под ударами царизма и в результате дегаевщины старая «Народная воля», а с другой стороны, начал распространяться марксизм, постепенно клонилась к упадку. Середина 1882 г. и взята в качестве условного рубежа для анализа судебных процессов «Народной воли». Дела первой половины того года (например, процесс «20-ти»), которые готовились властями еще в обстановке революционного подъема, против людей, арестованных не только в 1881 г., но даже в 1880 г. (Александр - Михайлов, В. А. Данилов), были рассмотрены в предыдущей главе. Здесь речь пойдет о процессах, начиная со второй половины 1882 г., а главным образом с 1883 г., с процесса «17-ти», хотя некоторые следственные показания «17-ти», относящиеся к середине 1882 г., использовались и во второй главе.

Реакция, воцарившаяся в России с 1882 г., была не только «невероятно бессмысленной»¹, но и, казалось, непреодолимой. Щедрин метко увековечил ее в образе «торжествующей свиньи», которая «кобенится» перед Правдой и «чавкает» ее². Революционное движение после 1882 г. до середины 90-х годов внешне подолгу не давало о себе знать. Гр. Д. А. Толстой в 1887 г. уверял даже, что в России не осталось ни одного революционера, дав

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 14, с. 245—247.

повод Н. А. Белоголовому съязвить в газете «Общее дело»:

По верноподданной реляции Толстого
Последний нигилист заклепан в Шлиссельбург³.

Верховным распорядителем и живым олицетворением реакции 80—90-х годов был сам Александр III, «царь-удав», как его называли. В отличие от Александра II, он отрицал какие бы то ни было уступки и считал единственным способом обуздания недовольных насилие, с самого начала взяв за образец не отца, а деда, Николая I, который, как известно, показал «русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа»⁴. Все в личности Александра III — и его убеждения, которые едва ли не укладывались в девиз будочника Мырцеова «Тащить и не пушать!», и скандальная для монарха безграмотность, снискавшая ему в обществе титул «венчешного Митрофана»⁵, и даже несуразная внешность («бегемот в эполетах», по выражению А. Ф. Кони⁶) — все гармонировало с его карательной политикой, такой же реакционной, скандальной и несуразной, как сама личность царя.

Правой рукой Александра III и своеобразным дополнением к нему был в качестве главного вершителя реакции на правах министра внутренних дел и шефа жандармов граф Д. А. Толстой — несравненно более образованный и гибкий, чем царь, но и еще более мстительный и жестокий, умственный палач, о котором

---

³ Вольная русская поэзия второй половины XIX в Л., 1959, с. 434.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 158

⁵ В орфографию Александр III вписал такие перлы, как «брошюры при дерзкия», «идеот», «а вось» (см., например: Вознесенский А. Дело А. И. Ульянова и Александр III. — Советская юстиция, 1937, № 10—11, с. 62), а пунктуацию вообще не признавал, кроме восклицательных знаков, которые он обычно вбивал, как гвозди, не меньше, чем по три кряду. Газета народников-эмигрантов «Общее дело» в 1878 г. (№ 12, с. 9) заметила, что Александру III, как никому другому, оказался под сгать титул «цесаревича» — безграмотная славянская форма от латинского слова (caesar), напоминающая «того латиниста, который бабу называл по-латыни «бабусом»

⁶ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 1, с. 16. Даже такой обожатель Александра III как С. Ю. Витте называл его «вахлаком» (Витте С. Ю. Воспоминания, М., 1960, т. 1, с. 190).

даже такой консерватор, как Модест Корф, с отворачиванием говорил: «Он вскормлен слюною бешеной собаки»⁷. Ненависть Толстого к революционерам доходила до умопомешательства — в буквальном смысле. По крайней мере, дважды (в 1872 и 1885 гг.) он от избытка усердия в борьбе с крамолой на время терял рассудок, что выражалось у него курьезно и однообразно: Толстой вдруг воображал себя лошадьё и кричал за обедом в каком-нибудь фешенебельном ресторане: «Человек, порцию сена!»⁸. Любопытно, что революционеров этот неврастеник ругал не как-нибудь, а «психопатами»⁹. К борьбе с революционерами, а в особенности с террористами, до умопомрачения ненавистными и опасными, Толстой готов был свести всю внутреннюю политику правительства. Государственный секретарь А. А. Половцов 30 января 1885 г. записал о нем в дневнике: «Его интересуют одни динамитисты и то в замыслах их против его особы»¹⁰.

Не страдали избытком гуманности и другие сановники, ответственные за карательную политику царизма: министр юстиции 1885—1894 гг., наперсник Толстого и приказчик Победоносцева, услужливый бюрократ Н. А. Манасеин; ближайший помощник (товарищ министра внутренних дел), а затем преемник Толстого, «подобострастный чурбан» в отношениях с теми, от кого он зависел¹¹, и разнузданный бурбон по отношению к тем, кто зависел от него самого, И. Н. Дурново; другой товарищ министра внутренних дел, бывший директор департамента полиции, напористый, цепкий и безжалостный В. К. Плеве, которого английская газета «Daily Telegraph» назвала «воплощенным антинигилистом»¹²; наконец, помощник Толстого по заведованию полицией командир корпуса жандармов П. В. Оржевский, на вид и по манерам джентльмен, а по натуре соглядатай, настолько черносотенный и властолюбивый, что, будь его воля, он, по

⁷ Валуев П. А. Дневник. М., 1961, т. 2, с. 322.

⁸ Народовольцы М., 1931, Сб. 3, с. 100—101; Никитенко А. В. Дневник. М., 1956, т. 3, с. 255.

⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.—Л., 1927, с. 351.

¹⁰ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966, т. 1, с. 285.

¹¹ Там же, т. 2, с. 235.

¹² Памяти В. К. Плеве. Спб., 1904, с. 94.

словам А. А. Половцова, «весь свет отдал бы в распоряжение подчиненных ему жандармов»¹³. Все они были преданы интересам дворянско-крепостнической реакции и вносили в карательную политику максимум жестокости, угождая тем самым «каменносердому маньяку всея Руси», как назвал Александра III Марк Твен¹⁴.

Однако верхи и в годы видимого торжества реакции жили в страхе перед опасностью новой вспышки «красного террора». Царь по-прежнему отсиживался в Гатчине, но и там не знал покоя. Кошмар покушений изводил его, тем более, что заграничные агенты время от времени доносили, будто в Россию едут «с намерением совершить попытку нового покушения» то Гартман, то некие Кондырев и Пристюк, то «неизвестные лица»¹⁵. Царь становился все более пуганым и мнительным. Был случай, когда он застрелил на месте в дежурной комнате своего адъютанта барона Рейтерна (приходившегося родственником председателю Комитета министров), заподозрив его в намерении бросить бомбу. Оказалось, что барон курил папиросу и при неожиданном появлении царя стал прятать ее за спину¹⁶. Лучше всего рисует состояние духа самодержца тех лет меланхолическая помета на полях министерского доклада о раскрытии «умысла» 1 марта 1887 г.: «На этот раз бог нас спас, но надолго ли?»¹⁷.

Беспокоились за себя и царские сатрапы, в первую очередь Д. А. Толстой. «Он сидит в сыром домишке, окруженный стражею, как будто он сам государственный преступник», — записывал в дневнике 13 июня 1883 г. государственный секретарь А. А. Половцов¹⁸. Высокопоставленные каратели в страхе за свою жизнь непрочь были подставить под бомбы и пули террористов кого-либо из помощников. Тот же Д. А. Толстой, когда товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново заметил, что он как министр напрасно передал всю полицию в распоряжение другого товарища министра, П. В. Оржевско-

---

¹³ Половцов А. А. Дневник, т. 1, с. 301, 306.

¹⁴ Твен М. Собр. соч в 12-ти т М., 1961, т. 12, с. 611.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 1520, л. 1—2; д. 1521, л. 22.

¹⁶ Степняк-Кравчинский С. М. Царь-чурбан, царь-цапля. Пб., 1921, с. 13

¹⁷ 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927, с. 362.

¹⁸ Половцов А. А. Дневник, т. 1, с. 107.

го, цинично отрезал: «Пусть на нем лежит ответственность и пусть в него стреляют, а не в меня»¹⁹. Все это предметно доказывает, что режим *личной власти* всегда и в особенности боится террора.

Страх перед призраком грозной «Народной воли» теперь, когда реакция торжествовала, лишь подстегивал власти к сугубым репрессиям, чтобы доконать «крамолу». Репрессии 1883—1894 гг., главными жертвами которых оставались (по традиции, с годами все менее оправданной) народовольцы, иной раз даже самих карателей первировали излишествами. Товарищ обер-прокурора Сената Н. А. Хвостов в марте 1887 г. опасливо предостерегал К. П. Победоносцева: «Аресты делаются зря, забирает кто хочет... Если бы кто захотел нарочно избрать такой способ действий, который может создать и для будущего запас горючего материала, то лучше трудно придумать»²⁰. Но заправила реакции неистовствовали, предвкушая близкое искоренение крамолы, и не хотели внять каким-либо предостережениям.

В такой обстановке судебные уставы 1864 г. становились все большей помехой для карателей. Они, особенно же два знаменосца реакции, М. Н. Катков и К. П. Победоносцев, громче прежнего требовали контрреформировать суд. «Наши судебные учреждения, рабски скопированные с чужих образцов, — бранился Катков, — ...нуждаются в исправлении при свете собственного разумения, наученного опытом», именно в такой организации, «которая ставила бы их под непрерывное действие государственной власти... Требуется, чтобы министр юстиции был поистине министром своего государя, а не казался бы... дипломатическим при нем агентом самодержавной судебной республики»²¹. Победоносцев в том же духе составил 30 октября 1885 г. для царя целый доклад «О необходимости судебных реформ» (контрреформ то бишь), где предлагал ликвидировать остатки гласности или, как он выражался, «пресечь деморализацию, которую распространяет в обществе публичность судебных заседаний», обуздать адвокатуру, заключив ее «в строгую дисципли-

---

¹⁹ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. 205.

²⁰ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.—Пг., 1923, т. 1, ч. 2, с. 740.

²¹ Московские ведомости, 1885, 17 ноября (передовая статья).

ну перед судом», упразднить состязательность судебного процесса, независимость суда от администрации и несменяемость судей²², — иначе говоря, от пореформенного суда вернуться вспять к дореформенному. Кое-что из требований Победоносцева (например, уничтожить «состязательное начало, применяемое судебными уставами») вставил в свой доклад царю «О реформе местного управления» от 18 декабря 1886 г., легший в основу земской и городской контрреформ, гр. Д. А. Толстой²³.

Сам царь откровенно поносил перед Толстым либеральное якобы «безобразие наших судов»²⁴ и не изменял взгляду, которым он проникся под впечатлением процесса 1 марта 1881 г.: с крамолкой полагалось бы расправляться вообще без суда. Настроенный таким образом царь, естественно, поощрял судебную контрреформу и ставил во главе министерства юстиции подходящих для этого людей. Излишне лояльный к судебным уставам 1864 г. полулиберал Д. Н. Набоков в ноябре 1885 г. был заменен консерватором Н. А. Манасеиным, которому, по свидетельству А. А. Половцова, «при назначении объявили о необходимости уничтожить судебные уставы»²⁵. Так как Манасейн до конца в этом не преуспел, вместо него с 1 января 1894 г. был приставлен к руководству министерством юстиции Н. В. Муравьев. Истый каратель, меченный пятью виселицами по делу 1 марта, крайний ретроград, Муравьев на первой же высочайшей аудиенции «вполне очаровал» царя своей ненавистью к судебным уставам²⁶. Сам царь в разговоре с А. А. Половцовым так определил главное достоинство Муравьева как юриста: «Этот юрист, который понимает все, что есть неуместного и подлежащего отмене в судебных порядках»²⁷.

Многое из того, что замышляли против судебных уставов 1864 г. в интересах реакции и к довольству царя

---

²² ГБЛ РО, ф. 230, карт. 4394, ед. хр. 3, л. 1—4. Подробный анализ доклада см. у Б. В. Виленского: Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969, с. 295—305.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, 1886, д. 51, л. 79. Подробно о докладе Толстого см.: Виленский Б. В. Указ. соч., с. 287—294.

²⁴ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 235.

²⁵ Там же, с. 257.

²⁶ Половцов А. А. Дневник, т. 2, с. 452.

²⁷ Там же, с. 458.

Катков, Победоносцев, Толстой и другие, к середине 90-х годов было сделано. Гласность суда на политических процессах была сведена почти к нулю еще в 1881 г. с вводом в действие Положения об охране. Но формально запрет на гласность не был узаконен, поскольку Положение об охране предписывало рассматривать политические дела. «всегда при закрытых дверях» только в военных судах. Прочие же суды должны были по смыслу уставов 1864 г. вести политические дела гласно (кроме местностей, объявленных на исключительном положении, где генерал-губернатор или министр внутренних дел мог требовать закрытия всех политических дел). Если суды все-таки с 1881 г. на любом политическом процессе без объявления об исключительном положении закрывали свои двери от публики, то делали это каждый раз в обход закона. 12 февраля 1887 г. царский указ дал «законное» право министру юстиции, если он «из дошедших до него сведений усмотрит, что публичное рассмотрение дела не должно быть допущено» («в видах ограждения достоинства государственной власти» или по другим, столь же растяжимым, мотивам), закрывать в любое время двери заседаний любого суда²⁸. Тем самым, как выразились даже составители папегирической юбилейной истории министерства юстиции, устанавливался порядок, «равносильный в существе своему замене суда, гласного по закону, судом, гласным по усмотрению министра»²⁹.

Что касается несменяемости судей, то она была похоронена в законе от 20 мая 1885 г., который учредил так называемое Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов, правомочное увольнять или перемещать любых судей по усмотрению и представлению министра юстиции³⁰. Наконец, известный закон от 12 июля 1889 г. о земских начальниках покончил (формально в низшем звене) и с независимостью суда от администрации, соединив в лице земских начальников как административную власть, так и судебную³¹. Этот закон, как справедливо отметил

---

²⁸ ПСЗ, собр. 3, т. 7, с. 80.

²⁹ Министерство юстиции за 100 лет (1802—1902). Исторический очерк. Спб., 1902, с. 192

³⁰ ПСЗ, собр. 3, т. 5, с. 220, 224.

³¹ Там же, т. 9, с. 513—517.

Б. В. Виленский, «фактически завершает судебную контрреформу» в России³².

Законы 1885 и 1889 г. прямого отношения к политическим процессам не имели, но косвенно отражались на судебном разбирательстве и политических дел, поскольку они наглядно подтверждали собой сентенцию В. К. Случевского: «Кто располагает судьбою судей, тот располагает и их приговорами»³³. Зато указ от 12 февраля 1887 г. имел мишенью непосредственно и главным образом политические процессы, которые стали теперь еще более келейными, чем раньше.

Собственно, на публичность судебных заседаний по делам о «государственных преступлениях» указ 12 февраля почти не повлиял. Он лишь узаконил то, что, вопреки закону, чинилось на каждом процессе после дела 1 марта 1881 г., то есть запрещение публичности. На процессах как 1882—1886 гг. (например, «20-ти», «17-ти», «14-ти»), так и 1887—1894 гг. («21-го», 1 марта 1887 г., С. М. Гинсбург и др.) публику изображали лишь министры да высшие чиновники, отличавшиеся «сверхъестественной верноподданностью»³⁴. В порядке исключения допускались еще некоторые из ближайших родственников подсудимых. На процессе «21-го» это были матери П. Ф. Якубовича и В. И. Сухомлина и старший брат Якубовича, а на процессе первоапрельцев 1887 г. — одна М. А. Ульянова. Должную оценку этой «публичности» дал Г. А. Лопатин в последнем слове по делу «21-го»: «В застенке нас допрашивают, в застенке судят, в застенке и дают, когда приходит наш последний час»³⁵.

С печатной же гласностью политических процессов только теперь было покончено совершенно. Отчеты о процессах не печатались с 1881 г. (после дела царевубийц). Но до 1887 г. «Правительственный вестник» регулярно информировал Россию о политических процессах

---

³² Виленский Б. В. Судебная контрреформа в России. — Учен. тр. Саратов. юрид. ин-та, 1965, вып. 2, с. 300.

³³ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1910, с. 97.

³⁴ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1964, с. 133.

³⁵ Последнее слово Г. А. Лопатина на суде 5 июня 1887 г. / Публикацию подготовил О. А. Сайкин. — Советские архивы. 1970, № 6, с. 26.

(исключая мелкие) в кратких «правительственных сообщениях», которые излагали (разумеется, в официальном истолковании) суть обвинения и приговор. После закона 12 февраля 1887 г. даже это было признано лишним. Правда, о трех делах 1887 г. в столице³⁶ все же сообщалось, но после долгого раздумья и с предельной краткостью. Например, о деле 1 марта 1887 г. «правительственное сообщение» появилось лишь 9 мая, видимо, через силу, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве три проекта сообщения, оставшиеся неодобренными, с характерной пометой: «Государь император неоднократно высказывал, чтобы сообщение было как можно короче»³⁷. Как правило же, с 1887 г. о политических процессах в России даже «правительственных сообщений» не было.

Упразднив таким образом публичность и гласность политических процессов и обеспечив себе полную свободу располагать судьбою судей и, стало быть, их приговорами, царизм стал вести процессы еще более варварски, чем прежде. Если в 1880—1881 и отчасти 1882 гг. он заботился о том, как парализовать внешне законными средствами опасную при наличии гласности активность подсудимых, то с 1883, и особенно с 1887 г., его заботы сводились главным образом к мстительной расправе с подсудимыми. Однако формальности судопроизводства, как бы ни были они приспособлены к карательным функциям царизма, все же затрудняли месть и расправу, тем более, что всегда сохранялась возможность огласки судебного дела каким-нибудь частным путем. Поэтому царизм, памятуя об уроках процессов 1871—1882 гг., не считал даже контрреформированный суд вполне надежным.

Судебных процессов над революционерами после 1882-го, а еще заметнее с 1887 г. в России стало гораздо меньше. Вот сравнительные данные (без Польши):

1881—15	процессов	1888—2
1882—18		1889—5
1883—12		1890—4

---

³⁶ Второго 1 марта, «21-го», «Донской процесс». Всего с февраля 1887 до 1894 г. в России прошли 27 политических процессов, считая такие крупные дела, как С. М. Гинсбург, «29-ти» (жертв «Якутской трагедии»), «22-х», «18-ти», «15-ти» (В. А. Данилова и др.).

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 353 и сл.

1884—9	1891—4
1885—8 ³⁸	1892—1
1886—4	1893—2
1887—10	1894—1

В 90-е годы число политических процессов быстро сошло на нет (единственное дело 1894 г. оказалось последним в XIX в.). Судились на них по традиции все еще народники. Между тем, главной силой революционного движения становились уже социал-демократы, которых царские суды пока (вплоть до начала следующего века) не судили. Поэтому редкие процессы 90-х годов, как подметил известный адвокат того времени М. Л. Мандельштам, «были скорее «последними тучами рассеянной бури», чем предвестниками новой грозы»³⁹.

Зато к дозняниям о «государственных преступлениях» после 1882 г. людей стали привлекать больше, чем прежде. Если число привлеченных к дозняниям, например, по делу «16-ти», или «20-ти», или 1 марта 1881 г. почти равнялось числу подсудимых, то по судебным делам 1883-го и последующих годов зачастую привлекались сотни людей: по делу «17-ти» — 120⁴⁰, по делу А. И. Богдановича (при 7 подсудимых) — 150⁴¹, по делу «23-х» — 158⁴², по делу 1 марта 1887 г. — около 200⁴³, по делу «14-ти» — только офицеров больше 200⁴⁴, по делу «21-го» — до 300 чел.⁴⁵. Не желая устраивать чреватые скандальным «шумом» процессы, власти расправлялись с «политическими» все чаще в административном порядке, который для публики был совершенной terra incognita и к тому

³⁸ Не считая дела юнкера А. А. Михайлова, которое Вестник «Народной воли» (№ 5, с. 162) ошибочно внес в хронику судебных процессов за 1885 г. Это дело было решено без суда, в административном порядке (ЦГИА Лаг ССР, ф 4568, оп 9, д. 23, л. 59).

³⁹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, с. 26.

⁴⁰ Прибылев А. В. Записки народовольца М., 1930, с. 47.

⁴¹ Бычков А. И. Дело о революционных кружках 1879—1881 гг. в Кисеве.— Летопись революции, Харьков, 1924, № 2—3, с. 43.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 87, л. 105 об.

⁴³ Свободная Россия, Genève, 1889, № 1, с. 60.

⁴⁴ Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924, с. 170.

⁴⁵ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1961, т. 3, с. 118.

же мало обременялся формальностями. Число административно наказанных по политическим делам с 1883 г. росло из года в год:

1883—303 чел.	1886—440
1884—402	1887—531 ⁴⁶
1885—423	

Поскольку же совсем отказаться от политических процессов значило бы для правительства афишировать свою реакционность (попрание собственной судебной реформы) и слабость (боязнь выступлений подсудимых и возможного вокруг них «шума»), постольку царизм время от времени устраивал то один, то другой процесс; но в тех очень редких теперь случаях, когда это делалось, он максимально сближал судебное разбирательство с административной расправой.

Иногда это проделывалось с циничной откровенностью, если удобны были повод и место (например, сопротивление властям в застенках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей или на каторге в какой-нибудь сибирской глухомани). Разительный пример такого судилища — процесс жертв «Якутской трагедии»⁴⁷ 6—13 июня 1889 г. в Якутске. «Никакого обвинительного акта нам не вручали, — рассказывал судившийся по этому делу М. В. Брамсон, — у нас не было ни одного защитника; вообще никакого судебного разбирательства не было допущено. Ни свидетелей, ни, тем более, посторонней публики (даже родственников) на суде не было... Для подсудимых не было даже скамьи, и свои показания они давали, обвинительный акт и самый приговор выслушивали стоя, окруженные тесным кольцом вооруженных винтовками солдат»⁴⁸. Председатель суда (некто Савицкий, начальник дисциплинарного батальона в Иркутске) только командовал «отвечать!» или «молчать!», а из судей

---

⁴⁶ Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906, с. 246, 274, 288, 305, 322. Аналогичных сведений за 1888 и последующие годы, к сожалению, нет.

⁴⁷ О якутской трагедии (протест ссыльных народовольцев в Якутске против каторжного произвола и расстрел протестантов 22 марта 1889 г., после чего 29 из них были преданы суду) см.: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925.

⁴⁸ Там же, с. 22.

(трех малограмотных офицеров, изображавших военную комиссию) ни один за все время процесса не проронил ни звука⁴⁹. Когда же обвиняемый А. Л. Гаусман (юрист по образованию) потребовал выделить особо подсудимых, не достигших совершеннолетия, и стал цитировать соответствующие статьи уголовного уложения, председатель суда, едва ли понимавший, о чем идет речь, скомандовал: «Ну, чего их тут слушать! Всех не переслушаешь! Увести!» — и конвой увел подсудимых в тюрьму⁵⁰.

Примерно так же был устроен еще ряд процессов: в Иркутском военном суде по делам Е. Г. Легкого (июль 1882 г.) и К. Г. Неустроева (ноябрь 1883 г.), в Шлиссельбургской крепости по делу Е. И. Минакова — террориста, формально не принадлежавшего к «Народной воле» (сентябрь 1884 г.), в Харьковском военно-окружном суде по делу Н. Л. Перлашкевича (сентябрь 1887 г.). В большинстве же случаев процессуальные нормы судопроизводства внешне соблюдались, хотя, по существу, оказывались фиктивными.

Чаще всего судили народовольцев в 1883—1894 гг., как и в 1880—1882, военные суды. Начиная с середины 1882 г. из 57 дел, которые были (полностью или частично) народовольческими, 26 рассматривал какой-нибудь (окружной, полевой или временный) военный суд. Пять процессов состоялись в Особом присутствии Сената, восемнадцать (незначительных) — в губернских и окружных судах Сибири. Характерно, что даже такие крупные дела, как «14-ти» и «21-го», вел военный суд. Власти намеревались передать в военный суд и дело 1 марта 1887 г., которое, судя по отношению директора департамента полиции П. Н. Дурново к Д. А. Толстому, поручили сенаторам лишь в силу традиции, поскольку именно Особое присутствие рассматривало дело 1 марта 1881 г. Столь явное предпочтение военному суду перед всеми прочими тот же П. Н. Дурново объяснял просто: во-первых, военный суд лучше обеспечивает «тягчайшее уголов-

---

⁴⁹ Там же, с. 55.

⁵⁰ В илюец. Якутская трагедия 1889 г. — Русская мысль, 1906, № 3, с. 71; Минор О. С. Якутская драма 22 марта 1889 г. — Былое, 1906, № 9, с. 144.

ное наказание», а кроме того, отличается большей скоротечностью судебного следствия⁵¹.

До 1885 г. приговоры военных судов, возможно, и не были тяжелее приговоров Особого присутствия, но после того как 18 мая 1885 г. Александр III высочайше повелел записать в Военно-судебном уставе, что «в случае признания наличности уменьшающих вину обстоятельств... суд не смягчает собственною властью следуюемого подсудимому наказания, а входит о таком смягчении с ходатайством» перед царем⁵², военные суды предпочли не беспокоить царя частыми ходатайствами и чуть ли не по каждому делу стали обеспечивать «тягчайшее уголовное наказание».

Впрочем, и суд сенаторов, и даже губернские (в Сибири) суды мало в чем уступали тогда военным судам по беззаконию и жестокости, тем более, что сенаторы решали политические дела без публики, а губернские суды — даже в отсутствие подсудимых (там свидетели уличали обвиняемых по фотокарточкам).

Главным обвинением на политических процессах после 1882 г. вплоть до середины 90-х гг. оставалась, как и в 1880—1882 гг., принадлежность к «Народной воле». Именно народовольцы доминировали на скамье подсудимых в годы реакции, продолжая и как бы воплощая в себе традицию революционного натиска. Из 75 дел при 332 обвиняемых за время с середины 1882 г. до конца века только на 18 мелких процессах при 19 обвиняемых не судились деятели «Народной воли».

Обвинение на каждом процессе «Народной воли» после 1 марта 1881 г. строилось по готовому штампу: «Народная воля» получила ярлык партии разрушителей и убийц, ей как юридическому субъекту инкриминировалось царубийство 1 марта, и принадлежность к такой партии сама по себе делала подсудимого причастным к царубийству и ответственным за него перед законом. «...Сообщество по его понятиям, — характеризовал обвинение на процессе «17-ти» «король адвокатуры» В. Д. Спасович, — дело окончательно решенное по прежним приговорам, которые уже вырыли глубокую и большую пло-

---

⁵¹ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927, с. 313.

⁵² ПСЗ, собр. 3, т. 5, с. 217.

щадь, имеющую готовое отверстие («шахту», как выразился Спасович далее в этой же речи. — Н. Т.), и в это готовое отверстие надлежит только уложить всех нерешенных еще сообщников. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и где-либо приходили с сообществом в соприкосновение, то и баста, то и придется укладывать их в эту рамку. Она составлена по статье 242 уложения, а ст. 242 допускает одну только меру для сообщников — смертную казнь»⁵³.

В. Д. Спасович доказывал, что при соблюдении законности нельзя «производить все будущие процессы от царевубийства 1881 г, как не производятся они от дел Соловьева, Гартмана, Нечаева и Каракозова, как не производятся все дела об убийстве от убийства Авеля Капном»⁵⁴. Однако «все будущие процессы» устранялись подобным же образом, и четыре года спустя на процессе «21-го» тот же В. Д. Спасович вновь подчеркнул: «. Все без исключения подсудимые, а их 21, привязаны, прикручены, пригвождены к одному злumu и роковому для России событию, к социально-революционному движению, которому обвинительный акт выдает и метрическое свидетельство о рождении — липецкий съезд... Оно является в обвинительном акте как подсудимый, как субъект, которого вина раз навсегда установлена по 249 статье Уложения. Злокачественность этого движения столь велика, что к нему юридически приобщается всякий, кто сознательно до него прикоснулся бы на протяжении от липецкого съезда до момента, когда он попал в руки правосудия, хотя бы был виноват только советом, пособничеством или даже недонесением. Во всяком случае он повинен смерти»⁵⁵.

При таком способе обвинения требовалось доказать только одно: принадлежность подсудимого к «Народной воле». В Америке есть поговорка: «Доказать можно все, что угодно. Трудность лишь в том, чтобы знать, что именно ты хочешь доказать». Обвинители «Народной воли» такой трудности не испытывали. Ведь характер преступления и степень участия в нем того или иного подсудимого

---

⁵³ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900, с. 88—89.

⁵⁴ Там же, с. 106.

⁵⁵ Там же, с. 248—249.

не имели большого значения, поскольку российское Уложение о наказаниях «валило в одну кучу и совершение, и голый умысел по государственным преступлениям, наказывая их одинаково»⁵⁶. Поэтому «совершение» царубийства 1 марта 1881 г. и «голый умысел» на него вторых первомагистров одинаково подлежали смертной казни. Фиксировать же принадлежность подсудимого к «Народной воле» было просто, во-первых, потому, что народовольцы, как правило, сами заявляли о своей партийности, а во-вторых, если подсудимый не признавал себя членом партии, следовательно всегда мог объявить его таковым на основании подтасованных или же выдуманных «данных». И. П. Ювачев, к примеру, на процессе «14-ти» обвинялся в сношениях с В. Н. Фигнер и А. В. Буцевичем, тогда как он «ни Буцевича, ни Фигнер никогда не видел и никаких сношений с ними не имел» и вообще из подсудимых по делу «14-ти» был знаком только с М. Ю. Ашенбреннером⁵⁷. На процессе «23-х» вместе с народовольцами и чернопередельцем С. В. Майером судились лица, совершенно случайные (А. З. Попельницкий, Г. А. Сарычев, Е. Н. Степанова, И. М. Немировский, И. Я. Райх, К. А. Надесв), искусственно связанные обвинением в принадлежности к одной и той же одесской организации «Народной воли», хотя, по свидетельству очевидца, подсудимые большей частью «были между собой незнакомы и в первый раз в жизни увидели друг друга на суде»⁵⁸.

Самым удобным материалом для заданного обвинения, как и прежде и еще в большей степени, служили в 1883—1890 гг. показания предателей и провокаторов. Обвинительный акт по делу «14-ти» был смонтирован почти исключительно из показаний Сергея Дегаева. Предатели главным образом дали сведения для обвинительных актов по делам «23-х» (Василий Меркулов), Киевской группы «Народной воли» (Иван Саранчов), «21-го» (Иван Гейер и Петр Елько), 1 марта 1887 г. (Михаил

---

⁵⁶ Ко ни А. Ф. Триумвиры. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 2, с. 313.

⁵⁷ Ю в а ч е в И. П. В Шлиссельбургской тюрьме. — Исторический вестник, 1906, № 2, с. 464.

⁵⁸ Д р е й М. И. «Стрельниковский процесс» в Одессе в 1883 г. — Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 46.

Канчер и Петр Горкун), по «Донскому процессу» 1887 г. (Антон Остроумов). При этом власти, наученные опытом разоблачения предателей 1880—1882 гг. (Г. Гольденберга, Л. Забрамского, В. Меркулова), по возможности оберегали тайны новых предательств. Вера Фигнер, которой еще на предварительном следствии (видимо, с целью морально надломить ее) прокурор дал прочесть некоторые показания Дегаева, на суде сделала запрос, почему Дегаев не фигурирует ни среди подсудимых ни в числе свидетелей и «нужно ли смотреть на Дегаева как на предателя, агента Департамента полиции?» Суд ответил, что ему ничего о каких-либо показаниях Дегаева неизвестно⁵⁹.

Больше того. Чтобы дезориентировать революционное подполье, власти старались (не без успеха) заронить в нем подозрение против честных революционеров, маскируя тем самым предателей. Так, в дни массовых арестов по делу «14-ти» (вследствие предательства Дегаева) «искусно пускались слухи, что предает [Н. М.] Рогачев»⁶⁰, а в ходе следствия по делу «21-го» жандармы сумели навлечь подозрения народовольцев в предательстве на К. А. Степурина, который, узнав об этом, 20 февраля 1886 г. покончил с собой в тюрьме⁶¹.

Жертвой такого же рода провокации стала и М. В. Калюжная, которая 8 августа 1884 г. стреляла в начальника жандармского управления Одессы А. М. Катанского. Ссылаясь на «некоторые данные» (явно пущенные в ход властями), народовольцы в № 11—12 своего органа напечатали, что Калюжная, «вероятно, купила свободу ценой предательства, как и Дегаев», а после освобождения действовала «в роли агента-подстрекателя», устраивая кружки женской молодежи, и только после оглашения в революционных изданиях дегаевщины «в ней заговорила совесть и она решилась искупить свое позорное поведение, пожертвовав своей жизнью»⁶².

---

⁵⁹ Народовольцы М., 1931, Сб. 3, с. 193.

⁶⁰ Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое, 1906, № 5, с. 16.

⁶¹ Сухомлин В. И. Из эпохи упадка партии «Народная воля». — Каторга и ссылка, 1926, № 6, с. 77—78.

⁶² Литература партии «Народная воля», с. 270 (автор корреспонденции — М. А. Кроль).

Однако спустя три года В. Л. Бурцев печатно объявил, что «некоторые из издателей номера» просили его «опровергнуть эту заметку, которая появилась вследствие незнания ими подробностей дела. Калюжная в предательстве Дегаева не участвовала...»⁶³. Действительно, сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что на следствии и на суде, а потом на каторге (до самоубийства 12 ноября 1889 г. в знак протеста против надругательства тюремщиков над Н. К. Сигидой) Калюжная вела себя достойно⁶⁴.

Наиболее разительный пример спровоцированного недоверия руководства «Народной воли» к товарищам, представшим перед царским судом, — это упрек, который редактор «Вестника «Народной воли» Л. А. Тихомиров бросил героям процесса «17-ти», упрек в том, что они будто бы «политиканствовали» на суде не по-народовольчески и что их речи «произвели на революционную среду тягостное впечатление какого-то крайнего компромисса с существующим строем и даже с самодержавной монархией»⁶⁵. «Небывалая вещь, — вспоминала много лет спустя А. П. Корба, — чтобы на основании ложных непроверенных данных революционеры предали публично осуждению своих товарищей, только что приговоренных к смерти, замурованных навсегда в крености или отправленных на каторгу»⁶⁶.

Заметим, что «ложные данные», о которых говорит Корба, редакция «Вестника «Народной воли» могла принять за чистую монету, ибо речи подсудимых по делу «17-ти» были размножены на гектографе с подлогами: в текст речи А. П. Корба, где формулируется требование *реформ*, «искренних, полных и жизненных», вставлено словечко «с в е р х у», а из речи П. А. Теллалова, где отмечается готовность партии оставить террор и заняться легальной деятельностью, изъята оговорка: «при изменив-

---

⁶³ Свободная Россия, Genève, 1889, № 1, с. 58

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 85, д. 10925 (магериалы следствия по делу М. В. Калюжной); ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 905, ч. 1 (обвинительный акт)

⁶⁵ Вестник «Народной воли», Женева, 1883, № 1, с. 135. Такой же упрек в менее определенной форме был сделан осужденным по делу «17-ти» в № 1 Листка «Народной воли» за 1883 г. (20 июля).

⁶⁶ Прибылев А. П. По поводу процесса «17-ти». — Былое, 1906, № 12, с. 252.

шихся условиях политической жизни страны»⁶⁷. Редакция журнала «Былое» в 1906 г. установила, что подлоги в речах подсудимых и критика речей в печатных органах партии были делом рук Дегаева, который весной 1883 г. доставлял материалы в петербургскую летучую типографию, где печатался «Листок «Народной воли», и за границу — для «Вестника «Народной воли»⁶⁸.

Наряду с провокациями и подлогами, подстроенными *in sudore vultus alieni*⁶⁹, руками предателей, власти часто фабриковали то же самое своими собственными руками. Это могла быть и подтасовка целого следственного производства, как, например, по делу 22-х ссыльных в Тюмени (9 июня 1885 г.), когда политические заявили протест против попытки гнать их из тюменской тюрьмы на места ссылки в одной партии с уголовными и были за это избиты, причем, как доказывал при слушании этого дела В. Д. Спасович, «тюменские укротители» выставили ссыльных нападающей, а себя — потерпевшей стороной, и главным «уличителем» был исправник Попов, руководивший избиением⁷⁰. Это могли быть и мелочные подделки, вроде того, как прокурор В. А. Желеховский приписал агентурный донос по делу «17-ти» подсудимому А. С. Борейше⁷¹, а прокурор М. М. Когляревский предательский навет Петра Елько по делу «21-го» на Лопатина, Сухомлина и Сазову выдал за показание подсудимого С. А. Иванова⁷². Точно так же следователи по делу 1 марта 1887 г., получив сведения о М. В. Новорусском от предателя Остроумова, но не имея улик против Новорусского, изготовили эти улики: всунули в одну из книг Новорусского бумагу, которой террористы оклеивали метательные снаряды⁷³.

Столь откровенными провокациями не гнушались и каратели высшего ранга. В ходе следствия по делу «21-го» сам директор Департамента полиции П. Н. Дурново за-

---

⁶⁷ Там же, с. 249—256.

⁶⁸ Там же, с. 236.

⁶⁹ В поте чужого лица (лат.).

⁷⁰ Спасович В. Д. Соч. Спб., 1894, т. 7, с. 145—172.

⁷¹ Борейша А. С. К процессу «17-ти». — Былое 1907, № 1, с. 296

⁷² Процесс «21-го», с. 8—9.

⁷³ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933, с. 28—30

теял переписку с подследственным П. Л. Антоновым якобы от имени его друга А. Г. Белоусова, пытаясь склонить Антонова «по-дружески» к «чистосердечному признанию»⁷⁴.

По мере того как возрастало карательное назначение судов, все более тенденциозно использовались свидетели. Их всегда подбирали главным образом из «казенной» публики: дворников, полицейских чинов и филеров. Так было и на процессе «21-го», куда собрали 143 свидетеля⁷⁵, и на процессе «14-ти», где фигурировали лишь двое-трое свидетелей (дворники домов, в которых жила Вера Фигнер), да еще «на пять минут показался перепуганный эксперт»⁷⁶. Вместе с тем царские следователи пытались эксплуатировать в пользу обвинения и «частных» свидетелей, даже детей. Так, на процессе «21-го» главным вещественным доказательством против подсудимого В. И. Вольнова (осужденного на смертную казнь с ходатайством о замене ее пятнадцатью годами каторги) явилось показание десятилетней девочки Рябухиной, четко написанное рукой следователя⁷⁷. По делу «Второго 1 марта» в качестве свидетеля был привлечен тоже десятилетний Коля Ананьин (тот самый, по адресу которого Александр III учинил «историческую» резолюцию: «Это и ужасно: мужик, а тоже лезет в гимназию»⁷⁸). Мальчика арестовали одновременно с матерью М. А. Ананьиной, оказавшейся потом на скамье подсудимых, заточили в одиночный каземат Дома предварительного заключения и там, как явствует из секретного досье Департамента полиции, обнаруженного М. Н. Гернетом, «стращали» его, вымогая нужные «признания»⁷⁹.

Колоритно характеризует жандармские методы «обработки» свидетелей рассказ П. И. Торгашева о процессе «23-х». Квартирная хозяйка одного из подсудимых на следствии будто бы показала, что каждую неделю ее

---

⁷⁴ Эта любопытная переписка опубликована С. Н. Валком: Красный архив, 1928, т. 6, с. 103—113.

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 86, д. 10939, л. 333—337.

⁷⁶ Ашенбреннер М. Ю. Военная организация «Народной воли», с. 109.

⁷⁷ Процесс «21-го», с. 26.

⁷⁸ Голос минувшего, 1918, № 1—3, с. 220.

⁷⁹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. т. 3, с. 122.

квартирант собирал революционеров, которые обсуждали, как свергнуть самодержавие. На суде же эта свидетельница, старая, полуграмотная женщина, «только глазами хлопала», слушая показание, которое собственноручно написал за нее генерал В. С. Стрельников. «Ничего этого я, господа милосердные судьи, не понимаю. Генерал писал-писал, затем велел подписать, я и подписала. Правда, у жильца каждую получку (по субботам) собирались его товарищи. Долго шумели, галдели, а о чем — не знаю». Суд, однако, нашел, что показание свидетельницы на следствии и объяснения ее на суде не противоречат одно другому, поскольку ни «преступных собраний», ни «преступных умыслов» на этих собраниях она не отрицает, а понять текст собственного показания не может по причине естественной: свидетельница неграмотна, показание же ее «для удобства» отредактировано⁸⁰.

Так власти распоряжались свидетелями. С подсудимыми, конечно, теперь церемонились еще меньше. Обвинительный акт по делу «21-го», который изготовлялся около четырех лет и занял 224 страницы in folio, был выдан обвиняемым для ознакомления с ним и всех возможных замечаний на одни сутки, хотя по закону на это полагалось не менее недели⁸¹. «Итак, — заключал в специальном заявлении по этому поводу на имя суда Г. А. Лопатин, — правительственная власть, вооруженная самыми могущественными средствами для раскрытия истины, располагающая целым арсеналом всевозможных мер для добывания нужных ей сведений, щедро пользовавшаяся усердными услугами всевозможных «специалистов», сочла необходимым употребить на расследование этого дела чуть не целых четыре года, как во времена приснопамятной «московской волокиты»⁸², а мы, подсудимые, замурованные все это время в каменных мешках, отрезанные от всякого сообщения с внешним миром, не имев-

---

⁸⁰ Надин П. [Торгашов П. И.] Стрельниковский процесс 1883 г. в Одессе. — Былое, 1906, № 4, с. 92.

⁸¹ Устав уголовного судопроизводства. Спб., 1883, ст. 556, 557, 1031.

⁸² Имеется в виду тянувшееся с июля 1874 г. до октября 1877 г. следствие по делу «193-х», которым руководил начальник Московского ГЖУ И. Л. Слезкин.

шие никакой возможности следить за ходом дела и направлять его в своих интересах, лишённые всяких советов и указаний со стороны опытных юристов, — обязаны высказаться по поводу только что оконченного следствия в течение одних суток, которых недостаточно даже для внимательного прочтения врученного нам фолианта, представляющего длинную пеструю вереницу часто совершенно неизвестных нам (по крайней мере, мне) фактов, лиц и обстоятельств, смело притянутых за волосы со всех сторон, насильственно сближенных друг с другом в одну кучу и сшитых белыми нитками в какое-то подобие какого-то общего дела! Если это называется справедливостью и равноправностью сторон, то желал бы я знать, что же такое после этого несправедливость и неравноправность!...»⁸³.

Самые элементарные процессуальные нормы даже на крупных процессах превращались в фикцию. Дело 1 марта 1887 г. рассматривалось без предварительного следствия (прежде обязательного хотя бы и для малых дел) на основании одного жандармского дознания, причем на кассационное обжалование приговора подсудным отвели вместо узаконенных двух недель два дня⁸⁴. Обвинительные речи становились чисто формальными, по своей вызывающей предвзятости. Например, прокурор Маслов на процессе «21-го» следовал такой «логике» обвинения: виновность подсудимых Лопатина, Стародворского и Конашевича так очевидна по результатам следствия, что доказывать ее вновь на суде излишне, все трое так и просятся под статью 249 (смертная казнь); подсудимый Якубович настолько преступец, что, хотя он и не участвовал ни в одном террористическом акте, непременно принял бы участие, будь он еще некоторое время на свободе, поэтому тоже заслуживает статьи 249; что же касается подсудимого Сухомлиша, то он, безусловно, один из главных виновных, поскольку ни на дознании, ни на следствии не выдал ни одной революционной тайны, поэтому, хотя улики против Сухомлиша недостает, судить его надо тоже по 249 статье⁸⁵.

---

⁸³ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 81—81 об.

⁸⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 123.

⁸⁵ Процесс «21-го», с. 28—29.

Даже приговор суда формулировался не по доказанному, а по заданному обвинению, причем иной раз, чтобы привести обвинение в соответствии с нужным приговором, оно фальсифицировалось уже *post factum*. Вопиющий пример такого произвола — дело лейтенанта А. П. Штромберга. За содействие народолюбцам Штромберг еще 24 августа 1881 г. административно был выслан в Восточную Сибирь⁸⁶. После разоблачений Дегаева он как член Военного центра «Народной воли» был возвращен из ссылки и предан суду по делу «14-ти». Конкретно о его «преступлениях» свидетельствовал только Дегаев. Но имя Дегаева и его предательство суд хранил в тайне. Сам Штромберг никаких показаний не давал. И в обвинительном акте, и на суде речь шла только о его принадлежности к Военному центру. Только за это его и осудили на смертную казнь. Но для печати в текст приговора Штромбергу были вставлены три пункта обвинений, которые ни в обвинительном акте, ни при судебном разбирательстве, ни в приговоре, объявленном на суде, даже не упоминались: 1) участие в печатании прокламаций о 1 марта 1881 г.; 2) обсуждение, вместе с С. Л. Перовской, между 1 и 10 марта, планов освобождения Желябова; 3) участие в «чистке» конспиративных квартир ИК. «Эти, так сказать, «посмертные обвинения» против Штромберга, — рассказывал А. А. Спандони, — не могли быть предъявлены на суде: их нечем было абсолютно подкрепить при невозможности указаний на Дегаева. И, таким образом, Штромберг умер, не зная, за что его казнили, а узнали об этом читатели газет, ровно ничего не знавшие о том, что предъявлялось Штромбергу на процессе»⁸⁷.

Словом, если в 1880—1882 гг. законность судопроизводства на политических процессах часто нарушалась, то с 1883 г. она лишь иногда (чем дальше, тем реже) соблюдалась.

Естественно, что в условиях прогрессирующего беззакония процессы стали носить еще более жестокий характер, чем это было до 1882—1883 гг. Жестокость судов

---

⁸⁶ ЛГИА, ф. 254, оп. 1, д. 11204, л. 54.

⁸⁷ Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое, 1906, № 5, с. 8—19.

была тогда под стать общему разгулу реакции в стране и надлежало обеспечивалась подбором людей, ответственных за борьбу с крамолой.

Тон — мстительный и беспощадный — этой борьбе задавал сам Александр III. Документально засвидетельствован целый ряд случаев, когда царь не просто поощрял, а как бы подзадоривал в самых циничных формах жестокость и произвол карателей. Так, на докладе о допросах Г. П. Исаева с повторяющимся, как рефрен, уведомлением «никаких объяснений давать не желает» он поместил: «Надеюсь, что эту скотину заставят говорить»⁸⁸. «Скотиной» царь обозвал и народовольца Л. Ф. Гаевского, который отказывался от показаний по делу «18-ти»⁸⁹. Доклад о Якутской трагедии 1889 г. Александр III снабдил такой резолюцией: «Необходимо примерно наказать (не тюремщиков, которые истязали каторжан, а этих последних за протест против истязаний. — *Н. Т.*) и надеюсь, что подобные безобразия (т. е. не истязания, а протесты против них. — *Н. Т.*) более не повторятся»⁹⁰. Выслушав доклад И. Н. Дурново об «оскорблении власти» Надеждой Сигидой, царь приказал: «выпороть ее», а когда шокированный Дурново осведомился, нужно ли уменьшить для Сигиды как женщины меру телесного наказания (максимум — 100 ударов розгами), предписал: «Дать ей сто розог»⁹¹.

Соответственно подбирались и действовали при Александре III кадры судей и прокуроров. Генерал П. А. Кузьмин, когда-то революционер-петрашевец (отсидевший за это полгода в Петропавловской крепости), а в 1881 — 1884 гг. председатель Киевского военно-окружного суда, отправлявший по судебным приговорам в ту же Петропавловскую крепость революционеров нового поколения⁹², все же был чуть ли не единственным исключением среди царских военных судей 80-х годов по своей сравнительной гуманности. Типичный же образец судебных карателей той поры являл собою Н. А. Неклюдов. В моло-

---

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 537, л. 1.

⁸⁹ Сенчакова Л. Т. Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX — начале XX вв. М., 1972, с. 70.

⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 248, л. 7.

⁹¹ ИРЛИ РО, ф. 9122, б. 14, л. 11 об.

⁹² См. о нем: Из записок ген.-лейт. П. А. Кузьмина. — Русская старина, 1895, № 2.

дости он, правда, тоже посидел в Петропавловской крепости (за участие в студенческих волнениях 1861 г.), но изловчился из красного стать самым черным и карьеру свою, так нескладно начатую в тюремной камере, благополучно завершил в кресле директора Департамента полиции. Учившийся когда-то (до 1857 г.) в пензенской гимназии у Ильи Николаевича Ульянова и питавший к нему особую любовь⁹³, прокурор Неклюдов на процессе 1 марта 1887 г. азартно чинил расправу над сыном своего любимого учителя, требуя для него и вообще для всех подсудимых только одного наказания — смертной казни. Из воспоминаний уцелевших после судебной расправы народовольцев известны и другие, того же рода, судьи и прокуроры, вроде обвинителя по делу «12-ти» полковника Щербовича («это был сама 249 статья»⁹⁴), председателя Петербургского военно-окружного суда генерала Цемирова, который на судебных процессах «вел себя, как полицейский»⁹⁵, или прокурора по делу «23-х» Прохорова⁹⁶, слывшего мастером такой судебной риторики, о которой в Германии говорят: «Iedes Wort ist ein Nachttopf und kein leeger»⁹⁷. Продолжали инквизиторствовать на поздних процессах «Народной воли» и судебные деятели, стяжавшие себе палаческую репутацию еще в 70-х годах, как первоприсутствующий ОППС П. А. Дейер и прокурор В. А. Желеховский.

Иные каратели вырабатывали даже свою собственную манеру, как бы индивидуальный почерк инквизиторства. Н. В. Шелгунов так характеризовал стиль трех наиболее ретивых жандармских следователей в Петербурге 80-х годов: «Если Богданович бил обухом по голове, Жолкевич — пытал и тянул жилы, то Котляревский травил»⁹⁸.

Жестокость по отношению к подсудимым народовольцам проявлялась во всем, начиная от условий предвари-

---

⁹³ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т., т. 2, с. 314.

⁹⁴ Панкратов В. С. К процессу «12-ти» 1884 г. в Киеве. — Былое, 1907, № 2, с. 308.

⁹⁵ Чуйко В. И. К процессу «14-ти». — Народовольцы, сб. 3, с. 193.

⁹⁶ См. о нем: Надин П. [Торгашов П. И.]. Указ. соч., с. 99.

⁹⁷ Что ни слово, то ночной горшок, и отнюдь не пустой.

⁹⁸ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 1, с. 297.

тельного заключения и кончая исполнением приговоров. Обычным стало прежде (до 1883 г.) наблюдавшееся лишь в редких случаях (процессы В. А. Осинского, «20-ти», Н. А. Желвакова — С. Н. Халтурина) бесцеремонное обращение с обвиняемыми в ходе судебного разбирательства. Показателен в этом отношении процесс «14-ти». О расчетах властей на этом процессе неизвестный автор так писал в наброске биографии Веры Фигнер: «Армия — единственная опора царя в стране. Что будет с ним, когда армия перейдет на сторону недовольных? Вот причина, по которой правительство не останавливается ни перед каким бесчеловечием для того, чтобы терроризировать военных революционеров»⁹⁹.

Действительно, если, например, в 1879 г. военный министр мог бравировать перед царем по адресу «государственных преступников»: «В среде их военнотружущие составляют едва заметное исключение»¹⁰⁰, то в 1883 г., когда чуть не залпом были арестованы две сотни офицеров-народовольцев, верхи не на шутку забеспокоились. Беспokoило не только число арестованных. Власти видели размах народовольческой пропаганды в войсках и боялись ее возможных последствий. Лишь за сентябрь — октябрь 1881 г., по данным Департамента полиции, получили и представили «по своему начальству» прокламации ИК офицеры почти тридцати полков, артиллерийских бригад, морских экипажей Петербурга, Москвы, Киева, Минска, Вильно, Баку, Кронштадта, Екатеринослава, Новгорода, Ярославля, Николаева, Чернигова, Симферополя, Бобруйска, Новочеркасска, Тирасполя, Моршанска (включая лейб-гвардии Семеновский, Измайловский, Павловский, Гренадерский полки), а также Военно-юридической, Михайловской артиллерийской и Николаевской Генерального штаба академий¹⁰¹.

Вероятно, чины правительства задумывались тогда над тем, сколько офицеров не представили полученных прокламаций «по своему начальству», а приняли их к сведению и передали товарищам. Впрочем, не об одних

---

⁹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 106, л. 31.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 30, л. 49.

¹⁰¹ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 950 («О присылаемых на имена офицеров русской армии прокламациях Исполнительного комитета»).

офицерах приходилось думать. В деле Департамента полиции, о котором идет речь, сообщалось, между прочим, что 76 прокламаций были подобраны в расположении лагеря 26-й пехотной дивизии Виленского военного округа прямо на дорогах.

В такой ситуации власти, с одной стороны, во избежание излишних толков, расправились с подавляющим большинством арестованных офицеров в административном порядке, посадив на скамью подсудимых (по делу «14-ти») лишь шесть из них, а с другой стороны, для острастки военных революционеров обставили процесс «14-ти», т. е. фактически дело военной организации «Народной воли», с сугубой жестокостью. Это проявилось и в предвзятой фабрикации обвинения (вспомним дела И. П. Ювачева и А. П. Штромберга), и в варварстве судебного разбирательства (наряду с другими, судился и был приговорен к виселице психически большой поручик А. П. Тиханович)¹⁰², и в тяжести приговора: восемь человек — к смертной казни, остальные — на казнь.

И другие процессы 1883—1894 гг. не были более гуманными. На них так же предвзято фабриковали обвинения и подготавливали под них обвиняемых, не исключая (вопреки закону) и душевнобольных, вроде Н. Х. Матфиевича на процессе «23-х»¹⁰³ и буквально сумасшедшего И. Я. Левинского на процессе киевской группы «Народной воли» в 1883 г. Б. Д. Оржиха судили еще живым: висели его на заседании суда в кресле, рядом посадили фельдшера, который время от времени подносил ко рту подсудимого пузырь с кислородом, чтобы тот не потерял сознания, и после короткого судебного разбирательства, без свидетелей, осудили на виселицу¹⁰⁴.

---

¹⁰² «Народная воля» перед царским судом, вып. 1, с. 144. «Милостью» царя А. П. Тиханович был заточен навечно в Шлиссельбургскую крепость и там, слугая каких-нибудь три месяца (в декабре 1884 г.), покончил с собой.

¹⁰³ Н. Х. Матфиевич заболел еще до суда в тюрьме, где он «завсе время не мылся, не стригся, не менял белья, не имел свиданий и в таком положении просидел более года. Когда мы, — вспоминал его сопроцессник П. И. Торгашов, — увидели его на суде, то ужаснулись. Грязный, обросший волосами, с безумными глазами, он производил ужасное впечатление» (Надин П. Указ соч., с. 90).

¹⁰⁴ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 44, л. 90 об. (воспоминания Б. Д. Оржиха).

По таким крупным делам, как «23-х», 1 марта 1887 г., «21-го», «Донской» процесс, все или почти все подсудимые приговаривались к смертной казни, и лишь во внимание к «уменьшающим вину обстоятельствам» суд ходатайствовал перед царем о смягчении приговора, после чего царь миловал часть осужденных каторгой (обыкновенно вечной) или ссылкой.

Особенно жестоким был ряд сибирских процессов: М. И. Кутитонской (ноябрь 1882 г.), К. Г. Неустроева (1883 г.), жертв якутской трагедии (1889 г.). Там с подсудимыми обращались еще бесчеловечнее, чем это было принято в более «цивилизованной» европейской России. Вот что рассказывал Джордж Кеннан о том, как содержалась до суда М. И. Кутитонская после ее выстрела в сибирского сатрапа Л. И. Ильяшевича: «Схватили, обезоружили, связали и под сильным конвоем отправили в Читинскую тюрьму. Здесь ее бросили в «секретную» камеру, о которой читинский архитектор говорил, что она «недостаточно длинна, чтобы в ней лежать, и недостаточно высока, чтобы стоять», переодели в старый, затасканный, полный вшей арестантский костюм и применили к ней «карцерное положение» во всей его ужасающей суровости. Жизнь ее была ужасна. Когда, вследствие физических и нравственных мук, она заболела и обратилась с просьбой дать ей клоч соломы, чтобы постелить ее на голый, залитый экскрементами пол, полицмейстер Мельников ответил ей: «Для таких лиц нет у нас соломы». Если бы не тайная помощь уголовных, которые смотрели на эту женщину и на ее подвиг с обожанием, она наверное умерла бы тут до суда. Надо заметить, что она была беременна...»¹⁰⁵.

Единственный в своем роде среди процессов 1883—1894 гг. процесс «12-ти», где не было ни одного смертного приговора, а фигурировала лишь каторга и ссылка, причем трое подсудимых были оправданы (несмотря на тяжесть обвинения), представил собой именно такого рода исключение, которое подтверждает правило. Высшие власти, в лице гр. Д. А. Толстого и военного министра П. С. Ванновского, сочли такой приговор «весьма слабым» (начальник Киевского жандармского управле-

---

¹⁰⁵ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Спб., 1906, ч. 2, с. 224.

ния В. Д. Новицкий назвал его «дамским»¹⁰⁶), а председатель Киевского военно-окружного суда генерал П. А. Кузьмин, который вел процесс «12-ти», был уволен с должности¹⁰⁷. После этого на процессах «Народной воли» суды не выносили «дамских» приговоров.

Г. В. Плеханов в послесловии к обвинительному акту по делу С. М. Гинсбург (1890 г.) верно подметил: «...В политических процессах русское правительство держится того правила, что лучше осудить десять невинных, чем оправдать одного виновного»¹⁰⁸. Дело даже не столько в том, что за 1883—1894 гг. на 49 процессах «Народной воли» царские суды вынесли 59 смертных приговоров. Все-таки 47 «смертников» были помилованы вечной (в некоторых случаях даже срочной) каторгой, а казнены «лишь» 12¹⁰⁹. Кроме народовольцев, за те же годы в России были казнены еще двое революционеров (тоже народников) — И. Н. Мышкин и Е. И. Минаков. В 1879—1882 гг. казней было больше (за четыре года — 30). Александр III чаще заменял смертную казнь другим наказанием, чем это делал его отец, по праву снижавший себе титул «царь-вешатель». Но в том-то и дело, что участвовавшие при Александре III «высочайшие помилования» означали всего лишь замену одного (чреватого нежелательным для правительства шумом) рода казни другим, обеспеченным от всякого шума, а именно постепенным и потому еще более мучительным умерщвлением «помилованных» в одиночных застенках. Достаточно сказать, что все шесть народовольцев, приговоренные к смертной казни по делу «17-ти» и помилованные вечной каторгой (М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, П. А. Теллалов, А. В. Буцевич, С. С. Златопольский, М. Ф. Клименко) были загублены в течение 1883—1888 гг. На тех же 49 процессах 50 подсудимых были приговорены к вечной или долгосрочной (от 15 до

---

¹⁰⁶ Приложение 2 к изд.: Шебалин М. П. Ключки воспоминаний М., 1935, с. 303.

¹⁰⁷ «Народная воля» перед царским судом, вып. 2, с. 32

¹⁰⁸ Плеханов Г. В. Соч. М.—Л., 1927, т. 24, с. 314.

¹⁰⁹ Вот их имена: К. Г. Неустров, Н. М. Рогачев, А. П. Штромберг, С. А. Лисяльский, А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин, Л. М. Коган-Бернштейн, А. Л. Гаусман, Н. Л. Зотов.

20 лет) каторге, которую осужденные нередко отбывали опять-таки в одиночках каторжных тюрем, что для многих из них тоже оказывалось равнозначным постепенному умерщвлению.

Русские революционеры предпочитали даже смерть одиночному заключению в застенках царизма. «Одинокое, гробовое заключение ужасно... хуже казни», — говорил, например, декабрист П. П. Беляев¹¹⁰. Другой декабрист, В. П. Зубков находил, что «изобретатели виселицы и обезглавливания — благодетели человечества; придумавший одиночное заключение — подлый негодяй...»¹¹¹. М. А. Бакунин в «Исповеди» перед Николаем I признавался: «Мне кажется, что я вечному заключению в крепости предпочел бы не только смерть, но даже телесное наказание»¹¹². А ведь Зубков провел в каторжной одиночке всего две недели, Беляев — один год, Бакунин тоже писал «Исповедь» на первом году заключения.

Всего же до 80-х годов случаев долголетнего заточения по политическим делам в России было немного. Только двое из русских революционеров (декабрист Г. С. Баженьков и «шестидесятник» М. С. Бейдеман) отсидели в одиночных камерах Алексеевского рavelина Петропавловской крепости по 20 лет, после чего оба вышли из рavelина (Бейдеман, правда, уже сведенный с ума). В 80-е же годы царизм взял за правило замуровывать революционеров в одиночки на 20 лет (по закону максимальный срок заточения) и «без срока», навечно. Входя с таким приговором в одиночные склепы Петропавловской или Шлиссельбургской крепости, народо-вольцы знали, что они не выйдут оттуда, и, как правило, там погибали. Те же из них, кому посчастливилось (главным образом благодаря революции 1905 г.) вырваться на свободу, отбыли и по 20 лет одиночки (Вера Фигнер, Михаил Тригоин, Петр Поливанов, Василий

---

¹¹⁰ Беляев П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом (1805—1850) СПб., 1882, с. 185.

¹¹¹ Политические процессы николаевской эпохи. Декабристы. Процессы Колесникова, братьев Критских и Расвских, М., 1907, с. 233.

¹¹² Материалы для биографии М. Бакунина М.—Пг., 1923, т. 1, с. 247.

Иванов, Михаил Ашенбреннер) и даже по 23 года. (Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Попов).

Автор пятитомной «Истории царской тюрьмы» за период с 1762 по 1917 г. М. Н. Гернет пришел к выводу, что каторжный режим для политических в России был самым жестоким именно в 1880-е годы, особенно с 1884-го, когда открылась так называемая «Государева тюрьма» в Шлиссельбургской крепости и вслед за тем (в 1886 г.) — политическая каторга на Сахалине¹¹³.

«Государеву тюрьму» — самую зловещую из политических тюрем в России — царизм начал строить в августе 1881 г. вместо обветшавшего Алексеевского рavelина для наиболее опасных своих врагов. Первыми ее узниками стали 2 августа 1884 г. 11 человек — все без исключения народники. Из них семеро были народовольцы, «одетые камнем» навечно по судебным приговорам двух крупных процессов («20-ти» и «17-ти») ¹¹⁴. В дальнейшем, до 1890 г. тюрьма приняла еще 45 узников, из них 38 народовольцев (плюс пять других народников и два члена польской революционной партии «Пролетарият»). С 1890 г. и до конца века заключенные в «государеву тюрьму» не поступали ¹¹⁵. Всего, таким образом, в XIX в. узниками ее были 56 революционеров, из них 54 народника, включая 45 народовольцев.

Режим Шлиссельбургской крепости, хотя и регламентированный особыми «Правилами», такого, однако, свойства, что Фауст Гете, наверно, при виде их еще раз воскликнул бы: «Die Hölle selbst hat ihre Rechte?» ¹¹⁶ — этот режим еще в большей степени, чем ад Алексеевского рavelина, был рассчитан на последовательное уничтожение узников. Вот что говорят цифры, подсчитанные исследователем Е. Е. Колосовым: за шесть лет, с 1884 до 1890, в Шлиссельбурге десять заключенных были казнены, трое покончили с собой и еще один покусался на самоубийство, 17 — сошли с ума

---

¹¹³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 109

¹¹⁴ М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, М. П. Тригоин, Г. П. Исаев, М. Ф. Грачевский, А. В. Буцевич, С. С. Златопольский. Вместе с ними 2 августа 1884 г. были заключены в Шлиссельбург М. Р. Попов, П. П. Щедри, Е. И. Минаков, М. Я. Геллис

¹¹⁵ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 240—242.

¹¹⁶ Сам ад имеет свои законы? (нем).

или заболели тяжким нервным расстройством¹¹⁷. В числе всех жертв шлиссельбургского режима той, наиболее мрачной его поры только трое (И. Н. Мышкин, Е. И. Мишаков, Н. П. Щедрин) не были народовольцами.

В Шлиссельбурге томились, как правило, лишь осужденные на каторгу без срока. Прочих каторжан («срочников») обыкновенно водворяли на Кару, а с 1886 г. — на Сахалин, поскольку к тому времени выявилась «недостаточная» строгость каторжного режима на Каре. Собственно, в единичных случаях и до 1886 г. на Сахалин доставляли политических (народовольцев Н. К. Чеснокова в начале 80-х годов и Н. Ф. Крыжановского в 1884 г.), но официально Сахалин считался тогда центром уголовной каторги (к 1892 г. там числилось 6000 каторжан-уголовников против 5385 во всех остальных двенадцати каторжных местах империи). Политическая каторга функционировала на Сахалине с 1886 до 1903 г. Ее отбывали за все годы 46 революционеров, из них до 1900 г. — 41: 24 народника (21 народоволец, два народоправца, один террорист 70-х годов) и 17 членов польской социалистической партии «Пролетариат»¹¹⁸.

Каторжный режим на Сахалине был тяжелее, чем где бы то ни было. Политических там приравнивали к уголовным. Специальный циркуляр главного тюремного управления от 8 марта 1888 г. уведомлял каторжные власти, что на Сахалине ни в содержании, ни в наказаниях «не должно быть делаемо никаких отличий» между политическими и уголовными¹¹⁹. В ходу были не только изнурительный труд, сырое и холодное жилье, голодная пища, несъемные оковы, но и всякого рода издевательства и даже телесные наказания: к примеру, в сентябре 1888 г. И. И. Мейснер и К. В. Томашевский получили по 30 ударов розгами, а В. И. Вольнов — 40¹²⁰.

Где вьюги вечный стон и звон цепей печальный,
Где жизнь унылая, как факел погребальный...
Несчастный край, где кровью сердце плачет...

---

¹¹⁷ Колосов Е. Е. Государева тюрьма — Шлиссельбург. М., 1930, гл. XII, XIV, XX.

¹¹⁸ Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963, с. 89—95.

¹¹⁹ Свободная Россия, Genève, 1889, № 2, с. 14.

¹²⁰ О режиме сахалинской каторги см.: Сенченко И. А. Указ. соч., с. 107—108.

— так писал о каторжном Сахалине народовольческий поэт И. И. Мейснер¹²¹.

Мало чем уступала каторге по строгости режима и ссылка «в отдаленные места» Сибири, главным центром которой в 70—80-е годы была Якутия. В 1863—1878 гг. туда были сосланы 21, а в 1879—1890 гг. — 292 политических, всего 313 чел. Из них 298 (95,2%) были народниками и народовольцами¹²². Режим якутской ссылки был столь одиозным, что рептильная печать, вроде журнала В. П. Мещерского «Гражданин», которая уверяла своих читателей, будто политические ссыльные в местах «не столь отдаленных» живут «положительно хорошо», «ни в чем не нуждаясь»¹²³, о ссылке «отдаленнейших мест» помалкивала. Для якутских властей обычным было то отношение к политическим ссыльным, которое обнажил в 1888 г. воинский начальник Вологды, инструктируя конвой партии ссыльных в таких выражениях: «Кóли что-нибудь, так вяжи его, бей прикладом, коли штыком, изруби и брось в сортир!»¹²⁴. Неспроста за 70—80-е гг. в Якутии 25 политссыльных погибли и еще 10 сошли с ума¹²⁵.

История народовольческой каторги и ссылки 1883—1890 гг. хранит память о потрясающих человеческих трагедиях. Наиболее известны получившие в свое время мировой отклик якутская и карийская трагедии 1889 г. В Якутии 22 марта охранники, расправляясь с коллективным протестом ссыльных против произвола местных властей, застрелили и закололи штыками шесть протестантов (включая женщину — Софью Гуревич) и 20 ранили, а затем, после учиненного над жертвами этой расправы суда, еще троих (Н. Л. Зотова, Л. М. Когана — Бернштейна и А. Л. Гаусмана) повесили, причем Коган-Бернштейн, тяжело раненный, был внесен на эшафот (как и прежде в суд) прямо в кровати, поднят с нее и вдет в петлю, после чего кровать из-под него выдерну-

---

¹²¹ Там же, с. 113.

¹²² 100 лет Якутской ссылки М., 1934, с. 175—176.

¹²³ Не столь отдаленные места. — Гражданин, 1884, № 3, с. 4.

¹²⁴ Красный архив, 1930, № 4—5, с. 209.

¹²⁵ Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х гг. Исторический очерк по неизданным архивным материалам. М., 1925, с. 160.

ли¹²⁶. На Каре 7 ноября 27-летняя политкаторжанка народоволка Н. К. Сигида за «оскорбление власти» (дала пощечину лютому коменданту Кары Масюкову) была подвергнута телесному наказанию (100 розог) и в тот же день, не стерпев позора, покончила с собой. Это первое в истории русской политической каторги телесное наказание женщины повлекло массовое самоубийство (в знак протеста) каторжан. Вместе с Сигидой приняли яд М. В. Калюжная, Н. С. Смирницкая, М. П. Ковалевская (ей оставалось до выхода из тюрьмы на поселение не больше двух месяцев), а в следующие дни — И. В. Калюжный, С. Н. Бобохов, Ф. Я. Кош, С. Д. Диковский, П. О. Иванов, Н. В. Левченко, Н. Л. Геккер, Н. М. Санковский, из которых, правда, последние шестеро выжили и объясняли на следствии, устроенном по этому поводу, что другие пути протеста, кроме самоубийства, для них закрыты. «В моей смерти,— говорил народоволец С. Д. Диковский, — я видел два момента: во-первых, протест против применения телесного наказания к кому бы то ни было из «государственных преступников»; во-вторых, свою смертью я сам хотел избавиться от ужасного телесного наказания»¹²⁷.

В ряд скорбных страниц народовольческого мартиролага вошло и мученическое самоубийство члена ИК М. Ф. Грачевского, который 26 октября 1887 г. в одиночной камере «государевой тюрьмы», протестуя против шлиссельбургского режима и желая ценой своей жизни добиться его смягчения ради товарищей по заключению, сжег себя¹²⁸. Царизм надолго сумел утаить эту трагедию от общественного мнения. Какие-то слухи о ней, возможно, проникали в общество и с конца 80-х годов, но широкую известность она получила лишь десять лет спустя, в 1897 г., когда вольная русская пресса обнародовала ее за границей¹²⁹. Кстати, именно в 1897 г. в Тру-

---

¹²⁶ См. об этом: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб. воспоминаний и материалов М., 1925.

¹²⁷ Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги Сб. воспоминаний, документов и материалов М., 1927, с. 135

¹²⁸ Подробно см.: Колосов Е. Е. Указ. соч., гл. XVII.

¹²⁹ Шлиссельбургская крепость — Наше время, Лондон, 1897, № 1, с. 35—37; Хроника революционной борьбы. — Работник. Женева, 1897, № 3—4, с. 191—192.

бецком бастионе Петропавловской крепости, повторила жертвенный подвиг Грачевского народоволка М. Ф. Ветрова.

Как правило, за исключением отдельных, выращенных до размеров международной сенсации, разоблачений, все вообще жестокости политической каторги и ссылки 80—90-х годов в России оставались тайной для современников. «Об ужасах, совершаемых над политическими, и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем, — писал в августе 1890 г. Джорджу Кеннану Л. Н. Толстой. — Знаем голько, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти, и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях»¹³⁰. Но и по отдельным разоблачениям и слухам современники представляли себе, сколь бесчеловечны эти жестокости. Н. Ф. Бунаков не без оснований утверждал, что «ужасы России в 80-х годах немного отстали от ужасов царствования Иоанна Грозного»¹³¹.

* * *

Поведение народовольцев перед царским судом в 1883—1894 гг., хотя и сохранило в основном былую героичность, стало менее активным, чем в годы революционного натиска. Объяснялось это двумя причинами: с одной стороны, наступлением реакции и временным спадом революционной борьбы, осложненным к тому же дискредитацией и вырождением народнической теории, а с другой стороны, безгласностью процессов, которая практически почти лишала смысла какие-либо декларации подсудимых, тем более что судьи, пользуясь безгласностью, пресекали подобные декларации.

Для 1883—1894 гг. весьма характерными были процессы народников (преимущественно народовольцев), уже осужденных на каторгу или ссылку по судебным и административным приговорам, но так или иначе протес-

---

¹³⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., сер. 3 (письма). М., 1953, т. 65, с. 138.

¹³¹ Бунаков Н. Ф. Записки. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной (1837—1905). СПб., 1909, с. 125.

товавших против ссыльно-каторжного режима. Разные формы такого протеста (сочинение воззвания, пощечина или пуля особенно жестокому сатрапу, коллективное сопротивление властям) представляли собой типичные для того времени революционные акты, ибо иначе бороться ссыльно-каторжные народники не могли, а отбывать ссылку и каторгу без борьбы не хотели.

Так возникли громкие дела «сибирской Веры Засулич» Марии Кутитонской, от пули которой 16 сентября 1882 г. пал забайкальский военный губернатор Л. И. Ильяшевич, и Константина Неустроева, который 26 октября 1883 г. в иркутской тюрьме дал пощечину генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Анучину, а также ряд малоизвестных народовольческих (целиком или частично) процессов этого рода в Сибири: Марии Грязновой в Миусинске 26 октября 1882 г., Софьи Новаковской в Енисейске 19 марта 1884 г., 12-ти ссыльных в Тобольске в июне 1886 г., 15-ти ссыльно-каторжных в Иркутске 19 октября 1887 г., 22-х ссыльных в Тобольске 22 ноября 1888 г., четырех ссыльных (А. А. Зороастровой и др.) в Якутске 28 сентября 1894 г. Кстати, именно дело Анны Зороастровой и ее товарищей было *последним* судебным процессом народовольцев в России, а не дело С. М. Гинсбург (30 октября 1890 г.), как принято считать¹³².

Что же касается конкретных особенностей поведения подсудимых на процессах, то в условиях, когда «Народная воля» как всероссийская революционная партия погибла и вместе с нею погиб руководящий общепартийный центр, каким был Исполнительный комитет; в условиях, когда народовольцы всю свою деятельность сводили к попыткам восстановления партии и терпели в этом неудачу за неудачей; когда всякий шаг каждого народовольца уже не регламентировался, как прежде, пунктами обязательного для всей партии устава, — в таких условиях подсудимым 1883—1894 гг. недоставало прежде всего согласованной линии поведения.

Завет Александра Михайлова выработать в духе устава партии кодекс «единообразного поведения на дознании и суде» в те годы не был выполнен. Правда, уставное требование отказываться на допросах от всяких показаний, которое в 1880—1882 гг. народовольцы, охваченные

---

¹³² Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 127.

революционным воодушевлением, обыкновенно нарушали, теперь чаще соблюдалось. Под впечатлением гибели стольких партийных кадров из-за предательства, малодушия, а то и случайных оговоров народовольцы нередко склонялись к элементарному отпирательству как на предварительном, так и на судебном следствии. Но согласовать и единообразить хотя бы это отпирательство не удавалось, видимо, из-за характерной для 1883—1894 гг. децентрализации и недолговечности народовольческих групп и фракций, сменявших друг друга. В результате подсудимые либо (если представлялось возможным) сговаривались «отпираться» перед началом того или иного процесса, либо «отпирались» сами по себе, хотя и не в лад с товарищами.

Примером заблаговременного и оказавшегося для подсудимых очень выигрышным сговора может служить поведение киевских народовольцев на процессе «12-ти», где только трое из обвиняемых (М. П. Шебалин, В. С. Панкратов и К. Ф. Мартынов), безнадежно уличенные, признали себя членами «революционного сообщества» (по терминологии обвинительного акта), а все остальные «решили, по общему согласию, не признавать принадлежности к сообществу и по мере обстоятельств защищаться», причем рекомендовалось даже «не вести себя вызывающе по отношению к властям»¹³³. П. Я. Шевырев на процессе 1 марта 1887 г. показал образец единоличного отпирательства. Он, по свидетельству И. Д. Лукашевича, еще до ареста определил себе линию поведения на суде и так мотивировал ее перед товарищами: «Когда мне придется предстать перед судом, я не намерен излагать своих воззрений... Мы продолжаем только дело наших предшественников. Ими уже достаточно было указано, чем был вызван террор и чего добиваются революционеры. Нет нужды при каждой стычке, при всякой схватке с правительством излагать свое credo. Это тем более излишне, что суд негласный: и судят тайком, и вешают тайком... Как бы ни были явны улики, практичнее всего отрицать свое участие в деле. Этим, с одной стороны, избегается опасность сказать что-нибудь лишнее, что может повредить кому-либо из товарищей, а с другой — чем значи-

---

¹³³ «Народная воля» перед царским судом, вып. 2, с. 26—27 (воспоминания М. П. Шебалина).

тельнее мы будем казаться нашим врагам, тем легче будет борьба с ними...»¹³⁴. Этой тактике Шевырев и следовал в ходе всего процесса, очень озлобив тем самым царя. На полях подготовленной для Александра III записи последнего перед судом допроса Шевырева сохранилась царская помета с удостоверением начальника корпуса жандармов П. В. Оржевского: «Собственной его величества рукой начертано «Подлец», в Гатчине 20 марта 1887 г.»¹³⁵.

Примерно так же (с меньшей последовательностью) вели себя молодые народовольцы (М. Ф. Клименко, И. В. Калюжный, А. И. Лисовская, М. А. Юшкова, Н. С. Смирницкая, супруги Прибылевы) на процессе «17-ти» по предварительному сговору со старшими товарищами; члены одесской организации «Народной воли» М. И. Дрей, К. А. Иванайнен, Н. Н. Дзвонкевич, Ф. А. Морейнис на процессе «23-х»; П. А. Тиханович, Д. Я. Суровцев, Л. В. Чемоданова на процессе «14-ти»; М. В. Новорусский и Т. И. Пашковский на процессе 1 марта 1887 г., Г. Н. Добрускина на процессе «21-го» и другие, но ничего этим не выиграли. Суд выносил тягчайшие приговоры по косвенным или же фальшивым уликам, невзирая на отпирательство подсудимых. «Дамский» приговор на процессе «12-ти» оказался исключением ввиду судебно-политической конъюнктуры (общественный ропот вокруг драконовского приговора по недавнему делу «14-ти») и сравнительной гуманности генерала П. А. Кузьмина. К тому же при наличии бесспорных улик, сами подсудимые не видели смысла в том, чтобы отрицать очевидное.

Однако, соглашаясь на признания, подсудимые, как правило, старались обратить их не во вред, а на пользу партии. Н. М. Рогачев, например, дал по делу «14-ти» подробнейшие показания о военной организации «Народной воли», рисуя эту организацию в крайне преувеличенном виде с очевидным для историка расчетом припугнуть правительство. Так, сообщив о том, что «во всяком большом городе» «Народная воля» уже имеет один или несколько военных кружков и, кроме того, «во всех частях войска есть масса офицеров, готовых немедленно вступить в партию», Рогачев заявил: «Мне, разумеется, неизвестно, какие сведения имеются в руках власти относительно

¹³⁴ Лукашевич И. Д. 1 марта 1887 г. Пг., 1920, с. 29.

¹³⁵ Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919, с. 50.

военной организации, но, судя по предъявленным мне карточкам, я смело утверждаю, что открыта лишь ничтожнейшая часть. Правда, систематические аресты последнего времени доказывают, что в наших рядах появился шпион, но если бы их было даже несколько, то и тогда они не могли бы выдать всю партию»¹³⁶. В доказательство неуязвимости партии Рогачев привел такие данные (например, о наличии, помимо ИК, «Тайного Совета» — блюстителя конспирации), которые ничем более не подтверждаются и, должно быть, были попросту сочинены им для того, чтобы дезориентировать и опять-таки постращать карателей.

Наиболее сильные и самоотверженные натуры из числа народовольцев, судившихся в 1883—1894 гг., считали своим долгом перед знаменем «Народной воли» открыто провозглашать принадлежность к партии, а также партийную программу, пытались со скамьи подсудимых, через головы судей, апеллировать к общественному мнению, следуя героической традиции 1880—1882 гг. Показательны с этой точки зрения речи М. Ф. Грачевского и П. А. Теллалова на процессе «17-ти», Веры Фигнер по делу «14-ти», А. И. Ульянова по делу 1 марта 1887 г., Б. Д. Оржиха на его процессе в ноябре 1888 г.

Речи подсудимых по делу «17-ти», арестованных еще в конце 1881 и в первой половине 1882 г., когда «Народная воля» сохраняла значительные силы, перекликались с речами героев предыдущих процессов. Для тех и других характерны были вера в победу и стремление помочь партии в ее натиске на самодержавие. Вслед за Квятковским и Желябовым Грачевский и Теллалов подчеркивали закономерность, правоту и неодолимость революционного движения. Особенно впечатляло силой духа последнее слово Михаила Грачевского: «...Нет, я не могу признать себя виновным при настоящем отношении государственной власти к народу и обществу, при котором ни семейный очаг, ни личность граждан ничем не гарантированы от произвола правительственных тайных и явных агентов, когда по одному простому подозрению в т. н. политической неблагонадежности сотни лиц бросают в тюрьмы, подвергают всем ужасам одиночного заключения, доводящего

---

¹³⁶ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 292, 299.

до быстрой смерти или сумасшествия, когда другие сотни лиц без постановления суда по таким же точно подозрениям могут быть схвачены, оторваны от труда и семейства и отправлены т. н. административным порядком за тысячи верст на север и восток Сибири. При означенных условиях я не только считаю себя вправе защищаться с оружием в руках при нападениях на меня правительственных агентов, я считаю даже нравственно обязательным для себя защищать точно так же и других от их произвола»¹³⁷.

Как и на процессах 1880—1882 гг., подсудимые по делу «17-ти» ставили условия перед правительством от имени своей партии, но, из тактических соображений, более скромные, чем даже на процессе «20-ти», где в качестве своеобразного камертона для программных выступлений обвиняемые использовали Письмо ИК к Александру III от 10 марта 1881 г.

Как явствует из тюремных писем на волю П. А. Теллалова и А. П. Корба, участники процесса «17-ти» знали о начавшемся упадке «Народной воли», хотя они и недооценивали глубину упадка (дегаевщина тогда, к марту 1883 г., еще не обнаружилась). Вместе с тем они переоценивали затруднения правительства в единоборстве с «Народной волей». «Несмотря на наше крушение, — писала из Петропавловской крепости в конце 1882 или в начале 1883 г. Анна Корба, — никогда политические условия не были столь благоприятны для борьбы, как в настоящий момент, где почти междуцарствие. Отложив осенью (1882 г. — *Н. Т.*) коронацию, они пали столь низко, что никогда им не подняться». И далее: «Настроение хорошее, когда видишь безвыходное положение правительства, и скверное, когда думаешь о наших потерях»¹³⁸.

В таких условиях П. А. Теллалов допускал, что по случаю коронации «будут даны такие вольности, при которых будет возможна деятельность в народе», и поэтому рекомендовал народовольцам «до коронации... хранить глубокое молчание, ни в каком случае не производить ни одного террористического акта, а еще тем более не пред-

---

¹³⁷ Речи подсудимых в процессе «17-ти». — Былое, 1906, № 12, с. 240.

¹³⁸ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 59, л. 1 об. — 2.

принимать освобождений», чтобы, с одной стороны, каким-нибудь провалом не выдать бессилия партии, а с другой стороны, выждать, каковы будут и будут ли вообще даны «вольности»¹³⁹.

Со своей стороны, подсудимые провозглашали на процессе «17-ти» как приемлемую альтернативу обоюдному террору тот минимум политических преобразований, к которому, по их мнению, «Народная воля» могла бы в данный момент принудить царизм. И Грачевский, и Богданович, и Теллалов, и Корба, и Савелий Златопольский (а все они были членами ИК, центральными фигурами процесса) требовали от имени партии лишь народного представительства в лице Учредительного собрания (Земского собора, Всероссийской думы) и элементарных политических свобод (слова, вероисповеданий и т. д.)¹⁴⁰. «...Обвиняемые, — рассказывал М. И. Семевскому член суда И. И. Глазунов, — тщательно скрывали в своих подробных объяснениях коммунистические и анархические свои затеи... а беспрестанно вдавались в рассуждения о необходимости дарования России конституции...»¹⁴¹.

Что касается Я. В. Стефановича, то он в своей путаной речи объявил даже, что если выбирать, кто с большей пользой для народа мог бы взять на себя почин «пересоздания к лучшему существующих государственных форм» — общество, верховная власть или революционная партия, — он, Стефанович, предпочел бы верховную власть¹⁴². Здесь надо учитывать, что Стефанович, сам по себе недостаточно принципиальный, был чернопередельцем, в «Народную волю» вступил лишь за несколько месяцев до своего ареста и ко времени процесса «17-ти» «не слился с нею всеми силами ума и сердца, как большинство из нас (цитируется А. П. Корба. — *Н. Т.*), в его глазах деятельность, значение, самые принципы партии не имели той громадной цены, которую мы им придавали»¹⁴³.

---

¹³⁹ Там же, д. 58, л. 2.

¹⁴⁰ Речи подсудимых в процессе «17-ти», с. 240, 245, 247—248 (тексты речей Грачевского, Теллалова, Корба, Златопольского). Изложение речи Богдановича: ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 26 об.

¹⁴¹ ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 16, л. 545—545 об.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 485, л. 3 об.

¹⁴³ Прибылев а-Корба А. П. Указ. соч., с. 254.

Процесс «17-ти» был последним, по которому судились сразу несколько (семь) членов ИК. В дальнейшем из членов ИК предстала перед царским судом — по делу «14-ти» — только Вера Фигнер, да еще по делу «21-го» судилась в полном составе Распорядительная комиссия (заменившая ИК): Г. А. Лопатин, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин. Отчасти по этой причине после дела «17-ти» подсудимые на процессах «Народной воли» с программными речами почти не выступали. Те же речи, которые были произнесены (Фигнер, Александра Ульянова, Н. П. Стародворского на процессе «21-го», а также Н. Д. Похитонова, Г. А. Лопатина и Б. Д. Оржиха, чьи выступления, однако, не были по-настоящему программными), заключали в себе несколько иной смысл, сравнительно с речами подсудимых на процессах «16-ти», 1 марта 1881 г., «20-ти» и даже «17-ти»: они носили более личный характер, им недоставало былого народовольческого оптимизма, вместо которого теперь превалировала жертвенность, и, наконец, в них уже не ставились перед правительством ультимативные условия¹⁴⁴.

Правда, все перечисленные ораторы обличали нетерпимость царящего в России «страшного деспотизма» (Оржих) и «полнейшего бесправия» (Похитонов), провозглашали главной национальной задачей «уничтожение абсолютистского образа правления» (Фигнер), доказывая при этом, что «изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно» (Ульянов). Но, во-первых, они формулировали требования партии лишь в самых общих чертах и в еще более умеренном духе, чем это было сделано на процессе «17-ти». Ульянов обосновывал только «требование свободы мысли, свободы слова», Фигнер заявила: «Собственно, я не придаю практического значения тому, стоит ли у нас в программе республика или конституционная монархия... воплотится в жизнь лишь та форма государственного устройства, к ко-

---

¹⁴⁴ Речи В. Н. Фигнер и А. И. Ульянова неоднократно публиковались (например: Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 381—388; 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева и др., с. 289—293). Изложение речи Н. Л. Стародворского см. в кн.: «Народная воля» перед царским судом, вып. 2, с. 65—67; текст речи Б. Д. Оржиха — в архиве П. Л. Лаврова: ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 69, л. 1—2 об. Речь Н. Д. Похитонова по делу «14-ти» дошла до нас в жандармском пересказе (ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. XXI, л. 30—31).

торой общество окажется подготовленным...», а Стародворский говорил даже, что в принципе он не имеет ничего против «монархии, такой, например, как в Англии». Во-вторых, хотя все они подчеркивали, что до тех пор пока правительство не уступит, «народ вправе применять все меры борьбы», вплоть до террора (Стародворский), и революционная борьба, несмотря ни на что, «будет продолжаться» (Ульянов), никто из них уже не афишировал силы революционной партии и не предрекал царизму скорой гибели¹⁴⁵. Более того, в речах народовольцев на поздних процессах нет столь характерных для 70-х — начала 80 годов рассуждений о перспективах *народной революции*. Александр Ульянов обратился в своей речи исключительно на «русское образованное общество» и его «поединки с правительством».

Народовольцы второй половины 80-х годов, видимо, очень разуверились в крестьянстве, но, оставаясь народниками, не могли поверить и в решающую роль рабочего класса. Непоправимый упадок «Народной воли» рождал среди них все больше сомнений в близкой победе и вообще в целесообразности избранного (народнического) пути, что сказывалось и на их поведении перед судом, которое утрачивало былой наступательный дух. К тому же упразднение гласности и, фактически, самой законности судопроизводства по делам о «государственных преступлениях» углубляло пассивность подсудимых — народовольцев. В таких условиях после процесса «17-ти» народовольцы, как правило, даже не пытались выступать с программными речами, а ограничивались лишь исполненными достоинства ответами на вопросы суда, либо, как это было на процессах К. Г. Неустроева, С. Г. Власова, М. В. Калужной, С. А. Лисянского, И. Л. Манучарова, вовсе бойкотировали суд, демонстрируя тем самым свое презрение к нему.

Исключая участвовавшие сравнительно с 1880—1882 гг., но все-таки немногие случаи малодушия и предательства, участники процессов 1883—1894 гг. держались так же мужественно, как и их предшественники, хотя и менее

---

¹⁴⁵ П. Ф. Якубович в письме к другу за день до ареста (14 ноября 1884 г.) вспоминал как нечто минувшее «гордую самоуверенность Исполнительного Комитета в начале его деятельности» (ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 417, ч. 2, л. 14 об.).

активно. И для них было характерно то непоколебимое сознание *правоты* революционного дела, которое так поразило наблюдательного генерала А. А. Киреева своей «страшной силой» на процессе 1 марта 1881 г. (Другое дело, что народнический тип революции подвергался сомнениям, сама революция оставалась и для героев «Народной воли» 1883—1890-х гг. такой же *idée fixe*, какой она была в представлении народовольцев первого призыва). Революционная убежденность и давала силу жертвам процессов 1883—1894 годов. Из соображений революционного престижа, а не самосохранения отказывались они признавать себя перед царским судом виновными в тех или иных преступлениях. Г. А. Лопатин на последнем из числа семи крупнейших процессов «Народной воли» (по делу «21-го») апеллировал к суду истории точно так же, как это сделал на первом из тех процессов («16-ти») Степан Ширяев: «Вы представители заинтересованной стороны и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю — и это моя единственная вера, утешающая меня во все горькие минуты жизни, — что над всеми нами и над вами в том числе есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор; этот суд — история»¹⁴⁶.

Тем же сознанием *правоты* революционного дела движимы были и Н. П. Стародворский на процессе «21-го», когда он на вопрос председателя суда, признает ли себя виновным в убийстве Г. П. Судейкина, уточнил, что он совершил по распоряжению Исполнительного комитета не убийство, а казнь начальника секретной полиции¹⁴⁷, и М. В. Калюжная, которая на ее процессе 29 августа 1884 г. объясняла: «Я принадлежу к социально-революционной партии, виновной же в намерении убить полковника Катанского себя не признаю, так как не вижу в этом преступления, но не отрицаю, что хотела убить его в интересах нашей партии, так как он заслуживает смерти»¹⁴⁸.

В интересах партии подсудимые обычно (кроме тех случаев, когда при отсутствии или недостатке улик можно было прибегнуть к отпирательству) не только не скры-

---

¹⁴⁶ Процесс «21-го», с. 37; См. также текст последнего слова Г. А. Лопатина, опубликованный О. А. Сайкиным (Советские архивы, 1970, № 6, с. 28).

¹⁴⁷ Процесс «21-го», с. 5.

¹⁴⁸ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 905, ч. 1, л. 9.

вали, но, напротив, подобно героям процессов 1880—1882 гг., афишировали свою принадлежность к «Народной воле». Правда, делали они это по-разному. Одни — из числа наиболее опытных и влиятельных революционеров — по примеру судившихся в 1880—1882 гг. не ограничивались только объявлением своей принадлежности к партии, а подробно, с явным агитационным расчетом излагали всю свою революционную биографию, непременно оговариваясь, однако, что никаких показаний о других лицах, привлеченных к следствию и суду вместе с ними, они давать не желают. Так вели себя М. Ф. Грачевский на процессе «17-ти», Вера Фигниер на процессе «14-ти», А. И. Ульянов на процессе 1 марта 1887 г., П. Ф. Якубович на процессе «21-го», Б. Д. Оржих на его процессе 1888 г., Софья Гинсбург на ее процессе 1890 г.

Чрезвычайно характерны в этом отношении полностью опубликованные показания Александра Ульянова на следствии по делу «Второго 1 марта» с резолюциями Александра III¹⁴⁹. «Что касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, — говорил Ульянов о попытке цареубийства, — то оно было полное, т. е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений». Царь отчеркнул этот абзац и снабдил его резолюцией: «Эта откровенность даже трогательна!!!» На полях же «Программы террористической фракции партии «Народная воля», которую Ульянов восстановил по памяти и приложил к своим показаниям, царь выругался: «Эта записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота». Зато уличать в чем-либо своих товарищей Ульянов отказался наотрез. «Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю», — заявил он в показании 4 марта и дальше не изменял этому правилу. 13-го марта Александр III оставил на очередном показании Ульянова пронизательную резолюцию: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься».

Другие, менее опытные и, как правило, более молодые народовольцы не имели ни дарований трибунов, ни свойственной вожакам веры в силу агитационного слова, счи-

---

¹⁴⁹ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 371, 373.

тали, что на безгласных инквизиционных процессах агитация со скамьи подсудимых бесплодна, да и почти невозможна, и поэтому действовали проще: заявив о своей принадлежности к партии, отказывались объяснять даже собственную (а не только своих товарищей) деятельность. Так держались, например, И. В. Калюжный на процессе «17-ти», В. Г. Иванов на процессе «14-ти», В. Д. Генералов на процессе 1 марта 1887 г., П. Л. Антонов на процессе «21-го», С. А. Лисянский, И. Л. Манучаров, Н. Л. Перлашкевич, И. И. Мейснер, С. Ф. Хроновский на их процессах ¹⁵⁰.

Важно, что и те и другие оказались достаточно стойкими для того, чтобы поддержать завоеванную народо-вольцами на процессах 1880—1882 гг. репутацию людей бесстрашных, которых ничто, даже угроза смерти, не может сломить. Александр Ульянов сказал на суде, что «среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь» ¹⁵¹.

Сам Ульянов, который, по свидетельству его сопроцессников, «готов был дать повесить себя двадцать раз, если бы мог этим облегчить судьбу других» ¹⁵², и не один десяток других народо-вольцев на процессах 1883—1894 гг. подтверждали это и словом, и делом. «Пощады не прошу и не желаю, — говорил на процессе «21-го» Г. А. Ло-

---

¹⁵⁰ Несколько особую позицию занял на процессе «21-го» Г. А. Лопатин — этот, как его называли, «партизан» среди народо-вольцев. На дознании он, хотя и признал, что «состоял в очень близких сношениях со многими выдающимися членами партии «Народная воля» и оказывал им всякие услуги как личного, так и политического свойства», подчеркнул, однако: «К организации партии не принадлежал и членом Исполнительного комитета не состоял» (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 2, л. 55 об.—56). На суде же Лопатин объяснил, что он отказывался признать себя членом руководства «Народной воли» из-за стыда перед партией, после своего ареста со списком адресов. «Я не мог, я не имел духа открыто признать себя членом Исполнительного комитета, находясь в таком тягостном положении. Но теперь, в эту минуту, когда, быть может, уже не долго биться моему сердцу, я даю такое признание» (Процесс «21-го», с. 38)

¹⁵¹ 1 марта 1887 г., с. 292

¹⁵² Народо-вольцы после 1 марта 1881 г., М., 1928, с. 159.

патин. — Я сделал мало для того дела, которое было всего дороже мне на земле, и горько сожалею об этом. Но если я не сумею послужить ему моей жизнью, то знаю, что не осрамлю его моей смертью и сумею умереть так же твердо и безупречно, как жил»¹⁵³. Замечательные человеческие документы оставили осужденные на смертную казнь вместе с Лопатиным П. Л. Антонов и П. Ф. Якубович. «Меня ждет виселица,— писал другу перед судом член «Народной воли» рабочий-кузнец Петр Антонов, — но меня это не смущает, я верю в лучшее будущее, за это будущее я боролся и погибну. Я покажу нашим палачам, как умирают революционеры...»¹⁵⁴. Сразу после оглашения смертного приговора стойческое письмо («выслушал я приговор так спокойно, что и сам того не предвидел») отправил родным Якубович¹⁵⁵. В поэме «Сын», которую Якубович написал еще до суда, есть такая сцена:

Прокурор (ударяя себя кулаком в грудь):

Я властью облечен большою!..

Обвиняемый:

Над телом только — не душою,

Что властны сделать вы со мною?

Пытать? — Я пытки не страшусь.

Казнить? — Я смертью наслажусь,

Как высшей радостью земною¹⁵⁶.

Этот фрагмент — не только поэтическая метафора, а буквально живая жизнь и самого Якубовича, и многих других народовольцев. Б. Д. Оржих, например, так и заявил суду в последнем слове, что смертную казнь «он будет считать наградой за свои убеждения», и по прочтении ему смертного приговора воскликнул: «Браво!»¹⁵⁷. В таком же порыве самопожертвования В. С. Осипанов и П. И. Андреюшкин на процессе 1 марта 1887 г. уведомили суд, что они заранее отказываются от всяких просьб

---

¹⁵³ Советские архивы, 1970, № 6, с. 28.

¹⁵⁴ Красный архив, 1928, т. 6, с. 107.

¹⁵⁵ Каторга и ссылка, 1928, № 12, с. 139.

¹⁵⁶ Окунев Б. Неизвестные стихотворения поэта-народовольца. — Подъем, 1966, № 1, с. 115 (цитируемый отрывок опубликован здесь впервые).

¹⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10138, л. 501 (доклад прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции о ходе суда над Оржихом).

о снисхождении, потому что (цитирую Андреюшкина) «такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил»¹⁵⁸. А. И. Немоловский на процессе «14-ти» объявил: «Прошу суд приговорить меня к смертной казни»¹⁵⁹, а И. Л. Манучаров после замены ему виселицы вечной каторгой заявил протест против смягчения приговора, указывая, что он не дал для этого никакого повода¹⁶⁰. Слова, сказанные одним из судей после приговора С. А. Лисянского к смертной казни через повешение («я не видел подсудимого, который бы с бóльшим хладнокровием выслушал приговор о годе арестантских рот») ¹⁶¹, могли быть отнесены к любому из народовольцев, которые встретили смерть на эшафоте.

Да, все они без исключения умирали героями. Александр Штромберг, осужденный на смерть почти без улик, на предложение защитников подать прошение о помиловании ответил: «Я для этого неграмотен»¹⁶². Саул Лисянский, который был вынужден долго стоять на скамейке под петлей в ожидании, пока палач примерит к нему веревку, оказавшуюся закрепленной слишком высоко, командовал распорядителям казни: «Господа, скорее!»¹⁶³. Василий Генералов и Пахомий Андреюшкин поднялись на эшафот с возгласами «Да здравствует Народная воля!». «То же самое, — докладывал царю гр. Д. А. Толстой, — намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинут мешок... Так же бодро и спокойно вошли на эшафот» и Александр Ульянов, и Петр Шевырев, причем последний «оттолкнул руку священника» с крестом¹⁶⁴.

Мужество, с которым приняли смерть на виселице Константин Неустроев и жертвы якутской трагедии 1889 г. (Николай Зотов, Лев Коган-Бернштейн, Альберт

---

¹⁵⁸ 1 марта 1887 г., с. 284, 333.

¹⁵⁹ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. XXI, л. 28 («Записка для памяти» в Департамент полиции).

¹⁶⁰ ГБЛ РО, ф. 218 (И. Л. Манучарова), карт. 1281, ед. хр. 1, л. 1.

¹⁶¹ Литература партии «Народная воля», с. 267.

¹⁶² Серебряков Э. А. Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 52.

¹⁶³ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 34, л. 47 (Кузнецов Л. А. С. А. Лисянский, его арест и казнь).

¹⁶⁴ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 350—351.

Гаусман), засвидетельствовано их сохранившимися предсмертными письмами.

К. Г. Неустроев в обращении к товарищам жалел только о том, что мало сделал, однако был горд за сделанное: «Я был простой работник, но не изменил святыне-знамени». Письмо кончается словами: «Прости, родина! Цвети, красуйся! Прими эти пожелания от чистого сердца»¹⁶⁵. Л. М. Коган-Бернштейн перед казнью писал друзьям: «Я умру с чистой совестью и сознанием, что до конца оставался верен своему долгу и своим убеждениям, а может ли быть лучшая, более счастливая смерть?»¹⁶⁶.

Отметим здесь, что смерть Когана была на редкость трагической. Мало того, что он, как уже говорилось, был повешен варварски, раненым, прямо с кровати. В ночь перед казнью к нему в камеру смертника привели и оставили с ним до утра жену и малолетнего сына. Едва ли то был акт гуманности со стороны палачей, скорее — акт садизма, рассчитанный на то, чтобы ранить осужденного еще и морально, надломить его силу духа и склонить к раскаянию. О том, что пережил в ту ночь — последнюю в своей жизни — Лев Коган-Бернштейн, говорит его письмо к сыну, написанное за считанные часы до казни: «Дорогой мой, родной, голубенький сынишка, мой милый, несчастный Митюшка! Я уже исполнил свой долг, и последние мои мысли, последние мои слова, — да принадлежат тебе!.. Мне пришлось более пяти лет сидеть по разным тюрьмам и этапам, я вынес ссылку и солдатчину и вот завтра я умру на плахе, но, не скрывая ничего, чисто-сердечно говорю тебе, что самое худшее — это было сознание причиненного близким людям горя. И вот теперь я сижу, а рядом со мной ты спишь; твоя же несчастная мать душит в себе слезы, бодрится, — и видит самое тяжелое, трудное будущее; я же, верь, дорогой, мучусь одним только сознанием — сознанием тяжелого горя, причиненного вам обоим. Если бы не это сознание, весело взошел бы на плаху, весело взглянул бы в последний раз на свет божий и отдал бы душу свою за други своя»¹⁶⁷.

---

¹⁶⁵ Литература партии «Народная воля», с. 231.

¹⁶⁶ Якутская трагедия 22 марта 1889 г., с. 75.

¹⁶⁷ Там же, с. 75—77.

Малолетнюю дочь оставил и Альберт Гаусман. В ночь перед казнью он наставлял ее: «Тебе всего шесть лет, а час моей смерти близится. Считаю долгом своим попроситься с тобой и сказать тебе несколько слов. Учись, друг мой! Старайся не столько знать много, сколько понимать многое. Будь честна. Каковы бы ни были впоследствии твои убеждения, следуй им непреклонно, если только это искренние убеждения. На глазах смерти говорю тебе: лучше жить в нищете с чистой совестью, чем в богатстве и довольстве, сознавая, что кривишь душу...»¹⁶⁸. Коротко, но исполнено мужества прощальное слово Гаусмана к друзьям: «Я умираю с верой в торжество истины. Прощайте, братья!»¹⁶⁹.

Н. Л. Зотов в предсмертном письме завещал друзьям «употребить все свои силы» на революционную борьбу и в интересах революции «эксплуатировать всеми способами и всеобщими усилиями эту (якутскую 1889 г. — Н. Т.) драму, этот колоссальный пример жестокости, самоуправства, бесчеловечности русского деспотизма...»: «Пишите во все концы нашей матушки и мачехи, и за границу, и Кеннанам всяким. Над этим стоит поработать. Это — единственное, чем мы можем окупить потери этой расправы»¹⁷⁰.

Показательно, что и в трудные для «Народной воли» 1883—1894 гг. исключительно стойко держались на судебных процессах женщины. Как и прежде, среди них не оказалось ни одного предателя, хотя прошло их перед царским судом немало: с середины 1882-го по 1894 г. — 51, причем трое из них судились за те годы дважды, а С. Е. Новаковская — четырежды. В некоторых крупных делах женщины составляли даже более трети общего числа подсудимых. На процессе 12-ти ссыльных в 1886 г. было пять женщин, на знаменитом процессе «17-ти» — семь, на процессе жертв Якутской трагедии — восемь. Карал их царский суд беспощадно: 12 женщин из 51 были приговорены к виселице, всегда (после казни С. Л. Перовской) заменявшейся, правда, каторгой — и долголетней, и вечной, еще пять осуждены на вечную каторгу и десять —

---

¹⁶⁸ Там же, с. 72—73.

¹⁶⁹ Там же, с. 72.

¹⁷⁰ Там же, с. 79.

на каторгу до 20 лет, а все остальные — на разные сроки тюрьмы и ссылки. Оправданных женщин в политических делах за те годы не было.

Одна из женщин особо выделялась среди судившихся на процессах 1883—1894 гг. по своей роли в революционном движении и тому интересу, который она привлекала к себе в русском и европейском обществе, так же, как среди подсудимых 1880—1882 гг. выделялась Софья Перовская. Речь идет о Вере Николаевне Фигнер. Революционерка из плеяды корифеев «Народной воли», примерно с середины 1882 г. — высший авторитет в партии, «мать-командирша», как уважительно называли ее товарищи¹⁷¹, последний в России еще оставшийся к 1883 г. на свободе член «Великого ИК», Вера Фигнер была арестована в Харькове 10 февраля того года по указанию Дегаева. Арест был обставлен как дело рук известного предателя Василия Меркулова, которого Дегаев изловчился столкнуть лицом к лицу с Фигнер на улице, после чего Вера Николаевна тотчас и была схвачена. Чтобы еще больше заслонить Дегаева от возможных подозрений самой Фигнер и ее товарищей Меркуловым, начальник Харьковского жандармского управления генерал И. К. Турцевич, едва Веру Фигнер сразу после ареста ввели к нему в кабинет и она в ответ на его требование назвать себя заявила: «Генерал, вам это скажет тот, кто указал меня арестовать», — распорядился позвать Меркулова. Тот подтвердил, что неизвестная арестована по его указанию и что она не кто иная, как Вера Филиппова¹⁷². Услышав это, Фигнер резко повернулась к Меркулову и, воскликнув: «Подлец! Шпион!», плюнула ему в лицо¹⁷³.

Арест Веры Фигнер, имя которой получило громкую известность по материалам всех предыдущих крупных процессов «Народной воли», очень обрадовал верхи. Граф Д. А. Толстой в тот же день, 10 февраля, донес царю об

---

¹⁷¹ Бах А. Н. Записки народовольца. М., 1931, с. 41.

¹⁷² Жандармские управления всей России давно разыскивали Веру Фигнер по фамилии мужа (Филиппова).

¹⁷³ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 4, л. 11 (донесение И. К. Турцевича в Департамент полиции). Напомню, что это был тот самый Меркулов, которого на процессе «20-ти» Макар Тетерка уже бил по лицу за предательство.

этой удаче, и Александр III на полях его донесения зло-
радно отметил: «Наконец, попалась!»¹⁷⁴.

Здесь уместно сказать о судьбе одной жандармской
легенды. Генерал Турцевич доложил в Департамент по-
лиции, будто Вера Фигнер при обыске пыталась отравить-
ся, но жандармы победоносно отняли у нее яд¹⁷⁵. Эта
жандармская версия тогда же получила хождение среди
прочих толков и проникла в литературу. В наше время
ее принял на веру и повторил С. С. Волк¹⁷⁶, почему-то не
посчитавшись с тем исчерпывающим разъяснением, кото-
рое дала сама Вера Фигнер. Оказывается, Вера Никола-
евна проглотила конспиративную записку, а жандармы
вообразили, что она приняла яд¹⁷⁷. Фигнер знала, что ее
за все содеянное будут судить, и она готовилась достойно
представить на суде свою партию, вовсе не помышляя о
самоубийстве. «Я должна была жить, чтобы быть на су-
де — этом заключительном акте деятельности активного
революционера. Как член Исполнительного комитета я
должна была сказать свое слово — исполнить последний
долг, как его исполняли все, кто предварил меня»¹⁷⁸.

Естественно, что революционерка с такой репутацией
оказалась на суде (знаменитый процесс «14-ти») цент-
ральной фигурой. И она выступила в этой роли впечат-
ляюще. На дознании, следствии и суде Фигнер вела се-
бя так, как принято было между членами «Великого ИК»,
то есть не совсем по уставу, но зато наиболее убедитель-
но с точки зрения революционной демонстрации перед ка-
рательной властью.

Собственную деятельность Фигнер не скрывала. В
первом же показании она заявила, что состоит членом
«Народной воли» и агентом 3-й степени Исполнительного
комитета, и перечислила все свои «государственные пре-
ступления» от участия в Казанской демонстрации 1876 г.
до устройства типографии «Народной воли» в Одессе в
1882 г., не преминув отметить, что она «знала и одобри-
ла замысел Александра Соловьева» на цареубийство; что

---

¹⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 335, л. 184.

¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 4, л. 10 об., 12.

¹⁷⁶ Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М.—Л., 1966,
с. 148.

¹⁷⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 360.

¹⁷⁸ Там же, с. 370.

бомбы, которыми был убит Александр II, изготавливались в ее квартире, и что она «принимала участие в убийстве генерала Стрельникова» (без оговорки о косвенном характере этого участия)¹⁷⁹. С 19 февраля до 3 апреля в Петропавловской крепости Фигнер писала обширные (30 страниц бисерным почерком) автобиографические показания¹⁸⁰, в которых она, подобно Александру Михайлову, Степану Ширяеву, Александру Квятковскому, Николаю Колодкевичу, Михаилу Грачевскому и другим корифеям первого призыва ИК, мотивировала историческую обусловленность революционного пути для партии в целом и каждого из ее членов в отдельности.

Разумеется, Фигнер, как и ее предшественники, не задавалась целью распропагандировать своими показаниями царских чиновников¹⁸¹, но расчет на то, чтобы лишний раз подчеркнуть перед карателями неотвратимость и неодолимость революционного движения, у нее, видимо, был. К тому же не исключалась возможность огласки таких показаний в обществе. Впрочем, каратели, включая самого царя, тоже проявляли большое любопытство к документам такого рода, желая постигнуть секрет силы духа своих врагов. Государственный секретарь А. А. Половцов 23 марта 1883 г. записывал в дневнике со слов министра юстиции Д. Н. Набокова: «Государь читает дневник (т. е. автобиографические показания. — Н. Т.) Веры Филипповой и очень им интересуется»¹⁸².

Однако все попытки следователей выведать хоть что-нибудь о «сообщниках» Фигнер решительно пресекала. В материалах процесса сохранилось несколько ее показаний с отказом отвечать на такие вопросы. Вот одно из них, от 16 июня 1883 г.: «Никаких объяснений по поводу лиц, арестованных в последнее время в г. Харькове и

---

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—2, л. 8 об.

¹⁸⁰ Подлинник см. там же, л. 15—44 (Опубликованы: Былое, 1917, № 2—4).

¹⁸¹ Любопытно, что гр. Д. А. Толстой, пожелав после ареста лично допросить ее, долго разглагольствовал перед ней о бесплодности «красного террора» и в заключение сказал: «Жаль, нет времени, а то я убедил бы вас». Фигнер на это в тон министру ответила: «Я тоже жалею. Надеюсь, я обратила бы вас в народовольца» (Фигнер В. Н. Указ. соч., с. 362).

¹⁸² Половцов А. А. Дневник, т. 1, с. 71.

вообще обстоятельств дознаний, возникших там после моего ареста, я сделать не могу. Вера Фигнер»¹⁸³.

В речи на суде Фигнер сравнительно коротко резюмировала соображения, уже высказанные ею в автобиографическом показании, а поскольку обвинительная власть клеймила ее за «кровожадность», она смело и подкупающе непосредственно объяснила свое личное участие в террористических актах: «Я не могла бы со спокойной совестью привлекать других к участию в насильственных действиях, если б я сама не участвовала в них... Собственно говоря, организация «Народная воля» предпочитала употреблять меня на другие цели — на пропаганду среди интеллигенции, но я хотела и требовала себе другой роли. Я знала, что и суд всегда обратит внимание на то, принимала ли я непосредственное участие в деле, и то общественное мнение, которому одному дают возможность свободно выражаться, обрушивается всегда с наибольшей силой на тех, кто принимает непосредственное участие в насильственных действиях, так что я считала прямо подлостью толкать других на тот путь, на который сама не шла бы. Вот объяснение той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной и которая выразилась в тех действиях, одно перечисление которых показалось бы суду циничным, если бы они не вытекали из таких мотивов, которые во всяком случае, мне кажется, не бесчестны»¹⁸⁴.

Другие подсудимые по делу «14-ти» единодушно признавали Веру Фигнер своим вожаком: с нее брали пример, к ней в трудную минуту обращались за советом. Когда некоторые офицеры — участники процесса — решили было подать прошения о помиловании, лейтенант Александр Штромберг, человек безупречного мужества, все-таки захотел узнать, что думает об этом Фигнер. Вера Николаевна ответила: «Никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама»¹⁸⁵. После этого не только Штромберг, но и вообще никто из «14-ти» не подал прошений о помиловании.

---

¹⁸³ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—2, л. 133.

¹⁸⁴ Речь В. Н. Фигнер на процессе «14-ти» впервые была опубликована в Листке «Народной воли», 1886, № 3. Полностью воспроизведена в мемуарах Фигнер (Указ. соч., с. 381—388).

¹⁸⁵ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 390.

Героически вели себя на процессах 1883—1894 гг. и другие женщины «Народной воли», хотя особенности того или иного процесса, характер обвинения, а также личные качества женщин разнообразили их тактику. Анна Корба на процессе «17-ти» выступила с известной программной речью. Мария Кутитонская речи не произносила, зато в объяснениях угрожала карателям возмездием: «Не забывайте, что революционная идея все более и более становится достоянием массы и что столкновение штыка с идеей вызывает страшную грозу!»¹⁸⁶. Мария Калюжная отказалась от всяких показаний суду («мотивы, побуждения и т. п., которые предшествовали покушению на убийство полковника Катанского, я считаю лишним сообщать вам»), отказалась от защитника и от последнего слова, но подчеркнула: «Я очень жалею, что мне не удалось совершить это убийство»¹⁸⁷.

Тактика отказа от показаний с объявлением, однако, своей принадлежности к партии, если улики были налицо (т. е. в согласии с народовольческим уставом), была избрана большинством женщин, судившихся в 1883—1894 гг. И на дознании, и на суде так держались, например, Антонина Лисовская (дело «17-ти»), вначале отказавшаяся даже назвать себя («Я признаю себя членом партии «Народная воля», но о деятельности своей рассказывать не желаю, и вообще на дальнейшие вопросы отвечать не желаю. И не буду подписывать свою фамилию») ¹⁸⁸, Ф. А. Морейнис (дело «23-х»), Л. А. Волкенштейн (дело «14-ти»), В. В. Шулепникова (дело «12-ти»), Н. К. Сигида («Донской процесс»), Н. М. Салова (дело «21-го») ¹⁸⁹.

---

¹⁸⁶ Ивановская П. С. Мария Игнатьевна Кутитонская. — Каторга и ссылка, 1927, № 6, с. 184 (очерк П. С. Ивановской написан с учетом жандармского дела о Кутитонской, хранящегося в ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 1042).

¹⁸⁷ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 905, ч. 2, л. 9 об., 25 об. — 26.

¹⁸⁸ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 530, л. 545—546. Личность А. И. Лисовской была установлена агентурным путем.

¹⁸⁹ Вот показание Н. М. Саловой от 18 октября 1884 г., очень для нее характерное: «О знакомствах своих я никаких объяснений давать не желаю. Равно я не желаю давать никаких объяснений и по содержанию писем, заметок и вообще того, что отобрано у меня при моем задержании... Относительно моей революционной деятельности... я могу лишь сказать, что состояла агентом Исполнительного комитета, отказываясь от всяких дальнейших объяснений по этому поводу» (ЦГВИА, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 1, ч. 11, л. 174 об.—175 а).

Таким образом, народовольцы из числа убежденных, последовательных революционеров (а такие и в 1883—1890-х гг. составляли в партии большинство) в условиях упадка народничества вообще и «Народной воли» в частности, достойно поддерживали на судебных процессах репутацию своей партии, столько высоко поднятую героями 1879—1882 гг.

Однако даже самые мужественные и содержательные выступления подсудимых народовольцев после 1882 г. несли на себе печать обреченности и свойственной, правда, «Народной воле» и ранее, но теперь возведенной в принцип жертвенности. На процессе «17-ти» эта печать с должной отчетливостью еще не обозначилась, хотя и там, в речах и объяснениях Грачевского и Калужного, звучали скорбные жертвенные ноты. Последующие же процессы почти все очень показательны в этом отношении. Жертвенность и обреченность здесь сквозят даже в программных речах, Вера Фигнер и начала-то свою речь словами: «Сидя в предварительном заключении, я часто думала, могла ли моя жизнь идти иначе, чем она шла, и могла ли она кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз я отвечала себе: нет!»¹⁹⁰. Александр Ульянов ставил в заслугу своим единомышленникам в первую очередь их способность не к борьбе и к победе, а к тому, чтобы «умереть за свое дело»¹⁹¹.

Объяснение этой обреченности и жертвенности может быть только одно. Люди, о которых идет речь, были убежденными революционерами. Ничто не могло ни сломить их, ни запугать. Но они видели, что, с одной стороны, революционно-народническое движение, несмотря на «неслыханную энергию»¹⁹² его борцов, отступает и гибнет под натиском реакции, так и не сумев поднять за собой народ. Хуже того, оно вырождается в движение либерально-реформистское, ибо в то время как одни его деятели выбывают из строя в тюрьмы и ссылку, на каторгу и эшафот, другие отходят от борьбы с царизмом

---

¹⁹⁰ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 381.

¹⁹¹ 1 марта 1887 г., с. 292.

¹⁹² Ф. Энгельс — М. К. Горбуновой 22 июля 1880 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 357.

и оседают в земстве или органах легальной прессы вроде «Русского богатства», чтобы заняться сочинением таких преобразований, которые можно было бы заполучить у царизма без революции, по договоренности с ним, а иные в поисках выхода из народнического тупика бросают клич — «быть либералом и революционером» одновременно¹⁹³.

Внутри революционного движения росло и все более выдвигалось на первый план, оттесняя народничество, новое, социал-демократическое направление. Но статья социал-демократами герои народнического подполья 1883—1894 гг. еще не могли, хотя иные из них (например, А. И. Ульянов, И. Д. Лукашевич, П. А. Грабовский, И. А. Гурвич) вышли на перепутье между народничеством и марксизмом. Для этого народникам надо было рвать с целым мирозерцанием, которое господствовало в революционном движении четверть века, опиралось на славные традиции и впечатляло ореолом героизма и мученичества, — рвать с ним ради другого мирозерцания, перспективность которого, по крайней мере до середины 90-х годов, для большинства русских революционеров казалась сомнительной. Необходимо было глубоко проникнуть в смысл происходивших в стране социально-экономических перемен (прежде всего обусловленных развитием капитализма процессов «раскрестьянивания» и пролетаризации) и обдуманно перейти с позиций одного класса (крестьянства) на позиции другого (пролетариата). Подобный переход требовал долгой и напряженной работы мысли, для которой у народовольцев 80-х — начала 90-х годов в условиях, когда они из последних сил пытались восстановить былую мощь своей партии и то и дело гибли под ударами самодержавия, не было возможности.

Но и не осознав правоты социал-демократии, многие уже сомневались в целесообразности народничества. Пережившие упадок и вырождение народничества, плененные и судимые врагами в обстановке беззакония и безгласности, народовольцы, хотя и сохраняли веру в неизбежность революции, теряли ориентировку в сроках и даже путях ее осуществления, убеждались, что их поко-

---

¹⁹³ Свободная Россия, Genève, 1889, № 1, с. 2.

лению суждено «одно только горе»¹⁹⁴, и не находили поэтому другого исхода своей революционной энергии, кроме того, чтобы, говоря словами Петра Антонова, «показать палачам, как умирают революционеры».

В условиях торжества реакции сохранять революционные убеждения и силу духа перед судьями и палачами, естественно, было труднее. Поэтому среди народовольцев, судившихся в 1883—1894 гг., больше оказывалось малодушных и предателей, чем в годы революционного натиска. Правда, и теперь случаев отступничества было гораздо меньше, чем во времена декабристов, петрашевцев или ишутинцев: даже в обстановке упадка «Народной воли» все-таки сказывались и более широкая социальная база народовольцев, и возросшая мощь русского революционного лагеря, и накопленные традиции, в частности опыт сотни политических процессов 70-х — начала 80-х годов. Всего из 75 процессов с середины 1882-го до 1894 г. только на десяти — подсудимые (лишь некоторые) просили о помиловании. В числе тех же процессов, на которых не оказалось не только предателей, но и «подаванцев», были и крупные: «12-ти», «14-ти», «22-х», жертв Якутской трагедии 1889 г. (с 29 подсудимыми). Одно прошение (юной Марии Юшковой) подано было на процессе «17-ти».

При этом надо учитывать, что в числе подсудимых иной раз оказывались случайные люди. Наиболее характерны здесь два процесса, которые и дали больше всего раскаявшихся: «23-х» в марте — апреле 1883 г. и «18-ти» (Н. Н. Шелгунов и др.) в феврале 1887 г. На процессе «23-х», кроме девяти народовольцев и трех распропагандированных ими рабочих, все прочие не имели никакого отношения к «Народной воле», а шестеро — и вообще к революционному движению. Зато, как вспоминал М. И. Дрей, прошения о помиловании на этом процессе и «посыпались дождем»¹⁹⁵. Дрей мог назвать только девять человек не просивших о помиловании:

---

¹⁹⁴ «Наша вера предсказывала нам благо страны, благо нашего бедного народа, — читаем в предсмертном письме Л. М. Когана-Бернштейна к сыну, — но сами мы видели одно только горе, которое сеяла вокруг себя среди самых близких людей» (Якутская трагедия 22 марта 1889 г., с. 76).

¹⁹⁵ Дрей М. И. «Стрельниковский процесс» в Одессе в 1883 г. — Каторга и ссылка, 1924, № 2, с. 56.

себя, Н. Н. Дзвонкевича, М. С. Попова, К. А. Иванайнена, Ф. А. Морейнис, Г. Е. Бататова, Н. Х. Матфиевича, П. В. Ровенского, С. В. Майера¹⁹⁶. Из числа же судившихся по делу «18-ти», которые представляли собой еще не определившийся идейно и рыхлый в организационном отношении военный кружок¹⁹⁷, нераскаявшихся, как явствует из донесения прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции, вообще не нашлось¹⁹⁸.

Тем не менее и среди членов «Народной воли» случаи малодушия и раскаяния на судебных процессах (а также в заключении, на каторге и в ссылке) участились после 1882 г. Показательно, что таких случаев больше становилось к концу десятилетия, по мере упадка «Народной воли». Вот как выглядит хронологический ряд тех процессов, на которых были поданы прошения о помиловании (исключая упомянутые дела «23-х» и «18-ти» как не характерные для «Народной воли»):

Дата	Процесс	Число подсудимых	Из них „полаванцев“ ¹⁹⁹
1882	П. С. Поливанова — М. Э. Новицкого	2	1
1883	«17-ти»	17	1
1883	Киевской группы «Народной воли»	7	1
1884	С. Г. Власова и др.	4	1
1887	«Второго 1 марта»	15	11
1887	«21-го»	21	4
1887	«Донской»	7	5
1890	С. М. Гинсбург	5	5

С конца 80-х годов на каторге и поселении случалось, что перед общим наступлением реакции и тяготами ссыльно-каторжного режима пасовали даже те, кто вы-

¹⁹⁶ Дрей М. И. «Стрельниковский процесс» в Одессе в 1883 г. (по личным воспоминаниям). М., 1928, с. 23.

¹⁹⁷ Брагинский М. А. Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884—1886). — В кн.: Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929.

¹⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10319, л. 481 об.

¹⁹⁹ По архивным материалам Особого присутствия Сената и Министерства юстиции.

стоял на судебных процессах как в 1883—1894 гг., так и в 1880—1882 гг. (Я насчитал 13 таких народовольцев). Из воспоминаний Л. Г. Дейча известно, что в 1889—1890 гг. на Каре подали прошения о помиловании народовольцы-рабочие Н. П. Евсеев и Г. Г. Хохлов, метальщик-первомартовец И. П. Емельянов и даже член ИК «Народной воли» Н. К. Бух²⁰⁰. Текст всеподданнейшего прошения Буха от 25 апреля 1890 г. хранится в архиве Министерства юстиции²⁰¹. Там же сохранились прошения о помиловании М. М. Овсянникова (15 ноября 1886 г. из Томской ссылки), А. В. Кирхнера (декабрь 1888 г., из Иркутской ссылки), Ф. О. Люстига (январь 1889 г., отсюда же), С. М. Ратина (октябрь 1893 г., из Горно-Зерентуйской тюрьмы), Б. Д. Оржиха (октябрь 1897 г., из Шлиссельбургской крепости, — несколько особое, *без раскаяния*, «о даровании милости дозволением провести последние дни жизни на попечении родных»), М. А. Уфлянда (22 августа 1904 г., из Якутской ссылки)²⁰².

Разные источники свидетельствуют, что, кроме того, в 1888 г. из Олонецкой ссылки просил о помиловании Н. П. Дирдовский и в 1897 г. отсюда же — П. А. Ковалев, а за два месяца до того, как первая русская революция заставила царизм освободить всех уцелевших узников «государевой тюрьмы» и закрыть тюрьму, в августе 1905 г. не вынес шлиссельбургского заключения, раскаялся и просил помилования Н. П. Стародворский²⁰³.

В такой обстановке царизм успешнее, чем прежде, вербовал внутри самой «Народной воли» и в кругах, близких к ней, всякого рода предателей и провокаторов, которых он использовал и при устройстве судебных процессов. Одни, вроде Сергея Дегаева в деле «14-ти» и Антона Остроумова в деле Южно-русской организации «Народной воли» (процессы «Донской» и Б. Д. Оржиха), питали обвинение фактами, оставаясь за кулисами процесса. К ним, может быть, следует отнести и Я. В. Стефановича, который еще до суда (по делу «17-ти») зате-

---

²⁰⁰ Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. М., 1924, с. 199, 204.

²⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7935, л. 336.

²⁰² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 80, д. 8250, л. 59; д. 8532, л. 11 об.; д. 8622, л. 93—94; оп. 87, д. 10139, л. 50; оп. 535, д. 248, л. 166, 245—246.

²⁰³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 3, с. 280.

ял сомнительные переговоры с директором Департамента полиции В. К. Плеве, оговорив при этом члена ИК Ю. Н. Богдановича, а возможно, продолжал сношения с Департаментом полиции и после суда²⁰⁴. Других царизм сажал на скамьи подсудимых и отбирал у них предательские (иной раз клеветнические) показания по ходу процесса с расчетом не только засудить революционеров, но и запятнать их репутацию. Такую роль за 1883—1894 гг. сыграли Петр Клименко на процессе «23-х», Иван Саранчов на процессе Киевской группы «Народной воли», Михаил Канчер, Петр Горкун и Степан Волохов на процессе 1 марта 1887 г., Иван Гейер и Петр Елько на процессе «21-го».

Власти и сам царь внимательно следили за их выступлениями, особенно усердных поощряли. Александр III с видимым удовольствием отчеркнул в тексте доложенных ему показаний Елько все ругательства по адресу революционеров («мошенники», «проходимцы», «сволочь») и на полях подытожил: «Славно отделал их»²⁰⁵. Еще больше понравилась царю предательская автобиографическая записка И. Гейера: царская резолюция на ней гласила, что ее «следовало бы издать»²⁰⁶. За содействие властям Елько и Гейер получили правительственные пособия (первый — 300, второй — 200 рублей; 300 руб. получил и Антон Остроумов)²⁰⁷.

«Народная воля» и вообще все революционное подполье болезненно воспринимали участвовавшие с середины 80-х годов случаи малодушия и ренегатства. «Социализм, ради которого пало уже много жертв, был для нас не только делом убеждения, — вспоминал о своем пребывании вместе с народовольцами на Каре в конце 80-х годов член польской революционной партии «Пролетариат» Ф. Я. Кон. — Он был для нас всем, по тогдашним понятиям: верой, религией, освященной мучениче-

---

²⁰⁴ Вопрос о предательстве Я. В. Стефановича нельзя считать решенным окончательно. Многое в нем (вплоть до главного: оговор или предательство?) остается неясным. О полемике между «обвинителем» Н. С. Тютчевым и защитниками Стефановича Л. Г. Дейчем и В. И. Засулич см. в кн.: Тютчев Н. С. Революционное движение 1870—1880-х гг. М., 1925, ч. 1.

²⁰⁵ Поляков А. С. Второе 1 марта, с. 8.

²⁰⁶ Красный архив, 1928, т. 6, с. 103. (сообщение С. Н. Валка).

²⁰⁷ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 35, л. 60 (бумаги А. А. Кулакова).

ской смертью погибших на виселицах. И поэтому отступничество от знамени, обогрелного мученической кровью борцов, было преступлением, которое мы простить не хотели и не могли»²⁰⁸.

Но, к чести «Народной воли», примеров отступничества в ее рядах даже в трудные 1883—90-е гг. было, как мы видели, все-таки немного. Как правило, народовольцы погибали, оставаясь верными революционному знамени. Поэтому партия заботливо собирала все возможные сведения о своих судебных процессах и старалась, как и в былые годы, использовать их в агитационных целях. На страницах центрального органа «Народной воли», листов приложений к нему — «Вестника» и «Календаря» — по-прежнему печатались обзоры процессов («14-ти», «12-ти») или краткая информация о них («23-х», О. И. Нагорного, П. С. Поливанова и М. Э. Новицкого, А. И. Богдановича, М. В. Калужной, И. Л. Манучарова, В. Г. Лазарева и др.), обвинительные акты по некоторым делам («17-ти», «14-ти», «12-ти», Е. А. Дубровина), речи подсудимых (В. Н. Фигнер, М. П. Шебалина), биографии и некрологи казненных (К. Г. Неустроева, С. А. Лисянского). Такие материалы, с одной стороны, разоблачали келейность царского суда («гиены и вампиры выбирают для себя мрак и безмолвие ночи») и его беззаконие (о Л. А. Волкенштейн: «За что, с какой медной совестью можно было сказать, что эта последняя должна отправиться на виселицу?») ²⁰⁹. С другой стороны, они возвеличивали жертвы царизма («Просто любишь себя поведением подсудимых!» — восклицал Л. А. Тихомиров по адресу героев процесса «12-ти») ²¹⁰, звали к отмщению за погибших и к подвигу.

В этом отношении более действенными (в силу большей своей оперативности), чем материалы периодических изданий «Народной воли», были ее прокламации об отдельных процессах. Например, прокламация с текстом речей М. Ф. Грачевского, П. А. Теллалова и Я. В. Стефа-

---

²⁰⁸ Кон Ф. Я. За 50 лет, т. 1, с. 300.

²⁰⁹ Тихомиров Л. Памяти честно погибших. — Вестник «Народной воли», 1885, № 4, с. 101—118.

²¹⁰ Тихомиров Л. Киевский процесс. — Вестник «Народной воли», 1886, № 5, с. 42.

новича на процессе «17-ти»²¹¹ имела хождение от Петербурга до Перми²¹². Листовка по поводу казни К. Г. Неустроева с призывом к «братьям-сибирякам» стать «истинными преемниками» Неустроева и других «проповедников свободы, равенства и братства» попала даже за границу²¹³. Видимо, народовольцы выпускали и распространяли прокламации о многих (крупных, по крайней мере) своих процессах. Известно, что с делом «14-ти» они знакомили Петербург «посредством гектографа»²¹⁴, а в Одессе напечатали и разбросали по городу в десятках экземпляров две прокламации по случаю казни жертв этого дела Н. М. Рогачева и А. П. Штротенберга²¹⁵. После казни первомайцев 1887 г. «Народная воля» тоже выпустила в Петербурге две прокламации, прославлявшие подвиг казненных: «Мы скажем всем: преклонитесь перед этими виселицами — это современная Голгофа России!»²¹⁶. В ответ на Якутскую трагедию народовольцы размножили (от руки, на гектографе и типографским способом) и распространяли не только в России, но и за границей больше десятка прокламаций²¹⁷.

Некоторые весьма сочувственные к «Народной воле» материалы о политических процессах в России информационного (иногда даже агитационного) характера печатали до конца 80-х годов и органы русской политической эмиграции: «Общее дело» (о процессах 1 марта 1887 г. и «21-го»), «Свободная Россия» (о судебной речи Александра Ульянова), «Самоуправление» (о процессе «15-ти»).

В целом, однако, с 1883 г.²¹⁸ «Народная воля» мень-

---

²¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 437 (гектограф).

²¹² Рабинович Я. Б. Пермские «декабристы». Пермь, 1966, с. 70.

²¹³ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 79, л. 1.

²¹⁴ Попов И. И. Минувшее и пережитое. М., 1933, с. 183.

²¹⁵ Две прокламации. — Пути революции, Харьков, 1926, № 2—3, с. 37.

²¹⁶ «Студенческий союз» и казни 8 мая 1887 г./Сообщил С. Н. Валк. — Красный архив, 1927, т. 2, с. 228.

²¹⁷ Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г. и подпольная печать. — Каторга и ссылка, 1929, № 3.

²¹⁸ Публиковавшийся в «Календаре» и Вестнике «Народной воли» перечень судебных процессов кончается именно 1883 годом.

ше знала и хуже использовала материалы своих процессов. Не говоря уж о том, что до процесса первомартовцев 1881 г. царизм сам «помогал» ей в этом, позволяя печатать стенографические отчеты, ее собственные источники и средства информации по мере упадка партии сокращались: с 1886 г. перестали выходить все ее периодические издания. В народовольческих откликах на судебные и прочие карательные акты царизма 1883—90-х гг. становится заметным мотив обреченности, который наиболее отчетливо выразила упомянутая прокламация по поводу казни 8 мая 1887 г.: «У нас красный террор красен больше от собственной крови»²¹⁹.

Революционные заявления и призывы, с которыми народовольцы выступали как непосредственно на судебных процессах, так и по поводу их, после 1882 г. все с большей очевидностью приобретали двоякое значение. С одной стороны, они по-прежнему будили в современниках настроения протеста против царского деспотизма, стремление к борьбе, готовность на подвиг, продолжая тем самым революционную традицию прошлого, обеспечивая непрерывность этой традиции. Все это оказывало благотворное, вдохновляющее влияние на лучшую часть русского общества, причем ореол мученичества придавал особую притягательную силу в глазах современников выступлениям народовольцев именно со скамьи подсудимых. С другой стороны, агитация «Народной воли» и дезориентировала революционные силы, поскольку она звала борцов под знамя партии, которая уже сходила со сцены, полностью исчерпав себя и уступая место другой партии, качественно отличной от нее как по своей классовой природе, так и по идеологии. По мере того, как росло массовое рабочее движение и зарождалась социал-демократия, упорствовать в народничестве становилось год от году все более бесплодно и вредно, тем паче что оно не только устаревало, но и к тому же «расплывалось в либерализме»²²⁰.

Эта, вторая сторона дела особо касалась рабочих-народовольцев. Беззаветные революционеры, представители класса, который неуклонно выдвигался на роль

---

²¹⁹ Красный архив, 1927, т. 2, с. 228.

²²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 77.

гегемона революции, они действовали в рядах партии, отрицавшей за ними эту роль, и оказывались таким образом в трагическом разладе со своим собственным предназначением.

Была у политических процессов «Народной воли» 1883—90-х годов и третья сторона. Все они подтверждали в глазах карателей старую истину, что главным, наиболее опасным врагом царизма являются народовольцы, причем каратели долго не замечали, как эта истина обращается в иллюзию. Сосредоточив внимание на борьбе с народовольцами, с их террористическими умыслами, царизм тогда явно недооценивал социал-демократическую пропаганду и агитацию. В народовольце, если даже он был пропагандистом или агитатором, усматривался обычно потенциальный террорист, заслуживающий скамьи подсудимых с возможно более тяжким приговором. Социал-демократов же, среди которых террористов вообще не было, каратели считали куда менее опасными, преследовали их вполсилы и наказывали умеренно. В результате, как свидетельствовал об этом М. С. Ольминский, революционная пропаганда и агитация стала требовать неизмеримо меньших жертв: «За что раньше платили десятками лет каторги и даже жизнью, за то с 80-х годов стали расплачиваться немногими годами ссылки»²²¹. Таким образом, народовольцы, как бы принимая огонь на себя, отвлекали внимание царских карателей от социал-демократического подполья и невольно доставляли тем самым русской социал-демократии возможность развиваться в условиях, более благоприятных, чем те, в которых действовала «Народная воля».

Напомню читателю, что политические процессы в России XIX в. прекратились к 1895 г. Вместе с ними ушел в прошлое разночинский этап русского освободительного движения. Именно с 1895 г. начался, согласно ленинской периодизации, новый, пролетарский этап.

Следует, однако, подчеркнуть, что до середины 90-х годов, пока социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, по выражению В. И. Ленина, «процесс утробного развития»²²², полного размеже-

---

²²¹ Ольминский М. С. Из прошлого М., 1919, с. 75.

²²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

вания между народниками и марксистами внутри русского революционного лагеря не было: с одной стороны, народовольцы испытывали на себе влияние марксизма (пример — группа А. И. Ульянова), с другой — марксисты еще не освободились от влияния народничества, о чем свидетельствуют программы и группы Д. Н. Благоева и даже «Освобождения труда». Лица, тяготевшие к социал-демократии и сами считавшие себя социал-демократами, уживались тогда с народовольцами в составе одних и тех же организаций, идеология которых имела тенденцию сочетать народничество с марксизмом (О. М. Говорухин и И. Д. Лукашевич в группе Александра Ульянова, И. А. Гурвич в минской организации «Народной воли», Л. И. Аксельрод-Ортодокс в виленском кружке народовольцев, Н. Н. Шелгунов, М. А. Брагинский, А. М. Редько в народовольческой военной организации 1884—1886 гг.).

В таких условиях, обозначивших собой своеобразный переходный этап от народничества к марксизму, первые русские социал-демократы, бесспорно, находились под обаянием героики «Народной воли», «многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы»²²³. Но неудачи «Народной воли» при всех ее образцах героизма и самопожертвования и титаническом, сверхчеловеческом напряжении сил (что лучше всего обнаруживалось в годы упадка народничества именно на ее судьбных процессах) убеждали начинающих революционеров в исторической несостоятельности ее пути и склоняли их к тому выводу, который сделал после казни брата 17-летний В. И. Ленин: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»²²⁴.

Сами народовольцы, все более разочаровываясь из-за тех же неудач в целесообразности народничества, искали другой путь борьбы и, если они были истинными революционерами, отличались политической зоркостью, имели до ареста возможность и время для переосмысления действительности, то под воздействием нараставшего рабочего движения и с помощью трудов Маркса, Энгельса, Плеханова, а затем и Ленина, находили такой путь.

---

²²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

²²⁴ Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1960, с. 9.

Правда, делалось это (за редкими исключениями) лишь с середины 90-х годов, когда, с одной стороны, неотвратимо расплывалось в либерализме народничество, а с другой стороны, вышла из «утробного» состояния «на свет божий, как общественное движение... как политическая партия»²²⁵ социал-демократия.

Не единицы, а десятки народовольцев преодолевали в 90-е годы ограниченность своего традиционного крестьянского мирозерцания и переходили на позиции пролетариата, становились социал-демократами. Видными деятелями большевистской партии стали, например, такие народовольцы, как И. Ф. Дубровинский, В. К. Курнатовский, М. С. Ольминский, В. Л. Шанцер (Марат), П. И. Стучка, В. З. Кецховели, П. Н. Лепешинский, С. И. Мицкевич, О. А. Варенцова, Л. М. Книпович, А. Н. Винокуров, А. М. Лежава, Н. Л. Мещеряков, А. С. Шаповалов, А. П. Склярско, М. П. Голубева, А. С. Ведерников, П. Ф. Куделли, А. А. Богданов. Этот перечень можно умножить, назвав имена менее известных большевиков, тоже бывших когда-то народовольцами: В. П. Арцыбушев, Б. И. Рейнштейн, К. М. Терешкович, С. И. Мартыновский, П. И. Кларк, С. А. Басов, А. В. Трофимов, А. А. Шухт, В. И. Слепян, А. А. Макаренко, М. Н. Винокур, А. В. Гертопан, Н. М. Флеров, И. С. Вегер, А. А. Беляков, П. Ф. Кудрявцев, А. Г. Болдырева, В. А. Вегман, М. А. Брагинский, В. И. Левиаш-Левит, Л. П. Лойко, А. Л. Катанская, И. А. Давыдов (Борисов), А. З. Рабинович, Г. Н. Лукьянов, П. К. Пешекеров, П. В. Благовещенский, Н. И. Кочурихин (Мелков), Л. А. Воскресенская, А. И. Александрин, С. Е. Кузин, А. И. Орлов (последние трое погибли от рук белогвардейцев, защищая Советскую власть)²²⁶.

Конечно, от общего числа народовольцев 80—90-х годов перешла в лагерь социал-демократии очень малая

---

²²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 180

²²⁶ Влиятельными социал-демократами, но меньшевиками стали также бывшие народовольцы Ю. О. Мартов, Е. А. Гурвич, Л. И. Аксельрод-Ортодокс, Б. А. Гинзбург («Кольцов»), Е. М. Александрова, И. С. Блюмфельд, А. С. Мартынов (в 1923 г. принят в РКП(б)). Сведения о народовольческом прошлом всех перечисленных лиц см. в их опубликованных биографиях и автобиографиях, а также в биографическом справочнике «Полигическая каторга и ссылка» (М., 1934).

часть. Большинство их погибало на виселице, в тюрьмах, на каторге и в ссылке или же, уцелев после репрессий, отходило от революционной борьбы. Что же касается тех народовольцев, которые выжили и сохранили революционные убеждения, то большей частью они примыкали к партии эсеров, ибо она и по своей классовой природе, и по содержанию идеологии и тактики была гораздо ближе к «Народной воле», чем социал-демократия.

Тем не менее, относительно частые в 90-е годы переходы в социал-демократический лагерь бывших народовольцев многозначительны. В оценке *перспектив русской революции* преемственность между народовольцами и эсерами была формальной, исторически не оправданной, поскольку эсеры цеплялись за старые народовольческие средства борьбы (террор главным образом) в условиях, качественно изменившихся и противоположенных народовольчеству. В результате после величественной трагедии «Народной воли» эсеры представили на сцене русской истории смешной фарс²²⁷. По существу, истинными преемниками «Народной воли» в русском освободительном движении явились социал-демократы, большевики. Они, во-первых, унаследовали генеральную цель «Народной воли» — свержение самодержавия («...социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли», — указывал в 1899 г. В. И. Ленин²²⁸), а, во-вторых, и это главное, отыскивали в новых условиях новый и единственно верный путь к достижению этой цели — путь массового рабочего движения.

* * *

С середины 1882 г. реакция в России перешла в решительное открытое наступление. Начался период временного (весьма затянувшегося) спада революционной борьбы: «Народная воля» гибла под ударами царизма, народничество в целом расплывалось в либерализме, а социал-демократия пребывала еще в зародышевом состоянии.

---

²²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 173.

²²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.

В такой обстановке царизм, как никогда ранее, усиливает карательное начало в своей внутренней политике, норовя отомстить революционному лагерю за политические издержки 1879—1881 гг. и уничтожить его. Еще более мстительный, чем прежде, характер обрели и судебные процессы над революционерами. Чтобы максимально сблизить их с административной расправой, царизм свел весь процессуальный ритуал судопроизводства (прения сторон, допрос свидетелей, вещественные доказательства) к фикции, потребной лишь для прикрытия юридического беззакония.

Судились на политических процессах в России 1883—90-х гг. почти исключительно народовольцы (без них прошли в те годы только 15 дел из 62). Как правило, вели они себя перед судом, подобно героям процессов 1880—1882 гг., мужественно, выказывая революционную убежденность, силу и величие духа. Но в условиях прогрессирующего упадка народничества, с одной стороны, и контрреформы суда, с другой, их поведение становится менее активным: реже слышатся со скамьи подсудимых программные революционные речи, меньше чувствуется в них былого революционного оптимизма, зато более заметны мотивы жертвенности и обреченности. Частым становится особый тип политического дела, когда народовольцы, уже осужденные на каторгу или в ссылку, протестуют против безысходного ссыльно-каторжного режима каким-нибудь актом отчаяния (убивают или «оскорбляют действием» начальство, жертвуют собой), не находя других путей для протеста и борьбы.

Больше стало среди народовольцев на судебных процессах, в заключении и вообще случаев малодушия, отступничества, предательства. После того как была исчерпана вторая революционная ситуация (*и только после этого*), можно было понять, что исчерпаны и революционные возможности народничества. Иные народники (Г. В. Плеханов и его товарищи) тогда же это и поняли. Подавляющее же большинство самих народников, а также их прогрессивно настроенных современников сохраняли надежды (утрачивая их постепенно) на возрождение былой силы и славы «Народной воли». Действительно, «Народная воля» почти до середины 90-х годов оставалась центром и преобладающим знаменем

русского революционного движения, но уже не столько за счет настоящего, сколько за счет традиций и ореола прошлого.

Тем временем в недрах русского революционного лагеря рождалось и (отчасти благодаря тому, что карательная мощь царизма была сосредоточена на борьбе с «Народной волей») крепло социал-демократическое течение. Ослабевший практически революционный лагерь набирался сил для новой борьбы. «Именно в эту эпоху, — писал В. И. Ленин об «эпохе Александра III», — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания»²²⁹.

Социал-демократия в ту эпоху миновала горнило царского суда. Ни один социал-демократ²³⁰ на скамье подсудимых до конца XIX в. не побывал. Но и материалы народнических процессов социал-демократы использовали как орудие революционной агитации, — особенно, политическую, антисамодержавную заостренность выступлений народолюбцев перед царским судом. Чуть ли не самый яркий в этом отношении пример — опубликованное в 1892 г. послесловие Г. В. Плеханова к обвинительному акту по делу Софьи Гинсбург. «Появление в печати обвинительного акта по ее делу теперь, когда трагедия ее благородной жизни уже окончена²³¹, — писал Плеханов, — может послужить лишь новым упреком той шайке, которая, к стыду всей Европы конца XIX столетия, держит в своих руках судьбы России». Указав далее на юридическое беззаконие дела Гинсбург, Плеханов заключал: «Мы спрашиваем беспристрастных людей: неужели же не пора покончить с этим архаическим правительством, способным нарушать самые святыя права граждан ради интересов царской семьи? Неужели же не пора ополчиться на него всем тем, кому дорога, не говорим уже будущность страны, а просто своя собственная безопасность?»²³².

---

²²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 331.

²³⁰ Кроме Л. Г. Дейча, который в 1884 г. был осужден за участие в народническом движении.

²³¹ С. М. Гинсбург покончила с собой в Шлиссельбургской крепости 7 января 1891 г.

²³² Плеханов Г. В. Соч., т. 24, с. 314—315.

Итак, революционное движение, хотя и вынужденное отступать перед тотальным натиском реакции, не затухло. Судебные же процессы над революционерами играли агитационную роль. В результате, царизм вынужден был признать даже контрреформированный суд бесплодным и опасным для правительства карательным средством и с 1895 г., после четвертьвековой непрерывной оргии политических процессов, надолго²³³ вообще отказался от суда как орудия расправы с революционерами, положившись исключительно на административные репрессии.

---

²³³ В XIX в. политических процессов в России больше не было. Они возобновились уже в новом столетии, в преддверии революции 1905 г., после того как царизм убедился, что и административная расправа не дает желаемых результатов, да еще к тому же компрометирует правительство перед общественным мнением страны, Европы и мира.

Судебные процессы «Народной воли» и русское общество

П

онятие «общество» в царской России было весьма условным, поскольку оно включало в себя принципиально разные слои населения от корифеев национальной культуры до узковзглядных обывателей. Сами народолюбцы в многочисленных обращениях к обществу за поддержкой¹ меньше всего имели в виду его обывательскую часть, а разумели под ним главным образом активную интеллигенцию, ибо только она (в особенности, литераторы, журналисты, адвокаты) могла создавать в стране общественное мнение, с которым царизм хоть как-то считался. «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес — кто по дрова, — писал о нем Ф. М. Достоевский, — но его кое-где боятся, стало быть оно своего рода сила, а стало быть и годиться может...»².

После реформы 1861 г. интеллигенция в России по социальному составу с каждым десятилетием становилась все более разночинной и, следовательно, демократической. Возник особый слой земской интеллигенции (к началу 80-х годов — примерно 21 тыс. человек)³. Разночинная интеллигенция преимущественно занимала радикальные позиции, но у нее имелись и либеральное, и консервативное крылья. Не изолировалась она и от влияния реакционной дворянско-помещичьей интеллиген-

¹ Кроме известных в литературе (например, «От мертвых к живым», 1882), много таких народолюбческих прокламаций остается в архивах: ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1 ч. 2, д. 8101, 12784, 12785, 13159, 16660; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 420, 443, 469, 477, 525, 528 и др.

² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб., 1883, с. 356.

³ Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII—XIX вв. Рязань, 1974, с. 94.

ции. В 1903 г. В. И. Ленин различал в русской интеллигенции шесть групп: реакционеры, равнодушные, культурники (т. е. сторонники легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия), либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы⁴. В 1880-х годах налицо были первые пять групп, а шестая только начала складываться.

В целом интеллигентское «общественное мнение» 80-х годов действительно было, как определил его Ф. М. Достоевский, «дрянным» и разнობойным. Таким его делало самодержавие, влуждание живого и печатного слова или, как тактично выразились авторы либеральной записки 1880 г. «О внутреннем состоянии России», «отсутствие способов для правильного и свободного выражения недовольства», отчего русскому обществу «остается или молчать, или лицемерить, или, наконец, выражаться языком иносказательным»⁵.

Кроме правительственной узды, довлела над русским общественным мнением еще и травля со стороны охранительной прессы (М. Н. Катков, В. П. Мещерский, Ф. А. Гиляров, П. П. Цитович), которая нагнетала вокруг политических процессов атмосферу холуйства перед правительством и озлобления против революционеров, напоминая тоном своих статей «рев разъяренного прокеса, махающего своим томагавком направо и налево»⁶. Больше всех преуспевал здесь, конечно, Катков с его (как выразился однажды Н. А. Некрасов) «похотью истребления». Он не уставал бранить процессуальное «миндальничанье» судей, когда «скамья подсудимых обращается в трибуцу, с которой льются возмутительные речи», требовал такой жестокости к подсудимым, «чтобы смерть их принизила, а не возгордила их единомышленников», и даже так ставил вопрос, что в борьбе с «крамолой» «весь этот парад» (суд то есть) попросту ни к чему⁷. Главное же, он старался отвлечь от подсуди-

---

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

⁵ Муромцев С. А. Статьи и речи. М., 1910, вып. 5, с. 13, 14.

⁶ Градовский А. Д. О свободе русской печати. Спб., 1905, с. 77.

⁷ Московские ведомости, 1879, 29 нояб.; 1880, 6, 14 нояб.; 1881, 26, 28, 30 марта (передовые статьи); W. Петербургские письма. — Там же, 1881, 11 апреля.

мых революционеров симпатии общества, уверяя своих читателей, что революционеры только кажутся мужественными, на деле же это и не мужество вовсе, «просто собачья дрессировка»⁸.

В таких условиях, естественно, вся легальная печать, которая была левее «Московских ведомостей» Каткова, осторожничала в откликах на судебные процессы народовольцев. Либеральный публицист Г. К. Градовский, отмечая в 1881 г., что «политические процессы прошлого года (а их было в тот год больше, чем когда-либо раньше и позже, вплоть до 1902 г.—*Н. Т.*) вызвали очень недостаточное внимание и остались почти вне обсуждения в журналистике», объяснял это резонной опасливостью журналистов, ибо «малейшая попытка к исследованию причин явлений приравнивалась к сообщничеству, к подстрекательству или, по меньшей мере, к оправданию зла»⁹.

Большей частью подцензурная пресса ограничивалась публикацией официальных отчетов о процессах (на видных местах из номера в номер, иногда, — если процессы затягивались — неделями и месяцами кряду). Эти стенографические отчеты, пока их разрешалось печатать (т. е. в течение 1871—1881 гг., начиная с процесса нечаевцев и кончая процессом первомайцев), главным образом и знакомили общество с идеологией революционного движения, его силами и средствами, а также с людьми его, деятелями. Но и после 1881 г. народовольческие процессы служили для общества важным источником информации о революционном движении, благодаря тому, что народовольцы печатали или гектографировали материалы процессов и распространяли их, наряду с важнейшими документами партии. Среди вещественных доказательств по делам министерства юстиции за 80-е годы, изымавшихся при обысках и арестах у литераторов, учителей, врачей, адвокатов, офицеров и пр., встречаются и брошюры об отдельных процессах (например, «Процесс 16-ти» П. Ф. Алисова, «Памяти честно погибших» — по поводу процесса «14-ти» — Л. А. Ти-

---

⁸ Там же, 1882, 23 марта (передовая статья «А»).

⁹ Градовский Г. К. Жизнь и закон (по поводу процесса «16-ти»). — Журнал гражданского и уголовного права, 1881, № 1, с. 180, 182.

хомирова), и нелегальные отчеты (о процессах «20-ти», «17-ти», «21-го»), тексты речей подсудимых (А. И. Желябова, А. А. Квятковского, В. Н. Фигнер, Н. Е. Суханова, М. Ф. Грачевского и др.) и адвокатов (П. А. Александрова, В. Д. Спасовича, Е. И. Кедрина, С. С. Соколова), вырезки и выписки из иностранных газет с откликами на процессы¹⁰.

Итак, фактические сведения о процессах русское общество черпало из официальных, подцензурных, или нелегальных отчетов. Комментарий же по поводу процессов — с начала 70-х¹¹ и до начала 90-х годов — оно печатало трояким образом. Во-первых, отдельные издания отваживались комментировать тот или иной процесс, хотя бы и в духе, не угодном правительству, *прямо*. Так, «Журнал гражданского и уголовного права» в специальной статье по поводу процесса «16-ти» рискнул высказать мысль о неистребимости революционной борьбы при существующих условиях: хотя полиция «была наделена такими средствами, которые, казалось бы, и ребенка могли сделать Голиафом», она не сумела взять верх над «крамолой»; более того, как показывает процесс «16-ти», силы и энергия революционеров в ответ на гонения растут. Журнал подводил читателей к выводу о том, что правительство даже в интересах самосохранения должно полагаться не на одно насилие («правило «клин клином вышибай» не годится»), а, кроме того, и на уступки оппозиции¹².

Газета «Молва», уже получившая в 1880 г. предостережение за фельетон, где констатировалась бедность легальных откликов на политические процессы, ибо, мол, под цензурой «искреннее слово молчит», 10 декабря того же года опубликовала анонимную статью под названием «Судебная гвардия» — памфлет против царской прокуратуры. Автор клеймил «разнузданность прокуратуры», «не раз вдохновлявшейся самыми изуверскими статьями «Московских ведомостей», ее «бесцеремонное

---

¹⁰ Сотни вещественных доказательств этого рода хранятся в особом фонде ЦГИА СССР (ф. 1410, оп. 1).

¹¹ Об откликах русского общества на политические процессы 70-х годов см. в кн.: Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (Саратов, 1976, гл. 4, § 1—4).

¹² Градовский Г. К. Указ. соч., с. 185—198.

отношение к личности и свободе» по принципу «побольше розыска, улова и хватания». За эту статью газета «Молва» была закрыта¹³. В марте 1881 г. пошли под суд автор передовой статьи «Санкт-Петербургских ведомостей» от 10 марта и редактор этой газеты за попытку доказать, что правительство злоупотребляет репрессиями, ради «прикрытия своего бессилия»¹⁴. Только за год министерства Н. П. Игнатьева царизм подвергнул печать не менее чем 50-ти взысканиям¹⁵, ограждая таким образом «белый террор» правительства от критики со стороны общественного мнения.

Угроза репрессий вынуждала легальную печать отказываться от прямого обсуждения политических процессов и прибегать к способу *иносказаний*, вроде фельетона в газете «Порядок» по поводу государственного процесса в Турции об убийстве султана Абдул-Азиза. Фельетон, названный «За границей» и подписанный инициалами «В. К.», появился на первой странице «Порядка» через три месяца после суда над русскими царевубийцами. Он впечатлял злободневной преамбулой, относящейся будто бы к турецким делам: «Нет ничего почтеннее юстиции, когда она независима. Нет ничего недостойнее юстиции прислуживающейся, готовой... постановить тот или иной приговор по тайному внушению, предписанному со стороны и обещающему судьям в отдаленной или близкой, но, во всяком случае, приятной перспективе вещественные знаки невещественных отношений»¹⁶.

Третьим способом печатных откликов русского общества на политические гонения в России были претензии к правительству, которые удавалось опубликовать *за границей*. Авторы записки «О внутреннем состоянии России» (С. А. Муромцев, А. И. Чупров, В. Ю. Скалон) осудили «мертвую тайну политического процесса в противоположность гласности общего судопроизводства», как «язву, которая в самом корне разрушает в обществе чувство законности», и требовали: «Независимость суда, предосторожности при обысках и арестах, ответственность за неправильное лишение свободы, наказание, на-

---

¹³ ИРЛИ РО, ф. 559, д. 24, л. 90; д. 25, л. 77—78.

¹⁴ Правительственный вестник, 1881, 11(23) марта.

¹⁵ Градовский Г. К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908, с. 92.

¹⁶ Порядок, 1881, 25 июня (7 июля).

лагаемое не иначе, как по соблюдении всех формальностей гласного и состязательного судопроизводства,— вот необходимые условия существования современного общества. Ни с какими административными ограничениями суда оно не может примириться»¹⁷.

Еще более резко осуждала «белый террор» царизма и прямо оправдывала революционное движение автор известного письма к Александру III М. К. Цебрикова — одна из первых и самая выдающаяся в XIX в. русская женщина-публицистка: «Там, где гибнут тысячами жертвы произвола, где народ безнаказанно грабится и засекается, там жгучее чувство жалости будет всегда поднимать мстителей», «вся система гонит в стан недовольных, в пропаганду революции даже тех, кому противны кровь и насилие»¹⁸. Цебрикова напечатала свое письмо в 1889 г. в Женеве, привезла его в Петербург и успела разослать по всем редакциям, а также наследнику престола и самому царю, пока не была арестована. Царь распорядился сослать «старую дуру» на Север, в Вологодскую губернию. «От Л. Толстого я слышала, что Александр III очень хотел засадить меня в монастырь, — вспоминала потом Цебрикова, — но комиссия, судившая дело, нашла неудобным»¹⁹.

Против карательного террора 80-х годов выступали и авторы ряда других брошюр, написанных с умеренно-либеральных позиций и опубликованных за границей: Г. А. де-Воллан, А. И. Кошелев, В. Ю. Скалон²⁰. Все эти выступления — одни в большей, другие в меньшей степени — создавали вокруг политических процессов антиправительственное общественное мнение. Но все-таки пресса занимала в откликах на процессы не веду-

---

¹⁷ Муромцев С. А. Статьи и речи, вып. 5, с. 24—25. Цитируется легальное издание записки, разрешенное только в 1910 г. Впервые записка была опубликована за границей: В первые дни министерства гр. М. Т. Лорис-Меликова. Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г. Berlin, 1881.

¹⁸ Цебрикова М. К. Письмо к Александру III. Спб., 1906, с. 28, 30.

¹⁹ Могилянский А. П. Новые данные о М. К. Цебриковой. — Русская литература, 1971, № 1, с. 106.

²⁰ Де-Воллан Г. А. Свободное слово о современном положении России. Berlin, 1881; Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881; [Скалон В. Ю.]. Мнения земских собраний о современном положении России. Berlin, 1883.

щее место. Гораздо значительнее были другие, особенно *массовые*, отклики — не только обращения к властям, высказывания и ходатайства за подсудимых со стороны отдельных (пусть даже весьма авторитетных) лиц, но и широкие толки, волнения, даже демонстрации.

Интерес к народовольческим процессам был огромным у всех слоев общества, хотя выражался по-разному. Обыватели увлекались сенсационностью процессов, предпочитая отчетам о них сплетни. В политическом отношении они далеко не все превосходили Феклушу из «Грозы» А. Н. Островского, представляя себе, на ее лад, «нигилистов» вроде «нехристей» из тех стран, «где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят: в одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский, и суд творят они надо всеми людьми, и что ни судят, все неправильно; у нас закон праведный, а у них — неправедный...»²¹. Ради того, чтобы пощекотать себе нервы, обыватели просачивались сквозь избранную публику даже на полузакрытые судебные заседания и толпами стекались на публичные казни. На казнь И. О. Млодецкого собралось, по свидетельству очевидца, Ф. М. Достоевского, до 50 тысяч человек²², а казнь первомайцев созерцали 100 тысяч зевак²³. Часть этой публики проявляла болезненный интерес к самым жестоким подробностям, а иные в заключение «зрелища» норовили заpastись на эшафоте каким-нибудь сувениром, вроде куска веревки с шеи «висельника»²⁴.

Поразительно, что садистским инстинктам такой публики потворствовала и печать — даже не самая реакционная. Драматург и критик с репутацией, вовсе не одиозной, Д. В. Аверкиев буквально смаковал в газете «Новое время» жуткие подробности казни первомайцев. Рассказав о том, как злорадствовал какой-то городской над повешенным («А, задрогал ногами? Дрыгай, дрыгай, в другой раз не станешь такого делать!»), он пы-

---

²¹ Островский А. Н. Полн. собр. соч., М., 1950, т. 2, с. 227.

²² См.: Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым. — Русское прошлое, 1923, № 3, с. 103.

²³ 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 251.

²⁴ Голос, 1881, 4(16) апреля, с. 2.

тался уверить читателей: «И мы все, наверное, чувствовали именно нечто подобное»²⁵.

Люди мыслящие, интеллигентные, хотя бы и умеренных взглядов, в подавляющем большинстве возмущались палаческими эмоциями обывателей (в частности, и «подлейшей статьей подлеца Аверкиева»²⁶). Проявляя жгучий интерес к народофильским процессам (отчеты о них, по выражению современника, «читались всеми взасос»²⁷), они выражали, если и не солидарность с обвиняемыми, не симпатии к ним, то, по крайней мере, сострадание. Наиболее показателен в этом смысле процесс 1 марта 1881 г. — именно тот, который реакция особенно старалась использовать для разжигания «всенародного гнева» против революционных «нехристей».

Как ни зазорно и опасно было выказывать какое-либо доброе чувство к цареубийцам, русская интеллигенция вступилась за них перед новым царем как за «христиан» и добивалась их помилования. Л. Н. Толстой еще до суда над ними, между 8 и 15 марта 1881 г., написал известное письмо на имя Александра III и послал его своему другу Н. Н. Страхову с просьбой передать через К. П. Победоносцева в руки царю. «Революционеры могли — хотя несправедливо — осуждать его (Александра II. — Н. Т.) за гибель десятков своих, — внушал Толстой Александру III. — Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови...» Писатель убеждал царя в бесплодности репрессий против революционеров: «Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, к[оторый] бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал». В качестве такого идеала Толстой предлагал самодержцу «идеал любви, прощения и воздаяния

---

²⁵ Аверкиев Д. Казнь пяти преступников. — Новое время, 1881, 4(16) апреля, с. 2.

²⁶ Южин-Сумбатов А. И. Воспоминания. Записки. Статьи. Письма. М., 1951, с. 35. О том же см.: Градовский Г. К. Итоги, с. 85.

²⁷ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. Берлин, 1923, с. 15.

добра за зло», считая возможным, чтобы Александр III «позвал этих людей (первомартовцев. — Н. Т.), дал им денег и усрал их куда-нибудь в Америку»²⁸.

Победоносцев отказался передать царю такое письмо, написав Толстому: «Не взыщите... Наш Христос — не ваш Христос»²⁹. Правда, Страхов добился передачи письма через профессора К. Н. Бестужева-Рюмина и великого князя Сергея Александровича, но никаких последствий оно не имело: царь не собирался миловать убийц своего отца, хотя и не рискнул спровадить в «места отдаленные» их великого заступника.

Вслед за Толстым еще более смелую попытку спасти первомартовцев от казни предпринял видный философ-идеалист, бывший тогда профессором Петербургского университета, В. С. Соловьев (сын историка С. М. Соловьева). Надо заметить, что роль государства Соловьев понимал совершенно иначе, чем Толстой. Толстовскому тезису «государство есть организованный разбой»³⁰ Соловьев прогивопоставлял тезис «государство — организованная жалость»³¹. Может быть, такое представление о государстве, позволявшее надеяться на успех любой *христианской* апелляции к нему, и придавало Соловьеву смелость в его попытке вступить за цареубийц. Толстому решиться на такую попытку было труднее, поскольку он не верил в человеколюбие государства и мог уповать на царя лишь как на частное лицо.

Как бы то ни было, 28 марта в зале Кредитного общества перед аудиторией более чем в 1000 человек Соловьев выступил с публичной лекцией на тему «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса», в заключение которой потребовал амнистии для царе-

---

²⁸ Цитируется черновик письма (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, т. 63, с. 50—52). Окончательная его редакция до сих пор не разыскана. «Первое письмо [было] гораздо лучше, — вспоминал Толстой в 1906 г. — Потом я стал переделывать, и стало холоднее». Генерал В. Н. Бестужев-Рюмин, которому писатель показал «последнюю версию» письма перед отсылкой ее царю, «деловитым тоном объявил, что за такое письмо — «места отдаленные» (там же, т. 75, с. 114).

²⁹ Там же, т. 63, с. 59.

³⁰ Толстой Л. Н. Единое на потребу. О государственной власти. Полн. собр. соч., т. 36.

³¹ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1899, с. 550—552.

убийц. «Сегодня судятся и верно будут осуждены на смерть убийцы 1 марта,—говорил он.—Царь может простить их. И если он действительно вождь народа русского, если он, как и народ, не признаёт двух правд, если он признает правду божью за правду, а правда божья говорит «не убий», то он должен простить их. Если еще и можно допустить убийство как частное исключение для самообороны, то холодное и обдуманное убийство безоружного, называемое смертной казнью, претит душе народа. Великая теперь минута самоосуждения и самооправдания! Пусть царь и самодержец заявит на деле, что он прежде всего христианин. Он не может не простить их! Он должен простить их!»³².

Пожалуй, больше, чем выступление самого Соловьева, означила в данном случае реакция на него тысячной, разнородной (преимущественно из столичной интеллигенции) аудитории. Отдельные «вопли остервенения» и угрозы по адресу лектора³³ заглушила овация, которую устроила Соловьеву (видимо, не из одних только христианских побуждений) подавляющая масса слушателей. Молодежь вынесла Соловьева на руках до самой кареты³⁴. Сочувственно откликнулась на выступление Соловьева общественность. «Молодец Соловьев», — похвалил его Лев Толстой³⁵. Текст выступления в списках и гектографированных оттисках ходил по рукам³⁶. Немудрено, что власти всполошились. М. Т. Лорис-Меликов в докладе царю 31 марта признал, что Соловьева следовало бы лишить профессорского звания и выслать из столицы, но «имея в виду, что Соловьев — сын недавно

---

³² ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 352, л. 2 об. (Цитируется по нелегальному списку). Запись лекции, опубликованная П. Е. Щеголевым в № 3 «Былого» за 1906 г., отличается от цитируемой: в частности, там нет двух последних фраз, которые, однако, удостоверены очевидцем Л. З. Слонимским (Былое, 1907, № 3, с. 306—307).

³³ «У самой кафедры, — рассказывал очевидец, — какой-то военный (кажется, генерал) что-то кричал со свирепым видом и угрожающими жестами по направлению к лектору» (Былое, 1907, № 7, с. 322).

³⁴ Письма в редакцию. — Былое, 1907, № 3 (с. 306—307) и № 7 (с. 322); Никифоров Н. Петербургское студенчество и В. С. Соловьев. — Вестник Европы, 1912, № 1, с. 183—184; Гнедич П. П. Книга жизни. Л., 1929, с. 135; Попов И. И. Минувшее и пережитое. М., 1933, с. 94.

³⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 61.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 352, 385.

умершего знаменитого ученого и, по отзыву сведущих лиц, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений», счел возможным ограничиться за-прещением Соловьеву выступать с публичными лекция-ми. Царь согласился с диктатором³⁷.

Возможно, были и другие демарши перед правитель-ством в защиту первомайцев. Во всяком случае, 30 марта К. П. Победоносцев пожаловался царю, что «сегодня пущена в ход мысль» о возможности помилова-ния цареубийц, которая его, Победоносцева, «приводит в ужас». Царь утешил своего наставника, сделав на его письме (с неизменными ошибками в орфографии и пунктуации) следующую «историческую» приписку: «Будь-те покойны с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что все шестеро будут повешены за это я ручаюсь»³⁸.

Казнь первомайцев тоже не обошлась без прояв-лений сочувствия общества к героям и мученикам «На-родной воли». Правда, многотысячные толпы зевак, на-блюдавшие за провозом цареубийц по улицам города к месту казни и за самой казнью, почти сплошь состояли из верноподданных обывателей, разбавленных на вся-кий случай переодетыми жандармскими агентами. Люди, более развитые умственно и нравственно, которым пре-тило зрелище публичного умерщвления себе подобных, без особых причин не хотели идти ни на Семеновский плац, где осужденных казнили, ни на улицы, по которым везли их на казнь (впрочем, те, чьи квартиры оказались на пути скорбной процессии, следили за нею из окон³⁹). Что же касается революционеров, то они, как правило, избегали этого зрелища, не желая «трепать свои нер-вы»⁴⁰. Осужденные по пути к эшафоту и на эшафоте бы-

³⁷ Щеголев П. Е. Событие 1 марта и Владимир Соловьев. — Былое, 1918, № 4—5, с. 335—336.

³⁸ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.—Пг., 1923, т. 1, ч. 1, с. 46—47.

³⁹ Из окон Литейной женской гимназии на Бассейной улице (ны-не ул. Некрасова) смотрели на последний путь первомайцев учившиеся тогда в гимназии Н. К. Крупская, М. Ф. Андреева, доче-ри Ф. М. Достоевского, Я. П. Полонского, В. И. Сергеевича (Альф Н. С. Семья Крупских в Петербурге. Л., 1965, с. 21—22).

⁴⁰ Прибылева-Корба А. П. Народная воля. М., 1926, с. 86. Из народовольцев был на месте казни Н. А. Желваков, кото-рый, как он сам об этом рассказывал, «тогда же на площади дал себе самому клятву умереть, как они умерли» (там же).

ли окружены шпалерами войск. В таких условиях решиться на какое-либо выражение сочувствия к царевубийцам и суметь (просто даже успеть) это сделать, казалось, было немислимо. Но, как это засвидетельствовано очевидцами, находились люди, которые посмели и сумели выразить такое сочувствие.

Уже на пути к месту казни в толпе любопытных, ожидавшей увидеть злодеев с дегенеративными физиономиями и налитыми кровью глазами, «слышались оханья и восклицания: «Какие молодые!», «Какие хорошие лица и такое преступление!» и т. д.»⁴¹. При этом несколько женщин было арестовано за «приветствование Перовской» и «неодобрение казни»⁴². На месте же казни, когда в первый раз сорвался с петли Тимофей Михайлов, толпа, по свидетельству Льва Плансона (который командовал на плацу эскадроном конвоя), «заволновалась, слышались возгласы: «Надобно его помиловать! Простить его нужно!»...», а когда Михайлов сорвался вторично и его стали вешать в третий раз, зрители буквально взбунтовались против казни, представлявшейся им вначале такой интересной. «Невозможно описать, — вспоминал Плансон, — того взрыва негодования, криков протеста и возмущения, брани и проклятий, которыми разразилась заливавшая площадь толпа. Не будь помост с виселицей окружен внушительным нарядом войск... то, вероятно, и от виселицы с помостом, и от палачей и других исполнителей приговора суда в один миг не осталось бы ничего...»⁴³. Даже часть солдат «громко потребовала» помилования Михайлова «и тут же — «налево кругом марш» — была отправлена под арест»⁴⁴. А чья-то 12-летняя девочка, увидевшая приготовления к казни, спрашивала взрослых: «Значит, их убьют? А тем, которые их убьют, ничего не будет?»⁴⁵.

---

⁴¹ Брейтфус А. Л. Из воспоминаний о казни 3 апреля 1881 г. — *Былое*, 1924, № 25, с. 60.

⁴² *Московские ведомости*, 1881, 4 апреля; Плансон Л. Казнь царевубийц. Из личных воспоминаний. — *Исторический вестник*, 1913, № 2, с. 527; Богданович А. В. Три последних самодержца. *Дневник*. М. — Л., 1924, с. 55.

⁴³ *Исторический вестник*, 1913, № 2, с. 532—533.

⁴⁴ Дмитриева В. И. Так было. М.—Л., 1930, с. 204.

⁴⁵ Градовский Г. К. *Итоги*, с. 83.

В общем, казнь цареубийц, вопреки ожиданиям властей, которые все сделали для того, чтобы представить ее перед публикой в свою пользу, произвела впечатление, крайне невыгодное для правительства. «Когда казнь совершилась,— вспоминал Л. Н. Толстой,— я только получил еще большее отвращение к властям и к Алек[сандру] III»⁴⁶. Либеральный юрист, один из главных творцов судебной реформы 1864 г. С. И. Зарудный в самый день казни первоартовцев направил царю письмо с предложением «теперь же и как можно скорее... издать высочайший манифест об окончательной отмене смертной казни в России»⁴⁷. Царизм на это не пошел, но былую надежду на какой-либо выигрыш из публичного ритуала смертных казней отныне и навсегда потерял. В результате, именно казнь 3 апреля 1881 г. оказалась последней в России публичной казнью. 26 мая того же года особым царским указом публичное исполнение смертной казни было отменено. Теперь казнить революционеров предписывалось не на площадях, а тайно, «в пределах тюремной ограды, а при невозможности сего — в ином, указанном полицейским начальством, месте»⁴⁸.

Однако казнь оставалась казнью, будь она явной или тайной. Между тем, почти вся нация роптала против смертной казни вообще⁴⁹. Удушение на виселице негласно, в тюремном застенке, как только оно становилось известным, вызывало в обществе не меньший протест, чем торжественное повешение на площади. Ярчайшей иллюстрацией к этому может служить отклик общественности Иркутска на казнь народовольца К. Г. Неустроева 9 ноября 1883 г. в иркутской тюрьме за пощечину генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Анучину. «Здесьнее общественное мнение сильно возбуждено против генерала Анучина», — телеграфировал 19 ноября в департамент полиции начальник Иркутского ГЖУ⁵⁰. «Анучину просто нельзя было проехать по городу — ему кричали: «Убийца!». Ворота его несколько раз были вы-

---

⁴⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 75, с. 114.

⁴⁷ К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, ч. 1, с. 172.

⁴⁸ ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 95.

⁴⁹ Таганцев Н. С. Смертная казнь. Спб., 1913, с. 104, 142; Минаев Д. Д. Не в бровь, а в глаз Спб.—М., 1883, с. 92.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1883, д. 1264, л. 23.

мазаны кровью», — сообщил № 10 газеты «Народная воля»⁵¹. «Говорили, — вспоминал В. Г. Короленко, — что после казни [Неустроева] в «Сибири» было напечатано известие в отделе хроники, что, дескать, такого-то числа (в день казни) совершено возмутительное убийство невинного человека»⁵². Действительно, такое известие газета «Сибирь» напечатала⁵³. Вконец затравленный Анучин вынужден был уйти в отставку.

Хотя этот случай отразил в себе, как в зеркале, истинное отношение русского общества к смертным казням по политическим делам, способ, которым оно здесь было выражено, мог удаться, конечно, лишь на азиатских задворках империи, подальше от карательного разгула, а не в европейских центрах ее. Петербургское общество не называло вслух убийцей генерала А. С. Костанду, а киевское — генерала М. И. Черткова, когда в Петербурге по росчерку пера Костанды был расстрелян Александр Штромберг за выдуманное и приписанное ему участие в печатании прокламаций, а в Киеве Чертков отправил на виселицу 20-летнего Иосифа Розовского только за то, что тот имел при себе воззвания «Народной воли». Под недреманным оком средоточия царских властей общество и до 1881 г. старалось избегать «недозволенных резкостей» на темы политических процессов, а в условиях губительной реакции после 1881 г. осторожничало еще больше.

К тому же с 1881 г. процессы «государственных преступников» вершились тайно. Легальной печати запрещено было даже касаться их. Поэтому общество имело намного меньше, чем прежде, информации о политических преследованиях и поводах (равно как и возможностей) для того, чтобы выступить против них. Таких откликов на судебные процессы, как демонстрации в дни суда над В. И. Засулич и И. М. Ковальским в 1878 г. или волнения на месте казни В. А. Осинского в 1879 г. и первоапрельцев, после 1881 г. больше не было.

Это не значит, однако, что в 80—90-е годы русское общество перестало возмущаться политическими гонениями и сочувствовать их жертвам. И то, и другое по-прежнему было характерным для общественного мнения,

---

⁵¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 231.

⁵² Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1956, т. 10, с. 586.

⁵³ Сибирь, 1883, 13 ноября, с. 4 (Сибирская хроника).

только стало на время менее явным. Лишь в исключительных случаях общество выступало по примеру 70-х—начала 80-х годов открыто. Так называемая «Ветровская демонстрация» в Петербурге 4 марта 1897 г. с участием до 5 тыс. человек в ответ на гибель М. Ф. Ветровой, доведенной царскими тюремщиками до самоожжения, заставила говорить о себе всю Россию, вызвала такие же демонстрации в Москве и Киеве⁵⁴. Обычно же после 1881 г. общество ограничивалось антиправительственными толками вокруг политических преследований и тайной поддержкой революционного подполья (информацией, укрывательством, деньгами).

Почти в каждом номере газеты «Народная воля» и в приложениях к ней печатались длинные списки денежных пожертвований «в помощь революционерам, преследуемым правительством» от доброжелателей из общества за подписями «Полусочувствующий», «Сочувствующий», «Весьма сочувствующая», «Уверовавший», даже «Раскаившийся консерватор», «От покаявшегося жандарма» и пр. Пожертвования были разные — от 1 руб. (а то и меньше) до таких сумм, как 3700, 4500, 6000 руб.⁵⁵ — и складывались в солидный бюджет. Так, с 1-ноября 1881 по 1 февраля 1882 г. в фонд «Народной воли» поступило больше 23 тыс. руб.⁵⁶

В этой связи большой интерес представляет докладная записка агента-осведомителя департамента полиции А. А. Панова (журналиста, сотрудника газеты «Русский курьер») о том, как на литературном обеде в память И. С. Тургенева народоволка С. Е. Усова положила на стол шляпу, и присутствующие (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, С. Я. Надсон, К. М. Станюкович, А. Н. Пыпин, С. А. Муромцев, Г. А. Джаншиев, В. А. Гольцев, А. И. Урусов) «немедленно все вынули кошельки и стали бросать в шляпу деньги. Насколько я мог заметить, — доносит Панов, — самая меньшая сумма, которую бросили в шляпу, была пять

---

⁵⁴ Ростов Н. Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. — Каторга и ссылка, 1926, № 2.

⁵⁵ В № 8—9 «Народной воли» опубликован отдельный список пожертвований «В пользу осужденных процесса 20-ти» на сумму 1106 руб. (Литература партии «Народная воля», с. 187).

⁵⁶ Там же, с. 180.

рублей, а самая большая — двадцать пять рублей». Очевидец этой сцены секретарь редакции «Русского курьера» К. Н. Смирнов спросил у сидевшего рядом с ним Гаршина: «На что собирают деньги?» Тот ответил: «Конечно, в пользу «Народной воли»»⁵⁷.

Расправа царизма с народолюбцами восстанавливала общество против царских карателей. Известную роль в данном случае играли ходатайства за осужденных, которые после едва ли не каждого процесса подавались родными и близкими, представлявшими буквально все слои населения от простоародья до знати. Как правило, такие ходатайства (главным образом прошения о помиловании) адресованы «на высочайшее имя». В них с чистосердечностью, которая, кажется, могла бы разжалобить и людоеда, высказаны скорбь, мольба и последняя надежда матерей и отцов, сестер и жен тех, кому была уготовлена виселица или каторга. Мать А. В. Буцевича, осужденного на смерть по делу «17-ти», Анна Артемьевна просила царя о помиловании сына: «Он виноват, но он сын мой... Молю Вас, обратите милостивое внимание Ваше на мое тяжелое горе, преклонную старость, скорбь мою и его малолетней круглой сироты дочери. Будьте отцом, облегчите его наказание, и молитва моя и сироты его дочери будет постоянно возноситься к богу о здравии и благоденствии Вашего императорского величества и царственной семьи Вашей»⁵⁸. Полные отчаяния прошения-вопли о помиловании своих детей подавали на имя царя в 1880 г. отец А. И. Зунделевича⁵⁹, в 1882 г. мать Н. Е. Суханова⁶⁰, в 1884 г. генерал-лейтенант Похитонов (отец Н. Д. Похитонова)⁶¹. Но царь всякий раз привычно решал одно и то же: «Оставить без последствий».

Ряд прошений живо воскрешает трагизм судеб как самих осужденных, так и их семей. Родители народолюбца В. Г. Иванова, замурованного в 1884 г. навечно в Шлиссельбург, — отец Григорий Максимович и мать Ксения

---

⁵⁷ Сенчакова Л. Т. На похоронах Тургенева. Из докладной записки А. А. Панова. — История СССР, 1968, № 5, с. 144.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, д. 11021, л. 89, 91.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч. 1, л. 116—117.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 420—420 об.

⁶¹ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 121. («Молил всемогущего Бога, умоляю Ваше величество!» — восклицал генерал Похитонов).

Гавриловна — подали на имя царя в 1893 г. прошение о помиловании сына, в 1896— о дозволении ему «прислать нам несколько собственноручно написанных слов, чтобы мы могли их взять с собою в могилу как оправдание нашей мольбы о его спасении», в 1899 г. — «о разрешении увидеть его, быть может в последний раз». 31 июля 1904 г. к царю обратилась уже сестра осужденного Ольга Григорьевна, которая, ввиду того, что «несчастные старики-родители, удрученные 20-летним горем, не дожили до желанного свидания», умоляла позволить брату «на закате жизни увидеть могилы дорогих родителей». Александр III и Николай II оставили все эти прошения «без последствий»⁶².

А вот прошение матери народовольца М. В. Ланганса Александры Федотовны от 8 января 1902 г. на имя директора департамента полиции: «Сын мой... был осужден на 20 лет в каторжные работы за преступление против правительства. Дело слушалось в феврале 1882 г. С тех пор я не имею никаких известий о сыне; я не знаю, жив ли он, а в текущем году истекает срок его наказания. Естественные чувства матери в течение многих лет бесконечно меня удручали, и я жила и живу надеждою, что несчастный мой сын жив... Я умоляю Ваше превосходительство не отказать в ходатайстве несчастной престарелой матери и сделать распоряжение об уведомлении меня, куда сослан мой сын и жив ли он». Департамент полиции удостоил Александру Федотовну ответом, сообщив, что сын ее умер в Алексеевском равелине 11 сентября 1883 г., т. е. еще 19 лет назад⁶³.

Иные матери осужденных пробовали прибегнуть к милосердию царицы. «Да услышит великая мать русских народов вопль несчастной матери из далекого угла необозримого царства!» — взывала к ней одесская мешанка Генриэтта Васильевна Гроссман в прошении о помиловании детей, осужденных на каторгу по делу «17-ти»⁶⁴. Перед царицей ходатайствовали за своих детей также матери В. Г. Иванова⁶⁵ и А. Д. Михайлова⁶⁶. Но «вели-

⁶² ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, д. 5288, ч. 8, л. 7—45 об.

⁶³ ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, д. 860^а, ч. 1, л. 193—194.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 83, д. 11021, л. 84 об.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, д. 5288, ч. 8, л. 16.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 102, 5 д-во, д. 860^а, ч. 1, л. 102.

кая мать народов» тоже не изменяла привычному: «Оставить без последствий».

Время от времени власти, а иногда и сам царь пытались использовать материнские чувства в интересах следствия, побуждая обещаниями и угрозами матерей-просительниц вымогать у детей откровенные показания. Когда перед судом над первомайцами мать Софьи Перовской Варвара Степановна попросила о свидании с дочерью, М. Т. Лорис-Меликов от имени царя повелел ей употребить все ее влияние на дочь, «дабы она выдала всех соучастников своих, потому что необходимо положить конец этому пролитию крови». Варвара Степановна отказалась. «Дочь моя, — гордо заявила она диктатору, — с раннего детства обнаруживала такую самостоятельность, что ее нельзя было заставить делать что-либо по приказанию, а только лаской и убеждением. В настоящее же время она уже в зрелом возрасте, вполне сложившихся взглядов, ясно понимала, конечно, что делала, и поэтому никакие просьбы не могут повлиять на нее». Лорис-Меликов прибегнул было к угрозам («Не забудьте, сударыня, что еще ваш сын в наших руках⁶⁷, и мы сгноим его в тюрьме, если понадобится!»), но Варвара Степановна не поддавалась и на угрозы⁶⁸.

Отвергла предложение властей «воздействовать» на дочь и Екатерина Христофоровна Фигнер (мать Веры Николаевны). Когда на дознании по делу «14-ти» она рассказала о детских годах дочери, и жандармский чин, ведавший дознанием, начал было допрашивать ее о жизни Веры Николаевны в последние годы, Екатерина Христофоровна записала в протоколе: «Никаких сведений о Вере я не имела за последнее время в течение лет

---

⁶⁷ Василий Львович Перовский был арестован в марте 1881 г. по подозрению в причастности к цареубийству.

⁶⁸ Перовский В. Л. Воспоминания о сестре. М. — Л., 1927, с. 102—103. Власти еще до цареубийства считали В. С. Перовскую неблагонадежной. 13 июля 1880 г. начальник Таврического ГЖУ доносил о ней в III отделение: «Мать Перовских, бывавшая у меня по делам, в разговорах, между прочим, нисколько не стесняясь, высказывалась с недовольством о правительственных мероприятиях в отношении преследующих социально-революционные цели. Заметьте, что тенденции ее детей находят в ней сочувственное отражение». (ЦГИА УССР, ф. 419, оп. 1, д. 445, л. 54).

четырех. Дальнейших объяснений относительно жизни дочери моей Веры давать я не желаю»⁶⁹.

После «Второго 1 марта» в положении, аналогичном тому, которое после 1 марта 1881 г. выпало на долю В. С. Перовской, оказалась Мария Александровна Ульянова. Двое ее детей (тоже сын и дочь, как у Варвары Степановны) были арестованы по делу о покушении на царя⁷⁰. Предчувствуя беду, Мария Александровна 28 марта 1887 г., еще до начала суда, обратилась к царю с просьбой о помиловании детей. «О, государь! — писала она. — Умоляю, пощадите детей моих! Нет сил перенести это горе и нет на свете горя такого лютого и жестокого, как мое горе. Сжальтесь над моей несчастной старостью! Возвратите мне детей моих!»⁷¹. Царь согласился только на свидание Марии Александровны с сыном, «чтобы она убедилась, что это за личность ее милейший сыночек»⁷², а министр внутренних дел Д. А. Толстой тотчас запросил директора департамента полиции П. Н. Дурново: «Нельзя ли воспользоваться разрешенным государем Ульяновой свиданием с ее сыном, чтобы она уговорила его дать откровенное показание, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если бы подействовать искуснее на мать»⁷³. Дурново пригласил Ульянову к себе и очень старался «подействовать искуснее» на старую женщину, но склонить ее на понуждение сына к откровенному показанию не сумел.

Симпатии к осужденным революционерам и помощь им со стороны родных были, конечно, естественны. Зачастую они объяснялись отнюдь не идейными, а исключительно родственными мотивами. Однако там, где рево-

---

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—2, л. 13.

⁷⁰ Два «1-х марта» трагически сблизили судьбы В. С. Перовской и М. А. Ульяновой. Дочь Варвары Степановны была повешена за участие в царевбийстве 1 марта, а сын ее по тому же делу выслан под надзор полиции. У Марии Александровны сын был повешен за участие в попытке царевбийства «Второго 1 марта», а дочь по тому же делу выслана под надзор полиции.

⁷¹ Письмо опубликовано полностью в кн.: Поляков А. С. Второе 1 марта. М., 1919, с. 54—56.

⁷² Там же, с. 57 (резолюция Александра III на письме М. А. Ульяновой).

⁷³ Поляков А. С. Указ. соч., с. 57.

люционер и его семья идейно враждовали между собой, обыкновенно рвались и родственные узы, а что касается симпатий и помощи, то о них не было и речи. На этой почве случались трагические коллизии, вроде той, когда отец народовольца Михаила Стаховского застрелил родного сына, а жандармам, которые на следующий день после этого явились было арестовать теперь уже покойного революционера, объяснил, что он убил сына «как вследствие семейных неприятностей, так и потому, что заподозрил его в принадлежности к преступному сообществу»⁷⁴. Зато идейное родство придавало особую прочность и родству по крови. Народоволец Александр Сыцяanko и его отец, доцент Харьковского университета О. С. Сыцяanko на процессе харьковской группы «Народной воли» потрясали своими речами публику, состязаясь между собой в самопожертвовании — один ради другого⁷⁵. Не только кровным, но и духовным родством проникнуты отцовское напутствие Д. М. Михайлова сыну, Александру Михайлову, осужденному на вечную каторгу («Мужайся, мой дорогой, и неси свой крест с терпением!»)⁷⁶, и сыновнее «прощай» народовольца Н. Л. Зотова в письме к отцу перед казнью («Не у многих есть такие отцы-друзья!»)⁷⁷.

Многострадалные и (за единичными исключениями) до отчаяния бесплодные хлопоты родственников за осужденных перед царем и другими властями восстанавливали против царского режима не только семьи революционеров. Хлопоты эти обычно велись с привлечением всех возможных связей, а поскольку хлопотали в 80-е годы за родных «государственных преступников» люди всех сословий и занятий, штатские, военные и духовные, то общественный отклик на такие хлопоты был широким. Безусловно, он входил в число тех впечатлений, из которых складывалось характерное для 80-х годов общественное мнение вокруг политических процессов — враждебное к палачам и сочувственное к жертвам.

---

⁷⁴ Берман Л. Л. Киевский процесс «21-го» в 1880 г. — Каторга и ссылка, 1931, № 8—9, с. 87.

⁷⁵ Данилов В. А. Из воспоминаний (процесс Сыцяanko). — Былое, 1907, № 8, с. 239.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 20, ч. 1, л. 88^а.

⁷⁷ Якутская трагедия 22 марта 1889 г. М., 1925, с. 78.

В таком же духе воздействовали на современников прежде бывшие крайне редкими, а с 70-х годов ставшие очень частыми случаи добровольного следования за осужденными на каторгу и в ссылку их родственников. Только на Кару последовали матери, жены, сестры, невесты 28 каторжан⁷⁸. Многие добровольно шли разделить с родными тяготы ссылки и каторги в Сибирь и на Сахалин⁷⁹.

Сочувствие к жертвам политических процессов проникло в 80-е годы в самые далекие от революции круги общества, даже в стан ее врагов и карателей. «Что бы там ни было, что бы они ни совершили, но таких людей нельзя вешать, — говорил о Желябове и Кибальчиче некий генерал, «сослуживец и приятель самого Тотлебена». — А Кибальчича я бы засадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими техническими изобретениями»⁸⁰. Иные из военных и даже судебных чинов (оренбургский прокурор Сильванский, член Елизаветградского окружного суда Филоненко, товарищ прокурора Маркович) подвергались преследованиям за «дружественную связь» с народовольцами⁸¹. Член Кавказского военно-окружного суда полковник Казин в мае 1883 г. был арестован по обвинению в том, что он на товарищеском ужине предложил «сочувственный тост за государственных преступников Кибальчича и Перовскую»⁸². За «сочувствие казненным государственным преступникам» привлекался к дознанию в 1882 г. подполковник Чурин⁸³. По-видимому, не случайно и такой

---

⁷⁸ 25 из них названы в книге Л. Г. Дейча «16 лет в Сибири» (М., 1924, с. 352—353). К ним надо добавить сестер Л. А. Дмоховского, А. О. Сыщанко и жену Е. Г. Легкого (ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 168, л. 1)

⁷⁹ См. о них: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь т. 2, вып. 1, стб. 415; вып. 2, стб. 559, 653; вып. 4, стб. 1504, 1718; Панкратов В. С. Воспоминания. М., 1923, с. 97; ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 497, л. 148; там же, ф. 533, оп. 1, д. 1250, л. 1132.

⁸⁰ Иванов С. А. Из воспоминаний о 1881 г. — Былое, 1906, № 4, с. 237.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1081, л. 3; оп. 535, д. 186, л. 11 об. — 14.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1345.

⁸³ 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 109.

бурбон, как председатель Петербургского военно-окружного суда генерал В. М. Цемиров на процессе «14-ти», в явное нарушение судебного этикета, вместо положенного «подсудимая Фигнер» вдруг раза два сказал «Вера Николаевна»⁸⁴, а генерал Н. А. Середя, назначенный расследовать пропаганду в войсках по всей империи, при встрече с Верой Фигнер в ее тюремной камере почтительно поцеловал ей руку⁸⁵.

Подобные факты говорили о том, сколь сильное впечатление даже на карателей производили личности героев «Народной воли», таких, как Желябов и Перовская, Кибальчич и Фигнер. Что касается *дела*, которому служили Желябовы и Перовские, то оно увлечь карателей, разумеется, не могло, но заставляло с тревогой задумываться над тем, каковы должны быть его обаяние, живучесть и перспективы, если такие люди, как Желябов, ради него «шли на смерть с восторгом, как было в первую французскую революцию»⁸⁶. Товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Л. М. Князев признавался, что его встречи по долгу службы с героями «Второго 1 марта» перед их казнью и разговоры с ними «сильно поколебали привитое ему воспитанием общественно-политическое мировоззрение»⁸⁷. Думается, этот пример не был единичным.

Для царизма опаснее были симпатии общества не столько к деятелям, сколько именно к делу революции и к ее идеалам. Такие симпатии обыкновенно приобщали людей к революционной борьбе. В этом отношении наиболее восприимчивой была учащаяся (студенческая, в первую очередь) молодежь — самая отзывчивая часть интеллигенции⁸⁸. В ее среде больше всего и распространялись агитационные материалы процессов. Их находили при обысках у студентов буквально всех университетов и институтов, Медико-хирургической и Земледель-

---

⁸⁴ Народовольцы. М., 1931, Сб. 3, с. 200.

⁸⁵ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х т. М., 1964, т. 1, с. 364.

⁸⁶ ГПБ РО, ф. 856, д. 6, л. 577 (отзыв адм. И. А. Шестакова). См. подобный же отзыв ген. Р. А. Фадеева о «безумной отваге русских крамольников» (ЦГАОР, ф. 569, оп. 1, д. 58, л. 8).

⁸⁷ Корсаков Г. Встреча с Александром Ульяновым. Рассказ прокурора. — Простор, 1970, № 3, с. 103.

⁸⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

ческой (Петровской) академий, обеих (Петербургской и Московской) консерваторий, слушательниц Высших женских курсов (в Петербурге, Москве, Казани), учащих множества гимназий, семинарий, реальных училищ⁸⁹.

Молодежь жадно ловила вести о процессах «Народной воли» и горячо откликалась на них. Один из первых социал-демократов С. П. Шестернин вспоминал, как в 1881 г., когда он учился во Владимирской гимназии, его и товарищей «встряхнул» стенографический отчет о процессе первомайцев: «Все мы, читая этот отчет, восторгались мужественным поведением на суде А. И. Желябова и С. Л. Перовской»⁹⁰. Потрясающее впечатление от процессов первомайцев (в особенности), «21-го» и других среди учащейся молодежи 80—90-х годов навсегда запомнил Ю. О. Мартов⁹¹. «Имена Желябова, Перовской, Кибальчича не сходили с уст, а Желябов заполнял все сердца молодежи, имя его было полно обаяния и восторга,— вспоминала о 80-х годах курсистка О. Г. Райс (Каллистратова). — Речь, сказанная на суде Желябовым, заучивалась наизусть»⁹².

Самые решительные выражали свою солидарность с обвиняемыми и осужденными, готовность встать им на смену в ряды революционных борцов, отомстить за казненных. Именно так в 1885 г. воспринял отчет о процессе первомайцев 16-летний кадет С. И. Мицкевич (позднее народоволец, затем социал-демократ, большевик): ««Народная воля» — вот то знамя, под которым надо бороться», — думал я по прочтении этого отчета»⁹³. К такому же выводу под впечатлением казни первомайцев пришел студент А. Л. Брейтфус (впоследствии один из первых русских марксистов, член группы П. В. Точисского): «Эта расправа, потрясшая мои нервы до галлюцинаций, хотя и стоила мне дорого в смысле здоровья на долгие годы, но зато дала мне великое счастье пробуж-

---

⁸⁹ См. оп. 1 фонда вещественных доказательств Министерства юстиции (ф. 1410) в ЦГИА СССР.

⁹⁰ Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940, с. 11, 16.

⁹¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924, с. 40—41, 52, 65.

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 87, л. 2.

⁹³ Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1937, с. 26.

дения, она натолкнула мою мысль на революционную стезю, научила глубоко ненавидеть и сделала меня революционером, до сих пор глубоко уважающим память и заветы «Народной воли»⁹⁴. После казни героев «Второго 1 марта» из среды петербургского студенчества вышло стихотворение, идея которого была выражена в обращении осужденных к судьям:

Казните!.. Мы, судьи, спокойны..
За нами другие пойдут.

Это стихотворение ходило в списках не только в Петербурге, но и в других городах (например, в Одессе)⁹⁵. С ним перекликалось другое, которое написал тоже в ответ на казнь 8 мая 1887 г. студент Н. А. Рубакин — знаменитый впоследствии библиограф и популяризатор книги. В память о казненных он клялся:

Старый мир — возненавидеть,
Старый строй — перевернуть!⁹⁶.

Солидарность передовой части петербургского, московского, казанского студенчества с первоапрельцами (и 1881, и 1887 гг.) выразилась в коллективных выступлениях, которые получили громкую известность. В Московском университете 10 марта 1881 г., в прогивовес начавшейся было кампании по сбору средств на венок Александру II, состоялась многочисленная студенческая сходка, участники которой решили «никаких венков не посылать». Сходки продолжались 12 и (уже во время суда над первоапрельцами) 31 марта. В результате 312 студентов были исключены из университета, а проректор С. А. Муромцев уволен за попустительство к ним⁹⁷. В Казанском университете 2 марта, как об этом свидетельствовал очевидец проф. В. М. Флоринский, не менее 700 студентов отказались присягать Александру III, свистками и криками «вон!» заглушили увещания ректо-

---

⁹⁴ Былое, 1924, № 25, с. 56.

⁹⁵ Вольная русская поэзия второй половины XIX в. Л., 1959, с. 431—432, 800.

⁹⁶ Прокопенко В. Николай Рубакин и Александр Ульянов, — Дружба народов, 1966, № 6, с. 226—229.

⁹⁷ Кузнецов Л. А. Из далекого прошлого. — В кн.: Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928.

ра и попечителя учебного округа и сочувственно выслушали своего оратора, медика-пятикурсника, который говорил «в порицательном духе» о политике правительства⁹⁸.

Студенты Петербургского университета подобным же образом откликнулись на «Второе 1 марта». 6 марта, когда ректор И. Е. Андреевский предложил студентам послать адрес царю с выражением негодования против умысла на цареубийство, часть студентов «яро, во весь голос» стала кричать: «Нет! Нет!», а на брань ректора по адресу «злоумышленников» ответила дружными возгласами: «Мы гордимся ими!»⁹⁹. И эта манифестация повлекла за собой суровые кары: десятки студентов были арестованы, а ректор Андреевский, не сумевший обуздать их, уволен.

Студенчеству принадлежала инициатива и в оказании материальной помощи репрессированным народовольцам, которая иногда принимала организованный характер. Именно студенты в декабре 1883 г. основали «Московское общество помощи политическим ссыльным и заключенным» с отделениями в университете, Петровской академии, техническом училище и на женских курсах. Общество наладило сбор и доставку средств в разные места заключения и ссылки (вплоть до Сибири)¹⁰⁰.

Царизм боялся сочувственного отношения к идеям, делам и людям «крамолы» со стороны интеллигенции вообще и студенческой молодежи, в особенности. Его трубадур М. Н. Катков откровенно заявлял: «Не революционная пропаганда страшна. Страшна податливость так называемой образованной среды, где пропаганда действует»¹⁰¹.

---

⁹⁸ Флоринский В. М. Заметки и воспоминания. — Русская старина, 1906, № 6, с. 613—614

⁹⁹ Вересаев В. В. В студенческие годы. Собр. соч. М., 1961, т. 5, с. 280—281. Кроме В. В. Вересаева, в протесте 6 марта 1887 г. участвовали бывшие тогда студентами Петербургского университета видный деятель большевистской партии, друг В. И. Ленина и Н. К. Крупской, Виктор Курнатовский, первый советский нарком юстиции Петр Стучка, великий латышский поэт Ян Райнис (Волчек Г., Войнов В. Виктор Курнатовский. М., 1961, с. 28).

¹⁰⁰ Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958, с. 147—148.

¹⁰¹ Московские ведомости, 1881, 27 марта (передовая).

Эта, «сграшная» для карателей, податливость во многом зависела от выступлений адвокатуры как самой непосредственной в данном случае выразительницы общественного мнения¹⁰².

Русская буржуазная адвокатура, в отличие от западной, не имела должной свободы слова и дела. В самодержавной стране она, естественно, была поставлена в такие условия, которые парализовывали ее политическую активность. Судебные уставы 1864 г. жестко стесняли ее процессуальные права, а царизм по ходу контрреформы суда еще больше ущемлял адвокатуру, дабы свести к нулю ее способность фрондировать против правительства. В таких условиях русская адвокатура сумела показать на процессах 1870—1880-х годов лучшие за всю историю царского суда образцы политической защиты, вполне понятные, поскольку именно к тому времени под воздействием демократического подъема она объединила как никогда яркое созвездие либерально либо даже радикально настроенных криминалистов, судебных ораторов, общественных деятелей. Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, В. И. Танеев, К. К. Арсеньев, А. М. Унковский, П. А. Александров, А. И. Урусов, Ф. Н. Плевако. С. А. Андреевский, В. Н. Герард, Е. И. Утин, А. Л. Боровиковский, Г. В. Бардовский, Е. И. Кедрин, Н. П. Карабчевский, П. А. Потехин, А. Н. Турчанинов, А. Я. Пассовер, Л. А. Куперник, Н. П. Шубинский, — все они выступали на политических процессах 70—80-х годов (иные — многократно; например, Герард — 10, Турчанинов — 11, Спасович — 13 раз).

Особенно энергично и солидарно с подсудимыми адвокаты выступали на процессах 1877—1878 гг. (участников Казанской демонстрации, «50-ти», «Южнороссийского союза рабочих», «193-х», Веры Засулич), которые отличались сравнительно широкой гласностью и состязательностью. С 1879 г., когда под суд шли преимущественно революционеры-террористы, а затем народоволь-

---

¹⁰² См. об этом подробно: Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности (1866—1895 гг.). М., 1979, гл. IV (Русская адвокатура на политических процессах).

цы, законность судопроизводства становилась все более фиктивной, приговоры — все более жестокими. На таких процессах от адвокатов требовалось удвоенное мастерство и мужество. С другой стороны, революционный натиск народовольцев давал русскому обществу надежду если не на свержение, то на значительные уступки царизма. Поэтому адвокаты на политических процессах в годы революционной ситуации (1879—1882) действовали активно, не только (а может быть, и не столько) защищая подсудимых революционеров, но и пытаясь использовать страх правительства перед революционерами в интересах либерального лагеря, т. е. побудить царизм к конституционным уступкам. Они предостерегали «верхи» от чрезмерных репрессий, доказывая, что «белый террор» лишь озлобляет революционеров, бьет по авторитету правительства и толкает в антиправительственный лагерь все больше и больше «честных и даже благоразумных» людей¹⁰³, что весь этот «путь твердости и суровых мер оказался негодным»¹⁰⁴. «Они,— говорил о народовольцах на процессе «20-ти» адвокат Е. Ф. Королев,— уже не раз показали, что жестокие наказания не устрашают их самих, и картина этих наказаний только сильнее привлекает новых адептов, не пугая прежних»¹⁰⁵.

1877—1882 гг. (от процесса участников Казанской демонстрации до процесса «20-ти») были временем расцвета политической активности русской адвокатуры, который закономерно совпал с революционным подъемом в стране. В условиях же начавшегося вскоре после 1 марта 1881 г. постепенного спада революционной волны стала падать и активность адвокатуры. Во-первых, контрнаступление реакции повлекло за собой прилив в русское общество упадочнических настроений, деморализовало тех сочувственно относившихся к революционерам либералов (в первую очередь именно адвокатов), которые действовали как попутчики революции. Во-вторых, царизм, отразив революционный натиск, стал еще меньше

---

¹⁰³ Дело 1 марта 1881 г. Спб., 1906 (речи В. Н. Герарда и А. М. Унковского).

¹⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373, л. 13—13 об. (речи Е. И. Кедрина и С. С. Соколова на процессе «20-ти»).

¹⁰⁵ ГИМ ОПИ, ф. 320, д. 7, л. 62 об., 64.

считаться с законностью и постепенно свел на нет гласность политических процессов, что затруднило и без того стесненные действия защиты.

Тем не менее, и на процессах 1883—1894 гг. адвокатуре удавалось при случае опровергнуть юридическую базу обвинения (как это делал В. Д. Спасович на процессах «17-ти» и «21-го»¹⁰⁶), восславить обвиняемых в ярких защитительных речах, вроде речи В. Ф. Леонтьева в защиту Веры Фигнер на процессе «14-ти»¹⁰⁷ или речи Е. И. Кедрина в защиту А. В. Буцевича на процессе «17-ти»¹⁰⁸, выступить против даже заведомо предрешенных, «высочайше» продиктованных смертных приговоров, как это сделали А. Н. Турчанинов и его товарищи по защите на процессе «Второго 1 марга»¹⁰⁹.

Правда, по мере наступления реакции защита становилась все менее активной и солидарной с подсудимыми. «Красный террор» народовольцев, хотя он, с одной стороны, и восхищал адвокатов образцами самопожертвования, с другой стороны, шокировал их, отчасти даже пугал чрезмерным (до кровопролития!) радикализмом. Если ранее он воспринимался левыми либералами как полезный по своей устрашающей функции элемент общего натиска на самодержавие, то теперь стал казаться неуместным и вредным средством, которое не сулит освободительному движению шансов на успех и к тому же не столько устрашает, сколько раздражает правительство, усугубляя тем самым реакционность его политики. Поэтому на процессах после 1882 г. адвокаты злоупотребляли таким приемом защиты, при котором террористическая деятельность «Народной воли» затушевывалась и принижалась. Так было, в частности на процессе «14-ти», где чуть ли не каждый из адвокатов пытался доказать, что его подзащитный — социалист (даже наро-

---

¹⁰⁶ Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900, с. 88—89, 248—249.

¹⁰⁷ Спандони А. А. Страница из воспоминаний. — Былое, 1906, № 5, с. 33.

¹⁰⁸ Эту речь один из подсудимых назвал «художественной поэмой в защиту чистой и красивой молодой погибающей жизни» («Народная воля» перед царским судом. М., 1930, вып. 1, с. 137).

¹⁰⁹ 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927, с. 343—344.

доволец), но не террорист¹¹⁰, менее подчеркнуто — на процессах «12-ти»¹¹¹ и «Донском»¹¹². Случались даже (в личных интересах кого-то из подзащитных) нападки защиты на революционную партию, как, например, со стороны адвоката Л. А. Веселовского на процессе «14-ти»¹¹³.

Адвокатура на политических процессах «Народной воли» выполнила свое назначение лучшим для того времени образом и принесла революционерам большую пользу. Разумеется, прежде всего и больше всего общественная роль процессов определялась поведением подсудимых. Но, кроме того, реакция общества на политические процессы существенно зависела и от поведения защиты, которая тогда изобиловала талантами. Если такие классики судебного красноречия, как Спасович и Стасов, Александров и Герард, Андреевский и Карабчевский на одном-другом-пятом-десятом и следующих процессах вкладывали всю силу своего дарования и все краски своей ораторской палитры в изобличение произвола и жестокости царского суда, с одной стороны, и в моральное возвеличение подсудимых, с другой стороны, поднимаясь до обвинения правительства и оправдания «государственных преступлений», то впечатление от процессов росло, как снежный ком, в самых широких слоях общества и притом впечатление, выгодное для революционного лагеря. Мало того, что адвокаты вели подкоп под авторитет правительственной власти, мало того, что они будили сочувствие и симпатии к революционерам даже в кругах, политически равнодушных, а то и предубежденных против «крамолы», — они тем самым, и не желая этого, приобщали к революционной идеологии новых адептов, вовлекали в освободительное движение новых борцов. Словом, русская адвокатура тоже вплетала лавры в тот, по выражению А. Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»¹¹⁴, который доставили «Народной воле» ее политические процессы.

---

¹¹⁰ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 19—27.

¹¹¹ «Народная воля» перед царским судом. М., 1931, вып. 2, с. 30.

¹¹² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10138, л. 358—360, 396—397.

¹¹³ ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1884, д. 747, ч. 21, л. 26—27 об.

¹¹⁴ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 260.

Еще более яркую страницу истории судебных процессов «Народной воли», чем даже выступления адвокатуры, составляют отклики на процессы, с которыми выступал цвет национальной интеллигенции — корифеи науки, литературы, искусства. Они показательны как для отношения общественности к борьбе между силами революции и реакции, так и для воздействия революционного лагеря на общественное мнение.

Из всех областей российской культуры самой близкой к освободительному движению всегда была литература. В годы «Народной воли» ее связь с революцией выражалась, кроме прочего и сильнее, чем прежде, в личной прикосновенности литераторов к революционному подполью и политическим процессам. Ряд писателей попал в тюрьму, ссылку или под жандармский надзор по делам «16-ти» (В. И. Дмитриева), «14-ти» (М. Л. Кропивницкий, И. К. Карпенко-Карый, И. Г. Чавчавадзе), «12-ти» (А. И. Эртель), «21-го» (А. П. Барыкова), Южно-русской организации «Народной воли» (В. Г. Короленко)¹¹⁵. За связь с народовольцами административно ссылались Н. К. Михайловский (1882, 1891), С. Я. Елпатьевский (1884), Н. В. Шелгунов и К. М. Станюкович (1885), П. В. Засодимский (1891), арестовывались — еще до начала литературной деятельности — Андрей Пумпур (1882), М. М. Коцюбинский (1884), К. Д. Бальмонт (1887), С. Г. Скиталец (1888), Максим Горький (1889). Почти все перечисленные литераторы откликнулись и в жизни, и в творчестве на революционную борьбу и политические гонения. В условиях 80-х годов «белый террор» царизма вообще и политические процессы как главное их выражение, особенно, вырастали в национальную проблему, которая не оставила равнодушным буквально никого из классиков отечественной литературы.

Рубеж 1870—1880-х годов — та веха, когда завершился перелом во взглядах Л. Н. Толстого: писатель окон-

---

¹¹⁵ Не учитываю здесь активных революционеров, как народоволец П. Ф. Якубович или чернопеределец П. А. Грабовский, осужденные на каторгу. Речь идет о профессиональных литераторах, которые только были связаны с революционным подпольем.

чательно порвал с мировоззрением своего класса и утвердился на позициях патриархального крестьянства. Главную роль в этом сыграла обстановка второй революционной ситуации в России и, в особенности, события 1881 г. «Время это, 1881 год,— вспоминал Толстой, много лет спустя,— было для меня самым горячим временем внутренней перестройки всего моего миросозерцания...»¹¹⁶. А в ряду событий 1881 г., которые решающим образом повлияли на «перестройку миросозерцания» Толстого, главное место заняли судебный процесс и казнь первомайцев, произведшие на писателя, как он признал незадолго до смерти, «одно из самых сильных впечатлений» всей его жизни¹¹⁷.

После того, как благородная попытка Толстого спасти от казни героев 1 марта не удалась, он больше не вступался перед царем за осужденных революционеров, сознавая, что это бесполезно, но продолжал живо интересоваться политическими процессами и страдал от жестокости приговоров. «Что о приговоренных? — беспокоился он в письме к С. А. Толстой от 4 марта 1882 г. за судьбу жертв процесса «20-ти». — Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство»¹¹⁸. Когда его приятель Д. Ф. Самарин «с улыбкой» сказал ему о народовольцах — «надо их вешать», Толстой «хотел вытолкать в шею» Самарина, рассорился с ним и потерял былое уважение к нему¹¹⁹. Считая «все насилия революционные от Пугачева до 1 марта» «неразумными и недействительными»¹²⁰, он преклонился перед моральным величием революционеров-народников, называл их «лучшими, высоко нравственными, самоотверженными, добрыми людьми», выделяя при этом казненных Перовскую, Осинскую, Лизогуба¹²¹.

Озабоченный судьбами жертв «белого террора», Тол-

---

¹¹⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 30, с. 3

¹¹⁷ Там же, т. 75, с. 114.

¹¹⁸ Там же, т. 83, с. 326.

¹¹⁹ Толстой Л. Н. Дневник. — Там же, т. 49, с. 36, 198.

¹²⁰ Там же, т. 69, с. 128—129.

¹²¹ Там же, т. 36, с. 151. К Софье Перовской Толстой имел особый интерес. По его словам, она ему «представлялась какой-то идейной Жанной д'Арк» (Современник, 1912, № 4, с. 179).

стой в 80-е годы отдавал много времени и сил для того, чтобы как-то облегчить положение хоть кого-то из них. В апреле 1884 г. он попытался напечатать книгу «Так что же нам делать?» в пользу политических заключенных¹²². Через своих знакомых он настойчиво хлопотал перед властями о смягчении участи томившихся в тюрьмах и на каторге террористки Н. А. Армфельд, народовольцев З. Г. Ге, В. А. Тихоцкого, И. И. Попова, чернопередельцев А. М. и С. Н. Богомолец¹²³.

Понятно, почему так сочувственно рисовал Толстой в своих произведениях образы мучеников (не столько борцов, сколько именно мучеников) революции. Таков герой его рассказа «Божеское и человеческое» террорист Апатоллий Светлогуб, списанный с реального Дмитрия Лизогуба, биография которого, опубликованная в № 5 газеты «Народная воля» за 1881 г., была использована Толстым как материал к рассказу и сохранилась в его бумагах¹²⁴. Таковы и герои романа «Воскресение» — политические ссыльные: народники Симонсон, Набатов, Щетинина, народоволец Крыльцов. Вмонтированный в фабулу «Воскресения» рассказ о казни народовольцев И. И. Розовского и М. П. Лозинского документально точен¹²⁵ и воспринимался читателями как обвинение правительственного террора. Сам Толстой, узнав подробности этой казни, восклицал: «Как же после этого не быть 1-му марта?»¹²⁶.

Всегда готов был помочь жертвам «белого террора» и И. С. Тургенев, который едва ли не больше всех классиков русской литературы (может быть, кроме Г. И. Успенского) лично общался с революционными народниками и народовольцами (дружил с П. Л. Лавровым и Г. А. Лопатиным, был хорошо знаком с П. А. Кропоткиным,

---

¹²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 49, с. 84; т. 25, с. 743. Рукопись «Так что же нам делать?» была задержана цензурой.

¹²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 168, 173—174, 216—219; т. 64, с. 122—123; т. 90, с. 265; Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828—1890). М., 1958, с. 571, 579, 581, 583.

¹²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 42, с. 645—646.

¹²⁵ Гудзий Н. К. Рассказ о казни Лозинского и Розовского в «Воскресении» Толстого и его источник. — Каторга и ссылка, 1932, № 8—9.

¹²⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 90, с. 308.

С. М. Кравчинским, С. Л. Клячко, Н. В. Чайковским, Н. П. Цакни, В. Ф. Гинтовтом-Дзевалтовским, Н. И. Паевским, В. В. Луцким, В. Я. Мейером, Л. К. Бухом, встречался с П. Ф. Якубовичем и др.). В 1879—1881 гг. он хлопотал перед властью имущими об освобождении Лопатина и А. М. Макаревич (Кулишевой), о смягчении участи народников М. Л. Веллера, Н. И. Иванова, Н. С. Мазченко и др., помог напечатать во Франции воспоминания судившегося по делу «193-х» И. Я. Павловского, подчеркнув в предисловии к ним от 17 октября 1879 г., что «эти нигилисты, о которых говорят последнее время, не так черны и не так ожесточены, как их хотят представить»¹²⁷.

Начиная с «невообразимого нечаевского дела», что так заинтриговало Тургенева в 1871 г.¹²⁸, он следил чуть ли не за каждым политическим процессом в России. В процессах он изучал тип русского революционера, перед которым готов был «шапку снимать»¹²⁹, ценил «замечательный героизм» провозвестника «Народной воли» А. К. Соловьева¹³⁰, бережно хранил у себя «изящные портреты Перовской, Желябова и Кибальчича»¹³¹, убеждался на опыте процессов в тщетности «белого террора»¹³², хотя, подобно Толстому, осуждал в принципе и «красный террор»¹³³.

Материалы процессов Тургенев использовал в художественных произведениях, которыми он откликнулся на все фазы революционно-народнического движения от нечаевщины до «Народной воли». По мере того как, с одной стороны, народники переходили от «ложной и нежизненной», по выражению Тургенева, попытки поднять крестьян на социальную революцию¹³⁴ к борьбе с цариз-

---

¹²⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. 15, с. 117; Письма, т. 12, кн. 2, с. 59, 102, 137, 327; т. 13, кн. 1, с. 410, 417.

¹²⁸ Там же. Письма, т. 9, с. 115.

¹²⁹ Там же, т. 10, с. 281; Кропоткин П. А. Записки революционера М., 1966, с. 375.

¹³⁰ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. 1, с. 409.

¹³¹ Там же, с. 418.

¹³² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1, с. 446.

¹³³ Там же, т. 12, кн. 2, с. 65; т. 13, кн. 1, с. 73; Соч., т. 15, с. 185.

¹³⁴ Там же. Письма, т. 12, кн. 1, с. 44.

мом за политические свободы, и, с другой стороны, сам Тургенев «решительно разочаровывался» в реформах сверху¹³⁵, он изображал революционеров более оптимистичными, а их дело — более жизненным, чем пропаганда обреченных героев романа «Новь» или стихотворения в прозе «Чернорабочий и белоручка». Так, рассказ «Отчаянный» (1881 г.) обращает внимание читателя на «содержание и идеал» в самопожертвовании народовольцев¹³⁶, а наброски повести «Natalia Кагровна» (1883 г.) говорят уже о «новом в России типе, жизнерадостном революционере», «геркулесовой силе», которая «все переваривает»¹³⁷.

Внимательно следил за политическими процессами 80-х (как и 70-х) годов М. Е. Салтыков-Щедрин. Он тоже не сочувствовал террору — ни «белому», ни «красному»¹³⁸. Но не революционеров, а их гонителей ксрил он за жестокость, негодовал на «ненстоства белой анархии, которая, кажется, надолго воцарилась у нас»¹³⁹.

Произвол властей на политических процессах Щедрин изобличал в своих памфлетах. Его пером осрамлены столы характерные для 80-х годов типа чиновников-карателей и «беснабавинных советника» Улав и Тыба из книги «За рублем» и особенно, «надворный советник Сеиичка» из известного «Письма к тетеньке», мастер «щипать людскую корпию», хватать и судить хотя бы и случайно попавшихся («на то война-с!»), ибо, мол, все равно, «словачко останется!»¹⁴⁰. Внимательным современникам мудро было бы не узнать в «Сеиичке» прокурора Н. В. Муравьева, который составил себе имя на пяти виселицах по делу 1 марта 1881 г., а в феврале 1882 г., когда печаталось десятое «Письмо к тетеньке», вновь шипал людскую корпию на процессе «20-ти» (с десятью смертными приговорами).

¹³⁵ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 419.

¹³⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем Соч., т. 13, с. 52, 407.

¹³⁷ Там же, с. 360. В числе прототипов «жизнерадостного революционера» исследователи называют Г. А. Лопатина (Известия АН СССР, сер. лит. и яз., 1967, т. 26, вып. 4, с. 350; Литературная газета, 1968, 6 ноября).

¹³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 19, с. 121.

¹³⁹ Там же, с. 86, 250.

¹⁴⁰ Там же, т. 14, с. 431, 433.

В сцене суда над пискарями по доносу лягушки на страницах «Современной идиллии» (1883 г.) Щедрин сатирически изобразил самый механизм политического процесса, предав осмеянию такие его приметы, как натянутость обвинения, подтасовка доказательств, корыстные наветы свидетелей и официозная пристрастность судей¹⁴¹.

Г. И. Успенский, как и Тургенев, был лично связан со многими революционерами, а некоторых из них (С. М. Кравчинского, А. И. Желябова, С. Л. Перовскую, Н. И. Кибальчича, Ю. Н. Богдановича) считал своими друзьями. В квартире Успенского корифеи «Народной воли» встречали вместе с радушным хозяином новый, роковой и славный для них, 1881 год¹⁴². Полный уважения и любви ко всем героям «Народной воли», Успенский преклонялся перед Германом Лопатиным¹⁴³ и «просто «обожал», буквально обожал до религиозного экстаза» Веру Фигнер¹⁴⁴. Весть об аресте Фигнер потрясла его: «он даже зарыдал и долго не мог успокоиться»¹⁴⁵.

В литературе сообщалось, будто Успенский присутствовал на процессе «14-ти»¹⁴⁶. Это ошибка (никого из «сторонних» на том процессе не было). Но в день оглашения приговора по делу «14-ти» писатель сумел передать Вере Фигнер, только что осужденной на смерть, записку: «Как я Вам завидую! Глеб Успенский»¹⁴⁷.

Под впечатлением процесса «14-ти» Успенский задумал и в 1885 г. написал очерк «Выпрямила», в котором он воспел три высочайшие гармонии: наряду с красотой труда и красотой искусства, олицетворенной в образе Венеры Милосской, — красоту революционного подвига, тоже символизированную в образе женщины. В подгото-

---

¹⁴¹ Там же, т. 15, с. 252—266.

¹⁴² Подробно см.: Иванчин-Писарев А. И. Хожение в народ. М. — Л., 1929 (гл.: Глеб Успенский и революционеры 70-х годов).

¹⁴³ Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 13, с. 207—208; т. 14, с. 587—589.

¹⁴⁴ Леткова Е. П. Про Глеба Ивановича. — Звенья, М. — Л., 1935, т. 5, с. 694.

¹⁴⁵ Попов И. И. Г. И. Успенский. — Летописи Государственного литературного музея. М., 1939, кн. 4, с. 447.

¹⁴⁶ Дурьлин С. Н. М. Н. Ермолова. М., 1953, с. 159.

¹⁴⁷ Леткова Е. П. Указ. соч., с. 695.

вительных материалах к очерку назван прототип этой женщины: «В. Н.» и «Ф» (то есть В. Н. Фигнер)¹⁴⁸.

Столь же выстраданными и многозначными были отклики на политические процессы в жизни и творчестве В. М. Гаршина. Гаршин по-толстовски отвергал всякое насилие («кровь возмущает меня, но кровь — отовсюду»¹⁴⁹), однако он восхищался нравственным величием народовольцев («мне хотелось бы воплотить этих людей в художественные образы, но это выше сил моих»¹⁵⁰) и терзался состраданием к их жертвам. Его «Attalea pringens» (1880 г.) и, особенно, «Красный цветок» (1883 г.) — это и гимн «безумству храбрых» «Народной воли», и погребальный плач о ней. За судебной расправой с народовольцами Гаршин следил буквально в муках переживаний. Об этом говорит его, хорошо известная из специальных исследований, трагически-отчаянная попытка спасти жизнь Ипполита Млодецкого¹⁵¹. Неудача этой попытки стоила Гаршину психического расстройства.

Одновременно с Гаршиным сопереживал и воспевал подвиг самопожертвования «Народной воли» популярнейший поэт 80-х годов С. Я. Надсон. В его стихах «Мрачна моя тюрьма», «Ни звука в угрюмой тиши каземата», «Ты, для кого еще и день в лучах сияет» запечатлелась вся бездна страданий и вся сила духа жертв народовольческих процессов. В 1885 г. Надсон, вдохновленный образом Веры Фигнер и под впечатлением процесса «14-ти», написал стихотворение «По смутным признакам, доступным для немногих», заключительные строки которого перекликаются с «Порогом» И. С. Тургенева:

И все-таки иди — и все-таки смелее
Иди на тяжкий крест, иди на подвиг твой
И пусть бесплоден он, но жить другим светлее,
Молясь пред чистою, возвышенной душой¹⁵².

Другой поэт (едва ли не самый интересный в России эпохи безвременья — примерно, с 1887 г., когда умер

¹⁴⁸ Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. 10, кн. 1, с. 595.

¹⁴⁹ Гаршин В. М. Полн. собр. соч. М. — Л., 1934, т. 3, с. 208.

¹⁵⁰ Попов И. И. Минувшее и пережитое. М. — Л., 1933, с. 45.

¹⁵¹ Подробно см.: Хейфец М. И. В. М. Гаршин и Лорис-Меликов. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

¹⁵² Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений. М. — Л., 1962, с. 280.

Надсон, до середины 90-х годов) К. М. Фофанов начал свой творческий путь страстными, полными сочувствия к народовольцам, откликами на расправу с ними. Таковы его стихи 1881—1883 гг.: «Вы, что пали жертвой злобы», «Хоть грустно мне за них, но я горжуся ими», «Узник», «Рассказ могильщика о казни»¹⁵³. В 1882 г. Фофанов написал стихотворение «Погребена, оплакана, забыта...», которое он посвятил Софье Перовской¹⁵⁴.

Очень выразительно и с глубокой симпатией показаны жертвы политических репрессий в раннем творчестве В. Г. Короленко, который сам пережил 4 ареста и долгую ссылку за связи с революционерами-народниками. В 1880 г. он написал рассказ «Чудная». Героиня рассказа — большая, умирающая, но гордая и непреклонная, ссыльная революционерка, о которой ее товарищ говорит жандарму: «Сломать ее можно... Вы и то уж сломали... Ну, а согнуть, — сам, чай, видел: не гнугся этакие»¹⁵⁵. Прототипом «Чудной» была народоволка Э. Л. Улановская, трижды (в 1879, 1887 и 1891 гг.) осужденная царским судом. Короленко встречался с ней в ссылке и хотел посвятить ей «Чудную».

Рядом с «Чудной» Короленко и по сюжету, и по трактовке образа героини (ссыльной революционерки) можно поставить один из ранних рассказов А. М. Горького «Маленькая» (1895 г.). М. Т. Пинаев не без оснований усматривает «горячее дыхание подвигов народовольцев»¹⁵⁶ и в сибирском романе Н. Г. Чернышевского «Отблески сияния» (1879—1883 гг.), герои которого не останавливаются перед самопожертвованием во имя высоких идеалов. «Где, в чем нужны мы вам? — обращается Надежда Григорьевна к Владимиру Васильевичу, представленному в романе, хотя и полунамеками, революционером. — Мы бросим детей, все... Говорите. Мы знаем: это идти на смерть... Миша давно готов. Готова и я»¹⁵⁷. Интересны и

---

¹⁵³ Троицкий Н. А. Константин Фофанов и «Народная воля». — Русская литература, 1970, № 1

¹⁵⁴ Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1962, с. 55, 295.

¹⁵⁵ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 1, с. 17.

¹⁵⁶ Пинаев М. Т. Наследие Н. Г. Чернышевского и демократическая литература 60—80-х годов. — Учен. зап. Волгоград. пед. ин-та, 1968, вып. 24, с. 347.

¹⁵⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 13, с. 711

такие свидетельства общественных симпатий к «Народной воле», как юношеское стихотворение А. И. Куприна «Сны» (отклик на казнь Александра Ульянова и его товарищей)¹⁵⁸ и детский замысел А. А. Блока написать пьесу под впечатлением толков о самосожжении Михаила Грачевского¹⁵⁹.

Все писатели, о которых идет речь, осуждали карательный произвол царизма. В этом отношении характерны также ранние рассказы А. П. Чехова «Броженье умов» (1884 г.) и «Унтер Пришибесв» (1885 г.), где нет революционеров, но сатирически представлены их каратели, а главное, как доложил цензор об «Унтере Пришибееве», «уродливые общественные формы, явившиеся вследствие усиленного наблюдения полиции»¹⁶⁰. Теперь установлено, что Чехов, будучи в 1890 г. на Сахалине, встречался там, вопреки запрету властей, с политическими каторжанами (народовольцами И. П. Ювачевым, А. И. Александриним, Н. Л. Перлашкевичем, И. И. Мейснером и др.)¹⁶¹ и, видимо, составил о них как о революционных типах доброе мнение. Это подтверждают и симпатии Чехова к образу революционера, который он создал в «Рассказе неизвестного человека» (1893 г.), и его переписка 1896 г. с братом народовольца-каторжанна И. Л. Манучарова¹⁶².

В один голос с передовыми русскими писателями откликались на политические гонения корифеи литературы других народов России. Иван Франко вскоре после 1 марта 1881 г. славил в львовском журнале «Свит» «безмерное самопожертвование во имя идеи», которое выкалывают перед царским судом народовольцы¹⁶³. Революционер, полный презрения к судьям, тюремщикам, пала-

---

¹⁵⁸ Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Минск 1963, с 28—29

¹⁵⁹ См.: Минц З. Г., Лотман Ю. М. О глубинных элементах художественного замысла — В кн.: Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, Тарту, 1974, 1 (5).

¹⁶⁰ Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1955, т. 2, с. 602.

¹⁶¹ Семанова М. Л. Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными. — Русская литература, 1970, № 1.

¹⁶² Новонайденные и несобранные письма Чехова. — Литературное наследство М., 1960, т. 68, с. 196—198.

¹⁶³ Дейч О. І Українська революційно-демократична журналістика Київ, 1959, с 423

чам, гибнущий за свои убеждения, но не изменяющий им, был в 80-е годы любимым поэтическим образом М. П. Старицкого (стихи «Борцу», «Дочь Иефая», «Встреча», «Путь крутой») ¹⁶⁴. Леся Украинка в стихотворении «Мать-невольница» (1895 г.) воспела одну из жертв Карийской трагедии 1889 г. М. П. Воронцову (Ковалевскую) ¹⁶⁵.

В Грузии полуиносказательно клеймил «белый террор» царизма Акакий Церетели («Кинжал», 1882 г.), возвеличивал жертвы репрессий Важа Пшавела («Верю — и верил всегда я», 1888 г.):

Жить на земле будет вечно
Тот, кто погиб, сострадав
Скорби людей бесконечной ¹⁶⁶.

В Белоруссии стихи с обличением карательного произвола писал Франциск Богушевич («Худо будет», 1891 г.), в Латвии — Ян Райнис («Любящие отечество», 1897 г.).

Даже ярый враг «нигилистов», изобразивший их в романе «Бесы» «руками, дрожащими от гнева» ¹⁶⁷, Ф. М. Достоевский и тот в последний год жизни, когда заявила о себе «Народная воля», видимо, поддался обаянию ее страстотерпцев и усомнился в своем предубеждении против них. Казнь А. А. Квятковского и А. К. Преснякова он воспринял как «жертву за идею» в государстве, законы которого расходятся с христианскими заветами церкви («если церковь — нет казни») ¹⁶⁸. Более того, во втором, «главном» романе дилогии «Братья Карамазовы» он собирался «сделать революционером» своего любимого героя Алешу Карамазова. По свидетельству А. С. Суворина, Достоевский рассказывал ему незадолго до смерти, что Алеша в этом романе «совершил бы политическое преступление, его бы казнили; он искал бы правду и в этих поисках, естественно (! — Н. Т.), стал бы револю-

---

¹⁶⁴ Поезії М. П. Старицького (1861—1904). Київ, 1908, с. 82—83.

¹⁶⁵ Украинка Леся. Стихотворения и поэмы. Л., 1958, с. 130—132, 380—381.

¹⁶⁶ Пшавела Важа. Стихи и поэмы. Тбилиси, 1961, с. 34.

¹⁶⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч., т. 8, с. 438.

¹⁶⁸ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб., 1883, с. 355.

ционером»¹⁶⁹. Таким образом, писатель готовил для своего героя путь от религиозного смирения (в первом романе) до «политического преступления», от созерцательно-го инока до активного революционера, может быть — цареубийцы («его бы казнили»), и все это — в поисках *правды*. Иными словами, как истинно великий художник, Достоевский готов был подняться над своими охранительными убеждениями, чтобы сделать революционера выразителем какой-то высшей, хотя и едва ли осознанной самим писателем, правды.

Только писатели, которые специализировались на так называемом «антинигилистическом романе», оправдывали карательный террор царизма. Б. М. Маркевич (то самый, кого И. С. Тургенев сделал заглавным героем аллегорического стихотворения в прозе «Гад») на страницах романа «Бездна» (1883—1884 гг.) даже корил царские власти, в лице прокурора Тарах-Таращанского, за недостаточно жестокую расправу с «крамолой», требуя от них еще более крутых мер¹⁷⁰. Маркевичу поддакивали и другие беллетристы-антинигилисты (В. П. Авенариус, В. П. Ключников, В. Г. Авсеенко, К. Ф. Головин), которых вплеснула в литературу волна «антинигилистического романа» первой половины 80-х годов, как реакция на «крамолу» «Народной воли». Все эти беллетристы по своим творческим возможностям выглядели пигмеями рядом с такими гигантами, как Толстой или Тургенев, с писателями масштаба Гаршина или Надсона. Достаточно сказать, что бесталанный и беспринципный Маркевич слыл среди них «классиком».

Н. С. Лесков, который в 60-х годах отдал дань антинигилизму романами «Некуда» и «На ножах», в течение 70-х годов эволюционировал далеко влево, счел свои антинигилистические опусы «ошибкой молодости»¹⁷¹ и в 80—90-е годы создал ряд блестящих сатир на карательную политику царизма. Таковы, в особенности, два его произведения 90-х годов: рассказ «Административная грация» и повесть «Заячий ремиз». В повести уничтожающе обрисованы царские «ловитчики», алчущие «цапать

---

¹⁶⁹ Суворин А. С. Дневник М. — Пг., 1923, с. 15.

¹⁷⁰ Маркевич Б. М. Бездна. Правдивая история. М., 1883, ч. 1. с. 102, 105.

¹⁷¹ Горячкина М. С. Сатира Лескова. М., 1963, с. 45.

потрясателей основ», под которыми разумеются «сицилисты», то есть «мужеский пол в шляпах земли греческой, а женская плоть — стрижены и в темных окулярах, як лягушки». Эти «ловитчики» цапают как «мужеский пол», так и «женскую плоть» по одному подозрению и жалеют о том, что вместо старого феодального «письменного» суда учреждено какое-то «егалите и брагарните», где «то судья говорит, то злодей говорит, а то еще его заступщик»¹⁷².

Все произведения, в которых так или иначе осуждался карательный террор, а также личные связи авторов этих произведений с врагами царизма, их выступления в защиту жертв судебной и административной расправы всегда вызывали у современников широкий сочувственный резонанс, тем самым еще более возбуждая общество против царского режима. Что же касается «антинигилистической» литературы, то она не имела в обществе и малой доли того успеха, каким пользовались передовые писатели, — ни по художественным достоинствам (исключая лишь «Бесов» Достоевского), ни по идейному содержанию.

Наряду с литературой, ярко свидетельствовала об отношении русского общества к политическим процессам живопись. Революционная тема в ней стала возможной лишь после отмены крепостного права. Первые шаги к этой теме были сделаны в 60-х годах, но главным образом она разрабатывалась в 80-е годы, со времени второй революционной ситуации, под впечатлением героини «Народной воли». Именно в условиях назревания революционной ситуации — с конца 70-х годов — началось в русской живописи прямое, конкретное воплощение революционных сюжетов и образов. До тех же пор художники развивали революционную тему иносказательно, «языком нероглифа»¹⁷³. При этом одни мастера (И. Е. Репин, Н. А. Ярошенко, В. Е. Маковский, С. В. Иванов) в 80-е годы стали чередовать иносказательные сюжеты с конкретными, а другие (И. Н. Крамской, В. И. Суриков,

---

¹⁷² Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти т. М., 1958, т. 9, с. 542, 548, 564—565.

¹⁷³ Выражение И. Н. Крамского (Крамской И. Н. Письма, статьи в 2-х т. М., 1956, т. 1, с. 446).

Н. Н. Ге, Г. Г. Мясоедов).— ограничивались иносказаниями.

Иносказательному отражению революционной темы в русской живописи посвящена моя статья «Языком иносказания»¹⁷⁴. Здесь же, отсылая читателя к этой статье, только подчеркну, что центральное место в живописных иносказаниях 80-х — начала 90-х годов занимала тема репрессий царизма против «Народной воли» с ярко выраженным их осуждением. Так, под впечатлением процесса 1 марта 1881 г. были задуманы лучшие создания двух величайших гениев отечественной живописи — «Иван Грозный и сын его Иван» Репина и «Боярыня Морозова» Сурикова. Иносказательно обличали «белый террор» царизма также «Хохот» Крамского, «Суд Синедриона» и «Распятие» Ге, «Смерть князя Гвоздева» Н. В. Неврева, «Самосожжение» Мясоедова, «Причины неизвестны» и «В вагоне» Ярошенко, «В ожидании приговора суда» К. А. Савицкого, «По этапу» В. Е. Маковского, «Этап» С. Иванова, «По этапам» А. Е. Архипова, «Владимирка» И. И. Левитана, рисунки «Острог» Сурикова, «Конвой арестантов» С. А. Коровина.

Более того, откровенные произведения на революционную тему тоже буквально вопияли тогда главным образом о жандармских и судебных гонениях. В первую очередь, это картины Репина¹⁷⁵.

В 1880—1885 гг. Репин написал «Отказ от исповеди перед казнью», а в 1884 или 1885 г.— еще и менее известную картину, впрочем неоднократно (1897, 1899, 1900 гг.) экспонированную на международных выставках, «В одиночном заключении» (другое название — «Революционерка перед казнью»). На первую из этих кар-

---

¹⁷⁴ Искусство, 1972, № 10

¹⁷⁵ Подробно см.: Гроизкий Н. Репин и «Народная воля». — Искусство, 1971, № 9 Репин преклонялся перед Н. Г. Чернышевским, дружил с народовольцами Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, З. Г. Ге, был хорошо знаком с П. Л. Лавровым, М. Н. Ошаниной, П. Ф. Якубовичем, В. Н. Фигнер. Правителей же и карателей России он ненавидел и презирал. Царь Александр III был, в его представлении, «осел во всю натуру», Николай II — «тупая скотина.., скиф-варвар держиморда», К. П. Победоносцев и М. Н. Катков — «паскудные фальшивые пахальники», все правительство Александра III — «царство идиотов, бездарностей, трусов, холуев и тому подобной сволочи» (Репин И. Е. Избранные письма в 2-х т. М., 1969, т. 1, с. 330, 333; т. 2, с. 191, 356).

тин он был вдохновлен сценами Н. М. Минского «Последняя исповедь», опубликованными в № 1 газеты «Народная воля», сюжет второй картины, по изустному преданию, почерпнул из процесса «14-ти», причем молодежь и в 90-е годы называла картину без обиняков — «Вера Фигнер в тюрьме»¹⁷⁶. Обе картины идейно перекликаются друг с другом: они утверждают не только нравственное превосходство революционера-смертника над его палачами, но и неодолимость движения, представленного такими людьми, которые не склоняются ни перед богом, ни перед самой смертью. Реальные герои «Народной воли» — Андрей Желябов и Николай Кибальчич, Степан Халтурин и Александр Ульянов — шли на смерть, отказываясь от поповского благословения, именно так, как это делает герой Репина. А репинская героиня напоминала современникам, что активными борцами за свободу стали и женщины — такие, как Софья Перовская и Анна Якимова, Вера Фигнер и Софья Гинсбург, — которые не уступают своим товарищам по делу, мужчинам, ни революционной убежденностью, ни силой духа.

В 1884 г., еще не окончив «Отказ от исповеди» и «В одиночном заключении», Репин выставил знаменитую картину «Не ждали». Ее герой — революционер, который пережил долгую ссылку (или каторгу) и выходит на волю несломленным, все еще сильным, готовым к новой борьбе¹⁷⁷. Главная идея этой картины — моральное оправдание революционера, оправдание и, стало быть, возвеличение революционного движения, его идеалов и жертв. Той же идеей проникнут широко известный «Арест пропагандиста», который был задуман Репиным еще в 1878 г., под впечатлением процесса «193-х», но создавался главным образом с 1880 по 1892 гг., т. е. в годы борьбы и гибели «Народной воли».

Помимо картин, Репин откликался на политические процессы в рисунках и портретах — начиная с 1866 г.,

---

¹⁷⁶ Репин. Художественное наследство. М. — Л., 1948, т. 1, с. 176—177.

¹⁷⁷ К слову, само название картины говорит, что ссыльный бежал, а не просто отбыл наказание (как поясняется в литературе о Репине), иначе в его возвращении не было бы **ничего неожиданного** для родных, которые наверно считали не **только** годы, но и дни его заточения.

когда он зарисовал «Каракозова перед казнью». В 1881 г. он написал портрет Геси Гельфман, осужденной на смертную казнь по делу о цареубийстве, выразив таким образом сострадание и симпатию к ней. Известная картина Репина «Украинка у плетня» представляет собой, как установил недавно З. И. Крапивин, портрет деятельницы «Народной воли» Зои Григорьевны Ге¹⁷⁸.

Произведения с откровенным, причем глубоко сочувственным показом жертв политических процессов создавали в 80-е годы и другие художники. В. Е. Маковский с 1879 до 1890 г. работал над вторым вариантом своего полуиносказательного «Осужденного»¹⁷⁹, придавая ему вполне определенную политическую окраску, а в 1882 г., под впечатлением ранних процессов «Народной воли», написал картину «Узник». Герой этой картины очень близок к народовольцу из репинского «Отказа от исповеди»: глядя на узника Маковского, невольно думаешь, что именно такой характер способен перед казнью гордо отвергнуть исповедь. С другой картиной Репина «Арест пропагандиста» перекликаются как идейно, так и сюжетно (вплоть до названия), рисунок В. Маковского «Арест нигилистов» (1884 г.) и замысел картины Ярошенко «Арест пропагандистки», оставшийся незавершенным: сохранился лишь эскиз 1887 г., который обозначает композицию будущего произведения и схему образа героини, столь же целеустремленной и непреклонной, как и герой Репина.

Очень громко откликнулся на судебные процессы «Народной воли» величайший русский баталист В. В. Верещагин. В 1884—1886 гг. он написал картину «Казнь заговорщиков в России», где запечатлен Семеновский плац с пятью виселицами, как 3 апреля 1881 г., хотя и в зимний день, в снегопад, что как бы символизировало гнетущую политическую атмосферу Петербурга. Пафос этой картины — не в прославлении борцов за свободу, а в осуждении их палачей. Верещагин включил ее в свою всемирно известную «Трилогию казней», другие части

---

¹⁷⁸ Крапивин З. И. Из жизни и творчества И. Е. Репина в Париже — В кн.: Новое о Репине Л., 1969, с. 381—382.

¹⁷⁹ «Осужденного» Маковский изобразил с такой экспрессией и симпатией, что Крамской написал о нем Репину: «.. перед его картиною плачут» (Крамской И. Н. Письма. М., 1937, т. 2, с. 175).

которой составили «Распятие на кресте у римлян» и «Подавление индийского восстания англичанами». Таким образом, трилогия ставила «белый террор» царизма 80-х годов «в один ряд с самыми отвратительными проявлениями деспотического варварства всех времен и народов»¹⁸⁰.

Прямое обличение «белого террора» при явном сочувствии к его жертвам налицо и в картине С. В. Иванова «Из острога на допрос» (1887 г.). Эскиз к ней под названием «Арестованный» написан, вероятно, в дни массовых арестов по делу «Второго 1 марта». Он изображает молодого арестанта, на вид студента, которого ведут по городу два конных жандарма с саблями наголо.

Даже К. Е. Маковский, с конца 70-х годов эволюционировавший к монархизму в убеждениях и академизму — в творчестве (в 1883 г. он порвал с передвижниками), и тот невольно отдал дань уважения мученикам «Народной воли». Преисполненный скорби об Александре II, с которым был лично близок, и негодования против царевубийц, ежедневно являлся он на заседания суда по делу 1 марта 1881 г. и рисовал там с натуры судей и подсудимых. Талант художника взял верх над его чувством. Неожиданно для самого Маковского судьи (лично с ним знакомые) и прокурор оказались в его рисунках морально ущербными, отталкивающими, а подсудимые (в особенности Желябов) — благородными и привлекательными личностями. Взволнованный художник отказался от увлекшей было его затеи создать верноподданническое полотно о «злодеянии» 1 марта¹⁸¹.

Итак, почти все корифеи русской живописи 80-х годов выразили в своих произведениях протест против царского террора и уважительное сочувствие к его жертвам. «Антишгилистических» картин никто из художников, известных в то время, не писал.

Как правило, живописцы, затрагивавшие тогда революционную тему, изображали не деятельность народовольцев, а преследование их властями (арест, суд, заточение, ссылку, казнь). Это объяснялось и цензурными

---

¹⁸⁰ Лебедев А. К. В. В. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1972, с. 221.

¹⁸¹ Л[еткова] Е. [П] Константин Маковский на процессе 1 марта 1881 г. — Былое, 1924, № 23 (Рисунки Маковского там же).

соображениями (революционер под арестом был более приемлем для цензуры, чем в действии), и политической обстановкой тех лет, когда прежде всего бросался в глаза и больше всего возмущал современников именно разгул правительственных репрессий. Но и под арестом и судом, в заточении и перед казнью революционер, народолюбец, каким изображали его (прямо, «вполоткрыта» или на «языке иероглифа») Репин и Суриков, Крамской и Ярошенко, Мясоедов и Ге, Иванов и братья Маковские. бесконечно превосходил своих врагов идейно и нравственно, привлекая тем самым симпатии общества к людям русской революции и к ее идеалам. Глядя, к примеру, на героя картины Репина «Отказ от исповеди», зритель легко мог рассудить, что дело, ради которого *такие* люди *так* идут на смерть, бессмертно.

Живопись, изобличавшая с такой художественной силой «деспотическое варварство» царизма, вовлекала в революцию новых *борцов* — сначала народнического, а потом и социал-демократического поколений. «Еще нигде не описаны, — свидетельствовал В. Д. Бонг-Бруевич, — те переживания революционеров, те клятвы, которые давали мы... при созерцании таких картин, как «Иван Грозный и сын его Иван», «Утро стрелецкой казни», как «Княжна Тараканова», как та картина, на которой... народолюбец отказывается перед смертной казнью принять благословение священника»¹⁸². Подобные же свидетельства оставили С. И. Мицкевич и Е. Д. Стасова¹⁸³.

Театр и музыка всегда были дальше от «политики», чем литература и живопись, — как по жанровому своеобразию, так и ввиду тягостной опеки со стороны «верхов», давления вкусов «света». Люди театра в 80-е годы большей частью обывательски восставали против всякой «крамолы», легко поддавались верноподданническому психозу — особенно в связи с покушениями народолюбцев на царя. Но и среди актеров, музыкантов, театроведов с годами росло возмущение против карательного террора и сочувствие к его жертвам. То и другое выражали

---

¹⁸² Антонова В. И. Государственная Третьяковская галерея. М., 1956, с. 7.

¹⁸³ Мицкевич С. И. На грани двух эпох. М., 1937, с. 47; Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1906, с. 13.

в откликах на расправу с «Народной волей» самые выдающиеся мастера театра и музыки.

Документы свидетельствуют, что М. Г. Савина в день казни героев 1 марта 1881 г. преклонилась перед их мужеством¹⁸⁴, а юная Е. К. Мравина плакала от сострадания к ним¹⁸⁵. Возмущался варварской казнью первоапрельцев А. И. Южин¹⁸⁶. Корифей русской провинциальной сцены В. Н. Андреев-Бурлак в 1883 г. опубликовал чудом проникший сквозь цензуру рассказ «За отца», где на частном примере (тюремный часовой идет под расстрел за то, что позволил бежать узнику — своему отцу) обличал всю карательную политику царизма¹⁸⁷.

Популярные актеры и музыканты отваживались и на прямую поддержку жертв «белого террора». Основательница первого в Москве частного (Пушкинского) театра А. А. Бренко с ведома и при помощи таких именитых артистов, выступавших в 1880—1882 гг. на сцене ее театра, как П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, А. Я. Глама-Мещерская, собирала средства в пользу политических узников, укрывала их после побегов¹⁸⁸. А. П. Бородин в 80-е годы «выбивался из сил, выручая то одного, то другого» из арестованных студентов¹⁸⁹, имел какие-то связи с Г. А. Лопатиным¹⁹⁰. Приют и материальную помощь народолюбцам оказывала вокальный педагог С. Г. Рубинштейн (сестра композиторов), по совету которой Антон Рубинштейн положил на музыку «крамольную» «Узницу» Я. П. Полонского¹⁹¹.

Отметим здесь, что иносказательный протест против

---

¹⁸⁴ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921, т. 2, с. 33.

¹⁸⁵ Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. М., 1974, с. 48—49.

¹⁸⁶ Южин-Сумбатов А. И. Воспоминания. Записки. Статьи. Письма М., 1951, с. 35.

¹⁸⁷ Андреев Бурлак В. За отца. — Русская мысль, 1883, № 2.

¹⁸⁸ Гиляровский В. А. Люди театра Избранное в 3-х т. М., 1960, т. 1, с. 421.

¹⁸⁹ Ипполитов-Иванов М. М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях М., 1934, с. 22.

¹⁹⁰ Ошанин Л. В. Азагьян А. А. Василий Федорович Ошанин Очерки жизни и деятельности. М., 1961, с. 32.

¹⁹¹ Барельбойм Л. А. А. Г. Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество. Л., 1962 г. 2, с. 151, 424.

«белого террора», столь частый в литературе и живописи 80-х годов, звучал и в театре. Зритель, даже не весьма проницательный, легко находил в любом (например, из испанского средневековья) сюжете аналогию с русской современной действительностью. «Каждый намек, каждая аналогия, каждая звучащая невинно фраза, в которой заключалась хоть доля критики на современный режим, подхватывались страстно, проникновенно, — вспоминала об этом Т. Л. Щепкина-Куперник. — И публика выражала свое сочувствие, бурлила, кипела, а молодежь часто расходилась из театра к ужасу городских с пением революционных песен»¹⁹². Так впечатляли пьесы «Овечий источник» и «Звезда Севильи» Лопе де Вега, особенно же «Корсиканка» Луиджи Гуальтьери — самый смелый, самый рискованный из всех иносказательно тенденциозных спектаклей на русской сцене. Вскоре после царевубийства 1 марта 1881 г. и казни народовольцев-«царевубийц» М. Н. Ермолова, взволнованная гибелью Софьи Перовской, выбрала для своего бенефисного спектакля неизвестную до тех пор в России драму неведомого (итальянского) автора и вдохновенно сыграла в ней роль Гюльнаны, убивающей деспота. Власти были так встревожены опасной тенденциозностью «Корсиканки», что после первого же представления сняли ее с репертуара навсегда¹⁹³.

Ученые в России были, пожалуй, еще дальше от «политики», чем даже люди театра. И. И. Мечников свидетельствовал, что до конца 70-х годов «большинство профессоров отличалось политическим индифферентизмом», и лишь в годы «Народной воли», особенно после 1 марта 1881 г. «политика» стала все чаще отрывать их от науки¹⁹⁴: ведь год от году все активнее поднималась на революционную борьбу и нещаднее преследовалась карателями масса студенчества.

Ведущие ученые всегда защищали студенчество от политических гонений. Иной раз они вступались даже за арестованных и осужденных революционеров из числа

---

¹⁹² Щепкина-Куперник Т. Л. Театр в моей жизни. М. — Л., 1948, с. 156.

¹⁹³ Подробно см.: Дурыйлин С. Н. М. Н. Ермолова, с. 160—166

¹⁹⁴ Мечников И. И. Страницы воспоминаний. М., 1946, с. 79 — 81.

своих учеников: И. М. Сеченов — за Н. Е. Введенского, уже судившегося по делу «193-х» и вновь привлеченного к делу «16-ти», Н. А. Умов — за народовольца И. А. Рубановича, Н. Х. Бунге — за чернопередельца И. К. Иванова¹⁹⁵. Более того, В. С. Соловьев, как мы помним, вступился перед царем за героев 1 марта 1881 г., а почетный академик П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «бывший всегда защитником политических осужденных» (по утверждению его сына), «сделал энергичную попытку» спасти жизни вторых первоапрельцев: «Он быстро дошел до министра внутренних дел, но встретил в лице его стену..., преодолеть которую оказалось невозможным»¹⁹⁶. О помиловании Александра Ульянова и его товарищей просили также известные ученые — юрист А. Д. Градовский и педагог Н. И. Ильминский¹⁹⁷.

Такие ходатайства, хотя и требовали от ходатаев гражданского мужества, не всегда выражали их политические настроения, поскольку возбуждались, как правило, из научных (Соловьевым — даже из христианских) соображений. Но бывало и так, что ученые — вместе со студентами — присоединялись к чисто политическим актам солидарности с жертвами «белого террора». К. А. Тимирязев принял участие в студенческом сборе средств в пользу «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным» 8 февраля 1894 г.¹⁹⁸, академик А. Н. Бекетов, профессора Н. И. Каресв и С. Ф. Платонов — в «Ветровской демонстрации» 4 марта 1897 г.¹⁹⁹. Некоторые ученые (анатом П. Ф. Лесгафт, геолог А. А. Иностранцев, историк А. С. Трачевский) пребывали в 80-е годы под надзором полиции за «резкое порицание» кара-

---

¹⁹⁵ Сватиков С. Г. Очная профессура 80-х годов. — Голос минувшего, 1917, № 2; Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933, с. 229. Заметим, что кроме Н. Е. Введенского, еще трое учеников Сеченова, ставших впоследствии крупными учеными, в 1881—1887 гг. арестовывались и ссылались за участие в кружках «Народной воли» (С. С. Салазкин, Б. Ф. Вериги) и социал-демократии (Г. В. Хлопин).

¹⁹⁶ Забытым быть не может М., 1963, с. 16.

¹⁹⁷ Жизнь как факел М., 1966, с. 482—483.

¹⁹⁸ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1895, л. 1124, л. 25.

¹⁹⁹ Ростов Н. Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 г. — Катерга и ссылка, 1926, № 2, с. 64—65.

тельного произвола и «вспомоществование политическим преступникам»²⁰⁰.

Политический акт, в котором соединились протест против карателей и солидарность с их жертвами, представила собой повесть великого математика С. В. Ковалевской «Нигилистка» (1890 г.). В десятой главе повести подробно и ярко описан политический процесс по делу о «хождении в народ», иллюстрированный и деталями из народовольческих процессов²⁰¹. В числе пяти главных подсудимых здесь — две женщины (как на процессе первомартовцев). Одна из них портретируется под Софью Перовскую («Совсем молодая девушка с бледным продолговатым лицом, с мечтательными серо-голубыми глазами. Это дочь высокопоставленного чиновника. Товарищи называют ее «святой»); другая — под Гесю Гельфман («Крепкого телосложения, по-видимому, болсе грубой породы; ее широкое, плоское лицо совсем не красно и носит отпечаток фанатизма и упрямства»). Прокурор очень похож на Н. В. Муравьева, каким он был на процессах первомартовцев и «20-ти» («Человек молодой, желающий сделать быструю карьеру. Красноречие его поэтому оглушительно. Более двух часов рисует он перед судьями мрачную картину революционного движения в России. Он сортирует обвиняемых по группам... с такою же смелостью и быстротою, с какою ботаник классифицирует растения своего гербария по родам и видам»). Судьи («двенадцать сенаторов, у которых на груди больше орденов, чем волос на голове») обрисованы как лакеи правительства («им наперед были даны инструкции, и приговор их можно было предсказать»).

Ковалевская талантливо, со знанием дела, изобразила ход суда, показав, как выступления подсудимых и защита их адвокатами растопили лед предубеждения против них в публике. К концу судебного разбирательства «о прежнем презрительном, саркастическом отношении (зрителей к подсудимым.— Н. Т.) не было и помину. Постепенно накопившиеся в них симпатии грозили перейти в энтузиазм».

---

²⁰⁰ ЦГАОР, ф 102, 3 д-во, 1881, д. 628, л. 6; 1892, д. 1109, л. 2—2 об.; 7 д-во, 1883, д. 42, т. 2, л. 322 об. — 323.

²⁰¹ Ковалевская С. В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960, с. 201—208

До сих пор речь шла об откликах на политические процессы «Народной воли» со стороны разных слоев интеллигенции, которая и создавала тогда в России общественное мнение в точном смысле этого понятия. Обратимся теперь к откликам рабочих и крестьян, мнение которых при царизме не считалось «общественным», но для «Народной воли», всего революционного лагеря, для судеб русского освободительного движения имело особую значимость.

Насколько слабее были связи народовольцев с рабочими и, особенно, крестьянскими массами, чем с интеллигенцией, настолько слабее были и отклики масс (сравнительно с откликами интеллигенции) на революционные акты народовольцев и на расправу с ними, включая самые громкие их процессы. Правда, передовая часть рабочих не только хорошо знала о процессах, но и сама выступала на них. По каждому из крупных процессов «Народной воли» (исключая лишь два дела — «14-ти» и 1 марта 1887 г.) судились рабочие: по делу «16-ти» — А. К. Пресняков, Я. Т. Тихонов, И. Ф. Окладский, 1 марта 1881 г. — Т. М. Михайлов, «20-ти» — М. В. Тетерка, В. А. Меркулов, «17-ти» — М. Ф. Клименко, «23-х» — К. А. Иванайшен, Г. Е. Батагов, Н. А. Надеев и еще пятеро, «12-ти» — В. С. Панкратов, «21-го» — П. Л. Антонов, В. И. Вольнов, С. Е. Кузин, С. Г. Белоусов, В. В. Ливадин. По другим, только народовольческим делам были осуждены рабочие С. Н. Халтурин, П. Ф. Лобанев, Н. П. Евсеев, Г. Г. Хохлов и др., всего за 1880—1894 гг. — больше 30 человек. Десятки рабочих, высланных административно, общались с народовольцами в пересыльных тюрьмах или шли с ними в одних партиях по этапу в Сибирь.

В общении с рабочими народовольцы использовали как оружие агитации материалы политических процессов. Например, в Петербурге энергично распространялась и «произвела сильное впечатление» на рабочих прокламация ИК по поводу казни первомартовцев²⁰², а в

²⁰² Революционное народничество 70-х годов М. — Л., 1965, т. 2, с. 237; Панкратов В. С. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 гг. М., 1906, с. 7.

Одессе — гектографированные листки с протестом против казни Н. М. Рогачева и А. П. Штротберга²⁰³. Использовались для пропаганды среди рабочих и «законные отчеты о процессах по политическим делам»²⁰⁴.

Рабочие — члены «Народной воли» — сами печатали отклики на судебную расправу с народовольцами, призывая «товарищей — рабочих» «отомстить за своих заступников и борцов»²⁰⁵. Вспомним, что дерзкий план освобождения героев 1 марта 1881 г. на пути их к месту казни предложили именно рабочие. Они же распространяли в своей среде агитационные материалы процессов: по делу 1 марта (в Петербурге, Киеве, Минске)²⁰⁶, «16-ти» и «20-ти» (в Рыбинске)²⁰⁷, «29-ти» (в Харькове)²⁰⁸ и др. С уважением и признательностью писал о народовольцах в 1883 г. журнал рабочего кружка в Ростове «Рабочий»: «Их правительство преследует самым бесчеловечным образом, сажает в тюрьмы, казематы, подвергает мучительным пыткам, вешает, но они твердо и непоколебимо идут к своей заветной цели — разрушению настоящего строя и водворению свободы, равенства, братства»²⁰⁹.

Однако все это касается той части рабочих, которая сотрудничала с народовольцами и которой народовольцы руководили. В толщу же рабочей массы народовольческая пропаганда почти не проникала, а сама по себе рабочая масса реагировала на героиню «Народной воли» слабо. Крайне редкими были в 80-е годы попытки коллективных выступлений рабочих в ответ на политические процессы. Об одной из них говорят неопубликованные воспоминания Михаила Орлова «Отклики на казнь народовольцев». Ткачи трех светелок Ефима Морозова в с. Юрково Владимирской губернии, узнав о казни перво-мартовцев, попытались было организовать забастовку протеста. «А не возмутить ли всех ткачей, чтобы прекра-

---

²⁰³ ЦГИА УССР, ф. 419, оп. 1, д. 1200, л. 2 об., 6.

²⁰⁴ П а н к р а т о в В. С. Указ. соч., с. 5.

²⁰⁵ Литература партии «Народная воля», с. 285.

²⁰⁶ ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, Обзоры важнейших жандармских дознаний, 1887, л. 41; 1897, л. 70 об. — 71; ф. 533, оп. 1, д. 1345, л. 20.

²⁰⁷ Ф и ш е р Г. М. Подполье. Ссылка. Эмиграция. М., 1935, с. 25.

²⁰⁸ От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894). Ростов н/Д., 1921, с. 110.

²⁰⁹ Литературное наследство, М., 1932, т. 2, с. 85.

тили работу дня на три? — сговаривались они между собой.— Пусть правительство знает, что трудовой народ далекого от столицы селения откликается на зверскую казнь смелых борцов за его освобождение!» Но возмутить всех юрковских ткачей зачинщики протеста не смогли: выяснилось, что ткачи «плохо еще организованы и плохо разбираются в политике»²¹⁰.

Больше было исходивших из рабочей массы индивидуальных протестов (высказываний, реплик, иногда полусознательных ругательств) против «белого террора». Например, тульский мастеровой Иван Иванович Холодный 4 января 1880 г. в разговоре с товарищем «о мерах правительства против социалистов» заявил: «Теперь дураки вешают умных, а придет время, когда умные будут вешать дураков»²¹¹. «Сожаление о казни цареубийц» выражали симбирский кузнец Кузьма Андреевич Фадеев, херсонский артельщик Николай Васильевич Попов, маляр рабочей артели в Самаре Степан Аверьянович Зимин²¹². Кременчугский столяр Андрей Яковлевич Соколов откликнулся на убийство Александра II словами: «Так и нужно, чтобы меньше вешал!»²¹³, а фабричный из Николаева Дмитрий Алексеевич Бычков и артельщик из Нижнего Новгорода Василий Николаевич Иевлев после казни цареубийц говорили: «Всех Перовских да Рысаковых не перевешаешь!», «Нас много, всех не перевешают!»²¹⁴.

Эти примеры, конечно, показательны для настроения далеко не всей рабочей массы 80-х годов, а лишь немногих (относительно) ее представителей, не всегда даже самых сознательных, иной раз просто более смелых или неосмотрительных. Но, как бы то ни было, с годами число таких людей в рабочей среде росло, а главное, все более зрелым и уважительным становилось их отношение к революционному опыту разночинской «интеллигенции». Вот что говорил рабочий оратор Е. А. Климанов на первой маевке петербургского пролетариата в 1891 г.: «Трудная ведется борьба! Уже десятки тысяч молодежи

---

²¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 174, л. 4—5.

²¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 56, л. 198

²¹² Там же, д. 19, л. 160; д. 42, л. 144; д. 54, л. 224—224 об.

²¹³ Там же, д. 49, л. 153.

²¹⁴ Там же, д. 7, л. 282—282 об.; д. 20, л. 261 об.

погибли за нас в снегах Сибири, в казематах Петропавловки, Шлиссельбурга. Начнем же и мы сами за себя бороться!... Трудно будет нам на первых порах вступить в борьбу с нашими врагами за наши экономические и политические права, но вспомним, что еще теперь, в настоящую минуту, тысячи интеллигентов сидят за нас в Сибири, в тюрьмах, на каторге!»²¹⁵.

Таким образом, отклики рабочих на судебный и административный террор царизма 80-х годов говорят о том, что передовики рабочего класса чутко перенимали тогда народовольческий опыт безудержной и повсеместной (не только на воле, но и под арестом, перед судом, в тюрьме, на каторге) революционной борьбы. В этом и заключалась преемственность между разночинским, народническим и пролетарским, социал-демократическим поколениями русских революционеров.

Гораздо меньше затронули политические процессы «Народной воли» крестьянскую массу. Народовольцы, хотя и утверждали, что «среди крестьян ходят много рассказов, рисующих сочувственное отношение народа к жертвам правительства»²¹⁶, сами с материалами процессов в агитационных целях крестьян почти не знакомили. Описанный в № 1 «Рабочей газеты» за 1880 г. эпизод, в котором кузнец Иван Смазкин читает деревенским мужикам газетный отчет о процессе «16-ти», чтобы на этом примере показать им, как социалисты за народ против царя идут²¹⁷, — такой эпизод на деле был редкостью.

Правда, и в деревню — даже окраинных губерний, как, например, Ковенская, — проникали вести если не о судах, то о казнях народовольцев и слышались иногда красноречивые отклики, вроде того, что «вот Гартмана (? — Н. Т.), Перовскую и Кибальчича повесили, а нас все-таки много, всех не перевешают»²¹⁸, «хотя повесили шесть человек, но еще тысяча есть таких»²¹⁹ и т. д. Кре-

---

²¹⁵ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950, т. 3, ч. 2, с. 64, 65.

²¹⁶ Литература партии «Народная воля», с. 145.

²¹⁷ Там же, с. 290.

²¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 12, л. 287.

²¹⁹ Валк С. Н. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 152.

стьянин Калужской губернии Иван Комов обвинялся в том, что переписывал и передавал по рукам «биографии казненных государственных преступников»²²⁰, Никита Марковский из Волынской губернии — в сочинении антиправительственных стихов «Венок Рысакову»²²¹, Федор Чернов из Владимирской губернии — в «провозглашении тоста за государственных преступников Желябова, Рысакова»²²². Кстати, о подобных тостах среди крестьян нередко возбуждались жандармские дознания. Серьезного значения даже самые «крамольные» тосты не имели, но в какой-то степени (по смыслу поговорки «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке») тоже подтверждали сочувственное отношение части крестьян к жертвам царизма.

Однако все это представляло собой лишь редкие исключения из правила. Многомиллионная масса крестьян оставалась глуха к подвигам и жертвам народовольцев. Что касается социал-демократов, то они до начала XX в., в отличие от народников, даже не пытались поднять и повести за собой крестьян, будучи занятыми пока сплочением собственных сил и мобилизацией рабочего класса. Не только в 70—80-е, но и в 90-е годы крестьяне судили о революционерах, борющихся, преследуемых, гибнущих и вновь борющихся, главным образом на примерах народников — судили в массе своей равнодушно. Ошибочность народнических представлений о крестьянстве как о силе, наделенной будто бы революционным и коммунистическим инстинктами, обусловила трагическое квипрокво между народовольцами и крестьянством: ни пламенные призывы, ни самоотверженные подвиги народовольцев, ни ужасы расправы с ними не могли взволновать отсталую и забитую крестьянскую *массу*. «Народ безмолвствовал, как в «Борисе Годунове» Пушкина»²²³, оставляя народовольцам лишь надежду на то, что «если масса не поняла их сегодня, то поймет завтра»²²⁴.

---

²²⁰ ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, Обзоры важнейших жандармских дознаний, 1883, л. 108.

²²¹ Там же, 1884, л. 126 об.

²²² Там же, 1882, л. 175 об.

²²³ Плеханов Г. В. Соч. М. — Л., 1927, т. 24, с. 139.

²²⁴ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 80.

Итак, общая картина откликов интеллигенции, а также рабочих и крестьян России на судебные процессы «Народной воли» была пестрой: рядом с яркими красками живого сочувствия проступали в ней удручающие тона равнодушия. Но сочувственное отношение к революционерам проявлялось (главным образом, в интеллигентских слоях) гораздо сильнее, к тому же оно росло, влекло за собой симпатии, а то и содействие революционному лагерю.

Такой оборот дела крайне тревожил карателей. Генерал Р. А. Фадеев в записке для Верховной распорядительной комиссии 1880 г.— «Мысли без утайки о современном положении русских дел» подчеркивал, сколь опасна для царизма присущая «нигилистам» уверенность, что большинство России за них, только не смест высказаться, как не раз они повторяли перед судом; покуда в наших школах и подпольях держится такое убеждение, можно изловить много нигилистов, но искоренить нигилизм так же трудно, как вычерпать текущую реку,— вода все будет прибывать сверху»²²⁵. Подобный взгляд для того времени, когда «Народная воля» вела свою «*guerre á mort*» против царизма, был в порядке вещей. Такие авторитеты, как К. П. Победоносцев, Д. А. Милютин, Б. Н. Чичерин, Н. И. Пирогов, в один голос утверждали тогда, что «правительство, отрешенное от общества ...чувствует себя бессильным в своем одиночестве» перед крамолой²²⁶.

Даже за границей наблюдательные современники видели и ценили сочувствие русского общества к борцам за свободу, понимая, как такое сочувствие воодушевляет борцов. «Если столько людей решается на активную борьбу, грозящую им гибелью,— писал в 1890 г. С. М. Кравчинскому Марк Твен,— то значит тем, кто сочувствует им, хотя до поры до времени и держится в стороне,

²²⁵ ЦГАОР, ф. 569, оп. 1, д. 58, л. 21.

²²⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, ч. 1, с. 115, 117; Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925, т. 1, с. 220; Милютин Д. А. Дневник, М., 1950, т. 3, с. 205; Неизданные страницы из мемуаров Н. И. Пирогова. — В кн.: О минувшем. Спб., 1909, с. 44.

нет числа»²²⁷. Но в том-то и дело, что люди, которым действительно не было числа, держались в стороне, не решаясь перейти от сочувствия к прямой поддержке революционеров.

Недостаток решимости, о котором идет речь, имел не только и даже не столько социально-психологическое, сколько политическое объяснение: сказалась здесь, конечно, и традиционно-российская интеллигентская дряблость, но еще больше — груз тоже традиционных для русского общества политических иллюзий и, в первую очередь, той, говоря словами В. И. Ленина, «...самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентарство с русским самодержавием...»²²⁸.

Слабость массового движения заставляла народо-вольцев искать опору в интеллигенции. Но интеллигенция не могла обеспечить им достаточно широкой и активной поддержки. «...Узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев...»²²⁹, оказалась роковой для «Народной воли». Отсутствие твердой опоры в массах обрекало ее на поражение. И все же связь русского общества с революционным (преимущественно народо-вольческим) лагерем 80-х годов, так ярко раскрывшаяся в откликах на политические процессы, не осталась бесплодной. С одной стороны, она ускорила приобщение интеллигенции к освободительной борьбе. С другой стороны, ее пример наглядно убеждал русских революционеров в том, что они не смогут победить, опираясь только на интеллигенцию, без всеобщего подъема народных масс. Это убеждение и почерпнули из народного опыта социал-демократы.

---

²²⁷ Твен М Собр. соч в 12-ти т. М., 1961, т. 12, с. 612.

²²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 72.

²²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.

**Международные отклики
на судебные процессы
«Народной воли»**

Н

и одна из революционных организаций в России домарксистской эпохи не пользовалась такой известностью за границей и таким влиянием на мировое общественное мнение, как «Народная воля». Ее дела и люди, по выражению Г. В. Плеханова, «становили на себе «зрочок мира»¹. Под впечатлением громкой славы «Народной воли» не только в Европе, но отныне и в Америке, и в Азии все более широкие слои общества стали интересоваться русским освободительным движением и Россией вообще. Пресса всех направлений интенсивно печатала корреспонденции и передовые статьи о русском «нигилизме», о единоборстве между «нигилизмом» и царизмом и о гонимых на «нигилизм». В разных странах выходили еженедельные описания современной России, где на первом плане оказывалась опять-таки проблема «царизм и нигилизм». С такими книгами выступили, например, француз Пьер Фреде², немец Альфонс Тун³, испанец Эмилио Кастеляр⁴, американец Эдмунд Нобль⁵.

Одним из главных источников информации о русском революционном движении 80-х — начала 90-х годов по-прежнему (как и в 70-е годы)⁶ служили для заграницы

¹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2-х т. М., 1964. т. I, с. 221.

² Frédéric P. La Russie et le nihilisme. Paris, 1880.

³ Thun A. Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland. Leipzig, 1883.

⁴ Castelar y Ripoll E. La Rusia contemporanea... Madrid, 1881.

⁵ Noble E. The Russian revolt, its causes, conditions and prospects. London, 1885.

⁶ О международных откликах на политические процессы в России 70-х годов см.: Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России (Саратов, 1976, гл. IV, § 5).

политические процессы. Судились на них, как мы помним, исключительно народовольцы и близкие к ним народники. Поэтому международные отклики на процессы и на связанные с ними революционные акты в России 80—90-х годов адресовались почти сплошь «Народной воле».

Демократические круги (особенно социалисты) Запада и Востока, хотя и не без оговорок относительно русских условий, которые диктуют революционерам специфические, не для всех целесообразные способы борьбы, всегда солидаризировались с народовольцами и отзывались о них не иначе как с восхищением. «Какое величие души! — писал о героях «Народной воли» Марк Твен. — Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и, в конце концов, на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России... Я не говорю о кратком мученичестве, о внезапном самопожертвовании во имя высокого идеала в минуту восторженного порыва, почти безумия, — я говорю лишь о героизме совсем иного рода: об этом поразительном, сверхчеловеческом героизме, что прямо смотрит вперед, через годы, в ту даль, где на горизонте ждет виселица, — и упрямо идет к ней сквозь адское пламя, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя и твердо зная, что на его долю достанется одна только виселица»⁷.

Таков же смысл откликов Национального конгресса французских социалистов в Гавре (ноябрь 1880 г.) на процесс «16-ти» и центрального органа социал-демократической партии Германии «Социал-демократ» на процесс «21-го»⁸. Подвигами народовольцев вдохновлялись создатель и вождь партии венгерских социалистов герой Парижской Коммуны Лео Франкель⁹, основатель чешской социал-демократии Ладислав Запотоцкий¹⁰, лидер

---

⁷ Твен М. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1961, т. 12, с. 613—614.

⁸ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 99; О-п. Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg. — Der Sozialdemokrat, 1887, 23. Juni.

⁹ Дроздов П. И. Вехи многовековой дружбы. М., 1965, с. 277, 282.

¹⁰ Фирсов Ф. И. Революционные связи народов Чехословакии и Советского Союза. — История СССР, 1958, № 6, с. 189.

итальянских социалистов Филиппо Турати и самый крупный поэт объединенной Италии Джозуэ Кардуччи¹¹. Бернард Шоу находил русских революционеров «восхитительно приятными» и считал своей любимой героиней Софью Перовскую¹². Разделял социалистические идеалы народовольцев и приветствовал их борьбу (в частности, цареубийство 1 марта 1881 г., после которого «на земле одним тираном стало меньше») и Генрик Ибсен¹³.

Симпатии английского рабочего люда к героям «Народной воли» ярко проявились после лекций П. А. Кропоткина о русском революционном движении в Ньюкасле, Глазго и Эдинбурге (1882 г.), когда «толпы работников восторженно кричали на улице «ура» в честь нигилистов»¹⁴.

Кампания солидарности с «Народной волей» захватила в 80-е годы социалистов и рабочие массы, а также часть радикально-буржуазной интеллигенции чуть ли не всех континентов. Один из приветственных адресов народовольцам в 1880 г. подписали 70 социалистов Александрии (Египет)¹⁵. В марте 1881 г. прошли митинги одобрения русских цареубийц в Нью-Йорке и (с участием 2 тысяч рабочих) в Чикаго¹⁶. На митинге в Бостоне 7 марта 1881 г., выдающийся борец за свободу американских негров, член I Интернационала Уэнделл Филлипс, «лучший, — в оценке Ф. Энгельса, — оратор Америки, а возможно и всего мира», говорил: «Я смотрю на Россию, лежащую за 4000 миль отсюда, и вижу, какой кошмар тяготеет над ее народом. Но я надеюсь, что найдется кто-нибудь, кто освободит от него народ. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли здесь хоть один американец, который это осудит?»¹⁷.

В Уругвае весной 1881 г. участники народного ми-

---

¹¹ Раджоньери Э. Итало-русские общественные связи (1860—1900). М., 1968, с. 16—18.

¹² Шоу Б. Слово о Степняке. — Русская литература, 1967, № 1, с. 166; Гражданская З. Т. Бернард Шоу. М., 1965, с. 35.

¹³ Адмони В. Г. Генрик Ибсен. Очерк творчества. М., 1956, с. 158.

¹⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 399.

¹⁵ Le Révolté, Genève, 1880, 3 avril, p. 2.

¹⁶ 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 286.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 143.

тинга точно так же выражали симпатии «нигилистам, которые жертвуют собой ради избавления своей страны от гнета»¹⁸, а в Японии боевая группа демократической партии «Дзюто» в 1884 г. наставляла своих адептов: «Мы должны брать пример с русских нигилистов»¹⁹. Об откликах на борьбу «Народной воли» в Китае Лу Синь в 1932 г. писал так: «Кто из нашей революционной молодежи тех лет не знал о молодых русских революционерах? Кто не слышал про смелых террористов? Китайская молодежь не забывала Софьи Перовской, хотя большинство, пожалуй, знало ее только как красавицу. Ведь в китайских произведениях до сих пор еще часто встречалось имя Софьи»²⁰.

Горячо приветствовали «Народную волю» как «революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»²¹, солидаризировались с ней К. Маркс и Ф. Энгельс, пристально наблюдавшие за ходом революционного движения в России. В личной встрече с членом Цеполнительного Комитета «Народной воли» Н. А. Морозовым Маркс подчеркнул, что борьба народолюбцев с царизмом «представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастические романы»²². Основоположники научного коммунизма включали эту борьбу в общий фронт международного революционного движения и радовались ее победам. Маркс в письме к Ф. Зорге от 5 ноября 1880 г., оценив «превосходные» успехи французской социал-демократии, с гордостью отмечает: «В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там... *центральный комитет террористов...*»²³. Понимая, что избранный народолюбцами террористический метод борьбы в русских условиях 1870—1880-х годов был «исторически неизбежным способом действия»²⁴, Маркс и Энгельс разъясняли

¹⁸ Le Révolté, 1881, 28 mai, p. 3.

¹⁹ Бедняк И. Я. и др. Очерки новой истории Японии. М., 1958, с. 277.

²⁰ Лу Синь Собр. соч. М., 1955, т. 2, с. 99.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 357.

²² Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 318.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 380.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 148.

это тем из своих соратников (например, Вильгельму Либкнехту), которые относились к тактике русских «нигилистов» с известным предубеждением. «К счастью для Либкнехта, — писала об этом осенью 1880 г. дочь Маркса Женни, — папа и Гартман открыли теперь ему глаза. Он всерьез заинтересовался Гартманом, который показал ему все значение русского революционного движения и беспримерное величие подлинных героев-нигилистов»²⁵.

Что касается буржуазных кругов, то поначалу в тоне их откликов на борьбу «Народной воли» резко преобладали враждебные ноты. «Нигилизм» как соединение терроризма и социализма пугал расчетливых английских, французских и прочих буржуа, шокировал их своей фанатической непримиримостью к социальному неравенству²⁶. Американский журнал «Макмиллиэн мэгэзин» уподоблял народовольцев «маньякам эпохи французского террора», способным только на разрушение²⁷. Одна из самых влиятельных немецких газет «Альгемайне цейтунг», посвятившая народовольцам три редакционные статьи в номерах от 23, 24 и 25 марта 1881 г. под общим названием «Нигилизм в России», хотя и признавала «целеустремленность и готовность к самопожертвованию», даже «нечто вроде античного величия» в народовольцах, ссылаясь на «общий ужас, возбуждаемый преступлениями нигилизма»²⁸. Буржуазная пресса распространяла тогда карикатуры на «нигилистов» как на демонов разрушения, вроде той, которую С. М. Кравчинский видел вскоре после взрыва 5 февраля 1880 г. в одном из английских сатирических журналов: «Два нигилиста встречаются среди груды развалин. «Уже все взлетело в воздух?» — спрашивает один. — «Нет, — от-

---

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 397; См. также: Меринг Ф. История германской социал-демократии, М. — Пг., 6 г., т. 4, с. 158, 160.

²⁶ Perivier A. Les Nihilistes — Le Figaro, 1881, 27 mars; Cunliff-Owen F. Russian Nihilism. — The Nineteenth Century, 1880, v. VII, № 35.

²⁷ Costelloe. Russia and Revolution. — Macmillan Magazine, 1882, № 3, p. 408 (цит. по кн.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Ростов н/Д, 6 г., т. 2, с. 253).

²⁸ Der Nihilismus in Russland. — Allgemeine Zeitung, Augsburg, 1881, 25. März.

вечает другой. — Земной шар еще стоит на месте». «Ну что ж, тогда давай взорвем и земной шар!»²⁹.

Такой взгляд на «нигилистов» бытовал отчасти по неведению. Дело в том, что заинтригованная катаклизмами русских дел иностранная печать на рубеже 70—80-х годов заботилась не столько о качестве, сколько о количестве информации из России. Падкие на всякую сенсацию буржуазные газеты печатали, наряду с отчетами своих корреспондентов, непроверенные слухи и откровенные анекдоты. Любопытно, что слухи и анекдоты большей частью питались преувеличенными представлениями об удачах и возможностях «нигилистов». Одна «большая политическая газета» Вены уверяла своих читателей в марте 1881 г., что «нигилисты наклеивают теперь в Петербурге свои революционные прокламации на спинах жандармов, дворников и других блюстителей порядка»³⁰. В общем же М. П. Драгоманов имел основания заявить весной 1881 г.: «Можно умереть со смеху, читая девять десятых того, что печатается в европейских газетах... о русских революционерах»³¹.

Исполнительный комитет «Народной воли» в таком положении заботился, прежде всего, о правдивом ознакомлении европейской общественности с русскими делами, а затем уже о завоевании ее сочувствия. Впрочем, одно с другим ИК связывал. Особый пункт инструкции «Подготовительная работа партии», который так и назывался «Европа», гласил: «Факты революционной борьбы, деятельность и цели партии, мероприятия русского правительства, его отношение к народу — если Европа будет все это знать без искажений, то ее сочувствие нам обеспечено»³².

---

²⁹ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. М., 1968, с. 7.

³⁰ Голос, 1881, 2 (14) апреля.

³¹ Драгоманов М. П. Тираноубийство в России и поведение Западной Европы. Собр. политических соч. Paris, 1906, т. 2, с. 363. В пример Драгоманов привел А. Леруа-Болье, который (после того как в Киеве кто-то из революционеров попытался поджечь сарай, чтобы скрыть следы тайной типографии) напечатал в солидном «Revue des deux Mondes» от 15 февраля 1880 г., что русские революционеры «жгли дома, целые кварталы, почти целые города».

³² Революционное народничество 70-х гг. XIX в. М. — Л., 1965, т. 2, с. 183.

Толчком к началу активной борьбы ИК за привлечение на сторону русской революции общественного мнения Европы явилось знаменитое «дело Гартмана».

Агент ИК Лев Николаевич Гартман, участник покушения на Александра II под Москвой 19 ноября 1879 г., эмигрировал в декабре того года в Париж и там, по ходатайству русских властей, 15 февраля 1880 г. был арестован³³. Царизм потребовал его выдачи. Французские власти готовы были уступить. Премьер-министр Ш.-Л. Фрейсине обещал князю Н. А. Орлову, что гребование будет выполнено³⁴. Но расчеты обоих правительств спутала вдруг начавшаяся во Франции бурная общественная кампания в защиту Гартмана, которую блестяще открыли, с одной стороны, ИК, а с другой стороны, солидарная с ним русская революционная эмиграция.

Как только ИК узнал об аресте Гартмана, он разослал в редакции французских газет и в другие страны воззвание «Французскому народу». Подчеркнув, что русские революционеры борются за принципы свободы, равенства и братства, которые «провозгласила впервые» Франция, ИК обращался «ко всей Франции» с призывом не допустить выдачи Гартмана. «Тут важен не Гартман, не та или другая отдельная личность, — разъяснял ИК, — важен принцип... Не покупайте благорасположения царя ценою оскорбления свободы и международной солидарности!»³⁵. Одновременно ИК поставил в известность о деле Гартмана русскую революционную эмиграцию и уполномочил С. М. Кравчинского, О. С. Любатович и В. И. Засулич «ходатайствовать по этому делу от имени Исполнительного комитета официально»³⁶.

Эмигранты начали действовать немедленно и решительно, причем, наряду с Кравчинским, особенно активны

---

³³ «Голос» в передовой статье от 25 февраля (8 марта) 1880 г. сообщал, что русский посол во Франции князь Н. А. Орлов, как только он «был извещен» о приезде в Париж Гартмана, попросил арестовать его, и «французские власти выказали, как известно, полнейшую готовность исполнить эту просьбу».

³⁴ Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891 гг. М., 1952, с. 265.

³⁵ Революционное народничество 70-х гг., т. 2, с. 227.

³⁶ Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 207.

были П. Л. Лавров, искавший поддержки у всесильного председателя палаты депутатов Л. Гамбетты (тот, правда, ничего определенного не обещал), и Г. В. Плеханов, который, по данным французской охранки, приехал в Париж из Цюриха и обратился за помощью к А. Рошфору, Ф. Пиа, Ж. Клемансо³⁷.

Французская общественность горой встала за Гартмана. Многие газеты опубликовали воззвание ИК, а иные («Citoyen», «Lanterne», «Reveil Social» и др.), требуя немедленного освобождения Гартмана, были «чуть не готовы избрать его в муниципальные советники Парижа»³⁸. Парижане устраивали митинги солидарности с русским революционером. 1 марта две тысячи студентов собрались в зале Аррас под председательством «вечного узника» Огюста Блашки, незадолго перед тем в последний раз освобожденного из тюрьмы, и выработали адрес правительству с протестом против ареста Гартмана и с требованием освободить его³⁹.

В защиту Гартмана выступили двое самых популярных в то время людей Европы. Патриарх европейской литературы Виктор Гюго пользовался тогда во Франции и в Европе колоссальным влиянием. В глазах передовой части русского общества он был «центром, от которого исходили все лучшие новые силы Франции», и к тому же «казался гением, превосходящим все земное,— бесспорным и волшебным»⁴⁰. 27 февраля 1880 г. Гюго обратился к правительству Франции с открытым письмом, которое перепечатали не только французские, но и европейские газеты⁴¹. «Вы не можете выдать этого человека,— писал Гюго. — ...Законы о выдаче преступников не затрагивают политическую сферу. Все нации соблюдают эти законы. Франция тоже их соблюдает. Вы не выдадите этого человека!»⁴².

---

³⁷ Кантор Р. М. Французская охранка о русских эмигрантах.— Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 86.

³⁸ Голос, 1880, 16 (28) февраля.

³⁹ Новое время, 1880, 22 февраля (5 марта).

⁴⁰ Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. М., 1962, т. 1, с. 97; Андреевский С. А. Литературные очерки Спб., 1902, с. 430.

⁴¹ См., напр.: La Lanterne, 1880, 29 février, p. 1; The Times, 1880, 1 March, p. 5.

⁴² Гюго В. Собр., соч. в 15-ти т. М., 1956, т. 15, с. 681.

Голосу Гюго вторил голос другого властителя дум того времени, который, по выражению С. М. Кравчинского, «в течение целого полувека наполнял громом своего имени два полушария»,⁴³ — Джузеппе Гарибальди. Он вступился за Гартмана в письме от 6 марта 1880 г., тоже перепечатанном европейскими газетами: «Гартман — смелый молодой человек, к которому все честные люди должны питать уважение и признательность. Министр Фрейсине и президент Греви не сохраняют за собой имени честных республиканцев, если выдадут политического изгнанника. Это было бы достойно версальских гиен»⁴⁴.

«Агитация в пользу освобождения Гартмана приняла невероятные размеры,— вспоминал Л. Г. Дейч, находившийся тогда в Париже.— По несколько раз в день газеты выпускали специальные приложения по поводу дела Гартмана. Имя его непрерывно выкрикивали разносчики, и на время он сделался самым популярным человеком не только в Париже, но и во всем цивилизованном мире»⁴⁵.

В такой ситуации правительство Франции не рискнуло насиловать общественное мнение и отказалось выдать Гартмана, сославшись на то, что нельзя установить тождество арестованного с тем Гартманом, который покушался на царя⁴⁶. Таким образом, царизм получил «звонкую всеевропейскую пощечину»⁴⁷.

---

⁴³ Степняк-Кравчинский С. Соч. М., 1958, т. 2, с. 355.

⁴⁴ Dernières Nouvelles. — Journal de St.-Petersbourg, 1880, 6 (18) mars, p. 2. Русский перевод письма (с некоторыми сокращениями) см.: Былое, Лондон, [1900], № 1, с. 17. Ни в одной из биографий Гарибальди — на русском языке — это письмо даже не упомянуто.

⁴⁵ Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х гг., с. 57.

⁴⁶ Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906, с. 69.

⁴⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1, с. 245 Реакционные верхи России восприняли эту пощечину болезненно. Разгневанная царь несмеленно и надолго (до мая) отозвал из Парижа своего посла, отъезд которого носил явно демонстративный характер и был «принят в целой Европе за выражение неудовольствия и охлаждения между Россией и Францией» (Милютин Д. А. Дневник, т. 3, с. 235). Тем временем М. Н. Катков печатно клеймил «позор ее (Франции — Н. Т.) правительства, прикрывшего явною ложью свое бессилие перед революционной сволочью» (Московские ведомости, 1880, 27 марта, с. 3).

«На этом факте, — свидетельствует Вера Фигнер, — «Народная воля» увидела значение, которое может иметь для партии общественное мнение Европы»⁴⁸. ИК после этого занялся организацией своего постоянного представительства за границей и 25 октября 1880 г. назначил первым уполномоченным партии Л. Н. Гартмана, всемирная известность которого оказалась очень кстати. В тот же день ИК разослал письма К. Марксу, «К американскому народу» и А. Рошфору (тогда еще радикально настроенному и очень авторитетному во Франции публицисту, редактору газеты «Intransigent») с одинаковой просьбой, которая в письме к Марксу сформулирована так: «Задача наша была бы значительно облегчена, будь за нас серьезное сочувствие общественного мнения свободных стран, для чего требуется лишь знание истинного положения дел в России. В этих соображениях мы поручаем товарищу нашему Льву Гартману озаботиться организацией средств для правильного ознакомления общественного мнения Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни. Вас же, многоуважаемый сотоварищ, просим оказать ему содействие в этом деле»⁴⁹.

Гартман в какой-то степени сумел склонить на сторону «Народной воли» общественное мнение и в Англии, и в США, причем постоянное содействие ему оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс⁵⁰. Во Франции многое делал для этого П. Л. Лавров, в Италии и той же Англии — С. М. Кравчинский, в Швейцарии — П. А. Кропоткин. Однако сильнее всего привлекали за границей общественные симпатии к «Народной воле» дела и жертвы самой партии, особенно на судебных процессах, которые неоднократно побуждали мировую общественность выступать в защиту народовольцев против царских палачей.

Более других показателен в этом отношении процесс по делу 1 марта 1881 г. Кстати, это был последний в России XIX века политический процесс, на который имели доступ люди прессы (из пятнадцати представленных

---

⁴⁸ Фигнер В. Н. Указ. соч., с. 245.

⁴⁹ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 229.

⁵⁰ Переписка Гартмана с Марксом и Энгельсом за 1880—1882 гг. (34 письма, из которых 31 — впервые) опубликована в кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

здесь газет оказалось десять иностранных— в частности, «Times», «Figaro», «Daily News», «Standart», «Graphic», «Kölnische Zeitung») ⁵¹.

Мировая общественность уважительно оценила силу духа и благородство подсудимых. «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические»,— писал о них К. Маркс дочери Женни 11 апреля 1881 г. ⁵². Даже консервативный «Таймс», который за считанные дни до процесса злобствовал прогив народовольцев как «политических изуверов» и «головорезов» ⁵³, о процессе писал в сдержанном тоне, не без симпатии к подсудимым, будь то «пытливый химик» Кибальнич, «утонченно воспитанная леди» Перовская или «чеканый тип гордого и непреклонного демагога», каким показался «Таймсу» Желябов ⁵⁴.

Впрочем, не только, и пожалуй, даже не столько личности подсудимых, сколько программа, которую они провозглашали перед судом, вызывала сочувственный интерес за границей. Особенно впечатляла речь Желябова: он, как известно, отмежевывал «Народную волю» от анархизма, ставшего пугалом для европейской общественности («Мы государственники, не анархисты» ⁵⁵), и требовал политических свобод, столь ценимых на Западе и желанных на Востоке. Тот же «Таймс» добросовестно пересказал речь Желябова ⁵⁶, а в передовой статье от 16 апреля по поводу казни первоапрельцев признал, что в требованиях «Народной воли» нет «ничего недопустимого и неосновательного».

Казнь героев 1 марта повлекла за собой взрыв протеста в разных концах мира. Протестовали участники народных митингов в Париже (под председательством «Красной девы» Коммуны Луизы Мишель) и Лондоне ⁵⁷, в Женеве ⁵⁸ и далеком Монтевидео ⁵⁹, социалисты Кон-

---

⁵¹ Procès de Pétersbourg. — Le Révolté, 1881, 16 avril.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 147.

⁵³ The Times, 1881, 22 March (передовая статья).

⁵⁴ Ракитников Н. И. Отклики за границей. — В кн.: 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 246—247.

⁵⁵ Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906, с. 333.

⁵⁶ The Times, 1881, 14 April, p. 5.

⁵⁷ Валк С. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 148, 149.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 1574, л. 178—178 об..

⁵⁹ Le Révolté, 1881, 28 mai, p. 3.

стантинополя⁶⁰, центральный орган ГСД «Социал-демократ»⁶¹, Организационный комитет по созыву международного социалистического конгресса (в обращении «К революционерам всего мира») ⁶². Женщины Парижа вотируют текст призыва «К женщинам всего мира» протестовать против казни Софьи Перовской⁶³. Глубокую симпатию к Перовской («святой в революционном календаре») выразил и английский либерально-буржуазный орган «Фотнайтли ривью»⁶⁴. Умеренная «Кельнише цейтунг» обнародовала крик возмущения своего корреспондента: «Я был свидетелем дюжины казней на Востоке, но никогда не видел подобной живодерни»⁶⁵.

Поскольку одной из осужденных, Гесе Гельфман, ввиду ее беременности, казнь была отсрочена до рождения ребенка, кампания протеста против казни слилась с кампанией в защиту Гельфман. И на этот раз, как в деле Гартмана, громче всех протестовала Франция. 2 марта 1881 г. Анри Рошфор со страниц «Intransigeant» призвал «всех матерей, любящих своих детей, и всех детей, любящих своих матерей» организовать повсюду «громкие митинги протеста против удушения как матери, которая уже осуждена, так и младенца, который не осужден»⁶⁶. И митинги были организованы. В Париже больше 4 тыс. человек собрались в цирке Ферпадо, где с речью в защиту Гельфман выступил генерал Парижской Коммуны Эмиль Эд и была зачитана страстная телеграмма польских социалистов за подписью Людвика Варыньского: «Сын, наследник, превзошел своего отца. Пять виселиц бледнеют перед муками беременной женщины, Геси Гельфман... Пусть будет проклят отец, пусть будет проклят и сын!»⁶⁷ В Марселе перед русским консульством состоялась демонстрация с участием 1—2,5 тысяч

---

⁶⁰ Ibid., 25 juin, p. 4.

⁶¹ In memoriam. — Der Sozialdemocrat, 1881, 24 april.

⁶² Le Révolté, 1881, 30 avril, p. 2.

⁶³ Ibid., 14 mai, p. 2.

⁶⁴ Morley J Home and foreign affairs. — The Fortnightly Review, 1881, v. 29, № 173, p. 669—670.

⁶⁵ Kölnische Zeitung, 1881, 16 april, s. 2.

⁶⁶ Иохельсон В., Кантор Р. Геси Гельфман. Пр. — М., 1922, с. 43.

⁶⁷ Набат, Лондон, 1881, № 4, с. 8; Валк С. Н. После 1 марта 1881 г. — Красный архив, 1931, т. 2, с. 149—150.

(по разным данным) человек, которых вела за собой с красным знаменем в руках героиня Коммуны Полина Менк⁶⁸. Многолюдным был митинг солидарности с мучениками «Народной воли» и в Сент-Этьене⁶⁹.

Вновь поднял голос в защиту народовольцев Виктор Гюго. Его выступление по делу Гельфман, которое в биографиях писателя не овещается, имеет такую историю. Русские революционеры-эмигранты, близкие к «Народной воле», с самого начала хотели придать кампании в защиту Гельфман как можно больший размах и эффект. П. А. Кропоткин, живший тогда в Женеве, 17 апреля 1881 г. писал П. Л. Лаврову в Париж: «Дорогой Петр Лаврович, возьмитесь Вы устроить что-нибудь. Нельзя ли вызвать Victor Hugo?.. Надо спасти Гельфман от этой пытки!! Надо возбудить общественное мнение Европы против русского царя»⁷⁰. Не дожидаясь результатов хлопот Лаврова, Кропоткин сам поехал в Париж, навестил Гюго и ознакомил его с обстоятельствами дела⁷¹. Гюго, как явствует из воспоминаний Кропоткина, откликнулся стихотворением «Да, ужас дошел до этой степени...», которое будто бы написано специально о Гесе Гельфман⁷².

Кампания за помилование Гельфман охватила и другие страны. В Лондоне и Брюсселе состоялись митинги⁷³, а в итальянском городке Сампьердарен (близ Генуи) 825 женщин подписали адрес на имя русской императрицы с ходатайством помиловать осужденную⁷⁴.

Царизм не мог не посчитаться с такой кампанией. Князь Н. А. Орлов из Парижа слал отчаянные телеграммы управляющему министерством иностранных дел Н. К. Гирсу, заклиная его официально опровергнуть сообщение французской печати, будто Гельфман пытали, и она сделала выкидыш, ибо, мол, это «пункт, существенно

---

⁶⁸ См: Неделя, 1881, 17 мая (заграничная хроника).

⁶⁹ Le Révolté, 1881, 14 mai, p. 2.

⁷⁰ ЦГАЛИ, ф. 285, оп. 1, д. 14, л. 2.

⁷¹ Лебедев Н. К. П. А. Кропоткин и народовольцы. — В кн.: 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 126.

⁷² La vérité sur les exécutions en Russie. Genève, 1881, p. 18. Кропоткин приводит здесь полный текст стихотворения Гюго.

⁷³ Набат, 1881, № 4, с. 8.

⁷⁴ ЦГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 80, л. 1—5.

важный» для отношений между Россией и Францией⁷⁵. В результате царь вынужден был заменить Гесе Гельфман казнь пожизненным заключением.

В марте следующего, 1882 г. европейская общественность вырвала у царизма еще девять жизней героев «Народной воли». Речь идет о процессе «20-ти», по которому были осуждены на виселицу десять членов и агентов ИК. Пресса Европы дружно осудила этот людоедский приговор: возмущались и социалистические органы, как женеvский «Révolté»⁷⁶, и радикально-буржуазные, как миланский «Il Secolo»⁷⁷ и даже консервативные, вроде лондонских «Times» и «Daily News»⁷⁸. Решающее слово и в этот раз сказал Виктор Гюго. Все солидные европейские газеты перепечатали его «Призыв»: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть... Пусть русское правительство поостережется!.. Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁷⁹. «Призыв» нелегально проник и в Россию. Размноженный на гектографе по-русски и по-французски он ходил по рукам под названием «Cri de Victor Hugo»⁸⁰.

Газета Гюго «Le Rappel» рассказала, как «Призыв» повлиял на Александра III. Этот рассказ тогда же был перепечатан газетой «Вольное слово» (1882, №№ 32 и 34), а в 1906 г.—В. Л. Бурцевым⁸¹. Оказывается, царь готов был сначала помиловать пятерых из десяти смертников. Гюго получил известие об этом на банкете. Он встал и произнес тост: «Пью за царя, который помиловал пять осужденных на смерть и который помилует и остальных пятерых!» Через князя П. П. Демидова Сан-Донато Гюго переслал письмо к Александру III (пока

⁷⁵ ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 406, л. 107—108.

⁷⁶ Le Révolté, 1882, 4 mars, p. 4.

⁷⁷ Голос из Италии. — Общее дело, 1882, № 48, с. 2—3.

⁷⁸ «Таймс», в частности, отметил, что «ни один политический процесс в России до сих пор не проводился с такой секретностью, жестокостью и пренебрежением к процессуальной стороне дела» (The Times, 1882, 24 February, p. 5).

⁷⁹ Гюго В. Собр. соч. в 15-ти т., т. 15, с. 685.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373 (конв. 2), 436 (л. 10).

⁸¹ Бурцев В. Процесс «20-ти». — Былое, Ростов н/Д., 1906, вып. 1 (1900—1902), с. 111—112.

не найденное) с просьбой помиловать оставшихся смертников. Царь, польщенный тостом и письмом Гюго, согласился даровать жизнь еще четверым, но сделал исключение для Н. Е. Суханова как офицера, изменившего присяге. 19 марта Суханов был расстрелян, остальных же девять смертников заточили навечно в Петропавловскую крепость. Трое из них (М. Ф. Фроленко, А. В. Якимова, И. П. Емельянов) в конце концов вышли на свободу.

С 1882 г. в условиях временного спада революционной борьбы и контрнаступления реакции политические процессы в России вершились тайно. Ни русские, ни иностранные корреспонденты, ни прочая публика на них не допускались, судебные отчеты более не печатались, и даже о самом факте процесса власти не всегда сообщали. Поэтому в 1883—1890-х гг. процессы не имели столь широкого отклика, как в 1880—1881 и отчасти в 1882 г. (на процессе «20-ти» еще сохранялись кое-какие остатки гласности). Между тем интерес к русскому «нигилизму» за границей не угасал. Вести и слухи — не всегда точные — об отдельных революционных актах народовольцев (убийство Г. П. Судейкина, пропаганда в войсках, «Второе 1 марта») и крупных политических процессах («17-ти», «14-ти», «21-го», первомартовцев 1887 г.) рождали как на Западе, так и на Востоке вплоть до 90-х годов преувеличенные представления о революционных возможностях «Народной воли». Даже Ф. Энгельс в 1885 г. считал, что Россия «подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта (то есть с 1 марта 1881 г. — Н. Т.). Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии... и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге...»⁸².

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260—261 (письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 23 апреля 1885 г.).

Вот почему мировая (в первую очередь, конечно, социалистическая и демократическая) общественность внимательно следила за политической жизнью России и продолжала выступать против судебного террора царизма, хотя после процесса «20-ти» ей ни разу не удалось как-то повлиять на исход того или иного политического судилища. Любопытно, что дотошные корреспонденты таких газет, как, например, лондонский «Таймс» или венская «Нойе фройе прессе», умудрялись доставать информацию из первых рук даже о тех процессах, которые русская легальная пресса замалчивала полностью⁸³. Более того, заграничная агентура «Святой дружины» обращала внимание «на то странное обстоятельство», что секретнейшая телеграмма Александра III генералу И. В. Гурко с требованием осудить и повесить С. Н. Халтурина и Н. А. Желвакова в 24 часа «была известна в Лондоне на следующий день после ее отправления»⁸⁴.

Почти вся европейская пресса осуждала царизм за насилие над гласностью политических дел. Дипломатичный «Таймс» и тот в дни процесса «14-ти» возмущался: «Русская нация и все ее доброжелатели должны быть шокированы циничностью, с которой русский бюрократизм попирает неотъемлемое право подсудимых исправлять административное предубеждение в условиях судебной гласности»⁸⁵. Еще более резко обличали безгласность и жестокость царских судов органы радикальной прессы: например, парижский «Сгi du Peuple»⁸⁶ и бухарестский «Romanul»⁸⁷.

Безусловно, разные круги европейского (а также американского) общества выступали против судебного папачества царизма из разных побуждений. Если демокра-

---

⁸³ «Таймс», к примеру, 19 апреля 1883 г. поместил корреспонденцию из Одессы с официальными данными и комментарием (не без сочувствия к подсудимым) по делу «23-х», а 11 октября 1884 г. — информацию о суде и приговоре по делу Л. Г. Дейча. Сообщая своим читателям о процессе «21-го», «Таймс» 27 июня 1887 г. подчеркнул: «Такая непроницаемая секретность скружала процесс, что сам факт его будет новостью для русских, если цензура позволит им прочесть о нем в иностранных газетах».

⁸⁴ ИРЛИ РО, ф. 661, д. 16, л. 548.

⁸⁵ The Times, 1884, 15 October, p. 9.

⁸⁶ Красный архив, 1926, т. 2, с. 222—223.

⁸⁷ ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 1305, л. 1—2.

тическая общественность искренне старалась помочь русским революционерам, то консервативные и тем более откровенно реакционные круги имели все основания бояться русской революции, во-первых, как возможного прецедента для своих стран и, во-вторых, как фактора, который мог круто, а главное нежелательно для них, изменить политическую ориентацию России. Видимо, поэтому все (исключая лишь «очень немногие») немецкие газеты, вплоть до берлинского официоза «Post», после 1 марта 1887 г. подсказывали царизму, что «при настоящем положении вещей, то есть danser sur un volcan (танцевать на вулкане.— *Н. Т.*), Россия оставаться не может и так как все иные средства уже исчерпаны, следовало бы попытаться ввести представительный образ правления»⁸⁸.

Как бы то ни было, мировая общественность, узнавая время от времени (главным образом, из подпольных изданий «Народной воли» и через посредство русской революционной эмиграции) те или иные подробности судебного террора в России, естественно, проникалась все большим негодованием против царских палачей и сочувствием (если не симпатией) к их жертвам. «Был бы я русским, то сам стал бы нигилистом!» — клянусь, эту фразу я слышал неоднократно в различных кругах английского общества», — писал С. М. Кравчинский в 1885 г.⁸⁹ Показательны в этом отношении отклики брюссельской газеты «Indépendance Belge» на процесс «17-ти»⁹⁰, «Таймса» — на процесс «21-го»⁹¹ и особенно — едва ли не всей европейской печати — на процесс «Второго 1 марта», когда все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни за участие в покушении на Александра III и лишь «по милости» царя десять смертников остались жить. «Можно было думать, что зверский замысел (подсудимых.— *Н. Т.*) возбудит понятное негодование и презрение к его зачинщикам. Ничуть не быва-

---

⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1887, д. 692, л. 4 (обзор иностранной прессы, приложенный к всеподданнейшему докладу Д. А. Толстого по делу 1 марта 1887 г.).

⁸⁹ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции, с. 7.

⁹⁰ Вольное слово, 1883, № 60, с. 16.

⁹¹ The Times, 1887, 27 June, p. 5.

ло,— сокрушался министр внутренних дел Д. А. Толстой в докладе царю от 20 марта 1887 г.— Иностранная пресса, за весьма малыми исключениями, набросилась по этому поводу не на презренных динамитчиков, а на Россию, на русское правительство, на все наши порядки»⁹². Оказалось, царская цензура за 11 дней задержала в иностранных газетах 517 статей с антицаристскими комментариями к делу «Второго 1 марта»⁹³. «Вообще все иностранные газеты,— заключал Толстой,— высказывались против принципа самодержавия, несомненного источника испорченности существующего правительства, и поэтому убеждали, что так как государь олицетворяет собой этот принцип, то он и послужил мишенью для нового безбожно-адского замысла 1 марта»⁹⁴.

Такие меры, как задержка отдельных статей и даже запрещение иным газетам доступа в Россию (так, например, были наказаны «Berliner Tageblatt», «Neue Freie Presse» и «Börsen Courier» за предосудительную информацию о процессе «14-ти»⁹⁵), не могли, конечно, расположить к царизму западную печать. Напротив, они еще сильнее восстанавливали общественное мнение Европы против царского деспотизма. Со всей очевидностью это проявилось в международной кампании протеста по случаю Якутской трагедии 22 марта 1889 г.

Очевидцы Якутской трагедии сумели рассказать о ней миру. В течение 1889 г. народовольцы размножили на гектографе ряд прокламаций и целых брошюр по этому поводу, которые распространялись в России и проникли за границу⁹⁶. Мировая общественность начала новую кампанию протеста против зверств царизма.

В Англии все крупные газеты осудили царский режим за «сибирские ужасы». «Таймс» напечатал рассказ о Якутской трагедии ее очевидца и жертвы Б. Н. Геймана⁹⁷ и в специальной статье об этом вменял в преступ-

---

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 692, л. 2—2 об.

⁹³ Там же, л. 3—5.

⁹⁴ Там же, л. 6 об. Подробно см.: Троицкий Н. А. Европейская печать о деле Александра Ульянова. — Советские архивы, 1971, № 3.

⁹⁵ См. об этом: The Times, 1884, 14 October, p. 5.

⁹⁶ Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г. и подпольная печать. — Каторга и ссылка, 1929, № 3, с. 23—39.

⁹⁷ С родины и на родину. Женева, 1893, № 3, с. 218.

ление царизму «сцены ужаса, позорящие его правительство и его религию»⁹⁸. Знаменитый поэт Чарльз Суинберн написал оду под названием «Россия» и в ней утверждал: сам Данте «на отдаленнейших дорогах ада... не видел ужасов, которые могли бы сравниться с тем, что ныне происходит в России»⁹⁹. Тем временем шли массовые митинги протеста. Самый крупный из них состоялся в лондонском Гайд-Парке, где в числе ораторов выступал Джон Бёрнс — в ту пору популярнейший вожак английских рабочих. Об этом митинге сочувственно писали «Daily News» и «Daily Telegraph»¹⁰⁰.

Во Франции на этот раз кампания протеста не приняла больших размеров, поскольку страна была занята устройством всемирной выставки в честь 100-летия революции 1789 г. Тем не менее, французская пресса тоже откликнулась на Якутскую трагедию¹⁰¹. Протестовала и общественность других стран. Департамент полиции отметил, например, возмущенный отклик венской газеты «Neue Freie Presse» от 4 июля 1889 г.¹⁰². В США якутское злодеяние вызвало такую бурю протеста, что царизм, вопреки обыкновению, счел нужным дать официальные «разъяснения». 19 января 1890 г. «New-York Tribune» опубликовала версию царского правительства, согласно которой охранники расстреливали, кололи штыками и вешали ссыльных исключительно в целях самообороны, ибо, мол, затеяла кровопролитие и ответственна за него «банда» ссыльных¹⁰³. Эта версия тут же лопнула, как мыльный пузырь. Ее разоблачил Джордж Кеннан по документам, полученным от жертв и очевидцев Якутской трагедии, причем Кеннан не удовольствовался выяснением истины только для американского народа. «Если я буду жить,— заявил он,— весь говорящий по-английски свет будет знать все подробности этого ужасного преступления»¹⁰⁴.

---

⁹⁸ Цит. по кн: Кеннан Д. Сибирь и ссылка. Спб., 1906, с. 276.

⁹⁹ Swinburne A. Ch. Russia: an ode. — The Fortnightly Review, 1890, № 284, p. 165—167.

¹⁰⁰ Иванова Н. В. Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей в 80—90 гг. XIX в.— Ученые записки Курского пед ин-та, 1967, вып. 43, ч. 1, с. 90.

¹⁰¹ Попов И. И. Минувшее и пережитое. Л., 1924, с. 139—140.

¹⁰² ЦГАОР, ф. 102, 7 д-во, 1889, д. 139, л. 2.

¹⁰³ Кеннан Д. Указ. соч., с. 217—272.

¹⁰⁴ Там же, с. 277.

Мировая общественность, еще продолжала обсуждать Якутскую трагедию, когда царизм совершил (7 ноября 1889 г.) новое злодеяние, известное как Карийская трагедия. За границей весть о ней вызвала новую волну протеста, которая бурлила долгое время. Русский посол в Лондоне Е. Е. Стааль и в мае 1890 г. с беспокойством доносил: «Агитация, поднятая в Англии против России (читай: царизма.— Н. Т.) на основании преувеличенных (?) слухов о беспощадном обращении с ссыльно-каторжными в Сибири, не утасла до сих пор»¹⁰⁵. Материалы о Карийской трагедии печатали все английские газеты; в частности, опять возмущался этой «страшной историей» «Таймс»¹⁰⁶. Марк Твен в те дни высказывался за царевубийство в России, пока «устроить там революцию невозможно»¹⁰⁷.

Протест мировой общественности был столь громким, что иные тузы царизма (например, государственный секретарь А. А. Половцов) боялись международных осложнений¹⁰⁸. Эти опасения были не безосновательны. Ф. Энгельс в статье «Внешняя политика русского царизма» прямо указывал на падение международного престижа самодержавия «с тех пор как стало известно об экзекуции, которой была подвергнута г-жа Сигида, и прочих русских «зверствах»¹⁰⁹.

Так, десятилетие, в начале которого мировая общественность дружно выступила против царизма в защиту Гартмана, закончилось еще более внушительными кампаниями протеста против палачей Якутска и Кары.

За десять лет, которые разделяют эти кампании, общественное мнение Европы и Америки значительно склонилось в пользу «Народной воли». Не только радикальные, но и весьма умеренные буржуазные круги стали признавать историческую справедливость борьбы народовольцев против «злодейств тирании — злодейств, ею

---

¹⁰⁵ Иванова Н. В. Указ. соч., с. 90 --91.

¹⁰⁶ The Times, 1890, 28 February.

¹⁰⁷ Твен М. Собр. соч. в 12-ти т., т. 12, с. 612.

¹⁰⁸ Половцов А. А. Дневник. М., 1966, т. 2, с. 257.

¹⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 47 См. письмо Ф. Энгельса к В. Засулич от 3 апреля 1890 г. — Там же, т. 37, с. 317.

вызванных и порожденных»¹¹⁰, и, как выразился С. М. Кравчинский, понимать, что народовольцы — «это люди 93-го и 89-го года во Франции, которых Европа вся под образа сажает»¹¹¹. При таком отношении к некогда одиозному «нигилизму» в Англии было создано (18 декабря 1889 г.) «Общество друзей русской свободы» — первая в мире, но не последняя организация подобного типа — с целью будить сочувствие и оказывать содействие русским революционерам. Ради этого общество наладило издание газеты «Free Russia» («Свободная Россия»). Первый же ее номер вышел в 1890 г. большим для такого издания — пятидесятичным — тиражом, а через год директор департамента полиции Российской империи П. Н. Дурново уже досадовал на то, что «Газета «Free Russia» расходится в 10 тысячах экземпляров»¹¹². Членами общества были и социалисты (Сидней Вебб, Эдуард Пиз, основоположник социалистической поэзии в Англии Вильям Моррис, будущий советский историк академик Ф. А. Ротштейн), и «околосоциалистическая» интеллигенция, и либеральные буржуа (например, бывший член кабинета Гладстона Д. Шоу-Лефевр)¹¹³.

В 1891 г. «Общество друзей русской свободы» со своим печатным органом «Свободная Россия» было учреждено и в США — при участии Марка Твена, Джорджа Кенана, писательницы Джулии Хоу (автор военного гимна северян), поэта Джеймса Лоуэлла, епископа Филиппа Брукса и др.¹¹⁴. Характерно, что среди множества писем 1881—1888 гг. с ходатайствами перед Александром III о смягчении участи осужденных народовольцев есть письма из Нью-Йорка, Филадельфии, Кливленда, Мехико¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Цит. английская буржуазная газета «Крисчен Уорлд» от 11 сентября 1884 г. по изд.: Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции, с. 7—8.

¹¹¹ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 345.

¹¹² Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский..., с. 423, 427.

¹¹³ Подробно см.: Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom: English Liberals and Russian Socialists (1890—1917). — Oxford Slavonic papers, New Series, 1970, v. III.

¹¹⁴ Хомяков В. А. Посадка С. М. Степняка-Кравчинского в Америку. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1963, № 3.

¹¹⁵ ЦГАОР, ф. 677, оп. I. д. 545, л. 3—15.

Интерес, сострадание и симпатии к народолюбцам, а в этой связи и к социализму вообще проявляли в разных странах авторитеты, весьма далекие от социализма и революции. Итальянский философ, психиатр и криминалист с мировым именем Чезаре Ломброзо объявлял, «несомненным тот факт, что истинные революционеры, инициаторы великих научных и политических переворотов, вносящие действительный прогресс в человечество, почти всегда бывают людьми гениальными или святыми и обладают удивительно гармоничной физиономией. Какие благородные лица у... Маццини, Гарибальди, ...Перовской и Веры Засулич»¹¹⁶. Как явствует из декабрьского 1883 г. письма С. В. Ковалевской к П. Л. Лаврову, «одним из тех, которые всего живее относятся к этому (о социализме.—Н. Т.) вопросу, а в особенности желали бы знать положение социализма и нигилизма в России», был знаменитый шведский полярный исследователь Нильс Норденшельд¹¹⁷. Открыто заявлял о бессилии царизма подавить движение таких людей, которые «жертвуют даже собственной жизнью ради торжества справедливости в мире», крупнейший итальянский лингвист Анджело де Губерпатис¹¹⁸.

Главную роль в том, как «Народная воля» завоевывала симпатии мировой общественности, играли ее судебные процессы (особенно, 1880—1882 гг.), поскольку на них подсудимые доступно для иностранных корреспондентов (до 1 марта 1881 г. даже в их - присутствии) выказывали столь редкостную для того времени силу духа и разъясняли позицию «Народной воли», делая упор не на отдаленных социалистических, а на ближайших политических задачах. Мы знаем, что при случае подсудимые добивались и оглашения на суде программных документов партии, включая Письмо ИК к Александру III, которое, как заверял народолюбцев весной 1882 г. С. М. Кравчинский, «произвело очень выгодный оборот общественного мнения в нашу пользу. Это может засвиде-

---

¹¹⁶ Цит. по изд.: Кеннан Д. Сибирь и ссылка, Ростов н/Д., б. г., т. 2, с. 270.

¹¹⁷ Ковалевская С. В. Воспоминания и письма, М., 1961, с. 274.

¹¹⁸ Раджоньери Э. Итало-русские общественные связи, с. 23.

тельствовать всякий, следивший за иностранной прессой»¹¹⁹.

Поддерживали авторитет «Народной воли» и те ее деятели, которые судились за «революционную агитацию» в иностранных судах: Е. Д. Степанов, И. Н. Кашинцев, А. Н. Лавреннус и др. — в Париже (июль 1890 г.), В. Л. Бурцев — в Лондоне (январь 1898 г.). Вокруг этих процессов возникали общественные кампании солидарности с русскими революционерами. В связи с делом Е. Д. Степанова «искренние симпатии французских социалистов к демократической России, представляемой нигилистами», печатно выражали Жюль Гед, Жан Жорес и другие французы¹²⁰. В Англии был создан общественный комитет для защиты В. Л. Бурцева и вручен ряд петиций кабинету министров с требованием освободить русского «нигилиста»¹²¹.

Наибольший отклик за границей из судебных дел этого рода вызвал процесс в Лионе 8—19 января 1883 г. над П. А. Кропоткиным, который формально не принадлежал к «Народной воле», но был солидарен с народо-вольцами, считал своей «святою обязанностью стоять за них и нести ответственность за их действия»¹²², а в глазах царизма являлся вдохновителем народо-вольческого террора¹²³. Подобно народо-вольцам Кропоткин со скамьи подсудимых обвинял царизм и славил русское революционное движение, подчеркивал общность революционных идеалов России и Франции. В этой связи газеты отметили его остроумную пикировку с председателем суда и прокурором. «Кропоткин. Вся Франция аплодировала героическому поступку Веры Засулич. Председатель. Именем закона и порядка протестую против вашей клеветы! Прокурор. Я со всей энергией, внушаемой правдою и справедливостью, присоединяюсь к протесту г. председателя! Кропоткин. Тише, тише, господа! Вы забываете, что Засулич оправдала жюри — надеюсь, вы уважаете институт присяжных»¹²⁴.

¹¹⁹ Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 344.

¹²⁰ АВПР, ф. Посольства в Париже, оп. 524, д. 1577, л. 105.

¹²¹ Бурцев Вл. Долой царя! Лондон, б. г., с. 46., 56.

¹²² Пирумова Н. М. П. А. Кропоткин М., 1972, с. 104.

¹²³ Там же, с. 105.

¹²⁴ Голос, 1883, 4 (16) января. «Голос» был единственной русской газетой, которая имела на процессе Кропоткина своего корреспондента.

Осуждение Кропоткина (пять лет тюрьмы) вызвало очередную волну протеста и во Франции и в других странах. Ряд видных деятелей политики и культуры Англии (Герберт Спенсер, Чарльз Суинберн, Джон Морли) и Франции (Камиль Фламмарин, Эрнест Ренан, Эдуард Пальерон) выработали петицию с требованием освободить Кропоткина. Еще раз возвысил голос в защиту русских революционеров престарелый Виктор Гюго. Он тоже подписал петицию и добавил к подписи многозначительное пояснение: «Все вопросы об амнистии интересуют меня, а это прошение об освобождении князя Кропоткина я, в особенности, принимаю близко к сердцу. Виктор Гюго»¹²⁵.

Отметим здесь, что после смерти Гюго «Народная воля» благодарно почтила память писателя, так часто выступавшего в защиту ее героев и мучеников. Русский посол в Париже А. П. Моренгейм доносил в Петербург о похоронах Гюго: «Нигилисты, разумеется, были представлены здесь весьма широко; редакция «Народной воли» торжественно несла большой венок»¹²⁶.

С конца 80-х годов авторитетным защитником «Народной воли» на Западе выступил американский журналист Джордж Кеннан (1845—1924 гг.), который с 1864 по 1886 гг. четырежды приезжал в Россию, дважды побывал в Сибири, досконально изучил там ссылку и каторгу и в 1890—1891 гг. опубликовал книгу «Сибирь и ссылка» с потрясающим разоблачением судебно-карательной политики царизма. Интересно, что из первой поездки в Сибирь он почерпнул весьма поверхностные впечатления и даже оспаривал публично и печатно слухи о карательной жестокости царизма. Поэтому царизм охотно разрешил Кеннану вторично поехать в Сибирь, надеясь использовать столь лояльного янки как своего адвоката¹²⁷. Тем досаднее было царским карателям обрести вместо верного адвоката ярого прокурора. Книга

---

¹²⁵ Новое время, 1883, 18 (30) марта (этот факт ни в одной из биографий Гюго не упомянут); См. также: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 411—412.

¹²⁶ Алексеев М. П. Виктор Гюго и его русские знакомства.— Литературное наследство, М., 1937, т. 31—32, с. 908.

¹²⁷ Колесниченко Д. А. Джордж Кеннан и царская охранка.— Прометей, 1969, т. 7, с. 226.

Кеннана обошла весь мир и повсюду возбуждала общественное мнение против самодержавия. Ф. Энгельс так и писал о ней: «...американец Кеннан разоблачил перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению»¹²⁸. Зато русская общественность приветствовала книгу Кеннана. «Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди,— писал Кеннану 8 августа 1890 г. Лев Толстой,— за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов»¹²⁹.

Бесслава царизм, Кеннан, с другой стороны, возвеличивал его врагов, русских революционеров, народовольцев, о которых он отзывался с глубочайшей симпатией: «Самые мужественные и самые великодушные типы мужчин и женщин, каких я когда-либо знал»¹³⁰.

Резонанс от разоблачений Кеннана был тем сильнее, что он, не довольствуясь книгой и циклом статей о сибирской ссылке, выступал в США, Канаде, Англии с яркими лекциями, которые собирали многотысячные аудитории и пользовались шумным успехом. «В течение четырех лет,— гласит справка российского департамента полиции от 26 июня 1893 г.— Кеннан успел прочесть в Америке около 500 лекций, на которые собиралось иногда до 6-7 тысяч слушателей», причем «для большего воздействия на слушателей Кеннан появлялся на этих чтениях в арестантском халате, с ручными кандалами, потрясая которыми приглашал свободных граждан Америки помочь русскому революционному движению»¹³¹. После одной из таких лекций (в Вашингтоне весной 1889 г.) оказавшийся среди слушателей Марк Твен произнес взволнованную речь, «полную энтузиазма и симпатии к русским революционерам. Закончил он ее словами: «Если правительство, подобное теперешнему русскому, не может быть низвергнуто иначе как динамитом, то слава богу, что существует динамит!»¹³².

---

¹²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 47.

¹²⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 138.

¹³⁰ Кеннан Д. Сибирь и ссылка Ростов н/Д., б. г., т. 2 с. 268.

¹³¹ Колесниченко Д. А. Указ. соч., с. 227. «Вред, причиненный Кеннаном интересам русского правительства, громадный», — заключал департамент полиции (там же, с. 229)

¹³² И. Б. Из Нью-Йорка.— Самоуправление, Женева, 1889, № 4, с. 18—19.

Политические процессы «Народной воли» во многом обусловили небывалый ранее интерес международной общественности к русскому революционному движению. В прямой связи с ними русские революционеры стали популярными героями чуть ли не всех жанров мировой художественной литературы, где прежде они появлялись лишь в исключительных случаях.

Правда, некоторое время, пока за границей не разобрались в смысле русского «нигилизма», иностранные газеты, журналы, издательства печатали «самые несуразные» опусы о народовольцах, вроде «Les viérges russes» («Русские девы») или «Ivan le nihiliste» («Нигилист Иван»), где «весь интерес заключался в замысловатой интриге, но сущность и причины движения, характеры лиц оставались непонятыми и изображались часто с самой превратной стороны»¹³³.

Так были написаны и популярные драмы: «Вера, или нигилисты» Оскара Уайльда (1881 г.) и «Федора» Викторьена Сарду (1884 г.), полные сочувствия к народовольцам. Первая из них создавалась под впечатлением процесса Веры Засулич, сюжет второй отчасти заимствован из дел Засулич и Гартмана (герой драмы Лорис Ипанов убивает сына петербургского градоначальника и эмигрирует во Францию; царизм пытается вытребовать его как убийцу, но французское правительство отказывает в этом)¹³⁴.

К середине 80-х годов образы русских революционеров появляются на Западе не только в скороспелой и «несуразной», но и в истинно-художественной литературе, включая десятки сочинений признанных мастеров слова. Это, за редким исключением,— образы жертв карательного террора: подсудимых, узников, каторжан, ссыльных, политических эмигрантов. Создавались они преимущественно под впечатлением, а то и по материалам судебных процессов «Народной воли», о которых так часто и подробно писала тогда европейская пресса. Такой угол зрения был понятным. Все серьезные писате-

¹³³ Ашкинази М. О. Тургенев и террористы. — Минувшие годы, 1908, № 8, с. 40.

¹³⁴ Сарду В. Федора. Спб., 1909.

ли старались черпать революционные сюжеты и образы из жизни, а жизнь русских революционеров тех лет открывалась перед современниками главным образом на политических процессах.

Пожалуй, больше, чем где-либо за пределами России, писатели «тянулись» к русскому революционеру в стране, самой богатой революционными традициями из всех стран мира, — во Франции. Здесь еще в 1876 г. Жюль Верн сделал одним из героев своего романа «Михаил Строгов» мужественного революционера Василия Федорова, сосланного в Сибирь за участие в тайном обществе. Политический ссыльный Сергей Наркин, тоже побывавший в Сибири, сочувственно обрисован и в романе Ж. Верна «Цезарь Каскабель» (1890 г.). Более поздний его роман «Драма в Лифляндии» (1904 г.) критически изображает полицейский и судебный произвол в России конца 70-х годов («стоит какому-нибудь делу быть хоть в самой незначительной мере связанным с политикой, как тотчас вмешиваются власти») ¹³⁵. В ряду главных героев этого романа выделяется благородством Владимир Янов — бежавший с сибирской каторги «член одного из тайных обществ, которые в России вели борьбу против царского самодержавия». Впрочем, о революционной борьбе Янова и его товарищей в романе говорится вскользь: автор лишь констатирует, что «нигилисты в те годы заменили пропаганду идей пропагандой действием» ¹³⁶.

Более конкретно и выразительно представлен народо-волец Суварин в одном из лучших романов Эмиля Золя «Жерминаль» (1885 г.). Это политический эмигрант, человек сильный и стойкий, честный, принципиальный, мало сказать преданный — буквально одержимый революционной идеей, «готовый пожертвовать жизнью, и притом безвестно, не стяжав даже славы мученика» ¹³⁷, хотя и неоправданно (по воле автора) тяготеющий к анархизму, к разрушительному началу.

Ряд страниц «Жерминаля» вопиёт против царских палачей. Устами Суварина Золя рассказывает здесь о казни пяти народовольцев, как о варварском злодеянии.

---

¹³⁵ Верн Ж. Собр. соч. в 12-ти т. М., 1957, т. 11, с. 279.

¹³⁶ Там же, с. 187.

¹³⁷ Золя Э. Ругон-Маккары. М., 1957, т. 10, с. 184.

«Они,— говорит он о палачах,— провозились целых двадцать минут, чтобы повесить четверых до Аннушки; веревка обрывалась, и они никак не могли покончить с четвертым... Она стояла тут же, дожидаясь своей очереди. Она не видела меня и искала глазами в толпе. Я влез на тумбу, она меня заметила, и с той минуты глаза наши были прикованы друг к другу. И даже мертвая, она все продолжала смотреть на меня».

Этот рассказ завершается многозначным выводом: все попытки царизма задушить революционное движение градом репрессий тщетны, казни революционеров дают эффект, противоположный тому, на который рассчитывают каратели. «Да, хорошо, что она умерла,— вспоминает Суварин об Аннушке.— На ее крови родятся герои, а во мне больше нет никакой трусости... Рука ни от чего не дрогнет, когда придет день и нужно будет отнять жизнь у других или отдать свою!»¹³⁸.

Третий классик французской литературы Альфонс Доде в романе «Тартарен на Альпах» (вторая часть «Тартарена из Тараскона», 1883—1885 г.) вывел целую группу русских, которые «возглавляют партию нигилистов», по вынуждению пока скрываются от царских карателей в изгнании. Один из них — Мапилов — обрисован по материалам очерка Кравчинского «Степан Халтурин»¹³⁹. Народовольцы Доде — героические и самоотверженные натуры. Правда, национальной обусловленности народовольчества писатель не понял и к способу действий «нигилистов» относился не без предубеждения. «Я лично держусь того мнения,— говорил он устами Тартарена,— что и против диких зверей надлежит пользоваться узаконенным оружием». Впрочем, перед главным доводом «нигилистов» («если народ угнетают, если народ душат и необходимо его освободить, то всякое оружие хорошо и законно») Тартарен пасует: «Разумеется, разумеется...»¹⁴⁰. В целом, русские революционеры под пером Доде оказывались не совсем понятными для европейского читателя, загадочными, но тем более интерес-

---

¹³⁸ Там же, с. 345 (Выделено мной. — Н. Т.).

¹³⁹ Степняк-Кравчинский С. М. Соч. М., 1958, т. 1, с. 665, 667.

¹⁴⁰ Доде А. Собр. соч. в 7-ми т. М., 1965, т. 2, с. 309, 311.

ными и привлекательными. «Как необычны и милы ваши нигилисты!» — писал автору «Тартарена» Ги де Мопассан¹⁴¹.

Сам Мопассан — писатель, далекий от революционной идеологии и вообще от политики, — тоже затронул «нигилистическую» тему. Если в ранней его повелле «Открытое собрание» (1880 г.) образ «гражданки Евы Шуриной, русской нигилистки», которая «свиреным, пронзительным голосом» говорит французским женщинам о своей борьбе с «угнетателями родины»¹⁴², карикатурец, то три года спустя на страницах рассказа «В пути» Мопассан изобразил народовольца, преследуемого царскими карателями, так же сочувственно, как это делал Доде¹⁴³.

Откликнулись на политические гонения в России и другие французские писатели, причем иные из них создавали романы и повести специально о гонимых, но негибавших «нигилистах». Так, Поль Вернье в 1881 г. напечатал роман «Охота за нигилистами», а Юг Ле Ру (кстати, переведший на французский язык «Подпольную Россию» Кравчинского) — роман «Покушение Слугина» (1885 г.).

В Англии крупнейшие поэты славили «нигилистов» и прочили гибель царскому деспотизму. Джеймс Томсон сделал это в стихотворении «Деспотизм, устрешенный дшамитом» (1882 г.). Джим Коннел, по его словам, создавал знаменитую песню «Красный флаг» (1889 г.), вдохновляясь борьбой не только английского рабочего класса, но и парижских коммунаров и русских народовольцев¹⁴⁴. Подвиг Софьи Перовской воспел в 1884 г. Генри Эллис¹⁴⁵, а Чарльз Суннберн, как уже говорилось, откликнулся на Якутскую трагедию 1890 г. антицаристской одой «Россия».

Что касается английской художественной прозы, то даже не один, а несколько романов о единоборстве между царизмом и «нигилизмом» написал друг Кравчинско-

¹⁴¹ Мопассан Г. Полн. собр. соч. в 12-ти т. М., 1958, т. 12, с. 201.

¹⁴² Там же, т. 1, с. 244.

¹⁴³ Подробно см.: Троицкий Н. А. Народоволец в рассказе Мопассана. — Вопросы литературы, 1970, № 7.

¹⁴⁴ Петерия английской литературы, М., 1958, т. 3, с. 334.

¹⁴⁵ Ellis H. Sophia Perovskaia. Executed 16 April 1881. — Today, 1884, v. 1, № 4, p. 256.

го и переводчик его книги «Россия под властью царей» Уильям Уэстол¹⁴⁶, отдельные же, весьма положительные, образы народовольцев создавали Джон Голсуорси (в романе «Вилла Рубейн», 1900 г.), Джозеф Конрад (в романе «На взгляд Запада», 1911 г.), Артур Конан Дойль. Так, в романе Конан Дойля «Торговый дом Гердлстон» (1890 г.) среди «хороших людей» действует безымянный политэмигрант, «нигилист из Одессы», который «приговорен к смерти, и его обязательно казнят, надо только сперва поймать», человек смелый, решительный и во всех отношениях симпатичный: «Несмотря на потрепанное одеяние, внешность этого человека производила впечатление незаурядности и благородства, а непринужденная грация его поклона могла бы сделать честь двору любого европейского монарха»¹⁴⁷. Благородные и самоотверженные «революционеры-нигилисты» Анна и Алексей, противопоставленные трусливому предателю Сергею, по чьей вине «некоторые отправились на виселицу, других сослали в Сибирь», выведены также в одном из рассказов Конан Дойля о Шерлоке Холмсе «Пенсне в золотой оправе»¹⁴⁸.

Особо коснемся здесь романов Этель Лилиан Войнич. Ее биограф Е. А. Таратута убедительно показала, что в работе над романом «Овод» (1889—1897 гг.) «наиболее сильные непосредственные впечатления дала писательнице именно русская действительность, и в образе Овода с наибольшей силой отразились черты русских революционеров-народников, соратником которых была сама создательница романа об Оводе»¹⁴⁹. Позднее в романе «Оливия Лэтам» (1904 г.) Войнич правдиво изобразила Петербург 80-х годов с его вакханалией реакции, сыска, преследований, а воплощенном беззаветной борьбе против этого Петербурга сделала образ народовольца Владимира Дамарова, гибнущего в Петропавловской крепости. Весь роман, по словам самой Войнич, отразил впечатления трех лет ее жизни в России (1887—1889), причем семья Дамаровых описана по вос-

¹⁴⁶ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции, с. 410.

¹⁴⁷ Дойль А. Конан. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 4, с. 311, 343.

¹⁴⁸ Там же, т. 2, с. 470, 471.

¹⁴⁹ Таратута Е. Эгель Лилиан Войнич. М., 1964, с. 245.

поминаниям о семье народовольца В. А. Караулова, в которой жила тогда Войнич¹⁵⁰.

Много откликов на судебный и административный террор царизма было в польской литературе. Вслед за романом Михаила Ашкинази «Жертвы царя», о котором, по свидетельству автора, «дали сочувственные отзывы все большие европейские газеты»¹⁵¹, можно назвать сделанный Яном Каспровичем перевод стихотворения Е. И. Минакова «Последние минуты»¹⁵². В 1887 г. заграничный орган польских социалистов «Пшедсвит» опубликовал поэму «Ульянов» — о судебном процессе по делу «Второго 1 марта». Автор поэмы (как предполагают сотрудники Музея В. И. Ленина в Варшаве,— польская социалистка Цезарина Войнаровская) славил героя за революционную убежденность и силу духа, за отказ просить царя о помиловании:

Царю платить я должен жизнью... Что же,
Жизнь дорога, но честь еще дороже!¹⁵³.

Классик польской литературы Стефан Жеромский в 1891 г. написал рассказ «Непреклонная», который идейно перекликается с «Чудной» В. Г. Короленко, а в 1894 г.— повесть «Курган», где показал в образе доктора Вилкина «моральные останки народовольца», когда-то активного борца, пережившего тюрьмы и ссылку, измученного и обессиленного, но все-таки верного революционным убеждениям¹⁵⁴.

Такие же отклики звучали в литературе многих других стран. Выдающийся чешский поэт Сватоплук Чех в поэме «Славия» (1882 г.) обличал царскую Россию, как страну рабства, где лишь «в катакомбах таится дух свободы», но предсказывал ее обновление, роль «утренней звезды новой мировой истории», благодаря усилиям революционеров — таких, как герой поэмы народоволец Владимир¹⁵⁵. Замечательный поэт Румынии Константин Милле посвятил свое «Красное стихотворение» (1882 г.)

¹⁵⁰ Войнич Э. Соч. в 2-х т. М., 1963, т. 1, с. 541.

¹⁵¹ Ашкинази М. О Тургенев и террористы, с. 41.

¹⁵² Walka klas, Genewa, 1884, № 6, s. 6.

¹⁵³ Ульянов Поэма. Публикация и перевод с польского Ю. Леонова под ред. Н. Скребова — Дон, 1969, № 4, с. 7.

¹⁵⁴ Витт В. В Стефан Жеромский М., 1961, с. 76—77.

¹⁵⁵ Кишкин Л. С. Сватоплук Чех М., 1959, с. 56—58.

Софье Перовской¹⁵⁶. В Италии о Софье Перовской написал стихотворение («Апрельские цветы») Филиппо Турати¹⁵⁷. Все эти произведения выражали солидарность с русскими революционерами и протест против их карателей.

Отзвук такого же настроения слышен в драме знаменитого Герхарта Гауптмана «Одинокие» (1891 г.). Героиня драмы — Анна Мар — интеллигентная и деятельная, с передовыми взглядами, родом «из русской Прибалтики», носит кольцо, «снятое с пальца женщины, которая умерла в Сибири, последовав за своим мужем», поет популярнейшую русскую революционную песню 80-х годов «Замучен тяжелой неволей».

Не осталась в стороне от интереса к русскому «нигилизму» литература стран Скандинавии. Шведский писатель с мировым именем, «скандинавский Данко», по выражению М. Горького, Август Стриндберг сделал героем новеллы «Рецидив» (1884 г., в русском переводе «Возврат к прошлому») благородного «нигилиста» — изгнанника Павла Петровича, который и на чужбине не прекращает революционной борьбы: «Пусть наши кости развеет песок пустыни, это наш удел, но все-таки будем работать для будущего»¹⁵⁸. Один из крупнейших писателей Дании (с 1917 г. лауреат Нобелевской премии) Карл Гьеллеруп в романе «Учитель германцев» (1882 г.) показал, каким толчком к формированию прогрессивных взглядов героя романа послужил услышанный им разговор о подвиге Веры Засулич¹⁵⁹.

Даже литература Америки и Азии откликнулась на борьбу «нигилизма» против царизма. Так, герой романа Марка Твена «Американский претендент» (1892 г.) Малберри Селлерс строит фантастические планы освобождения России от гнета царизма, замыслив, в частности, купить Сибирь и основать в ней образцово-показательную республику, ибо, мол, «в тамошних рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наименее способные представители рода челове-

---

¹⁵⁶ Mille C. Versuri si proza. Bucuresti, 1953, p. 60—62.

¹⁵⁷ Раджоньеры Э. Итало-русские общественные связи, с. 17.

¹⁵⁸ Стриндберг Август. Полн. собр. соч. М., 1910, т. 6, с. 58—59.

¹⁵⁹ См.: Адмони В. Г. Генрик Ибсен, с. 159.

ского, каких когда-либо создавал бог»¹⁶⁰. Один из родоначальников критического реализма в США поэт Джоаккин Миллер написал тираноборческую балладу «Софья Перовская»¹⁶¹. Как предполагает (основываясь на собственных обширных изысканиях) советский литературовед В. М. Быков, «подвиги русских народовольцев» вдохновляли и Джека Лондона, когда он работал — уже в начале XX в. — над некоторыми эпизодами и образами романов «Железная пята» и «Бюро убийств»¹⁶².

В Японии еще до середины 80-х годов вышел ряд произведений о русских народниках — в частности, «Повести о героинях Европы» (1881 г.) и «Трагедия русской героини» (1882 г.)¹⁶³. В 1882 г. был переведен на японский язык роман Поля Вернье «Охота за нигилистами»¹⁶⁴, а в 1884 г. — «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского под заголовком «Они сую» («Демоны вопиют»)¹⁶⁵.

Не исключено, что такие же сочинения и переводы выходили тогда или позднее в Китае. Во всяком случае, современный китайский писатель Ба Цзинь (родился в 1904 г.) свидетельствовал, что в юные годы он увлекался «Подпольной Россией» и «Андреем Кожуховым» Степняка, а затем сам написал повесть «Гибель» о китайском революционере Ду Да-сине, в которой, по признанию автора, «влияние Степняка особенно заметно, хотя Кожухов и Ду Да-синь принадлежат к совершенно различным группам людей»¹⁶⁶.

Народовольческая тема нашла отражение и в мировом искусстве. Драма В. Сарду «Федора» шла в театрах Франции, Англии, Италии, США с участием прославленных актеров (Элеоноры Дузе, Сары Бернар)¹⁶⁷ и всюду способствовала пробуждению симпатий к народовольцам. Какая-то пьеса о процессе Веры Засулич,

---

¹⁶⁰ Твен М. Собр. соч. в 12-ти т., т. 6, с. 145.

¹⁶¹ Волк С. С. «Народная воля» (1879—1882). М. — Л., 1966, с. 131..

¹⁶² Быков В. М. Джек Лондон. Саратов, 1968, с. 43, 98, 239.

¹⁶³ Катаяма Сэн. Воспоминания. М., 1964, с. 165.

¹⁶⁴ Конрад Н. И. Первый этап японской буржуазной литературы. В сб. Проблемы литературы Востока. Л., 1932, с. 68—69.

¹⁶⁵ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 445.

¹⁶⁶ Лисица Б. Русская классическая литература в Китае. — Русская литература, 1959, № 4, с. 212.

¹⁶⁷ Синьорелли О. Элеонора Дузе. М., 1975, с. 40, 72, 79.—

«обильно приправленном романтическими подробностями»¹⁶⁸ (возможно, «Вера Засулич» Антонио Дженера-ле¹⁶⁹), была поставлена в Неаполе.

С драматической сцены борющиеся и гонимые народовольцы переходили на музыкальную. Итальянский композитор Умберто Джордано написал оперу «Федора» по драме Сарду. Партию народовольца Лориса Ипанова в этой опере пел Энрико Карузо¹⁷⁰. Вслед за «Федорой» Джордано создал еще одну оперу на русскую тему — «Сибирь» (по мотивам книги Джорджа Кеннана о ссыльно-кааторжных народниках 70—80-х годов)¹⁷¹. Таковую же оперу хотел написать Джакомо Пуччини, но «пришел к мысли, что не сможет отобразить неизвестную ему русскую жизнь»¹⁷².

Все произведения, о которых идет речь, проникнуты большим или меньшим сочувствием к героям и мученикам «Народной воли». Авторы этих произведений изображали русского революционера 80-х годов, народовольца, хотя и преследуемым, лишенным широкой поддержки, но непреклонным, самоотверженным, достойным славы и подражания. Значит, все упомянутые здесь романы, повести, новеллы, стихи, драмы, оперы мастеров культуры Европы, Америки, Азии вносили тот или иной вклад в международную кампанию солидарности с русским освободительным движением.

* * *

Итак, политические процессы «Народной воли» возбуждали, а часто (главным образом в 1880—1882 гг.) и как бы фокусировали в себе сочувственный интерес к идеям, делам и людям русской революции со стороны международной общественности. Раскрывшаяся на процессах перед всем миром величественная и трагическая эпопея народовольчества получила общее признание как одна из самых важных для того времени составных частей мирового революционного процесса. Именно она дала основание К. Марксу и Ф. Энгельсу уже к 1882 г.

---

¹⁶⁸ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 2, с. 229.

¹⁶⁹ См.: Таратута Е. С. М. Степняк-Кравчинский..., с. 159.

¹⁷⁰ Cellamare D. Umberto Giordano. Milano, 1949, p. 68.

¹⁷¹ Ibid., p. 79.

¹⁷² Данилевич Л. В. Джакомо Пуччини. М., 1969, с. 286.

заклучить, что «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»¹⁷³.

Самым действенным проявлением интереса мировой общественности к революционной России 80—90-х годов были кампании солидарности с русскими революционерами: митинги, демонстрации, воззвания прессы, публичные лекции, сборы средств помощи, организация «Обществ друзей русской свободы» со своими печатными органами. Такие кампании начались за рубежом (не только в Европе, но и в Америке — как северной, так и южной, Азии, даже в Африке) с 1880—1881 гг., под впечатлением героики «Народной воли». Поводами к началу кампаний оказывались, как мы видели, политические репрессии царизма — его судебный, в первую очередь, и административный террор. Прежде таких кампаний вообще не было. В 80-е же и, отчасти, 90-е годы они шли то и дело, подготовив таким образом сочувственное восприятие на Западе и Востоке трех русских революций.

Все эти кампании вершились усилиями очень разных в социальном и политическом отношении слоев общества: пролетарских революционеров, мелкобуржуазных демократов, радикальных и либеральных буржуа, даже чиновных консерваторов, а также деятелей науки, литературы, искусства. Среди них были Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Вильгельм Либкнехт и Жан Жорес, Луиза Мишель и Лео Франкель, Джузеппе Гарибальди и Огюст Бланки, Анри Рошфори и Джордж Кеннан, Джон Морли и Филипп Брукс, Герберт Спенсер и Нильс Норденшельд, Виктор Гюго и Марк Твен, Элеонора Дузе и Умберто Джордано, обозреватели таких консервативных газет, как «Таймс» и «Кельнише Цейтунг». Так складывалось громкое и авторитетное общественное мнение, которое воодушевляло русских революционеров и тревожило их карателей.

Однако в этом хоре международного протеста против царских инквизиторов не все голоса звучали в полную силу, а иные — и фальшивили. Консервативные круги пытались урезонить царизм не из солидарности с русскими революционерами, а из опасения, как бы чрезмерная реакция не повлекла за собой излишне жестокой (пугачевского толка) революции, которая могла бы уг-

---

¹⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

рожать соседям России или пагубно влиять на них. Либеральные буржуа возмущались вполне искренно, но тоже не столько карательной политикой царизма как таковой, сколько ее крайностями, беззаконием, произволом. Соответственно в программе народовольцев западные либералы превыше всего ценили и одобряли требования политических свобод, конституционных гарантий. Только революционная общественность (будь то марксисты или бланкисты) солидаризировалась с борцами за освобождение России до конца, до победы социалистических идеалов, оговаривая лишь своеобразие тактики народничества.

Передовые круги Запада уже к началу 80-х годов надеялись, что Россия первой и притом скоро начнет мировую революцию, открыв путь к ней другим странам. На такую перспективу неоднократно указывали Маркс и Энгельс, полагавшие, что русская революция «тотчас же изменит облик всей Европы» и «будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории»¹⁷⁴.

Столь оптимистические надежды международной демократии в 80-е годы не оправдались, но они и дальше жили в ее сознании, воодушевляли и побуждали ее следовать героическому примеру русских революционеров — сначала народовольцев, а затем и социал-демократов. Центр мирового революционного движения неуклонно перемещался в Россию. Русские социал-демократы, взяв из рук обессилевших народников знамя передового отряда революционного движения в Европе, понесли его к той же, что и народники, цели — иным, единственно верным путем. На этом пути российскому пролетариату еще предстояло завоевать себе репутацию авангарда международного революционного пролетариата. «И мы вправе рассчитывать, — писал В. И. Ленин в 1902 г., — что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией»¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 344, 347. О том же см.: т. 19, с. 124, 305; т. 22, с. 449; т. 34, с. 230.

¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сами народовольцы не только сознавали, но и старались разъяснять своим последователям и всем современникам исторический смысл судебных процессов над русскими революционерами. «Политические процессы в России, более чем в какой-либо другой стране, получили особенное значение, зависящее от исторических условий русской жизни,— гласило вступление «От редакции» к гектографированному изданию 1883 г. «Отчета о процессе «17-ти».— У нас, при полнейшем отсутствии какой-либо возможности широкой общественной деятельности, политический процесс — это единственная арена, где люди известного общественного идеала, с определенной программой действий, открыто, лицом к лицу перед тиранией, предъявляют правительству требования всего общества и целого народа, исповедуют свои личные идеалы и стремления и за них идут на смерть и каторгу»¹.

Значение судебных процессов «Народной воли» 1880—1894 гг. прежде всего в том и состоит, что судившиеся на них революционеры превращали почти каждый процесс в арену борьбы с царизмом, а скамью подсудимых — в революционную трибуну. Главным образом это было характерно для процессов 1880—1882 гг. После 1882 г., когда революционная борьба шла на убыль, значение народовольческих процессов даже выросло. Дело в том, что «Народная воля» до середины 90-х годов оставалась еще традиционно главным центром притяжения для молодых революционных кадров в России,

---

¹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 436, л. 18.

своеобразным символом освободительной борьбы. Теоретически с 1883 г., когда началось распространение марксизма в России, народничество можно было расценивать уже как пройденный этап русского освободительного движения. Практически же еще примерно в течение десяти лет, пока социал-демократия переживала процесс «утробного развития»², «Народная воля» доминировала в движении. Между тем с 1883 г. она уже не записала себе в актив ни одного действительно крупного революционного акта. Зато она блестяще зарекомендовала себя почти на 50 судебных процессах, из которых, по крайней мере, десять получили европейскую, а то и мировую известность. Именно судебные процессы, а не революционные акты в прямом смысле слова обеспечивали «Народной воле» после 1882 г. политический кредит и славу. Точнее, судебные процессы и были в период с 1883 г. до середины 90-х годов если не главными, то, во всяком случае, самыми громкими революционными актами «Народной воли».

В течение 70-х, а также 1880—1881 гг. царские власти упорно, несмотря на неудачу за неудачей, пытались использовать то один, то другой судебный процесс для того, чтобы политически и морально дискредитировать «крамолу», но «это им так же удалось, как если бы они вздумали заплевать солнце»³. После процесса по делу 1 марта 1881 г. царизм уже едва ли питал на этот счет какие-либо иллюзии. Теперь он тщился не столько опровергнуть на том или ином процессе идеи, дела и личности подсудимых, сколько помешать им сделать из процесса рекламу для революционной партии. При таком подходе к делу царское правительство рано или поздно должно было фактически похерить судебные уставы 1864 г. и вообще отказаться от устройства политических процессов. В конечном счете все народовольческие процессы укореняли в сознании современников идею *неодолимости* русского революционного движения⁴.

² «В 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 87).

³ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 30.

⁴ «Истреблять зараженных — дело нехитрое; но как истребить заразу? — писал реакционный философ и публицист Н. Н. Страхов после казни первомартовцев. — Тут невозможность так ясна для всех, так уже признана всеми, что о ней обыкновенно и не рассуждают...» (Русь, 1881, 18 апреля, с. 7).

Политические процессы «Народной воли» явились как бы концентрированным выражением исключительно, сверхчеловеческого напряжения сил революционного лагеря при беззаветной решимости к борьбе и высочайших ее проявлениях, обреченных, однако, на неудачу из-за отсталости теории, из-за ошибочности (со временем все более очевидной) самого народнического пути к социализму. Поэтому опыт процессов, наряду с другими факторами, объективно толкал вперед революционную мысль⁵, шаг за шагом убеждал революционеров в том, что творческие возможности народничества исчерпываются, и облегчал тем самым назревавший в русском освободительном движении переход от народничества к марксизму.

Опыт народовольческих процессов, выработанные народовольцами принципы поведения после ареста и образцы их единоборства с царским судом вошли в революционный арсенал следующих поколений. Надо полагать, что тот кодекс поведения революционера перед судом, который сформулирован в письме В. И. Ленина Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме от 19 января 1905 г.⁶, так или иначе отразил богатейший опыт процессов «Народной воли», тем более, что другие революционные партии в России к тому времени почти не имели судебного опыта. «Многое зависит, по-моему, от того, какой будет суд? — разъяснял товарищам Ленин. — Т. е. есть ли возможность воспользоваться им для агитации или никакой нет возможности?» Если такая возможность есть, считал Владимир Ильич, ее надо использовать: «Речь с изложением profession de foi вообще очень желательна, очень полезна, по-моему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль». Мы видели, что народовольцы умели воспользоваться судом для агитации, а при случае (весьма нередком) произносили на процессах замечательные ре-

---

⁵ Видный деятель большевистской партии П. А. Красиков вспоминал о героях «Второго 1 марта»: «Их казнь решительно и настоятельно поставила передо мной и некоторыми моими товарищами, настроенными так же революционно, как и я, проблему научно обосновать вопрос о выборе вернейшего пути борьбы с самодержавием...» (Амиантов Ю., Хаи Г. Товарищ «Музыкант». — Известия, 1970, 8 октября).

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 169—173.

чи с изложением *profession de foi* (как это сделали, например, Квятковский, Ширяев, Желябов, Александр Михайлов, Исаев, Грачевский, Фигнер, Ульянов).

Если же использовать суд для агитации не представлялось возможным, Ленин рекомендовал «отрицать суд и прямо бойкотировать его», но «лишь после открытого, определенного, энергичного протеста и заявления». Мы видели, что народовольцы умели и бойкотировать царский суд, тем более что их мог вдохновлять классический образец такого бойкота — процесс «193-х». Как бы то ни было, с успехом отрицали суд и прямо бойкотировали его народовольцы, судившиеся на процессе «23-х», Желваков, Халтурин, Манучаров, Лисянский, Калужная, Телепнев и др.

Ленин внушал товарищам, что революционеру на суде «...об организационных отношениях говорить нельзя (т. е. принадлежал ли к организации, к какой etc)», а надо выступать от имени *партии*, «...чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии». Так (как правило) и поступали народовольцы. Умалчивая об организационных отношениях, они выступали с партийными речами и заявлениями, агитировали от имени партии и в пользу партии. Таковы были выступления Александра Квятковского и Степана Ширяева, Андрея Желябова и Александра Михайлова, Петра Теллалова и Александра Ульянова, Веры Фигнер и Софьи Гинсбург.

Вырабатывая и проводя в жизнь наиболее эффективную с точки зрения революции тактику поведения перед царским судом, народовольцы, конечно, учитывали, что их опыт будет фигурировать и на суде истории. При этом они могли быть спокойны за репутацию своей партии. Не случайно Н. А. Морозов в 1908 г., когда всгнал вопрос об опубликовании некоторых показаний народовольцев из жандармских архивов, объявил, что публикатор «оскорбил бы нас всех, если б усомнился в нашем разрешении печатать все, что он найдет написанным от нашего имени в таких местах»⁷.

Сам Н. А. Морозов и другие народовольцы, которым посчастливилось дожить до первой русской революции,

---

⁷ Архив АН СССР, ф. 543, оп. 3, д. 64, л. 1—2.

воочию увидели, как новое поколение борцов против царизма следует на судебных процессах примеру «Народной воли». Герой революции 1905 г. эсер И. П. Каляев перед казнью в ответ на предложение суда просить о помиловании прямо заявил: «Как революционер, верный заветам партии «Народной воли», я считаю долгом моей политической совести отказаться от помилования»⁸.

В образец революционерам ставили поведение героев «Народной воли» перед царским судом и социал-демократы, большевики. Об этом не раз напоминала ленинская «Искра». Так, 15 февраля 1902 г. в заявлении о тактике революционеров на суде она призывала брать пример с Желябова и Перовской, поведение которых на суде, по ее мнению, «является логическим продолжением их политической деятельности на воле, является последним служением делу»⁹. 15 февраля 1903 г. в статье «О постановке пропаганды в кружках» «Искра» рекомендовала знакомить рабочих с «примерами революционной стойкости на допросах, судах» из опыта «Народной воли» (в частности, с предсмертным письмом С. Л. Перовской к матери)¹⁰. Наконец, предисловие редакции «Искры» к письму П. А. Заломова «Из-за решетки» от 1 марта 1903 г. гласило: «...участие в судебном следствии... и пользование правом последнего слова — для защиты своих убеждений — представляется важным орудием политической борьбы нашей партии. Мы укажем здесь на пример такого политического деятеля, как Желябов. В процессе 1 марта Желябов протестовал против самого суда, но это ему не помешало воспользоваться всеми своими правами для продолжения борьбы и в течение судебного следствия и в защитительной речи»¹¹.

Революционизирующее воздействие героики политических процессов «Народной воли» испытали на себе многие видные большевики. Революционер и ученый, академик С. Г. Струминин в последний год своей долгой (почти столетней!) жизни отмечал: «Мое поколение — это люди рождения 70-х годов прошлого века. Мы были вос-

---

⁸ Дело Ивана Каляева. Спб., 1906, с. 40—41.

⁹ Искра, № 1—52/Полный текст под ред. П. Л. Леспешинского. Л., 1926—1928, вып. 3, с. 38.

¹⁰ Там же, вып. 5, с. 78.

¹¹ Там же, с. 95.

питаны на идеалах бескомпромиссной революционной борьбы с самодержавием. Примером для нас были такие замечательные революционеры, как Желябов, Перовская, Кибальчич»¹². Такого же рода свидетельства оставили Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, С. И. Гусев, П. А. Красиков, М. Г. Цхакая, А. М. Коллонтай, И. А. Теодорович¹³. А. И. Микоян, впервые прочитавший судебный отчет о процессе первомайцев зимой 1918—1919 гг., вспоминает: «Чтение этих записей... произвело на меня потрясающее впечатление. Я и раньше слышал и читал о Желябове, Кибальчиче и Перовской. Но о том, как мужественно и поистине героически вели они себя на суде, я не знал. А тут даже при чтении сухих и косноязычных записей царских чиновников, к тому же нередко явно извращавших существо дела в угоду царскому «правосудию», перед моим мысленным взором во весь рост встали благородные образы этих революционеров, подлинных исполинов мужества, революционной страсти и бесконечной веры в дело освобождения народа, за которое они без малейших сомнений и колебаний шли на смерть с гордо поднятой головой»¹⁴.

Пролетарские революционеры, большевики, в полной мере унаследовали от народовольцев героизм, революционную страсть и убежденность, тот особый взгляд на самую смерть во имя революции, который позднее метко определил Всеволод Вишневский словами одного из героев «Оптимистической трагедии»: «Помни, что и смерть бывает партийной работой!»¹⁵.

Разумеется, большевики (М. В. Фрунзе, Ф. Э. Держинский, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, В. Л. Шанцер, П. А. Заломов и др.) на судебных процессах

---

¹² Прорыв в будущее. — Комсомольская правда, 1973, 8 августа.

¹³ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 30, 39; Кенпап G. Siberia and the Exil System. Chicago, 1958, p. 16; Гусев С. И. Автобиография. — Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 1, прил. 3, стб. 105—106; Красиков П. А. Авторизованная биография. — Там же, стб. 219; Теодорович И. А. Автобиография. — Там же, ч. 3, прил. 3, стб. 140; Цхакая М. Г. Великое десятилетие Великого Октября. Забкнига, 1927, Вып. 2, с. 19; Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. Очерк жизни А. М. Коллонтай. М., 1964, с. 9, 10.

¹⁴ Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971, кн. 1, с. 293.

¹⁵ Вишневский Вс. Собр. соч. в 5-ти т. М., 1954, т. 1, с. 269.

существенно обогащали народовольческий опыт, черпая идейную стойкость и духовные силы в революционном подъеме *пролетарских масс*, но это — особая тема, давно заслуживающая, кстати сказать, специального исследования. Важно, что поведение народовольцев перед царским судом большевики считали «образцом для всех революционеров»¹⁶ — причем не только с моральной точки зрения (героизм, самоотверженность, сила духа), но и с точки зрения практической (общие принципы и конкретная тактика в зависимости от того, какой суд в какой обстановке и каким образом ведет дело).

В память 40-летия со дня гибели Александра Ульянова и его товарищей А. И. Ульянова рассказывала на страницах «Правды»: «Вспоминаю, как Владимир Ильич, которому я показала в его последнее посещение моей квартиры фотографический снимок памятника жертвам, замученным царским самодержавием в Шлиссельбурге, сказал: «Надо бы разпоможить этот снимок, его следовало бы иметь в каждом рабочем клубе, а то у нас плохо знакомы с историей нашей революционной борьбы, скольких жертв она стоила»¹⁷. Теперь, еще 50 лет спустя, мы можем сказать, что хорошо знакомы с историей нашей революционной борьбы, но до сих пор меньше, чем следовало бы, знаем и задумываемся над тем, *скольких жертв* она стоила. А жертвы были очень велики. Вот как выглядят, по данным Департамента полиции¹⁸, масштабы судебно-административных репрессий в России с 1 июля 1881 по 31 декабря 1890 г. (см. таблицу).

Итак, за девять с половиной лет жандармские управления довели до конца 11 704 дознания по делам о государственных преступлениях против 16 476 человек, причем, как явствует из содержания «Обзоров», абсолютное большинство этих людей обвинялось в принадлежности к «Народной воле» или в пособничестве ей. Поэтому последовательное (лишь с некоторыми отклонени-

---

¹⁶ Заломов П. А. Воспоминания. Горький, 1947, с. 35.

¹⁷ Ульянова А. Памяти погибших революционеров. — Правда, 1927, 21 мая.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, «Обзоры» и «Ведомости» важнейших жандармских дознаний за 1881 г. (с. 3), 1882 г. (л. 140, 158, 175), 1883 г. (л. 126), 1884 г. (л. 143), 1885 г. (с. 3), 1886 г. (л. 72), 1887 г. (с. 3), 1888 г. (с. 3—4), 1889 г. (л. 81), 1890 г. (л. 89).

Год	Произво- дилось дознаний	Число обвиняемых	Окончено дознаний	Число обвиняемых
1881 июль — декабрь	1338	1915	1097	1583
1882	2502	3860	1827	2507
1883	1611	2138	1499	1732
1884	1367	3041	1064	1951
1885	1135	1980	1022	1659
1886	1026	1887	919	1554
1887	1242	1842	1121	1702
1888	1149	1316	1042	1113
1889	1163	1541	1070	1392
1890	1138	1492	1043	1283
Итого	13671	21012	11704	16476

ями) сокращение числа дознаний и обвиняемых на протяжении всего десятилетия (по мере упадка «Народной воли») представляется естественным¹⁹.

Заметим, что в таблице не отражены первая половина 1881-го и весь 1880 г., когда преследования «Народной воли» были не меньшими (если не большими), чем во второй половине 1881 или в 1882 г. С учетом тех лет (жандармские «Обзоры» тогда не составлялись) число обвиняемых по политическим делам, вероятно, превысило бы к 1891 г. 20 тысяч.

Разумеется, среди них было много случайных (хотя бы и пострадавших при этом) людей, в итоге каждого дознания кто-то благополучно освобождался от преследования²⁰. Иные революционеры привлекались к нескольким дозняниям сразу. По судебным приговорам была наказана из 20 тысяч (будем считать так) сравнительно очень малая часть: 550 человек. Но, во-первых, это были, как правило, наиболее активные революцио-

¹⁹ Рост числа дознаний в 1887 г. связан с процессами «21-го» и «Второго 1 марта», а привлеченных к дозняниям в 1884 г. — с процессом «14-ти».

²⁰ С другой стороны, иные народовольцы (даже видные, как Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, А. А. Франжоли, Е. Ф. Завадская, Е. Д. Сергеева, А. Н. Бах) вообще не привлекались к дозняниям, оставшись неразысканными.

неры, лучшие силы «Народной воли», Во-вторых, громадная часть привлеченных к дознаниям (в числе которых оказывались менее уличенные, но тоже деятельные революционеры) была репрессирована в административном порядке. По официальным данным только о 1500 политических дел при 3046 обвиняемых, за период с 1 июля 1881 по 31 декабря 1887 г. подверглись административным карам 2822 человека, из которых 635 были отправлены в сибирскую ссылку²¹. На этом основании можно предположить, что всего по дознаниям 1880—1890 гг., когорые, кстати говоря, чаще возникали не сами по себе, а в связи с тем или иным процессом, стали жертвами административной расправы никак не менее 15 тысяч «политических». Записать их всех на лицевой счет «Народной воли» мы, конечно, не можем, но думается, что две трети от их числа (10 тыс.) как минимум так или иначе были причастны к «Народной воле», если не принадлежали к ней, а эта цифра значительно превышает все бытующие в литературе представления о численности народовольцев²².

Как бы то ни было, история освободительного движения в России домарксистской поры не знает другой организации, которая принесла бы на алтарь русской революции столько жертв, сколько «Народная воля». «Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»²³.

---

²¹ Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. М., 1906, с. 322.

²² Кантор Р. М. К истории революционного движения 1870—1880 гг. — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 122; Твардовская В. А. Организационные основы «Народной воли». — Исторические записки, М., 1960, т. 67, с. 131; Волк С. С. «Народная воля». М.—Л., 1966, с. 277.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПОДСУДИМЫЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ 1880—1894 гг.¹

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Нацпосл.	Сол. Пож.	Дата рождения	Организация	Приговор в окончат. форме	Судьба
1	2	3	4	5	6	7	8

1. Дело Е. И. Россиковой и др., 10—14.1.1880 (Одесский военно-окружной суд)

1	Алексеева Анна рус.	разн.	1856			Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1934 в СССР
2	Алексеевна Боршт Абрам Лейбович	евр.	мещ.	1837?		1 год тюрьмы	
3	Боршт Сима Моисеевна	"	"	1843?		»	
4	Маловичко Виктор Григорьевич	укр.	двор.	1835?	— ²	Искл. из службы	
5	Морозова Татьяна Тимофеевна	рус.	мещ.	1860	—	4 м-ца тюрьмы	
6	Погорелов Яков Федорович	"	"	1844	—	6 лет каторги	

¹ Социальное положение подсудимых указывается по условному признаку. Рабочие (фигурирующие в судебных материалах как мещане и крестьяне), а также разношцы выделены особо. Дети священников обозначены «дух». Точные даты рождения, установленные мной по метрикам, помечены — *. Важнейшие сокращения: «аг.» — агент, «кр.» — кружок, ИК — Исполнительный комитет, РП — Распорядительная комиссия, «Воен.» и «Раб.» — Военная и Рабочая организации «Народной воли», «Петроп.» — Петропавловская крепость, «Шлис.» — Шлиссельбургская крепость.

Процессы с участием народовольцев обозначены ◆

² Прочерк здесь и далее означает, что подсудимый не состоял членом революционной организации, пустая графа — отсутствие сведений об этом.

7	Росскова Ивановна	Елена	двор.	1849	Кр. И. М. Ко- вальского	Вечная каторга	Ум. в 1894 в Иркутске
8	Франжоли Афанасьевич	Николай	итал. мещ.	1855	—	4 года каторги	Ум. после 1896
9	Челская тоновна	Евфимия Ан- дреевна	мещ.	1846?	—	Оправдана	
10	Чепский янович	Иван Демь- янович	крест.	1830?	—	1 г. 6 м. тюрьмы	
11	Щербаченко Фелосеевна	Кондра- тий Андреевич	укр. крест.	1842?	—	1 год тюрьмы	
12	Щербаченко Фелосеевна	Федосья	рус. двор.	1843?	—	Оправдана	
13	Южакова Николаевна	Елизавета	рус. двор.	1851	Одес. проп. кр.	Ссыл. Вост. Сиб.	Убита 4.I.1883 в сиб. ссыл.

2. Дело И. К. Тюрина — М. С. Ронесса, 18.I.1880 (Одесский военно-окружной суд)

14	Ронесс муилович	Мендель Са- вич	евр. мещ.	1859?	—	1 м-ц ареста	
15	Тюрин Иван Кузьмич	Иван Кузьмич	рус. мещ.	1860?	—	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. в 1896 в Семипала- тинске

3. Дело И. О. Млодецкого, 21.II.1880 (Петербургский военно-окружной суд)

16	Млодецкий Осипович	Ипполит	евр. мещ.	3.VIII.1856*	—	Смертная казнь	Казнен 22.II.1880 в Спб
----	-----------------------	---------	-----------	--------------	---	----------------	-------------------------

4. Дело А. А. Богославского, 21—22.II.1880 (Киевский военно-окружной суд)

17	Богославский Анарьевич	Арсе- ний Анарьевич	укр. дух.	1854	Киев. террор. кр.	15 лет каторги	Ум. 22.XI.1880 в тюрьме
----	---------------------------	------------------------	-----------	------	----------------------	----------------	-------------------------

5. Дело М. П. Лозинского, 23.II.1880 (Киевский военно-окружной суд)

18	Лозинский Платонович	Мелетий	рус. дух.	1855	—	Смертная казнь	Казнен 6.III.1880 в Киеве
----	-------------------------	---------	-----------	------	---	----------------	---------------------------

1	2	3	4	5	6	7	8	
19	Андрузский Федотович	Андрей укр.	двор.	4.I.1855*	6. Дело А. Ф. Андрузского, 25.II.1880 (Киевский военно-окружной суд)			4 года каторги
20	Родионов Ильевич	Иван В.-рус.	разн.	1861?	—	6 лет каторги	Сошел с ума в Якут. ссыл.	
21	Розовский Исаакович	Иосиф евр.	мещ.	1859*	«Нар. воля» (Киев)	Смертная казнь	Казнен 6.II.1880 в Киеве	
◆ 7. Дело И. И. Розовского, 27.II.1880 (Киевский военно-окружной суд)								
22	Ванчаков Васильевич	Васильий	дух.	2.I.1855	—	2 м-ца ареста		
23	Калужный Александр Мефодьевич	Алек-укр.	разн.	5.IX.1853	Кр. С. В. Ястремского	6 лет каторги		
24	Куплеваский Евдокимович	Денис	раб.	1845?	»	Ссыл. Зап. Сиб.		
25	Судейкин Николай Петрович	Николай рус.	»	1.X.1856		2 м-ца ареста		
26	Чугуевец Анастасьевич	Михаил укр.	двор.	1.X.1857		»		
27	Ястремский Васильевич	Сергей рус.	»	20.IX.1857	Кр. С. В. Ястремского	10 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР	
9. Дело кружка М. Я. Геллиса, 26—30.III.1880 (Одесский военно-окружной суд)								
28	Васюгинский Васильевич	Яков	двор.	1850?		Оправдан		
29	Верцинский Петрович	Васильий		1853?	Кр. М. Я. Геллиса	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1900	

30	Властопуло Николай Лучич	укр.	двор.	1858	Кр. М. Я. Гел- лиса	15 лет каторги	Ум. после 1907
31	Геллис Меер Янкеле- вич	евр.	мещ.	1857	»	Вечная каторга	Ум. 10.X.1886 в Шлис.
32	Геллис Пинхус Сру- левич	"	"	4.XII.1858	»	Ссыл. Вост. Сиб.	
33	Геллис Эсфирь Мой- сеевна	"	"	29.III.1858*	»	»	
34	Говорюхин Алек- сандр Федорович	двор.	двор.	18.I.1859	»	»	Ум. после 1900 в Одессе
35	Гоштофт Николай Людвигович	"	"	1859?	»	3 м-ца тюрьмы	
36	Короткевич Леонид Дормидонтович	рус.	разн.	1857	Кишиневский кр.	2 м-ца тюрьмы	
37	Кривошеин Алек- сандр Иванович	рус.	разн.	1858?	»	4 года каторги	Ум. осенью 1881 на Каре
38	Медведев Солomon Беркович	евр.	мещ.	1862	Кр. М. Я. Гел- лиса	3 м-ца тюрьмы	
39	Минаков Егор Ива- нович	рус.	двор.	10.IV.1854	»	20 лет каторги	Казнен 24.IX.1884 в Шлис.
40	Мурафа Иван Кон- стантинович	молд.	дух.	1861?	Кишиневский кр.	Отправдан	
41	Надеев Николай Александрович	рус.	раб.	19.VIII.1860*	»	6 м-цев тюрьмы	Ум. после 1935 в СССР
42	Осмоловский Григо- рий Федорович	укр.	разн.	1858	Кишиневский кр.	15 лет каторги	Ум. 29.IX.1917 в Нико- лаеве
43	Попович Петр Ефи- мович	"	дух.	1860?	»	2 м-ца тюрьмы	
44	Рублев Абрам Мор- духович	евр.	мещ.	1853?		Ссыл. Вост. Сиб.	
45	Цукерман Мойсей Абрамович	"	"	10.V.1861	Кр. М. Я. Гел- лиса	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1904

1	2	3	4	5	6	7	8
46	Южакова Елизавета Николаевна ¹						Ссыл. Вост. Сиб.
◆ 10. Дело Н. А. Антушева и др., 9—11.IV.1880 (Московский военно-окружной суд)							
47	Антушев Николай	рус.	двор.	1855?	«Нар. воля» (Ярославль)	6 лет каторги	
48	Алексеевич Белоцетов	"	дух.	1852?	"	4 года каторги	
49	Васильевич Богородский	"	"	2.IV.1857*	"	1 м-ц ареста	
50	Алексеевич Виноградов	"	"	5.II.1859*	"	2 м-ца ареста	
51	Платонович Козырев	"	"	1846?	«Нар. воля» (Ярославль)	8 лет каторги	Ум. в 1900 в Иркутске
◆ 11. Дело М. Я. Лихачева и др., 12.IV.1880 (Московский военно-окружной суд)							
52	Комылов Михаил	Не-рус.	раб.	1855?	—	4 м-ца тюрьмы	
53	Лихачев Иван	"	дух.	1854	«Нар. воля» (Ярославль)	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1906 в Ярославле
54	Нардов Алексей	"	"	1857?	"	2 года тюрьмы	
55	Нардов Иван	"	"	1858?	«Нар. воля» (Ярославль)	1 г. 4 м. тюрьмы	
56	Руссов Федор	"	"	1861?	"	Выговор	

¹ См. № 13

57	Солярский Абрамович	Василий	дух.	1857	«Нар. воля» (Ярославль)	»	1 год тюрьмы	Ум. после 1934 в СССР	
58	Троицкий Иванович	Дмитрий рус.	"	1858?	»	»	Выговор	Ум. в 1922 в Саратове	
59	Шугорский Александрович	Петр	"	1859?	»	»		Ум. 31.X.1885 на Каре	
12. Процесс центра «Земли и воли», 6—14.V.1880 (Петербургский военно-окружной суд)									
60	Бердников Федорович	Леонтий	мещ.	23.VI.1852*	«Земля и воля»	»	8 лет каторги	Ум. после 1917	
61	Буланов Петрович	Леонид	двор.	1856	»	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 31.X.1885 на Каре	
62	Веймар ардович	Орест Эду- нем.	"	27.XII.1843	—	»	10 лет каторги	Ум. после 1917	
63	Ковалик липовна	Мария Фи- бел.	двор.	1850?	»	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 31.X.1926 в Иркутске	
64	Коленкина Александровна	Мария	мещ.	12.XII.1850	«Земля и воля»	»	10 лет каторги	Ум. в 1910 в Польше	
65	Левенталь Григорьевич	Лейба	"	1856	»	»	6 лет каторги	Ум. в XI.1891 в Слб	
66	Малиновская Николаевна	Ал-дра	двор.	1849?	»	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 8.VII.1929 в Ростове	
67	Михайлов Федорович	Адриан	разн.	5.VIII.1853	»	»	20 лет каторги	Ум. 16.III.1881 в Слб	
68	Натансон Александровна	Ольга	двор.	1850	»	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 26.VII.1881 в Петроп.	
69	Оболешев Дмитриевич	Алексей	"	24.II.1854	»	»	15 лет каторги	Ум. 25.II.1898 в ссыл.	
70	Трошанский Филиппович	Василий	"	7.III.1843	»	»	10 лет »		

1	2	3	4	5	6	7	8
13. Дело Г. А. Глико, 7.V.1880 (Одесский военно-окружной суд):							
71	Глико Гавриил Александрович	1854?			Ссыл. Зап. Сиб.		
14. Дело К. П. Елисеовой, 4.VI.1880 (Харьковский военно-окружной суд)							
72	Елисеова Ксения Павловна	рус. двор.	двор.	1855?		Ссыл. Зап. Сиб.	
15. Дело В. П. Обнорского, 11. VI.1880 (Петербургский военно-окружной суд)							
73	Обнорский Виктор Павлович	рус.	раб.	11.XI.1851	Сев. союз рус. раб.	10 лет каторги	Ум. 16.IV.1919 в Томске
74	Петерсон Николай	лат. коллежнич	"	1854?	"	3 м-ца тюрьмы	
75	Смирнов Яков Петрович	рус.	"	1853?	"	1 м-ц "	
◆ 16. Процесс кружка М. Р. Попова — Д. Т. Бутинского, 14—26.VII.1880 (Киевский военно-окружной суд)							
76	Бутинский Дмитрий Тимофеевич		дух.	9.II.1855*	«Народная воля»	20 лет каторги	Ум. 4.VII.1891 в Шлис.
77	Диковский Моисей Андреевич	укр.	"	28.VIII.1857	"	15 лет "	Ум. 2.II.1930 в Томске
78	Диковский Сергей Дороевич	"	"	1857?	"	20 лет "	Ум. весной 1909
79	Жуков Владимир Иванович	рус.	двор.	1860	"	7 лет каторги	Ум. 18.VII.1884 на Каре
80	Иванов Игнатий Кириллович	"	"	1859	«Черный передел»	Вечная каторга	Ум. 21.II.1886 в Шлис.
81	Ильяшенко Севастьян Ефремович	укр.	раб.	1849?		15 лет каторги	Ум. 18.VIII.1890 на Каре

82	Клименко Филимонович	Михаил	•	1856	«Народная воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Самоуб. 5.X.1884 в Шлис.
83	Костецкий Иванович	Болеслав, пол.	•	1856	•	4 года каторги	Ум. после 1909
84	Ливенсон Виктория	двор.	двор.	24.VIII.1855	•	6 лет »	Ум. после 1901
85	Левченко Никита Ва- сильевич	укр.	раб.	1858	•	15 лет »	Ум. летом 1921 в Саратове
86	Лозянов Павел Ти- мофеевич	евр.	дух.	1860?	«Народная воля»	13 л. 4 м. кат.	Ум. в 1903 в Якут. ссыл.
87	Лотрингер Соломон	евр.	•	1854?	»	4 м-ца тюрьмы	•
88	Петров Николай Ни- колаевич	рус.	двор.	23.XI.1851	«Черный пере- дел»	4 года каторги	Ум. после 1934 в СССР
89	Подревский Николай	•	•	1855	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. в 1916
90	Позен Вениамин Павлович	•	мещ.	12.IX.1858	«Народная воля»	7 лет каторги	Ум. после 1903
91	Попов Михаил Ро- дионович	рус.	дух.	14.XI.1851	«Черный пере- дел»	Вечная каторга	Ум. 4.I.1909 в Слб
92	Реферт Фанни Семе- новна	евр.	мещ.	1858	•	4 года каторги	Ум. 17.VII.1884 в ссылке
93	Филагов Михайлович	рус.	раб.	1853?	•	15 лет »	Ум. после 1909
94	Хрущев Егорович	•	•	1859?	«Черный пере- дел»	15 лет каторги	Ум. после 1904
95	Шехтер Софья Нау- мовна	евр.	мещ.	1856	«Народная воля»	6 лет каторги	Ум. 2.I.1920 в Петрограде
96	Юрковский Николаевич	укр.	двор.	1851	—	20 лет каторги	Ум. 31.VIII.1896 в Шлис.

17. Дело В. П. Лепешинского, 30.VII.1880 (Одесский военно-окружной суд)

97	Лепешинский Василий Павлович	Васи- укр. двор.	1855?	Южный ИК	2 недели тюрьмы		
◆	18. Дело Каменец-Подольской группы «Народной воли», 19.VIII.1880 (Киевский военно-окружной суд)						
98	Бузня Александр Николаевич	молд. двор.	1.III.1860*	«Народная воля»	Ссыл. Вост. Сиб.		
99	Казанский Василий Васильевич	"	1858	"	Ссыл. Зап. Сиб.		
100	Мошинская Елена Федоровна	"	1861?		7 дней тюрьмы		
101	Пшыбысов Дмитрий Константинович	"	1860?	«Народная воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1904	
102	Притцкер Яковлевич	Авраам евр. мещ.	(1861?)		1 м-ц тюрьмы		
103	Гумовский Раймонд	Гервасий- пол.			2 недели ареста		
104	Игнатъев Кузьма Федотович	рус.			»		
105	Верстаков Федорович	Николай рус. мещ.	1851?		4 м-ца тюрьмы		

19. Дело А. Я. Притцкера, 20.VIII.1880 (Киевский военно-окружной суд)

20. Дело К. Ф. Игнатъева — Г.-Р. Гумовского, IX(?) .1880 (Николаевский военно-морской суд)

21. Дело Н. Ф. Верстакова, 8.IX.1880 (Московская судебная палата)

22. Дело А. О. Лукашевича, 9(?) .IX.1880 (Иркутский окружной суд)

106	Лукашевич Александр Осипович	Алек-пол.	разн.	1.1855	«Кружок моск-вичей»	7 лет каторги	Ум. после 1907
-----	------------------------------	-----------	-------	--------	---------------------	---------------	----------------

23. Дело о побеге из иркутской тюрьмы, 17.IX.1880 (Иркутский губернский суд)

107	Бубновский Николай Николаевич	укр.	раб.	1852	Южный ИК	Остав. в подозр.	Ум. после 1903
108	Волощенко Иннокентий Федорович	"	разн.	1848	»	11 лет каторги	Ум. в 1908 в Полтаве
109	Иванченко Григорий Никифорович	укр.	раб.	1856?		15 л. 2 м. кат.	
110	Манилов Копель Лейбович	евр.	мещ.	1857?		Остав. в подозр.	
111	Медведев Эммануил Борисович	"	"	14.II.1858*	—	»	Ум. ок. 1905 в Забайкалье
112	Ниценко Владимир Васильевич	укр.	двор.	1846?		»	
113	Опришко Григорий Яковлевич	"	крес.	1849		»	Ум. в 1882 на Каре
114	Позен Николай Павлович	"	куп.	1850?	«Киевские бунтари»	14 л. 2 м. кат.	Ум. после 1900
115	Попко Григорий Анфимович	"	дух.	12.IV.1852	Южный ИК	Приков. к тачке	Ум. 20.III.1885 на Каре
116	Стеблин-Каменская Мария Ивановна	"	двор.		—	Остав. в подозр.	
117	Стеблин-Каменский Ростислав Андреевич	"	"	4.VII.1857	Кр. Д. Т. Буцинского	»	Самовб. 27.VII.1894 в ссыл.
118	Тищенко Иван Иванович	"	крес.	1850?	Кр. С. Я. Виттенберга	Приков. к тачке	Ум. после 1917 в Сибири
119	Феохари Степан Ильич	грек	раб.	2.VIII.1858		Остав. в подозр.	Ум. 20.XII.1931 в Одессе

1	2	3	4	5	6	7	8
120	Фомичев Григорий Иванович	рус.	дух.	1854	Кр. Г. И. Фомичева	Приков. к тачке	Ум. после февр. 1917
121	Ходровер Федор Лазаревич	евр.	мещ.	1859?	Кр. И. М. Ковальского	Остав. в подозр.	
122	Чаковский Михаил	пол.	двор.	1852?		»	
123	Казмирович Черневский Людвиг	"	"	1847?		»	
124	Ал-дрович Щепанский Иосиф	"	"	4.V.1855		»	Ум. после 1932
125	Яцевич Николай Васильевич	укр.	дух.	28.IV.1861		13 л. 6 м. кат.	Ум. в 1912 на Украине
24. Дело Н. Ф. Крыжановского и др., 18.IX. 1880 (Енисейский губернский суд)							
126	Властопуло Николай Лукич ¹					Вечная каторга	
127	Козырев Алексей Николаевич ²					7 лет каторги	
128	Крыжановский Николор Федорович		дух.	1859?		Вечная каторга	Ум. 3.IX.1891 в сиб. ссыл.
129	Минаков Егор Иванович ³					»	

¹ См. № 30.² См. № 51.³ См. № 39.

◆ 25. Дело Харьковской группы «Народной воли», 22.IX.—2.X.1880 (Харьковский военно-окружной суд)

130	Блинов Митрофан Александрович	рус. двор.	17.II.1857	«Народная воля»	Предв. заключ.	Ум. после 1894
131	Богуславский Николай Алексеевич	укр. двор.	1857	»	Оправдан	Ум. после 1894
132	Гейер Иван Иванович	»	23.IV.1860	»	»	Ум. 17.XII.1907 в Ташкенте
133	Голубов Лазарь Моисеевич	евр. мещ.	1856	»	2 м-ца тюрьмы	Ум. после 1900
134	Данилов Виктор Александрович	рус. двор.	18.VI.1851	»	Помилуван	Ум. 17.I.1916 в Петрограде
135	Кузнецов Яков Иванович	рус. дух.	9.X.1854	»	Предв. заключ.	Ум. 17.I.1916 в Петрограде
136	Легкий Евграф Григорьевич	разн. разн.	1862	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Казнен 19.VII.1882 в Иркут.
137	Маньч Дмитрий Романович	»	10.II.1856	»	Оправдан	Ум. после 1902
138	Никитин Евгений Васильевич	рус. мещ.	10.I.1857	»	»	Ум. после 1902
139	Сыцялко Александр Осипович	укр. двор.	8.VIII.1859	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Самоуб. 7.III.1898 в тюрьме
140	Сыцялко Осип Менович	»	1826	—	Оправдан	Ум. в 1886
141	Тихоцкий Виктор Ал-дрович	»	21.X.1850*	«Народная воля»	»	Ум. 29.VII.1929 в Купянске
142	Усаковский Владимир Иванович	укр. двор.	1849	»	»	Ум. 30.IV.1883 в Сургуте
143	Филиппов Константин Николаевич	рус. двор.	13.IX.1857*	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 30.IV.1883 в Сургуте

1	2	3	4	5	6	7	8
26. Дело В. И. Зака — Н. Н. Смецкой, 25.IX.1880 (Иркутский губернский суд)							
144	Зак Василий Иванович	евр.	мещ.	1854?		1 мес. тюрьмы	
145	Смецкая Надежда Николаевна	рус.	двор.	1850?	«Земля и воля»	»	Ум. в 1905
27. Дело А. Б. Шадрина — М. А. Садовникова, 10.X.1880 (Архангельская соединенная палата)							
146	Садовников Михаил Ал-дрович	рус.	разн.	1848	«Земля и воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 16.I.1884 в сиб. ссыл.
147	Шадрин Алексей Борисович	.	"	1849?	»	Ссыл. Вост. Сиб.	
◆ 28. Дело В. И. Тулисова и др., 18.X.1880 (Харьковский военно-окружной суд)							
148	Балабуха Сергей Павлович	укр.	двор.	21.IX.1857		3 недели ареста	Ум. после 1932 в СССР
149	Гингазова Анастасия Павловна		разн.	12.XII.1858*			
150	Кожин Илларион Константинович	рус.	дух.	23.III.1850*	«Народная воля»		Ум. после 1903
151	Кожина Екатерина Константиновна	.	"	12.II.1859*	»		
152	Рудаков Ал-др Степанович	рус.		1852	»		
153	Тулисов Василий Иванович	рус.	мещ.	3.I.1853*	«Земля и воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1890
154	Тулисова Мария Ивановна	.	"	1848		1,5 года тюрьмы	

◆ 29. Процесс «16-ти», 25—30.X.1880 (Петербургский военно-окружной суд)

155	Булич Александр Петрович	укр.	двор.	1853	—	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 26.X.1884 в сиб. ссыл.
156	Бух Николай стантинович	Кон-рус.	"	6.XI.1853	Член ИК «Нар. воли»	15 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР
157	Грязнова Мария Васильевна	"	крес.	1.I.1858*	«Нар. воля» (Спб)	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1934 в СССР
158	Дриго Владимир Васильевич	укр.	двор.	1849	—	»	Ум. в сиб. ссылке
159	Зубковский Афанасий Андреевич	"	дух.	1855	«Земля и воля»	15 лет каторги	Ум. 22.XI.1921 в Томске
160	Зунделевич Аарон Исаакович	евр.	мещ.	1854	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 30.VIII.1923 в Лондоне
161	Иванова Софья Андреевна	рус.	двор.	X.1856	»	4 года каторги	Ум. 22.VI.1927 в Москве
162	Квятковский Ал-др	"	"	I.1853	»	Смертная казнь	Казнен 4.XI.1880 в Пет-роп.
163	Кобылянский Люд-пол.	"	"	1857	«Земля и воля»	20 лет каторги	Ум. 3.I.1886 в Шлис.
164	Мартыновский Сергей Иванович	Сер-укр.	"	VIII.1859	«Нар. воля» (Спб)	15 лет каторги	Ум. 3.VIII.1926 в Кисловодске
165	Окладский Иван Федорович	Фе-рус.	раб.	1859	»	Вечная каторга	Ум. после 1925
166	Пресняков Андрей Корнеевич	"	"	1856	Аг. ИК «Нар. воли»	Смертная казнь	Казнен 4.XI.1880 в Пет-роп.
167	Тихонов Яков Тихонович	"	"	1851	«Нар. воля» (Спб)	Вечная каторга	Ум. 10.VIII.1882 на Каре
168	Фигнер Евгения Николаевна	"	"	13.III.1858	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 19.XI.1931 в Москве
169	Цукерман Иоселевич	евр.	куп.	25.I.1852	»	8 лет каторги	Самоуб. 18.VII.1887 в ссыл.

1	2	3	4	5	6	7	8'
170	Ширяев Степан Григорьевич	рус.	крес.	1856	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 18.VIII.1881 в Петроп.
171	Воронов Александр Николаевич	рус.	мещ.	14.I.1848			Уб. 6.V.1882 в сиб. ссыл.
	30. Дело А. Н. Воронова, 31.X.1880 (Петербургский военно-окружной суд)						
172	Пылаев Ефрем Федорович	рус.	мещ.	1851?		5 лет тюрьмы	Ум. после 1902
	31. Дело Е. Ф. Пылаева, XI.1880 (Иркутский губернский суд)						
	◆ 32. Дело Ф. Я. Гавриленко, 18.XI.1880 (Одесский военно-окружной суд)						
173	Гавриленко Федор Яковлевич	укр.	крес.	1854	«Народная воля»	15 лет каторги	Ум. 26.II.1881 в тюрьме
	33. Дело Э. К. Пекарского, 10—11.I.1881 (Московский военно-окружной суд)						
174	Пекарский Карлович	пол.	двор.	13.X.1858	«Земля и воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 29.VI.1934 в Ленинграде
	◆ 34. Процесс по делу 1 марта 1881 г., 26—29.III.1881 (ОИПС)						
175	Гельфман Гезя ровна	евр.	мещ.	1854	Аг. ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. I.I.1882 в ДПЗ
176	Желбов Иванович	рус.	крес.	17.VIII.1851*	Член ИК «Нар. воли»	Смертная казнь	Казнен 3.IV.1881 в Слб
177	Кибальчич Иванович	рус.	дух.	19.X.1853	Аг. ИК «Нар. воли»	Смертная казнь	Казнен 3.IV.1881 в Слб
178	Михайлов Тимофей Михайлович		раб.	22.I.1859	«Нар. воля» (Раб.)	Смертная казнь	Казнен 3.IV.1881 в Слб

179	Перовская Львовна	Софья	»	двор.	1.1.X.1853	Член ИК «Нар. воли»	Смертная казнь	Казнена 3.IV.1881 в Спб	
180	Рысаков Иванович	Николай	»	мещ.	2.V.1861	«Нар. воля» (Спб)	Смертная казнь	Казнен 3.IV.1881 в Спб	
35. Процесс «Южно-русского рабочего союза», 26—29.V.1881 (Киевский военно-окружной суд)									
181	Богомолец Николаевна	Софья	укр.	двор.	27.IX.1856	Юж.-Рус. раб. союз	10 лет каторги	Ум. 11.1.1892 на Каре	
182	Доллер Иванович	Александр	фран.		1860	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Погиб 16.V.1893 в ссыл.	
183	Иванов Павел	Осип	рус.	двор.	7.11.1854	»	20 лет каторги	Ум. 4.IX.1894 на каторге	
184	Кашинцев Иван	Николаевич	»	»	24.VI.1860	»	10 лет »	Ум. ок. 1914 в Болгарии	
185	Кизер Эдуардович	Венцеслав	пол.	раб.	1860	Юж.-Рус. раб. союз	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. в 1943 в СССР	
186	Ковальская Елизавета	Николаевна	рус.	двор.	17.VII.1851	»	Вечная каторга		
187	Кузнецова Софья	»	»	»	1860	»	3 недели ареста		
188	Преображенский Алексей Иванович	»	»	дух.	12.III.1852*	»	Вечная каторга	Ум. 1902 в Иркутске	
189	Присецкая Мария	Ивановна	укр.	двор.	4.VII.1860*	»	Ссыл. Зап. Сиб.		
190	Щедрин Павлович	Николай	рус.	»	1858	Юж.-Рус. раб. союз	Вечная каторга	Ум. 10.1.1919 в Казани	
◆ 36. Дело И. Ю. Старынкевича, 30.VI.1881 (Московский военно-окружной суд)									
191	Старынкевич Юльевич	Иван		двор.	18.III.1861	«Нар. воля» (Москва)	20 лет каторги	Ум. 6.1.1920 в Москве	

1	2	3	4	5	6	7	8
192	Хворостянский Петр Андреевич	дух.	1.1.1862	«Народная воля»	2,5 м-ца тюрьмы	Ум. после 1914	◆ 37. Дело П. А. Хворостянского, 13.VIII.1881 (Харьковский военно-окружной суд)
193	Лобанев-Лобанчук-Гудзь Петр Федорович	укр. раб.	1853?	«Нар. воля» (Киев)	6 лет каторги	Ум. после 1910	◆ 38. Дело П. Ф. Лобанева-Лобанчука-Гудзя, 25.VIII.1881 (Киевский военно-окружной суд)
194	Потапов Яков Семенович	рус. раб.	15.XI.1858	«Земля и воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 3.V.1919 в Якутске	39. Дело Я. С. Потапова, 4.IX.1881 (Архангельская судебная палата)
195	Колупаев Александр Петрович	рус. раб.	1857		2 года тюрьмы		◆ 40. Дело Курской группы «Народной воли», 15—19.IX.1881 (Курский военный суд)
196	Лаврениус Александр Николаевич	двор.	1857	«Народная воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 9.11.1896 в США	
197	Лебедев Николай Георгиевич	рус. дух.	6.XII.1856*	»	»		
198	Майков Василий Иванович	мещ.	1.VIII.1860	»	2 года тюрьмы	Ум. после 1929 в СССР	
199	Полов Евгений Сергеевич	двор.	1846	»	»		
200	Спицын Алексей Иванович	крес.	1856	»	Оправдан		
201	Тимофеев Михаил Акимович	двор.	2.XI.1854	Кружок «яко-бинцев»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1929 в СССР	

◆ 41. Дело А. В. Троицкого, 23.IX.1881 (Московский военно-окружной суд)

202	Троицкий Александр Васильевич	рус.	двор.	1847	«Народная воля?»	8 м-цев ареста
-----	-------------------------------	------	-------	------	------------------	----------------

◆ 42. Дело И. И. Майнова и др., 23.IX.1881 (Московский военно-окружной суд)

203	Виноградов Александр Васильевич	Алек. рус.	дух.	1860		2 недели ареста	Ум. после 1910
204	Кирхнер Александр Валерьянович	рус.	двор.	1859	«Нар. воля» (Москва)	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 2.VII.1903 в Благовещенске
205	Майнов Иван Иванович	рус.	крес.	21.II.1861	»	»	Ум. в 1936 в СССР

◆ 43. Дело Н. Н. Рашевского, 23.IX.1881 (Московский военно-окружной суд)

206	Рашевский Николай Николаевич		двор.	13.X.1861 *	«Нар. воля» (Москва)	3 м-ца ареста
-----	------------------------------	--	-------	-------------	----------------------	---------------

44. Дело о типографии «Черного передела», 29.IX.1881 (Петербургская судебная палата)

207	Крылова Мария Константиновна	рус.	двор.	1842	«Черный передел»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1916 в Воронеже
208	Переплетчиков Василий Алексеевич	Вас.	»	1852	»	4 м-ца тюрьмы	
209	Пьянков Иннокентий Павлович	рус.	куп.	1854?	»	Ссыл. Вост. Сиб.	
210	Тесленко-Приходько Петр Васильевич	укр.	д ор.	23.VIII.1855	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1929 в СССР

◆ 45. Дело С. И. Мартыновского, 2.X.1881 (Иркутское окружное полицейское управление)

211	Мартыновский Сергей Иванович	Сер.				6 лет каторги
-----	------------------------------	------	--	--	--	---------------

1	2	3	4	5	6	7	8
212	Южакова Елизавета Николаевна ¹						
46. Дело Е. Н. Южаковой, 9(?).X.1881 (Иркутский губернский суд)							
213	Головко Емельянович	Марк укр.	раб.	1863		6 м-цев тюрьмы	
214	Гурмаженко Пантелеймонович	Иван	мещ.	1863	«Народная воля»	7 дней ареста 1 г. 4 м. тюрьмы	
47. Дело И. П. Гурмаженко — М. Е. Головки, 5.XI.1881 (Харьковский военно-окружной суд)							
215	Петлицкий Иванович	Яков укр.	раб.	1.X.1862*	Юж.-Рус. раб. союз	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1903
48. Дело Я. И. Петлицкого, 15.XII.1881 (Одесский военно-окружной суд)							
216	Мельников Николаевич	Павел рус.	мещ.	10.VI.1861	—	20 лет каторги	Ум. после 1917
217	Санковский Мартынович	Николай пол.	»	5.XII.1854	—	Вечная каторга	Самоуб. 17.XI.1890 в Акатуе
49. Дело Н. М. Санковского, 4—5.I.1882 (Петербургский военно-окружной суд)							
◆ 50. Дело А. А. Синовича и др., 28—31.I.1882 (Харьковский военно-окружной суд)							
218	Даннлов Александрович ²	Виктор				4 года каторги	
219	Забалуев заревич	Павел Ла-	мещ.	11.I.1864*	«Нар. воля» (Харьк.)	Оправдан	Ум. в 1888 в Томске

¹ См. №№ 13 и 46
² См. № 134

220	Коронный Николаевич	Виктор укр.	куп.	10.XI.1863*	»	»	Ум. после 1903
221	Литягин Василий			26.III.1864*	»	»	Ум. после 1934 в СССР
222	Герасиморач Макаренко Алексеевич	Алексей укр.	двор.	24.VII.1860*	«Нар. воля» (Харьк.)	»	Ум. после 1900
223	Обедзинский Сигиз- мунд Цезаревич	Сигиз- пол.	мещ.	28.X.1860*	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 18.III.1901 в Курске
224	Овсянников Михаил Михайлович	рус.	куп.	7.IX.1862*	»	»	Ум. в 1896(?) в Варшаве
225	Сипович Александр	пол.	двор.	29.VI.1859*	»	Ссыл. Вост. Сиб.	
226	Цимблер Давид Гри- горьевич	евр.	мещ.	1857	»	2 м-ца тюрьмы	

◆ 51. Дело В. В. Демьяновского, 3.11.1882 (Харьковский военно-окружной суд)

227	Демьяновский Вла- димир Васильевич	укр.	дух.	14.VI.1856	«Народная воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1919
-----	--	------	------	------------	--------------------	------------------	------------

◆ 52. Процесс «20-ти», 9—15.11.1882 (ОППС)

228	Арончик рисович	Айзик Бо- евр.	мещ.	28.XII.1858	Аг. ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 2.IV.1888 в Шлис.
229	Баранников сандр Иванович	Алек- рус.	двор.	25.III.1858*	Член ИК «Нар. воли»	»	Ум. 6.VIII.1883 в Петроп.
230	Емельянов Иван		дух.	26.IX.1860	Аг. ИК «Нар. воли»	»	Ум. 26.IX.1916 в Хаба- ровске
231	Пантелеймонович Златопольский	Лев евр.	мещ.	2.II.1847*	»	20 лет каторги	Ум. в февр. 1907 в Чите
232	Исаев кофьевич	Григорий Про- рус.	разн.	10.I.1857	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 23.III.1886 в Шлис.
233	Клеточников Нико- лай Васильевич		двор.	20.X.1846*	Аг. ИК «Нар. воли»	»	Ум. 13.VII.1883 в Петроп.

1	2	3	4	5	6	7	8
234	Колодевич Николай Николаевич	рус.	двор.	10.VII.1849*	Член ИК «Нар. воли»	»	Ум. 23.VII.1884 в Петроп.
235	Ланганс Мартин-Вильгельм	нем.	разн.	10.X.1852	»	»	Ум. 1.IX.1883 »
236	Лебедева Татьяна Ивановна	рус.	двор.	1850	»	»	Ум. 19.VII.1887 на Каре
237	Люстиг Фердинанд Осипович	нем.	"	III.1854	Аг. ИК «Нар. воли»	4 года каторги	Ум. после 1893
238	Меркулов Василий Аполлонович	рус.	раб.	1860	»	Помилован	Ум. в 1910-х
239	Михайлов Александр Дмитриевич	"	двор.	17.I.1855	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 18.III.1884 в Петроп.
240	Морозов Николай Александрович	"	мещ.	25.VI.1854	»	»	Ум. 30.VII.1946 в м. Борок
241	Суханов Николай Евгеньевич	"	двор.	24.X.1851	»	Смертная казнь	Казнен 19.III.1882 в Кройц.
242	Терентьева Людмила Дементьевна	"	разн.	8.IV.1861	Аг. ИК «Нар. воли»	20 лет каторги	Ум. 2.X.1882 в Петроп.
243	Тетерка Макар Васильевич	"	раб.	1853	»	Вечная каторга	Ум. 9.VIII.1883 в Петроп.
244	Тригопи Михаил Николаевич	грек	двор.	X.1850	Член ИК	20 лет каторги	Ум. 5.VII.1917 в Балаклаве
245	Фриденсон Григорий Михайлович	"	куп.	1854	Аг. ИК «Нар. воли»	10 лет каторги	Ум. 3.VI.1893 в Екатеринбурге
246	Фроленко Михаил Федорович	рус.	разн.	XI.1848	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 18.II.1938 в Москве
247	Якимова Анна Васильевна	"	дух.	12 VI.1856	»	»	Ум. 12.VI.1942 в Новосибир.

- 248 Мышкин Никитич | Исполнит | рус. | разн. | 22.I.1848* | — | 15 лет каторги | Казнен 26.I.1885 в Шлис.
- 249 Щедрин Павлович¹ | Николай | | | | | Вечная каторга |
- ◆ 55. Дело Н. А. Желвакова — С. Н. Халтурина, 20.III.1882 (Одесский военно-окружной суд)
- 250 Желваков Николай | рус. | двор. | 1860? | Аг. ИК «Нар. воли» | См. 22.III.1882 в Одессе
- 251 Халтурин Степан | Николаевич | раб. | 21.XII.1856 | Член ИК «Нар. воли» | »
- ◆ 56. Дело К. К. Айзула, 14—15.IV.1882 (Рижский временный военный суд)
- 252 Айзуп Карл | Карлович | лаг. | крес. | 1856 | «Нар. воля» (Рига) | Оправдан
- ◆ 57. Дело Е. Г. Легкого, 17.VII.1882 (Иркутский военный суд)
- 253 Легкий Евграф | Григорьевич² | | | | | См. 22.III.1882 в Шлис.
58. Дело А. В. Долгушина, 31.VIII.1882 (Красноярское полицейское управление)
- 254 Долгушин Александр | Васильевич | рус. | двор. | 1848 | Кружок долж.-шинцев | Ум. 30.VI.1885 в Шлис.
59. Дело В. Е. Малавского, 31.VIII.1882 (Красноярское полицейское управление)
- 255 Малавский Владимир | Евгеньевич | укр. | двор. | 1853 | | Ум. 16.III.1886 в Шлис.

¹ См. № 190

² См. № 136

◆ 60. Дело об убийстве С. Прейма, 13—14.IX.1882 (Петербургский военно-окружной суд)

256	Евсеев Николай Петрович	рус.	раб.	1861?	«Нар. воля» (Раб.)	Вечная каторга	Ум. после 1902
257	Кузюмкин Михаил Васильевич	"	"	1859?	»	15 лет каторги	
258	Нагорный Осип Иванович	"	разн.	1857	«Народная воля»	Вечная каторга	Ум. 26.XII.1915 в Чер- кассах
259	Хохлов Григорий Григорьевич	"	раб.	1857	»	»	

◆ 61. Дело П. С. Поливанова — М. Э. Новицкого, 23.IX.1882 (Казанский военно-окружной суд)

260	Новицкий Митрофан Эдуардович	рус.	двор.	23.XI.1855	«Народная воля»	12 лет каторги	Ум. 27.XII.1920 в Харь- кове
261	Поливанов Петр Сергеевич	"	"	1859	»	Вечная каторга	Самоуб. 17.VIII.1903 во Франции

◆ 62. Дело М. В. Грязновой, 26.X.1882 (Енисейский губернский суд)

262	Грязнова Мария Васильевна ¹					2 года каторги	
-----	--	--	--	--	--	----------------	--

63. Дело И. В. Фоменко и др., 11.XI.1882 (Киевский военно-окружной суд)

263	Карпенко Филиппович	Максим	укр.	крес.	1822?	Оправдан	
264	Петров Давид Петрович		рус.	"	1855?	4 года каторги	

265	Фоменко Иван Васильевич	Васильевич	1848?	5 лет	»
◆ 64. Дело М. И. Кутигонской, 17.XI.1882 (Читинский военный суд)					
266	Кутигонская Мария Игнатьевна	рус. двор. рус. дворян. «Народная воля?»	23.II.1856*	Вечная каторга	Ум. 14.V.1887 в Иркут. тюрьме
◆ 65. Дело Н. Л. Геккера, 22.XI.1882 (Одесский военно-окружной суд)					
267	Геккер Наум Львович	евр. рус. раб. союз	30.IV.1862	10 лет каторги	Ум. в 1920 в Одессе
◆ 66. Дело Л. П. Буланова и др., 24.XI.1882 (Иркутский губернский суд)					
268	Бабичев Григорьевич	рус. мещ.	1844	8 м-цев тюрьмы	
269	Буланов Леонид Петрович ¹			Ссыл. Вост. Сиб.	
270	Грабовский Александр Полидарович	Алек. пол.	1857	Осв. на поруки	
271	Козловский Владислав Станислав.	двор.	1858	«Народная воля»	Ум. после 1901
272	Непомнящий Андрей	раб.	1835	4 м-ца тюрьмы	
273	Ступин Николай Захарович		1856	6 м-цев тюрьмы	
◆ 67. Дело Е. А. Дубровина и др., 1—3.XII.1882 (Петербургский военно-окружной суд)					
274	Архипов Архипович	рус. крес.	1858?	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1900
275	Борисов Емельян Борисович	разн.	1858	»	»

1	2	3	4	5	6	7	8
276	Бызов Кирилл Михеевич	рус.	крес.	1855		Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1905
277	Вишняков Платон Прокофьевич	"	"	14.XI.1856		Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. в 1915 в Кирецке
278	Дементьев Адриан Иванович	"	"	1857		»	Ум. после 1903
279	Дубровин Евгений Александрович	"	мещ.	13.XI.1857	«Нар. воля»	4 года каторги	Ум. 8.1.1921 в Николаеве
280	Иванов Алексей Васильевич	"	разн.	11.11.1857	»	6 м-цев тюрьмы	Ум. в 1916 в Иркутске
281	Колодкин Яков Михайлович	"	крес.	1856		Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 25.IV.1888 в ссыл.
282	Колыбин Егор Иванович	"	"	1854		»	Ум. 26.VI.1883 в Томске
283	Кузнецов Тимофей Ефимович	"	"	1853		»	
284	Орехов Андрей Иванович	"	"	1855		Ссыл. Зап. Сиб.	
285	Петров Григорий Ефимович	"	"	1856?		»	
286	Самойлов Прокофий Григорьевич	"	"	1857?		»	
287	Терентьев Влас Иванович	"	"	1855?		»	
288	Тонышев Иван Федорович	"	"	IX.1855		Ссыл. Вост. Сиб.	Самоуб. после 1903
289	Филиппов Александр Андреевич	"	двор.	7.I.1857	«Народная воля»	5 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР

290 Штырлов Иван Ильич	"	крес.	1854						Ссыл. Вост. Сиб.
291 Юшманов Григорий Архипович	"	"	1854						"
◆ 68. Дело В.-Л. Ф. Гинтовта-Дзевалтовского, 4.XII.1882 (Московский окружной суд)									
292 Гинтовт-Дзевалтовский Владислав-Люциан Францевич	лит.	двор.	1857		«Народная воля»		Оправдан		Ум. в 1925 в Новосибир.
◆ 69. Дело И. Ю. Старынкевича, (?).1882 (Нерчинское полицейское управление?)									
293 Старынкевич Юльевич ¹	Иван							?	
-70. Дело П. М. Федорова, 7.II.1883 (Иркутский губернский суд)									
294 Федоров Петр Михайлович	Мирус.	раб.	1856		«Земля и воля»				Ссыл. Вост. Сиб. Ум. после 1895
71. Дело Е. П. Сарандович, 15.III.1883 (Нерчинское полицейское управление)									
295 Сарандович Екарина Петровна	Екатерина	рус.	двор.	16.X.1858	«Киевские бунтари»				Ссыл. Вост. Сиб. Ум. после 1934 в СССР
◆ 72. Процесс «23-х», 26.III.—3.IV.1883 (Одесский военно-окружной суд)									
296 Батагов Емельянович	Галактион	укр.	раб.	1852	«Нар. воля» (Раб.)			15 лет каторги	Ум. в 1914 в Чите
297 Валуев Петр Кофьевич	Прокоп	рус.	"	1854	"			10 лет	Ум. 26.XII.1918 в Чите
298 Голиков Василий Тимофеевич	"	мещ.	"	8.IX.1842	«Нар. воля» (Раб.)			"	Ум. после 1900
299 Дзвонкевич Николаевич	Николай	укр.	двор.	18.IV.1842	"			20 лет каторги	Ум. 22.I.1909 в Сухуми

¹ См. № 191

1	2	3	4	5	6	7	8
300	Дрей Михаил Иванович	евр.	мещ.	14.IX.1860	»	15 лет »	Ум. в 1940 в Москве
301	Иванайнен Карл Адальфович	финн	раб.	1857	«Нар. воля» (Раб.)	15 лет каторги	Самоуб. летом 1887 на Каре
302	Клименко Петр Степанович	укр.	»	1841?	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. I.VI.1883 в тюрьме
303	Куртеев Константин Константинович	разн.	разн.	1854	—	15 лет каторги	Ум. после 1900
304	Майер Самуил Владимирович	евр.	куп.	24.IX.1856	«Черный передел»	20 лет каторги	Ум. 3.VII.1930 в Одессе
305	Матфиевич Никандр Харлампиевич	молд.	дух.	1859	—	15 лет каторги	Ум. в 1928 в Кишиневе
306	Морейнис Фанни Абрамовна	евр.	куп.	1859	«Народная воля»	4 года »	Ум. после 1934 в СССР
307	Надеев Карп Александрович	рус.	мещ.	1858	—	Ссыл. Вост. Сиб.	
308	Надеев Николай Александрович ¹					15 лет каторги	
309	Немировский Иосиф Моисеевич	евр.	мещ.	1857	—	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. ок. 1906
310	Попельницкий Алексей Захарович	евр.	дух.	1850	—	Оправдан	
311	Полов Моисей Степанович	евр.	раб.	1855	«Нар. воля» (Раб.)	20 лет каторги	Ум. 29.V.1929 в Киеве
312	Райх Иосиф Яковлевич	евр.	мещ.	1858	—	Ссыл. Вост. Сиб.	

313	Ровенский Павел Владимирович	"	21.II.1858	10 лет каторги	Ум. в 1942 в Москве
314	Сарычев Гордей Алексеевич	раб.	1847	10 лет каторги	Ум. 18.X.1887 в сиб. ссыл.
315	Степанова Евгения рус.	двор.		Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1920
316	Торгашов Павел Иванович	раб.	1860	4 года каторги	Ум. в 1924 в СССР
317	Фялюков Антон Федорович	"	1853	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1903 в Сибири
318	Фурсенко Петр Михайлович	двор.	1861	4 года каторги	Ум. после 1900 в Херсоне

◆ 73. Процесс «17-ти», 28.III—5.IV.1883 (ОППС)

319	Богданович Юрий Николаевич	двор. рус.	1.IV.1849	Вечная каторга	Ум. 18.VIII.1888 в Шлис.
320	Борейша Антон Степанович	крес. бел.	8.VI.1858*	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в нояб. 1924 в Сибири
321	Буцевич Александр Викентьевич	двор. рус.	13.XI.1849*	Вечная каторга	Ум. 17.V.1885 в Шлис.
322	Грачевский Михаил Федорович	дух. рус.	31.X.1849*	»	Самоуб. 26.X.1887 в Шлис.
323	Гринберг Христина Григорьевна	куп. евр.	19.XI.1857	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1942 в СССР
324	Златопольский Савелий Соломон.	мещ. "	VI.II.1855	Вечная каторга	Ум. 29.XI.1885 в Шлис.
325	Ивановская Прасковья Семеновна	дух. рус.	28.X.1853*	»	Ум. в 1935 в СССР
326	Калужный Иван Сильевич	мещ. укр.	28.X.1858*	15 лет каторги	Самоуб. 15.XI.1889 на Каре

1	2	3	4	5	6	7	8
327	Клименко Михаил Филимонович ¹	рус.	двор.	9.XI.1849	Член ИК «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. в 1939 в СССР
328	Корба Анна Павловна	рус.	двор.	1858	Аг. ИК «Нар. воли»	20 лет каторги	Ум. 25.X.1885 на Каре
329	Лисовская Антонина Игнатьевна	пол.	двор.	30.VIII.1857	«Нар. воля» (Слб)	»	Ум. в 1936 в Ленинграде
330	Прибылев Александр Васильевич	рус.	дух.	1857?	»	4 года каторги	Ум. 2.VIII.1900 в Слб
331	Прибылева (Гросман) Роза Львовна	евр.	мещ.	1852	»	15 лет каторги	Самоуб. 12.XI.1889 на Каре
332	Смирницкая Надежда Семеновна	рус.	дух.	28.XI.1854	Член ИК	8 лет каторги	Ум. 1.IV.1915 на Украине
333	Стефанович Яков Васильевич	Яков	двор.	1853	»	Вечная каторга	Ум. 12.XII.1883 в Петроп.
334	Теллалов Петр Александрович	грек	мещ.	1860?	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. ок. 1905 в Тобольске
335	Юшкова Мария Александровна	укр.	дух.				
74. Дело П. О. Иванова, 8.VII.1883 (Енисейский губернский суд)							
336	Иванов Павел Осипович ²	Осипович				15 лет каторги	
◆ 75. Дело М. А. Диковского и др., 19.VII.1883 (Забайкальский окружной суд)							
337	Баламез Андрей Михайлович	укр.	мещ.	5.XII.1859*		10 лет каторги	Ум. в 1903 в Болгарии

¹ См. № 82² См. № 183

338 Диковский Моисей
 Андреевич¹
 339 Левченко Никита
 Васильевич²
 340 Юрковский Федор
 Николаевич³

76. Дело С. А. Стопане, 25.VII.1863 (Якутский окружной суд)

341 Стопане Сергей Антонович | мещ. | 1857? | Ссыл. в Верхоянск | Ум. 20.II.1902 в ссыл.

76. Дело С. А. Стопане, 25.VII.1883 (Якутский окружной суд)

342 Богданович Иванович	Ангел пол.	двор.	4.X.1860	«Нар. воля» (Киев)	Оправдан	Ум. 24.III.1907 в Спб
343 Бычков Александр	рус.	"	1862	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 27.IX.1925 в Харь- кове
344 Горинович Елисеевич	Василий укр.	"	6.I.1858	»	8 лет каторги	Ум. 19.IX.1913 в Москве
345 Левинский Яковлевич	Исаак евр.	мещ.	1859?	»	15 лет каторги	Ум. 22.VIII.1884 в тюрьме
346 Мещерский мир Ал-Дрович	Влади- мир Ал-Дрович	двор.	1851?	—	3 м-ца тюрьмы	
347 Пироженко Саввич	Василий укр.	раб.	1833	«Нар. воля» (Киев)	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1896 в сиб. ссылке
348 Саранцов Иван Ми- хайлович		двор.	1856	—	6 лет каторги	Ум. после 1890 в Тоболь- ске

1 См. № 77

2 См. № 85

3 См. № 96

1	2	3	4	5	6	7	8
349 Фомин Александрович	◆ 78. Дело А. А. Фомина, 14.VIII.1883 (Петербургский военно-окружной суд)	Алексей рус.		1859	«Нар. воля»	20 лет каторги	Ум. 5.III.1933 в Свердловске
350 Торгашов Иванович ¹	◆ 79. Дело П. И. Торгашова, VI(11)(?)1883 (Енисейский губернский (?) суд)	Павел				Неделя карцера	
351 Неустроев Константин Гаврилович	◆ 80. Дело К. Г. Неустроева, 5.XI.1883 (Иркутский военно-полевой суд)	Константин рус.		1859	«Народная воля»	Смертная казнь	Казнен 9.XI.1883 в Иркутске
352 Чекоидзе Николаевич	◆ 81. Дело М. Н. Чекоидзе, XII.1883 (Киренский окружной суд)	Михаил груз.	двор.	1853	«Нар. воля» (Спб)	3 года каторги	Ум. 24.XI.1897 в Кургане
353 Лаговский Федорович	◆ 82. Дело М. Ф. Лаговского, 1.1884 (Маринский окружной суд)	Михаил	двор	VII.1856	«Нар. воля»	2 года тюрьмы	Погиб 29.V.1903
354 Новаковская Ефимовна	◆ 83. Дело С. Е. Новаковской, 19.III.1884 (Енисейский губернский суд)	Софья евр.	мещ.	15.III.1858	«Народная воля?»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 10.III.1927 в Якутске
355 Власов Семей Симвич	◆ 84. Дело С. Г. Власова и др., 1.IV.1884 (Новочеркасский военный суд)	Гера рус.	разн.	1.II 1865	«Народная воля»	6 л. 8 м. каторги	Ум. в ноябре 1910 в Новочеркасске

¹ См. № 316

356	Пухляков Федор Петрович	"	"	1864			
357	Цыганков Яков Иванович	"	"	1864			
358	Чернояров Иван Тимофеевич	"	двор.	1864			7 недель ареста
◆ 85. Дело М. В. Калужной, 29.VIII.1884 (Одесский военно-окружной суд)							
359	Калужная Мария Васильевна	укр.	мещ.	1.XI.1864*	«Нар. воля» (Одесса)	20 лет каторги	Самоуб. 12.XI.1889 на Каре
◆ 86. Дело Е. И. Минакова, 7.IX.1884 (Шлиссельбургский военный суд)							
360	Минаков Егор Иванович ¹						Смертная казнь
◆ 87. Процесс «14-ти», 24—28.IX.1884 (Петербургский военно-окружной суд)							
361	Ашенбреннер Юльевич	рус.	двор.	9.IX.1842	«Нар. воля» (Воен.)	Вечная каторга	Ум. 11.XI.1926 в Москве
362	Волкенштейн Людмила Ал-дровна	"	"	18.IX.1857	«Народная воля»	15 лет каторги	Уб. 10.I.1906 во Владивостоке
363	Иванов Василий Григорьевич	укр.	куп.	1859	»	Вечная каторга	Ум. в 1917 в Сибири
364	Немоловский Аполлон Иринеевич	"	дух.	14.XII.1855*	»	20 лет каторги	Ум. 29.III.1886 в Шлис.
365	Похитонов Николай Данилович	рус.	двор.	17.III.1857*	«Нар. воля» (Воен.)	Вечная каторга	Ум. 4.IV.1897 »
366	Рогачев Николай Михайлович	"	"	15.III.1856	»	Смертная казнь	Казнен 10.X.1884 в Шлис.
367	Спандони-Басманджи Афанасий Афанасьевич	грек	куп.	1853	«Народная воля»	15 лет каторги	Ум. 15.X.1906 в Одессе

1	2	3	4	5	6	7	
368	Суровцев Дмитрий	рус.	дух.	1852	«Нар. воля» (Одесса)	»	Ум. 4.III.1925 в Тотьме
369	Яковлевич Александр	укр.		20.XI.1855*	«Нар. воля» (Воен.)	Вечная каторга	Самоуб. 29.XII.1884 в Шлис.
370	Пахомович Вера	рус.	двор.	7.VII.1852	Член ИК «Нар. воли»	»	Ум. 15.VI.1942 в Москве
371	Фигнер Любовь, лавна	"	дух.	1848	«Нар. воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 2.IX.1931 в Чите
372	Чемоданова Любовь, Васильевна	укр.	двор.	9.IV.1857	«Нар. воля» (Одесса)	20 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР
373	Чуйко Владимир	укр.	"	5.IX.1854	«Нар. воля» (Воен.)	Смертная казнь	Казнен 10.X.1884 в Шлис.
374	Штромберг Алек-сандр Павлович	нем.	"	23.II.1860*	»	15 лет каторги	Ум. в 1936 в СССР
374	Ювачев Иван Павло-вич	рус.					
88. Дело Л. Г. Дейча, 26.IX.1884 (Одесский военно-окружной суд)							
375	Дейч Лев Григорье-вич	евр.	куп.	26.IX.1855	Группа «Осв. труда»	13 л. 4 м. каторги	Ум. 4.VIII.1941 в СССР
◆ 89. Процесс «12-ти», 1—9.XI.1884 (Киевский военно-окружной суд)							
376	Васильев Макарий Николаевич	рус.	мещ.	1857	«Нар. воля» (Киев)	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 12.VIII.1928 в Мо-скве
377	Дашкевич Петр Григорьевич	укр.	дух	1860	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1935 в СССР
378	Дирдовский Ниль-лай Петрович	"	"	18.V.1862	»	Ссыл. в Олоңец	Ум. в 1930 в Ростове
379	Завадовский Нико-лай Никандрович	"	двор.	1863?	»	Оправдан	Ум. после 1895

1	2	3	4	5	6	7	8
391	Провоторов Петрович	Ефим рус.	крес.	1853	—	8 лет каторги	
392	Колосов Михаил Тошович	Ан-рус.	дух.	10.IX.1857	«Нар. воля»	1,5 м-ца тюрьмы	Ум. после 1935 в СССР
393	Майнов Иван Иванович ¹					»	
394	Лисянский Саул Абрамович	евр.	мещ.	13.III.1862*	«Народная воля»	Смертная казнь	Казнен 20.VI.1885 в Харькове
395	Телепнев Иван Иванович	рус.	разн.	1857?	«Нар. воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1903
396	Манучарян Ованес Асланович (Манучаров Иван Львович)	арм.	двор.	1.IV.1863	«Народная воля»	10 лет каторги	Ум. 29.V.1909 в Благо- вещ.
397	Немировский Николай Трофимович	рус.	дух.	1862	«Нар. воля»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1887(?) в ссыл.

398	Тюшев Василий Хри- санфович	рус.	1860?	«Черн. передел»	Денежн. штраф	Ум. после 1892
99. Дело В. Х. Тюшева, 23.V.1886 (Тобольский губернский суд)						
399	Бабуров Иван Лукич	рус.	1860	«Нар. воля» (Харьк.)	3 дня ареста	Ум. 31.I.1888 на Украине
400	Белявский Осип Фо- мич	"	1859	»	»	Ум. после 1933 в СССР
401	Гольденберг)	свр.			»	
402	Гольденберг)	"			»	
403	Лазарев Вснамин Георгиевич	рус.	13.X.1855	«Нар. воля»	2 м-ца тюрьмы	Ум. после 1907
404	Личкус Розалия Со- ломоновна	евр.	1859	«Народная воля»?	3 дня ареста	Ум. после 1900
405	Лотов И. И.	рус.			3 м-ца тюрьмы	
406	Маков Александр Иванович	"	1839?	«Земля и во- ля»?	3 дня ареста	Ум. после 1900
407	Макова Надежда	"	1849	«Народная воля»	»	Ум. после 1895
408	Преферанский Нико- лай Алексеевич				»	
409	Тулисов Василий Иванович ¹				»	
410	Тулисова Мария Ивановна ²				»	

◆ 100. Дело В. Г. Лазарева и др., 14.VI.1886 (Тобольский губернский суд)

1	2	3	4	5	6	7	8
	◆ 101.	Дело Н. А. Блинова, 11.VIII(?) .1886 (Тобольско-Сургутский окружной суд)					
411	Блинов Николай Александрович	рус. двор.	двор.	1861	«Нар. воля» (Спб)	2 недели ареста	Ум. после 1903
	◆ 102.	Дело Н. П. Котова, 10—13.X.1886 (Тобольско-Сургутский окружной суд)					
412	Котов Николай Павлович	рус. двор.	двор.	1857	«Нар. воля»	3 недели ареста	Ум. после 1935
	◆ 103.	Дело С. М. Дудина — А. К. Тарковского, 26.I.1887 (Елизаветградский окружной суд)					
413	Дудин Самуил Мартьянович	укр. крес.	крес.	1863	«Народная воля»	2 недели ареста	Ум. 8.VII.1929
414	Тарковский Александр Карлович	укр. двор.	двор.	3.IX.1862	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 26.XII.1924 на Ук ранне
	◆ 104.	Дело П. А. Ковалева, 31.I.1887 (Харьковская судебная палата)					
415	Ковалев Петр Александрович	рус. двор.	двор.	1862	«Народная воля»	Ссыл. в Олонец	Ум. после 1905
	◆ 105.	Процесс по делу 1 марта 1887 г., 15—19.IV.1887 (ОППС)					
416	Ананьина Мария Александровна	рус. крес.	крес.	1849		20 лет каторги	Ум. 25.I.1899 в Акатуе
417	Андреюшкин Пахомий Иванович	рус. разн.	разн.	15.V.1865	«Народная воля»	Смертная казнь	Казнен 8.V.1887 в Шлис.
418	Волохов Степан Александрович	рус. мещ.	мещ.	14.I.1866	»	10 лет каторги	Ум. после 1902
419	Генералов Василий Денисович	рус. разн.	разн.	8.III.1867	»	Смертная казнь	Казнен 8.V.1887 в Шлис.

420 Горкун Петр нович	двор.	27.VI.1866	«Народная воля»	10 лет каторги	Ум. в 1905 на Д. Востоке
421 Канчер Михаил кичич	двор.	1.XI.1865	»	10 лет каторги	Самоуб. 11.XI.1891 на Сахалине
422 Лукашевич Иосиф	лит.	1.XII.1863	»	Вечная каторга	Ум. 20.X.1928 в Вильнюсе
423 Новорусский Деметьевич	дух.	28.IX.1861	—	»	Ум. 21.IX.1925 в Ленин-граде
424 Осипанов Василий Степанович	мещ.	21.II.1861	«Народная воля»	Смертная казнь	Казнен 8.V.1887 в Шлис.
425 Пашковский Тит Ильич	двор.	3.I.1860	»	10 лет каторги	Самоуб. 12.IV.1894 в Якутске (?)
426 Пилсудский Бронислав Иосифович	пол.	21.X.1866	»	15 лет »	Самоуб. в 1918
427 Сердюкова Анна Адриановна	мещ.	31.I.1860	—	2 года тюрьмы	Ум. после 1900
428 Ульянов Александр Ильич	двор.	31.III.1866	«Народная воля»	Смертная казнь	Казнен 8.V.1887 в Шлис.
429 Шевырев Петр левич	куп.	29.VI.1863	»	»	»
430 Шмидова Абрамовна	мещ. евр.	VIII.1864	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Погибла в XII.1942 в Харькове

◆ 106. Процесс «21-го», 26.V.—5.VI.1887 (Петербургский военно-окружной суд)

431 Антонов Петр тьевич	раб.	21.XII.1859	«Народная воля»	Вечная каторга	Ум. 18.VI.1916 в Одессе
432 Белоусов Григорьевич	крес.	30.XI.1857	»	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. после 1934 в СССР
433 Белоусов Семен горьевич	раб.	1859	»	Оправдан	Ум. после 1919
434 Вольнов Василий	»	1858	»	15 лет каторги	Ум. после 1906

1	2	3	4	5	6	7	
435	Гейер Иван Иванович	евр.	мещ.	5.I.1862	«Народная воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 2.XI.1945 в Москве
436	Добрускина эгта Николаевна		"	1862	"	"	
437	Елько Петр Андреевич	рус.	двор.	1857?	"	Ссыл Зап. Сиб.	Ум. 10.V.1919 в Бийске
438	Ешин Леонтий Петрович	"	"	1853	Член РП «Нар. воли»	Вечная каторга	Ум. 20.II.1927 в Париже
439	Иванов Сергей Андреевич	"	"	5.I.1864*	«Нар. воля» (Луганск)	4 м-ца тюрьмы	Ум. в 1912 в Таганроге
440	Кирсанов Василий Иванович	"	"	1859	«Нар. воля» (Киев)	Вечная каторга	Ум. в 1915 в Казани
441	Конашевич Василий Петрович	укр.	"	1866	«Нар. воля» (Воронеж)	12 лет каторги	Расстрелян в 1919 белы-ми
442	Кузин Сергей Евгеньевич	рус.	раб.	1866	«Нар. воля»	Оправдан	Ум. после 1903
443	Лебеденко Прокофий Матвеевич	укр.	мещ.	1862	«Нар. воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1935
444	Ливадин Василий Владимирович	рус.	раб.	1866?	«Нар. воля» (Воронеж)	Вечная каторга	Ум. 26.XII.1918 в Петрогр.
445	Лопатин Герман Александрович	рус.	двор.	13.I.1845	Член РП «Нар. воли»	"	Ум. после 1926 в СССР
446	Полов Макар Павлович	арм.	мещ.	1862	«Нар. воля»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. после 1934 в СССР
447	Салова Неонила Михайловна	рус.	двор.	X.1860	Член РП «Нар. воли»	20 лет каторги	

448	Стародворский Николай Петрович	Нидух.	1863	«Нар. воля» (Спб)	Всяная каторга	Ум. в 1918 в Одессе.
449	Сухомлин Василий Иванович	рус. двор.	30.XI.1860	Член РП «Нар. воли»	15 лет каторги	Ум. в 1938 в Ленинграде
450	Френкель Яков Григорьевич	евр. мещ.	1863?		Оправдан	Ум. 18.VII.1926 в СССР
451	Якубович Петр Филиппович	рус. двор.	22.X.1860	«Нар. воля» (Спб)	18 лет каторги	Ум. 17.III.1911 в Спб
◆ 107. Дело И. И. Мейснера и др., Харьковский военно-окружной суд)						
452	Мейснер Иван Иванович	нем. разн.	2.II.1864	«Нар. воли» (Харьк.)	19 лет каторги	Ум. в 1930 в Берлине
453	Рымащевский Антон Францевич	пол. мещ.	1865	»	2 м-ца тюрьмы	
454	Хроновский Станислав Филиппович	» двор.	1864	»	15 лет каторги	Ум. после 1902
◆ 108. Дело Н. Л. Перлашкевича, Харьковский военно-окружной суд)						
455	Перлашкевич Николай Лаврентьевич	бел. двор.	6.XI.1862	«Нар. воля» (Харьк.)	Вечная каторга	Ум. 17.VII.1932 в Москве
◆ 109. Дело военных кружков «Народной воли», 13—18.X.1887 (Петербургский военно-окружной суд)						
456	Аксентович Иван Иванович	рус. двор.	1863	«Нар. воля» (Воеп.)	Разж. в рядовые	
457	Беклешов Михаил Павлович	» двор.	1866	»	»	Ум. после 1917 в СССР
458	Бобровский Лев Семенович	» двор.	17.III.1866	»	»	Ум. после 1932 в СССР
459	Бруевич Дмитрий Степанович	» двор.	6.VI.1866	»	»	Самоуб. в 1902

2	3	4	5	6	7	8
460 Гамченко Дмитрий Спирidon.	укр.		1866	»	»	
461 Долгов Петр Петрович	рус.	двор.	1866	»	»	
462 Доливо-Добровольский Ал-др Иосифович	рус.	"	11.11.1866	»	Предв. заключ.	Ум. в марте 1932 в Ленинграде
463 Иванов Николай Петрович	рус.	двор.	1865	»	Разж. в рядовые	
464 Кучин Орест Павлович	"	"	1865	»	»	
465 Мауер Михаил Федорович	Фе-дорovich		1.XI.1866		»	
466 Осташкевич Владимир Юлианович	укр.	двор.	1866		»	
467 Семашко Николай Александрович	"	"	1864		»	
468 Хлодовский Николай Николаевич	пол.	"	1866	«Нар. воля» (Воен.)	»	Убит 1.VIII.1905 в бою
469 Черневский Николай Иванович			1865	»	»	Ум. после 1923
470 Шейдевандт Василий Иванович		двор.	1867	»	»	
471 Шелгунов Николай Николаевич	рус.	"	1864	»	»	Убит 21.I.1909 дочерью
472 Ширинкин Борис Леонидович	"	"	1865	»	»	
473 Шляхтин Евгений Михайлович	"	"	1865	»	»	

◆ 110. Дело К. С. Гаврилова, 20.X.1887 (Казанский военно-окружной суд)

474	Гаврилов Константин Семенович	рус.	мещ.	1867	«Народная воля» ¹	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. 23.XII.1901 в Иркутске
-----	-------------------------------	------	------	------	------------------------------	------------------	----------------------------

◆ 111. Дело «15-ти», 20.XI.1887 (Иркутский губернский суд)

475	Аренков Яков Абрамович	евр.	мещ.	1866	«Нар. воля» (Киев)	До 1 года тюрьмы	Ум. после 1904
476	Баранов Илья Осипович	"	"	X.1865	«Нар. воля» (Харьков)	»	
477	Горнштейн Ушер Лейбович	"	"	1868	«Нар. воля» (Одесса)	»	Ум. после 1931 в СССР
478	Данилов Виктор Александрович ¹					1 год каторги	
479	Коган Захар Владимирович	евр.	мещ.	27.XI.1861	«Нар. воля»	До 1 года тюрьмы	Ум. после 1935 в СССР
480	Ландо Давид Самойлович	"	"	1.I.1869	»	»	Ум. 24.VII.1901 в Пскове
481	Лев Розалия Исаевна	"	"	1866	»	»	Ум. после 1910
482	Ловцкий Моисей Григорьевич	"	"	1865		»	
483	Новоковская Софья Ефимовна ²					»	
484	Орловский Иосиф Моисеевич	евр.	мещ.	25.XII.1864	«Народная воля»	»	Ум. после 1903.
485	Пилсудский Бронислав Иосифович ³					»	
486	Улановская Эвелина Людвиговна	пол.	двор.	3.VI.1859	«Нар. воля» (Харьк.)	»	Ум. 31.X.1915 в Петрогр.

¹ См. № 134 и 218

² См. № 354

³ См. № 426

1	2	3	4	5	6	7	8
487	Цейтлин Александр Гедеонович	евр.	мещ.	1861?	«Нар. воля» (Ростов)	»	
488	Шкловский Исаак	"	"	1864?	»	»	
489	Владимирович Александр Яковлевич	"	"	8.VII.1862*	»	»	Ум. в IX.1924 в Тифлисе.
◆ 112. «Донской» процесс, 8—9.XII.1887 (ОППС)							
490	Александрин Алек- сандр Иванович	рус.	двор.	20.VIII.1863*	«Народная воля»	18 лет каторги	Расстрелян в 1918 белы- ми
491	Петровский Ефим Иванович	"	мещ.	13.X.1861*	»	Вечная каторга	Ум. в сент. 1892 на Сахал.
492	Сигида Аким Степа- нович	укр.	"	9 IX.1863*	»	»	Ум. 11.III.1888 в тюрьме
493	Сигида Надежда Константиновна	"	"	6.VII.1862*	»	8 лет каторги	Самоуб. 10.XI.1889 на Каре
494	Тринитатская Екате- рина Михайловна	"	"	1.XI.1851*	»	12 лет	
495	Федорова Устинья Николаевна	рус.	мещ.	1865	»	8 лет	Ум. после 1935
496	Чернов Виталий Ва- сильевич	"	разн.	16.IV.1860*	»	15 лет	Ум. в 1903 в Пекине
◆ 113. Дело Б. Д. Оржиха, 10.XI.1888 (ОППС)							
497	Оржих Борис Дмит- рисвич	евр.	мещ.	23.XI.1864*	«Народная воля»	Вечная каторга	Ум. после 1934 в Чили(?)

◆ 114. Дело «22-х», 22—23.XI.1888 (Тобольский губернский суд)

498	Булгаков Емельянович	Иван рус.	дух.	10.IV.1862	«Народная воля»	6 м-цев тюрьмы	Ум. 26.III.1931 в СССР
499	Гедеоновский Васильевич	Ал-др »	разн.	27.VIII.1859	«Нар. воля» (Яросл.)	»	Ум. 7.VIII.1928 в Москве
500	Григоров Гаврилович	Николай »	двор.	1850	«Нар. воля» (Саратов)	»	Ум. в 1911
501	Гусев Иван Филиппович	» »	крес.	1862	«Нар. воля» (Тула)	»	Ум. в 1908 в Ташкенте
502	Дробышенко Николай Никитич	Нико- укр.	раб.	1861	«Народная воля»	»	
503	Емельянец Васильевич	Иван рус.	куп.	1862	«Нар. воля» (Москва)	»	Ум. в 1918 в Семипала- тинске
504	Коншин Николай Яковлевич	» »	двор.	27.VII.1864	«Нар. воля» (Яросл.)	»	Ум. после 1935 в СССР
505	Кузнецов Андреевич	» »	»	22.III.1863	«Нар. воля» (Москва)	»	»
506	Нарыжный Гаврилович	Федот укр.	раб.	1859?	«Народная воля»	»	Ум. 29.X.1898 в Акмолин- ске
507	Петровский фан Ионович	Митро- рус.	дух.	1860?	»	»	Ум. после 1900 в Воро- неже
508	Презов Степан левич	» »	раб.	1864	»	»	
509	Романченко Тимофей Маркович	» рус.	мещ.	XI.1868	»	3 м-ца тюрьмы	Ум. 29.VIII.1927 в Москве
510	Ромась Михаил нович	Иван рус.	разн.	1866	«Народная воля»	6 м-цев тюрьмы	Ум. 31.I.1927 в Полтаве
511	Россов Иосиф дорович	Фе- рус.	мещ.	1860	«Нар. воля» (Саратов)	»	
512	Смирнов Михайлович	Сергей »	разн.	1862	«Нар. воля»	Ссылка Вост. Сиб.	Ум. ок. 1925

1	2	3	4	5	6	7	8
513	Теселкин Михаил	•	•	1.X.1863	«Народная воля»	8 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР
514	Михайлович Тихомиров Иван Иванович	•	к рес.	1861	»	6 м-цев тюрьмы	
515	Фадеев Николай Павлович	•	разн.	1864	»	»	
516	Харитонов Василий Григорьевич	•	куп.	1860	»	»	
517	Худыковский Александр Иванович	•	двор.	1859?	»	»	
518	Чумаевский Алексей Сергеевич	•	дух.	1859?	«Нар воля» (Яросл.)	Ссыл. Вост. Сиб.	Ум. в 1921
519	Яковлев Дмитрий Иванович	•	мещ.	1863	»	6 м-цев тюрьмы	
◆ 115. Дело В. Г. Георгиевского, 27.I.1889 (Иркутский губернский суд)							
520	Георгиевский Василий Григорьевич	рус.	дух.	8.III.1848	«Нар. воля» (Одесса)	Ссыл. Якут. губ.	Ум. после 1903
521	Сабунаев Михаил Васильевич		двор.	1855	«Нар. воля»	1 г. 4 м-ца тюрьмы	Ум. в 1922 в Сибири
522	Хлобощина Николаевна		разн.	21.XII.1858	»	2 м-ца тюрьмы	Ум. после 1935 в СССР
116. Дело Ф. Е. Егорова, III.1889 (Иркутский губернский суд)							
523	Егоров Филатович	рус.	раб.	1853?	«Кружок москвичей»	1 г. 3 м. тюрьмы	

524	Скляревич Владимир Иванович	укр.	14.VII.1862	«Народная воля»?	Оправдан	Ум. после 1934 в СССР
◆ 117. Дело В. И. Скляревича, 17.V.1889 (Киевский военно-окружной суд)						
525	Паули Николай Карлович	итал?	разн. 25.I.1859*	«Нар. воля» (Слб)	Ссыл. Якут. губ.	Ум. после 1917
◆ 118. Дело Н. К. Паули, 31.V.1889 (Енисейский губернский суд)						
◆ 119. Процесс жертв Якутской трагедии, 6—13.VI.1889 (Якутский военный суд)						
526	Берман Липман Лазаревич	евр.	мещ. VIII.1868		8 лет каторги	Ум. после 1933 в СССР
527	Болотина Анисья Давыдовна	"	" 1865	«Нар. воля» (Москва)	»	Ум. после 1920
528	Брагинский Марк Абрамович	"	" XII.1863	«Нар. воля» (Воеп.)	»	Ум. после 1933 в СССР
529	Брамсон Монсей Васильевич	"	" 3.X.1862	«Нар. воля»	»	»
530	Гаусман Альберт Львович	"	" 13.VIII.1859	»	Смертная казнь	Казнен 7.VIII.1889 в Якутске
531	Гейман Борис Николаевич	"	" 28.III.1865	»	Тюрьма	Ум. в марте 1893 в Париже
532	Гоц Вера Самойловна	"	" 1860?	»	15 лет каторги	Ум после 1932 в СССР
533	Гоц Михаил Рафайлович	"	куп. 1866	«Нар. воля» (Москва)	Вечная каторга	Ум. 26.VIII.1906 в Берлине
534	Гуревич Александр Самойлович	"	" 1868	«Народная воля»	»	Ум. 16.VIII.1914 в Благовещенске
535	Гуревич Евгения Яковлевна	"	мещ. 21.XI.1871	»	6 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР
536	Зороастрова Алексеевна	рус.	дух. 1863	»	Ссыл. Якут. губ	»

1	2	3	4	5	6	7	8
537	Зотов Николай Львович	рус.	двор.	1862	«Нар. воля» (Москва)	Смертная казнь	Казнен 7.VIII.1889 в Якутске
538	Капгер Сергей Иванович		"	1861	»	Ссыл. Якут. губ.	Убит 10.VII.1918 белыми
539	Коган-Бернштейн Лев Матвеевич	евр.	мещ.	11.I.1862*	«Нар. воля» (Спб)	Смертная казнь	Казнен 7.VIII.1889 в Якутске
540	Коган-Бернштейн Наталья Осиповна	"	куп.	16.IV.1861	«Нар. воля»	15 лет каторги	Ум. 26.XII 1927 в Москве
541	Магат Исаак Мордухович	"	"	1866	»	Ссыл. Якут. губ.	Ум. после 1926
542	Минор Иосиф Соломонович	"	мещ.	1863	«Нар. воля» (Москва)	Вечная каторга	Ум. в окт. 1932 в Париже
543	Надеев Николай Александрович ¹					Оправдан	
544	Орлов Михаил Петрович	рус.	двор.	2.VIII.1864	«Нар. воля» (Спб)	Вечная каторга	Ум. после 1934 в СССР
545	Перли Паулина Исаевна	евр.	мещ.	12.IX.1866	«Народная воля»	15 лет каторги	»
546	Ратин Самуил Маркович	"	"	1861	«Нар. воля» (Харьк.)	20 лет каторги	
547	Резник Иосиф Айзикович	"	"	1861?		Пересмотр дела	
548	Герещкович Константин Миронович	"	куп.	1868	«Нар. воля» (Москва)	10 лет каторги	Ум. после 1934 в СССР
549	Уфлянд Мендель Аронович	"	мещ.	10.VII 1862	«Нар. воля» (Харьков) «Нар. воля»	20 лет »	Ум. 2.II.1922 в Петрогр.

¹ См. № 41 и 308

550	Франк Роза Федоровна	»	куп.	21.III.1861	«Нар. воля» (Слб)	4 года	»	Ум. 22.IV.1922 под Ме лнгополем
551	Фундаминский Матвей Исидорович	»	»	5.I.1866	«Нар. воля» (Москва)	20 лет	»	Ум. 12.III.1896 в Иркут.
552	Шехтер Анастасия Наумовна	»	мещ.	1860?	«Народная воля»	4 года	»	Ум. после 1925 в Ленингр
553	Эстрович Иосиф Борисович	»	куп.	1866?	»	20 лет	»	
554	Эстрович Михаил Борисович	»	»	1869	»	8 лет	»	Ум. после 1934 в СССР

◆ 120. Дело С. Ф. Михалевича и др., 10.III.1890 (Якутский окружной суд)

555	Майнов Иван Иванович ¹					6 недель ареста		
556	Михалевич Станислав Фаустинович	пол.	двор.	1856?	Аг. ИК «Нар. воля»	»		Ум. в 1912 в Петроп.
557	Терешенков Сергей Михайлович		куп.	15.XII.1863	«Нар. воля»	4 м-ца тюрьмы		Ум. в XI.1918 в Москве

◆ 121. Дело А. С. Холопова — И. П. Каменского, 4—5.V.1890 (Видленский военно-окружной суд)

558	Каменский Иван Покрипович	рус.	крес.	1.I.1864				Ссыл. Зап. Сиб.
559	Холопов Александр Сергеевич		двор.	1863	«Народная воля?»			Ссыл. Вост. Сиб.

◆ 122. Дело А. И. Бычкова, 19.IX.1890 (Петербургский окружной суд)

560	Бычков Александр Иванович ²							3 года каторги
-----	--	--	--	--	--	--	--	----------------

¹ См. № 205 и 393

² См. № 343

1	2	3	4	5	6	7	8	
		◆ 123. Процесс С. М Гинсбург, 30.X.1890 (ОППС)						
561	Гинсбург Софья Михайловна	евр.	мещ.	20.11.1863	«Народная воля»	Вечная каторга	Самоуб. 7.1.1891 в Шлис.	
562	Душевский Григорьевич	Петр	двор.	1865	»	3 м-ца ареста		
563	Орочко Алексей Венедиктович	бел.	разн.	1866	»	Ссыл. Зап. Сиб.	Ум. 6.XI.1919 в Москве	
564	Стояновский Михаил Васильевич		мещ.	1870	»	4 года каторги		
565	Фрейфельд Лев Владимирович	евр.	куп.	21.X.1863	»	10 лет каторги	Ум. после 1935 в СССР	
		124. Дело К. Ф. Багряновского, VI(?).1891 (Якутская экспедиция по делам ссыльных)						
566	Багряновский Корнелий Феликсович	пол.	двор.	1860		2 года тюрьмы	Самоуб. 31.VI.1896 в ссыл.	
		125. Дело Ф. И. Цобеля, VIII(?).1891 (Якутский губернский суд)						
567	Цобель Франц Игнатьевич	пол.	мещ.	1853?	«Пролетарият»	3 м-ца тюрьмы	Ум. после 1900	
		◆ 126. Дело А. И. Бороздича, 30.IX.1891 (Березовский окружной суд)						
568	Бороздич Аполлинарий Иосифович	пол.	двор.	20.VIII.1866	«Нар. воля» (Москва)	2 м-ца тюрьмы	Ум. после 1933 в СССР	
		◆ 127. Дело В. П. Кранихфельда и др., 8.XI.1891 (Иркутский губернский суд)						
569	Грабовский Арсеньевич	Павел	дух.	30.VIII.1864	«Черн. передел»	4 года каторги	Ум. 29.XI.1902 в Тобольске	
570	Кранихфельд Павлович	Виктор	двор.	3.IV.1863	«Нар. воля» (Минск)	»	Ум. 26.11.1922 в Петрогр.	

571	Новаковская Софья Ефимовна ¹	рус.	разн.	II 1862	«Нар. воля»	»	Ум. 6.III.1927 в Якутске
572	Ожигов Николай Александрович	рус.	разн.			»	
573	Ромась Михаил Ива- нович ²					»	
574	Улановская Эвслина Людвиговна ³					»	

◆ 128. Дело Н. И. Кочурихина — А. И. Архангельского, 8.II.1892 (Казанский военно-окружной суд)

575	Кочурихин (Мелков) Николай Иванович	рус.	мещ.	11.XI.1867		15 лет каторги	Ум. 26.II.1935 в Москве
576	Архангельский Алек- сандр Иванович		разн.	1861?	«Нар. воля»?	»	Ум. в 1922 в Чите

129. Дело В. А. Вейнштока, 27.VIII.1893 (Петербургский военно-окружной суд)

577	Вейншток Виктор Александрович		мещ.			10 лет каторги	Ум. после 1910
-----	-------------------------------------	--	------	--	--	----------------	----------------

130. Дело Б. И. Еллинского — С. С. Солодовникова, 30.IX.1893 (Петербургская судебная палата)

578	Еллинский Борис Иванович	рус.	двор.	24.I.1872	«Нар. право»?	20 лет каторги	Ум. в III.1942 в Ленингр.
579	Солодовников Сер- гей Сергеевич			4 X.1872*	»	»	Самоуб. в 1899 на Сахал.

¹ См. № 354 и 483

² См. № 510

³ См. № 486

◆ 131. Дело А. А. Зороастровой и др., 28.IX.1894 (Якутский окружной суд)

1	2	3	4	5	6	7	8
580	Зороастрова Анна						
	Алексеевна ¹					3 недели ареста	
581	Либин Владимир	евр.	мещ.	20.XI.1865	«Пролетарнат»	»	Ум. после 1917
	Беркович						
582	Новаяковская Софья					1 м-ц ареста	
	Ефимовна ²						
583	Рабинович Самуил	евр.	мещ.	10.V.1867	«Пролетарнат»	3 недели ареста	Ум. после 1935
	Саулович						

¹ См. № 536.² См. № 354, 483 и 571.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

I. АРХИВЫ

Архив АН-СССР	— Архив Академии наук СССР (Москва)
АВПР	— Архив внешней политики России (Москва)
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области
ГБЛ РО	— Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИМ ОПИ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ГПБ РО	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ИРЛИ РО	— Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде
ФЦГИА УССР	— Филиал Центрального государственного исторического архива Украинской ССР в Харькове
ЦГА ВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (Ленинград)
ЦГАЛН	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)
ЦГА г. Москвы	— Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (Москва)
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва)
ЦГИА Латв. ССР	— Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (Рига)
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (Киев)

II. ЛИТЕРАТУРА

АДД	— Автореферат докторской диссертации
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации
ГЖУ	— Губернское жандармское управление
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенариус В. П. 295
 Аверкиев Д. В. 262, 263
 Авсеенко В. Г. 295
 Адлерберг А. В. 74
 Адмони В. Г. 315, 344
 Азеф Е. Ф. 56
 Айзуп К. К. 91, 178, 379
 Аксаков И. С. 66
 Аксельрод П. Б. 35
 Аксельрод (Ортодокс) Л. И. 250, 251
 Александр I 94
 Александр II 17, 38, 40, 41, 68, 75, 93—95, 100, 103, 140, 143, 150, 151, 168, 176, 187, 237, 279, 300, 319
 Александр III 13, 14, 42, 56, 59, 65, 75, 85, 90, 93, 96, 97, 126, 127, 136, 152, 163, 187, 189, 198, 204, 208, 213, 222, 224, 229, 236, 245, 254, 261, 263, 264, 266, 268, 272, 297, 311, 326, 328, 329, 333, 334
 Александрин А. И. 251, 293, 400
 Александров П. А. 14, 259, 281, 284
 Александрова Е. М. 251
 Алексеев П. А. 7, 107, 154
 Алексеева А. А. 358
 Алексей Александрович, в. к. 58
 Алисов П. Ф. 177, 258
 Альтман И. А. 7
 Ананьина М. А. 204, 394
 Андреева М. Ф. 266
 Андреев-Бурлак В. Н. 302
 Андреевский И. Е. 55, 280
 Андреевский С. А. 14, 281, 284, 320
 Андреюшкин П. И. 213, 229, 231, 232, 394
 Андрие Луи 55
 Андрузский А. Ф. 360
 Анненский Н. Ф. 115
 Антонов В. Ф. 50
 Антонов П. Л. 204, 230, 231, 242, 306, 395
 Антушев Н. А. 362
 Анучин Д. Г. 220, 268
 Анфимов А. М. 19
 Аракчеев А. А. 94
 Армфельд Н. А. 99, 287
 Арончик А. Б. 97, 115, 166, 377
 Арсеньев К. К. 281
 Артемьев С. А. 102
 Архангельский А. И. 407
 Архипов А. Е. 297
 Арцыбушев В. П. 251
 Атласова-Юхневич К. Н. 16
 Ахшарумов Д. Д. 103
 Ахшарумов И. Д. 132
 Ашенбреннер М. Ю. 26, 195, 200, 204, 215, 389
 Ашкинази Михаил 338, 343
 Бабичев Т. Г. 381
 Бабуров И. Л. 393
 Багряновский К. Ф. 406
 Базылев Людвик 10
 Бакунин М. А. 103, 104, 214
 Балабуха С. П. 370
 Баламез А. М. 386
 Бальмонт К. Д. 285
 Баранников А. И. 45, 82, 96, 146, 154, 158, 162, 377
 Баранов Н. М. 77
 Бардина С. И. 7, 59, 107
 Бардовский Г. В. 14, 281
 Бартенева Е. Г. 159
 Барыкова А. П. 285
 Басов С. А. 251
 Батагов Г. Е. 243, 306, 383
 Батеньков Г. С. 214
 Батьянов М. И. 52
 Баум Я. Д. 157
 Баумгартен Леон 10
 Бах А. Н. 235, 356
 Ба Цзинь 345
 Бебель Август 13, 108
 Бейдеман М. С. 214
 Бекетов А. Н. 304
 Белов С. К. 55
 Белоголовый Н. А. 81, 187
 Белоконский И. П. 37
 Белоусов А. Г. 204, 395
 Белоусов С. Г. 306, 395
 Белоцветов Г. В. 362
 Белявский О. Ф. 393
 Беляев П. П. 214
 Беляков А. А. 254
 Бердников Л. Ф. 363
 Берман Л. Л. 7, 160, 173, 275, 403
 Бернар Сара 345

- Бернс Джон 331
 Бестужев (Марлинский) А. А. 101, 102
 Бестужев-Рюмин В. Н. 264
 Бестужев-Рюмин М. П. 102
 Благовещенский П. В. 251
 Благоев Д. Н. 250
 Бланки Огюст 320, 347
 Блинов М. А. 165, 369
 Блинов Н. А. 394
 Блок А. А. 293
 Блюменфельд И. С. 251
 Бобохов С. Н. 218
 Бобровский Л. С. 397
 Богданов (Малиновский) А. А. 251
 Богданович А. В. 52, 65, 66
 Богданович А. И. 195, 246, 387
 Богданович Е. В. 38
 Богданович Ф. Г. 83
 Богданович Ю. Н. 11, 123, 127, 135, 151, 154, 213, 225, 245, 290, 385
 Богомолец С. Н. 287, 373, 391
 Богораз-Тан В. Г. 49, 64
 Богородский Л. А. 362
 Богославский А. А. 88, 89, 359
 Богуславский Н. А. 369
 Богучарский (Яковлев) В. Я. 8, 104
 Богушевич Ф. К. 294
 Болдырева А. Г. 251
 Болотина А. Д. 403
 Бонч-Бруевич В. Д. 301
 Борейша А. С. 203, 385
 Боровиковский А. Л. 12, 79, 281
 Бородин А. П. 302
 Бородзич А. И. 406
 Боршт А. Л. 358
 Боршт С. М. 358
 Боткин С. П. 59
 Брагинский М. А. 243, 250, 251, 403
 Брамсон М. В. 196, 403
 Браундтнер Л. К. 93
 Брейтфус А. Л. 278
 Бренко А. А. 302
 Брукс Филипп 333, 347
 Бузня А. Н. 366
 Буланов Л. П. 178, 363, 381
 Булгаков И. Е. 401
 Булич А. П. 172, 371
 Бунаков Н. Ф. 219
 Бунге Н. Х. 304
 Бурцев В. Л. 10, 112, 113, 202, 263, 335
 Буташевич-Петрашевский М. В. 102
 Бух Н. К. 110, 119, 244, 371
 Бухевич А. В. 26, 162, 200, 213, 215, 271, 283, 385
 Буцинский Д. Т. 11, 76, 81, 83, 86, 88, 117, 143, 160, 172, 364
 Быков В. М. 345
 Бычков А. И. 182, 195, 387, 405
 Бэр см. Геккельман А. М.
 Ваксберг Арк. 169
 Валк С. Н. 11, 45, 73, 204, 245, 309, 323, 324
 Валусв П. А. 12, 26, 39—42, 74, 94, 152, 188, 190
 Валуев П. П. 383
 Ваншовский П. С. 212
 Ванчаков В. В. 360
 Варенцова О. А. 251
 Варыньский Людвик 324
 Васильев М. Н. 390
 Васютинский Я. В. 360
 Рахрушев И. С. 16, 61
 Рвеченский Н. Е. 304
 Вегер И. С. 251
 Веймар О. Э. 363
 Вейншток В. А. 407
 Венедиктов (Безюк) Д. Г. 93, 98
 Вентури Франко 10
 Вересаев В. В. 280
 Верещагин В. В. 12, 299, 300
 Верн Жюль 339
 Вернье Поль 341, 345
 Верстаков Н. Ф. 366
 Верцинский В. П. 360
 Ветрова М. Ф. 219, 270, 304
 Виленский Б. В. 9, 10, 191, 193
 Виноградов А. В. 375
 Виноградов А. П. 362
 Виноградов В. А. 22
 Винокур М. Н. 251
 Винокуров А. Н. 251
 Витте С. Ю. 58, 187
 Вишневский В. В. 354
 Владимир Александрович, в. к. 42, 58, 74
 Власов С. Г. 227, 243, 388
 Властопуло Н. Л. 361, 368
 Войнич Этель Лилиан 342, 343
 Волк С. С. 9, 21—24, 27, 29, 31,

- 33, 44, 48, 50, 112, 130, 236,
345, 357
Волкенштейн Л. А. 239, 246,
389
Волконский С. Г. 101, 102
Воллан Г. А. де 40, 261
Волохов С. А. 245, 394
Волошенко И. Ф. 117, 367
Вольнов В. И. 204, 216, 306, 395,
Воронов А. Н. 372
Воронцов-Дашков И. И. 58
Воскресенская Л. А. 251
Выдря М. М. 7
- Гавриленко Ф. Я. 178, 372
Гаврилов К. С. 399
Гаевский В. П. 12
Галиев В. З. 29
Гамбетта Леон 320
Гарибальди Джузеппе 13, 321,
334, 347
Гартинг фон см. Геккельман
А. М.
Гартман Л. Н. 30, 189, 199, 309,
317, 319—322, 324, 338
Гарфилд Джеймс 34
Гаршин В. М. 270, 271, 291, 295
Гауптман Герхарт 344
Гаусман А. Л. 99, 197, 213, 217,
233, 234, 403
Ге З. Г. 297, 299
Ге Н. Н. 297, 301
Гед Жюль 335
Гедеоновский А. В. 109, 401
Гейер И. И. 200, 245, 369, 396
Гейман Б. Н. 330, 403
Геккельман А. М. (он же Лан-
дезен, Петровский, Бэр, фон-
Гартинг) 55
Геккер Н. Л. 218, 381
Геллис М. Я. 215, 361
Геллис П. С. 361
Геллис Э. М. 361
Гельфман Г. М. 86, 96, 97, 160,
299, 305, 324—326, 372
Генералов В. Д. 213, 229, 230,
232, 394
Георгиевский В. Г. 402
Герард В. Н. 81, 281, 282, 284
Гернет М. Н. 6, 8, 10, 98, 195,
204, 206, 215, 244
Герцен А. И. 33, 106
Гете Иоганн Вольфганг 215
Гиляров Ф. А. 257
- Гинзбург («Кольцов») Б. А. 251
Гинсбург С. М. 11—13, 49, 193,
213, 220, 229, 243, 254, 298,
352, 406
Гинтовт-Дзевалтовский В. Ф.
288, 383
Гито Шарль 34
Глама-Мещерская А. Я. 302
Глико Г. А. 178, 364
Глипский Б. Б. 8
Говорухин О. М. 250
Говорюхин А. Ф. 361
Годунова Л. Н. 23, 26
Голиков В. Т. 383
Голицын Н. Н. 8, 153
Головин К. Ф. 295
Головко М. Е. 178, 376
Голсуорси Джон 342
Голубева М. П. 251
Голубов Л. М. 369
Гольденберг Г. Д. 31, 87, 119
124, 125, 133, 138, 146, 147,
166—170
Гольцев В. А. 37, 270
Горшкович В. Е. 387
Горкун П. С. 201, 245, 395
Горький А. М. 164, 285, 292,
344
Горякина В. С. 20
Гоц В. С. 403
Гоц М. Р. 403
Гоштофт Н. Л. 361
Грабовский П. А. 241, 285, 406
Градовский А. Д. 257, 304
Градовский Г. К. 12, 86, 258—
260, 263
Грачевский М. Ф. 11, 25, 26, 53,
56, 113, 120—122, 131, 133,
140, 154, 178, 213, 215, 218,
223, 225, 229, 237, 240, 246,
259, 293, 352, 385
Гревс И. М. 58
Гринберг Х. Г. 385
Гринсвицкий И. И. 31, 86
Грязнова М. В. 160, 178, 220,
371, 380
Гумовский Г.-Р. 366
Гуревич А. С. 403
Гуревич Е. Я. 403
Гурвич И. А. 241, 250
Гуревич С. Н. 217
Гурко И. В. 39, 85, 94, 328
Гурмаженко И. П. 13, 178, 376
Гусев С. И. 354

Геллеруп Карл 344
Гюго Виктор 12, 320, 321, 325—
327, 336, 347

Данилевский Г. П. 81
Данилов В. А. 146, 186, 194,
275, 369, 376, 399
Дацюк Б. Д. 18, 125
Дашкевич П. Г. 390
Дебогорий-Мокриевич В. К. 37,
83
Дегаев С. П. 56—58, 89, 200—
202, 207, 233, 244
Дейер П. А. 82, 209
Дейч Л. Г. 179, 244, 245, 254,
276, 321, 328, 390
Демьяновский В. В. 178, 377
Джаншиев Г. А. 270
Джордано Умберто 346, 347
Дзвонкевич Н. Н. 222, 243,
383
Дзержинский Ф. Э. 6, 354
Диковский М. А. 364, 386, 387
Диковский С. Д. 218, 364
Дирдовский Н. П. 244, 390
Дмитрешева В. И. 156, 285
Дмоховский Л. А. 276
Добржинский А. Ф. 166
Добрускина Г. Н. 108, 222, 396
Доде Альфонс 340
Дойль Артур Конан 342
Долгорукая см. Юрьевская
Е. М.
Долгушин А. В. 100, 379
Долново-Добровольский А. И.
398
Доллер А. И. 373
Достоевский Ф. М. 12, 39, 256,
257, 262, 266, 294—296
Драгоманов М. П. 12, 44, 183,
318
Драгомров М. И. 26
Дрей М. И. 12, 200, 222, 242,
243, 384
Дрентельн А. Р. 78
Дршо В. В. 172, 371
Дубровни В. Д. 139
Дубровни Е. А. 96, 178, 246,
382
Дубровинский И. Ф. 251
Дудин С. М. 394
Дузе Элеонора 345, 347
Дурново И. Н. 188, 189, 208,
274

Дурново П. Н. 197, 203
Душевский П. Г. 406

Евсеев Н. П. 90, 244, 306, 380
Егоров Ф. Е. 402
Елисеев Г. З. 81
Елисеева К. П. 364
Еллипский Б. И. 407
Елпатьевский С. Я. 285
Елько П. А. 200, 203, 245, 396
Емельянов И. П. 31, 244, 327,
377
Ермолова М. Н. 12, 290, 303
Есипович Я. Г. 39
Ешин Л. П. 396
Жарков А. Я. 58
Жебунев В. А. 64
Желваков Н. А. 84, 85, 91, 92,
120, 143, 154, 210, 266, 328,
352, 379
Желеховский В. А. 203, 209
Желябов А. И. 7, 10, 22, 24, 25,
28, 31, 32, 44—46, 77, 81, 86,
91, 93, 109, 111, 112, 115, 116,
120, 122—125, 130, 132—134,
136—140, 143—147, 150—154,
156, 161, 165, 167—169, 181—
183, 207, 223, 259, 276—278,
288, 290, 298, 300, 310, 323,
352—354, 372
Жеромский Стефан 343
Жорес Жан 13, 335, 347
Жуков В. И. 364
Жуковский В. А. 94
Забалуев П. Л. 376
Забрамский Л. И. 86, 89, 172,
173, 201
Завадская Е. Ф. 356
Зайончковский П. А. 9, 38, 41,
41, 181, 191
Зак В. И. 370
Заломов П. А. 353—355
Запотоцкий Ладислав 314
Зарудный С. И. 268
Заславский Д. О. 31, 59
Засулч В. И. 65, 75, 89, 220,
245, 269, 319, 327, 332, 334,
335, 338, 344—346
Златопольский Л. С. 115, 377
Златопольский С. С. 11, 135,
170, 213, 215, 225, 385
Золя Эмиль 12, 339

- Зороастрова А. А. 5, 220, 403, 408
 Зотов Н. Л. 213, 217, 232, 234, 275, 404
 Зубатов С. В. 55
 Зубков В. П. 214
 Зубковский А. А. 165, 371
 Зундслевич А. И. 45, 80, 135, 144, 167, 271, 371

 Ибсен Гейрик 12, 315, 344
 Иван IV Грозный 219
 Иванайсен К. А. 222, 243, 306, 384
 Иванов В. Г. 83, 182, 215, 230, 271, 272, 389
 Иванов И. К. 304, 364
 Иванов П. О. 218, 373, 386
 Иванов С. А. 26, 53, 203, 396
 Иванов С. В. 296, 297, 300, 301
 Иванова Н. В. 30, 331, 332
 Иванова С. А. 110, 154, 160, 371
 Ивановская П. С. 169, 170, 239, 385
 Ивановский В. С. 179
 Иванченко Г. Н. 367
 Игнатьев К. Ф. 366
 Игнатьев Н. П. 54, 84, 260
 Ильминский Н. И. 304
 Ильяшвич Л. И. 212, 220
 Ильяшенко С. Е. 86, 364
 Иностранцев А. А. 304
 Иохельсон В. И. 97, 324
 Исаев Г. П. 25, 82, 125, 127, 136, 183, 208, 352, 377
 Итенберг Б. С. 114
 Ишутин Н. А. 91, 103

 Кавелин К. Д. 37
 Казанский В. В. 366
 Калинин М. И. 354
 Калюжная М. В. 201, 202, 218, 227, 228, 239, 246, 352, 389
 Калюжный А. М. 360
 Калюжный И. В. 218, 222, 230, 240, 385
 Каляев И. П. 82, 353
 Каменский И. П. 405
 Кантор Р. М. 55, 97, 167, 320, 324, 357
 Канчер М. Н. 201, 245, 395
 Капгер С. И. 404

 Карабчевский Н. П. 12, 156, 281, 302
 Каракозов Д. В. 73, 103, 104, 199, 299
 Караулов В. А. 343, 391
 Кардуччи Джозуэ 315
 Карпенко-Карый И. К. 285
 Карузо Энрико 346
 Кастеляр Эмилио 314
 Катанский А. М. 201, 239
 Катаяма Сэн 13, 345
 Катков М. Н. 12, 38, 40, 66, 75, 115, 152, 155, 190, 192, 257, 280, 297, 321
 Катренко А. Н. 29
 Каховский П. Г. 102
 Кашишцев И. Н. 335, 373
 Квятковская Ю. А. 80
 Квятковский А. А. 11, 45, 91, 93, 112, 115, 118—121, 123, 124, 130, 133—136, 138, 144, 146, 154, 157, 162, 169, 171, 176, 181—183, 223, 237, 259, 294, 352, 371
 Кедрин Е. И. 162, 179, 259, 281—283
 Кеннан Джордж 7, 212, 219, 234, 317, 331, 333, 334, 336, 337, 346, 347, 354
 Кецховели В. З. 251
 Кибальчич Н. И. 86, 91, 93, 120—122, 126, 128—130, 133, 135, 136, 138—143, 156, 167, 183, 276—278, 288, 290, 298, 309, 323, 354, 372
 Кизер В. Э. 373
 Киреев А. А. 14, 184, 228
 Кириллов Г. Г. 38
 Кирсанов В. И. 396
 Кирхнер А. В. 244, 375
 Кистьяковский А. Ф. 14, 28, 84
 Клемансо Жорж 320
 Клеточников Н. В. 45, 52, 54, 96, 135, 141, 170, 377
 Клименко М. Ф. 213, 222, 306, 365, 386
 Клименко П. С. 245, 384
 Книпович Л. М. 51, 251
 Кобылянский Л. А. 371
 Ковалев П. А. 70, 244, 394
 Ковалевская (Воронцова) М. П. 218, 294
 Ковалевская С. В. 305, 334
 Ковалевский М. М. 37

- Ковалик М. Ф. 363
Ковальская Е. Н. 160, 373, 391
Ковальский И. М. 181, 269
Ковальченко И. Д. 18, 33, 43, 47, 48
Коган З. В. 399
Коган-Бернштейн Л. М. 28, 213, 217, 232, 233, 242, 404
Коган-Бернштейн Н. О. 404
Козырев А. Н. 362, 368
Колеснича М. А. 363
Колесниченко Д. А. 336, 337
Коллонтай А. М. 302, 354
Колодкевич Н. Н. 11, 25, 45, 82, 96, 97, 111, 112, 121, 123, 125, 135, 143, 146, 147, 378
Колосов Е. Е. 7, 98, 215, 218
Колосов М. А. 392
Колупасев А. П. 374
Комаров А. В. 55, 151, 170, 171, 216
Кон Ф. Я. 169, 218, 245, 246
Конашевич В. П. 58, 206, 396
Конн А. Ф. 12, 67, 68, 75, 82, 187, 200, 209, 346
Коншел Джим 341
Конрад Джозеф 342
Константин Николаевич, в. к. 40
Коншин Н. Я. 401
Копылов М. Н. 362
Корба см. Прибылева-Корба А. П.
Корнилов А. А. 8
Королев Е. Ф. 282
Короленко В. Г. 61, 115, 269, 285, 292, 343
Коронный В. Н. 377
Короткевич Л. Д. 361
Костецкий Б. И. 365
Котляревский М. М. 203, 209
Котов Н. П. 394
Коцюбинский М. М. 285
Кочурихин (Мелков) Н. И. 251, 407
Кошелев А. И. 37, 261
Кравчинский см. Степняк-Кравчинский С. М.
Крамской И. Н. 296, 297, 299, 301
Краихфельд В. П. 406
Крапвин З. И. 299
Красиков П. А. 351, 354
Кривошин А. И. 361
Кропивницкий М. Л. 285
Кропоткин П. А. 55, 155, 166, 179, 287, 288, 315, 322, 325, 335, 336
Крупов М. А. 99, 217
Крупская Н. К. 51, 266, 280
Крыжановский Н. Ф. 216, 368
Крылова М. К. 375
Куделли П. Ф. 251
Кузин С. Е. 251, 306, 396
Кузнецов И. В. 18, 31, 43
Кузнецов Я. И. 165, 369
Кузнецова С. Н. 373
Кузьмин П. А. 208, 213, 222
Кузюмкин М. В. 380
Куйбышев В. В. 354
Куперник Л. А. 281
Куплевасский Д. Е. 360
Курин А. И. 293
Курицын Ф. Е. 166
Курпатовский В. К. 251, 280
Куртеев К. К. 384
Кутитонская М. И. 212, 220, 239, 381
Лавреннус А. Н. 91, 335, 374
Лавров П. Л. 30, 71, 105, 164, 226, 287, 297, 320, 322, 325, 334
Лаговский М. Ф. 388
Лазарев В. Г. 246, 393
Ланганс М. В. 96, 115, 272, 378
Ландезен см. Геккельман А. М.
Ландо Д. С. 399
Лебедев В. С. 64, 129
Лебедев Н. Г. 374
Лебедева Т. И. 120, 135, 140, 160, 161, 378
Лебеденко П. М. 396
Левенсон В. В. 365
Левенталь Л. Г. 363
Левин Ш. М. 35, 43, 44, 130
Левинский И. Я. 211, 387
Левитан И. И. 297
Левицкий (Педербаум) В. О. 9
Левченко Н. В. 218, 365, 387
Легкий Е. Г. 91, 92, 178, 197, 276, 369, 379
Лежава А. М. 251
Лейкина-Свирская В. Р. 61
Лемке М. К. 58, 103
Ленин В. И. 15, 17—19, 26, 30, 31, 32, 34, 35, 41, 43, 45—48, 51, 71, 75, 89, 128, 164,

- 186, 187, 248—250, 252, 254,
257, 280, 312, 348, 350, 351,
355, 357
- Леонтьев В. Ф. 283
- Лепешинский В. П. 366
- Леруа-Болье Анатоль 318
- Лесгафт П. Ф. 304
- Лесков Н. С. 40, 295, 296
- Леткова Е. П. 290, 300
- Лешерн-фон-Герцфельд С. А.
117
- Либин В. Б. 408
- Либкнехт Вильгельм 317, 347
- Ливадии В. В. 306, 396
- Лизогуб Д. А. 93, 172, 286
- Лисовская А. И. 222, 239, 386
- Лисянский С. А. 13, 92, 213, 227,
230, 232, 246, 352, 392
- Литягин В. Г. 377
- Лихачев И. Я. 362
- Личкус Р. С. 393
- Лобанев-Лобанчук-Гудзь П. Ф.
14, 154, 155, 165, 178, 306,
374
- Лозинский М. П. 90, 183, 287,
359
- Лозьянов П. Т. 143, 365
- Ломброзо Чезаре 334
- Лонге Жан 54
- Лонге Женни 317, 323
- Лондон Джек 345
- Лопатин Г. А. 14, 49, 154, 193,
203, 205, 206, 226, 228, 230,
231, 287—290, 297, 302, 396
- Лорис-Меликов М. Т. 12, 40—42,
54, 65, 74, 99, 163, 173, 174,
261, 265, 273
- Лотман Ю. М. 293
- Лотов И. И. 393
- Лотрингер С. Н. 365
- Лоуэлл Джеймс 333
- Лукашевич А. О. 367
- Лукашевич И. Д. 221, 222, 229,
241, 250, 395
- Лу Силь 13, 316
- Любатович О. С. 133, 155, 319
- Люстиг Ф. О. 110, 166, 244,
378
- Магат И. М. 404
- Майер С. В. 200, 243, 384
- Майков В. И. 374
- Майнов И. И. 178, 375, 392,
405
- Макаревич (Кулишева) А. М.
288
- Макаренко А. А. 251, 377
- Маков А. И. 393
- Маков Л. С. 78
- Макова Н. И. 393
- Маковский В. Е. 296, 299, 301
- Маковский К. Е. 300, 301
- Малавский В. Е. 178, 379
- Малшиновская А. Н. 363
- Маловичко В. Г. 358
- Манасеин Н. А. 188, 191
- Мандельштам М. Л. 195
- Манилов К. Л. 367
- Манучарян О. А. (Манучаров
И. Л.) 14, 227, 230, 231, 246,
293, 352, 392
- Манфред А. З. 319
- Маныч Д. Р. 369
- Маркевич Б. М. 155, 295
- Маркс Женни см. Лорте Женни
- Маркс Карл 12, 15, 17, 24, 29,
30, 32, 42, 43, 62, 108, 240,
250, 315—317, 322, 323, 327,
332, 337, 346—348
- Мартов (Цедербаум) Ю. О.
251, 278
- Мартынов К. Ф. 221, 391
- Мартынов С. В. 64
- Маргвиновский С. И. 251, 371,
375
- Матфиевич Н. Х. 211, 243, 384
- Маццини (Мадзини) Джузеппе
334
- Медведев С. Б. 361
- Медведев Э. Б. 367
- Мейснер И. И. 216, 217, 230,
293, 397
- Мелков см. Кочурихин Н. И.
- Мельников П. Н. 376
- Менк Полнна 325
- Меринг Франц 30, 317
- Меркулов В. А. 31, 55, 87, 91,
166, 168, 171, 173, 200, 233,
306, 378
- Мечников И. П. 303
- Мещерский В. А. 387
- Мещерский В. П. 217, 257
- Мещеряков Н. Л. 251
- Микоян А. И. 354
- Милле Константин 343
- Миллер Джоакин 345
- Милютин Д. А. 12, 39, 40, 42,
73, 74, 94, 174, 311, 321

- Минаков Е. И. 197, 213, 215, 216, 343, 361, 368, 389
 Минор О. С. 197, 404
 Минский (Виленкин) Н. М. 113, 155, 298
 Михайлов А. Д. 14, 45, 82, 96, 108, 109, 112—115, 117, 120, 121, 123—128, 130, 131, 133—135, 137—140, 142—146, 154, 156, 158, 160—162, 167, 168, 173, 176, 179, 182, 183, 186, 220, 237, 272, 275, 284, 352, 378
 Михайлов А. Ф. 91, 363
 Михайлов Т. М. 31, 86, 91, 92, 155, 156, 165, 267, 306, 372
 Михайловский П. К. 36, 285
 Михалевич С. Ф. 405
 Микшевич С. И. 251, 278, 301
 Мишель Лунза 13, 323, 347
 Млодзецкий И. О. 13, 67, 173—175, 183, 262, 291, 359
 Мопассан Ги де 12, 341
 Морейнис Ф. А. 222, 239, 243, 384
 Морли Джон 336, 347
 Морозов Н. А. 14, 45, 98, 108—110, 112, 113, 115, 133—135, 137, 167, 215, 297, 316, 352, 378
 Морозова Т. Т. 358
 Моррис Вильям 333
 Мошинская Е. Ф. 366
 Мравина Е. К. 302
 Муравьев Н. В. 14, 81, 82, 132, 138, 139, 148—150, 153, 161, 185, 191, 289, 305
 Муравьев Н. М. 101, 102
 Муравьев-Апостол С. И. 101, 102
 Мурафа И. К. 361
 Муромцев С. А. 257, 260, 261, 270, 279
 Мышкин И. Н. 7, 107, 154, 213, 216, 379, 391
 Мясоедов Г. Г. 297, 301
 Набоков Д. Н. 66, 74, 77, 191, 237
 Нагорный О. И. 90, 178, 246, 380
 Надеев К. А. 200, 384
 Надеев Н. А. 306, 361, 384, 404
 Надин см. Торгашов П. И.
 Надсон С. Я. 270, 291, 295
 Нардов А. Г. 362
 Нардов И. Г. 362
 Натансон О. А. 363
 Неклюдов Н. А. 208, 209
 Некрасов Н. А. 257
 Немировский И. М. 200, 384
 Немировский Н. Т. 392
 Немоловский А. И. 232, 389
 Неустроев К. Г. 197, 212, 213, 220, 227, 232, 233, 246, 247, 258, 269, 388
 Нечев С. Г. 7, 75, 82, 96, 162, 199
 Нечкина М. В. 17, 31, 44, 47, 102, 125
 Невиллин Е. В. 369
 Никитин Е. Н. 16
 Николай I 103, 104, 187
 Николай II 272, 297
 Ниценко В. В. 367
 Новикова С. Е. 220, 232, 385, 399, 407, 408
 Новицкий В. Д. 14, 53, 83, 112, 213
 Новицкий М. Э. 90, 182, 246, 380
 Новорусский М. В. 203, 222, 395
 Норденшильд Нильс 334, 347
 Обедзинский С. Ц. 73, 144, 377
 Обнорский В. П. 364
 Оболенский Е. П. 101
 Оболешев А. Д. 91, 363
 Овсянников М. М. 244, 377
 Ожигов Н. А. 407
 Окладский И. Ф. 31, 55, 165, 168—171, 306, 371
 Ольденбургский Пстр, принц 79
 Ольминский М. С. 249, 251
 Опришко Г. Я. 367
 Орджоникидзе Г. К. 6, 354
 Оржевский П. В. 188, 189, 222
 Оржих Б. Д. 13, 49, 211, 223, 226, 229, 231, 244, 400
 Орлов А. И. 251
 Орлов М. П. 404
 Орлов Н. А. 319, 325
 Орочко А. В. 496
 Осинский В. А. 37, 83, 91, 93, 117, 136, 210, 269, 286
 Осипанов В. С. 213, 229, 231, 232, 395

- Осмоловский Г. Ф. 98, 361
 Островский А. И. 262
 Остроумов А. П. 201, 203, 244, 245
 Ошанина М. Н. 30, 133, 297, 356
- Пален К. И. 68
 Панкратов В. С. 35, 36, 180, 181, 209, 221, 276, 306, 307, 391
 Пассовер А. Я. 281
 Паули Н. К. 403
 Пашковский Т. И. 222, 395
 Пекарский Э. К. 372
 Перелетчиков В. А. 375
 Перетц Е. А. 12, 66, 77, 161
 Перлашкевич Н. Л. 197, 230, 293, 397
 Перли П. И. 404
 Перовская В. С. 163, 273, 274
 Перовская С. Л. 25, 28, 86, 91, 93, 109, 111, 112, 122, 123, 133, 135, 143, 151, 152, 156, 160—163, 167, 169, 179, 182, 183, 207, 232, 233, 273, 274, 276—278, 286, 288, 290, 292, 298, 303, 305, 309, 315, 316, 323, 324, 334, 341, 344, 345, 353, 354, 373
 Перовский В. Л. 161, 273
 Пестель П. И. 101, 102
 Петров Н. Н. 365
 Петровский Е. И. 400
 Петерсон П. Н. 364
 Петлицкий Я. И. 376
 Петрункевич И. И. 37
 Пиа Феликс 320
 Пилсудский Б. И. 395, 399
 Пинаев М. Т. 292
 Пирогов Н. И. 311
 Пироженко В. С. 387
 Пирумова Н. М. 37, 335
 Писарев М. И. 302
 Платонов С. Ф. 304
 Плевако Ф. Н. 281
 Плева В. К. 14, 28, 89, 119, 126, 188, 245
 Плеханов Г. В. 24, 109, 130, 167, 213, 250, 253, 254, 310, 313, 320
 Победоносцев К. П. 12, 59, 66, 77, 152, 188, 190—192, 263, 266, 297, 311
- Погорелов Я. Ф. 358
 Подбельский П. П. 28
 Подревский Н. Н. 365
 Позен В. П. 365
 Позен Н. П. 367
 Покровский М. Н. 89, 102, 141
 Поливанов П. С. 182, 214, 243, 246, 380
 Половцов А. А. 12, 65, 188, 189, 191, 237, 332
 Полонский Я. П. 266, 302
 Поляков А. С. 222, 274
 Полянский Н. Н. 6, 73
 Попельницкий А. З. 200, 384
 Попко Г. А. 99, 367
 Попов Е. С. 374
 Попов И. И. 64, 247, 287, 291, 331
 Попов М. П. 396
 Попов М. Р. 11, 76, 81, 83, 84, 86, 88, 117, 143, 160, 172, 215, 304, 364, 365
 Попов М. С. 384
 Попович П. Е. 361
 Потанов Я. С. 374
 Потехин П. А. 14, 281
 Похитонов Н. Д. 226, 271, 389
 Прейм С. И. 58, 90
 Преображенский А. И. 91, 373
 Пресняков А. К. 91, 158, 176, 181, 182, 294, 306, 371
 Префраицкий Н. А. 393
 Пржевальский И. М. 28
 Прибылёв А. В. 12, 169, 195, 222, 386
 Прибылёва (Гроссман) Р. Л. 222, 386
 Прибылёва-Корба А. П. 12, 56, 100, 108, 128, 131, 135, 139, 140, 143, 168, 179, 202, 224, 225, 239, 386
 Присецкая М. Н. 373
 Притцкер А. Я. 366
 Провоторов Е. П. 392
 Пумпур Андрей 285
 Пуччини Джакомо 346
 Пушкин А. С. 310
 Пшавела Важа 294
 Пшыбысов Д. К. 117, 366
 Пылаев Е. Ф. 372
 Пыпин А. Н. 270
 Пьянков И. П. 375

- Рабинович С. С. 408
 Рабинович Я. Б. 247
 Раджоньери Эрнесто 30, 315, 334, 344
 Райко М. Д. 182
 Райнис Ян 280, 294
 Райх И. Я. 200, 384
 Ракитникова И. И. 50, 51
 Ратин С. М. 244, 404
 Рачковский П. И. 61, 62
 Рашевский Н. Н. 14, 73, 375
 Резник И. А. 404
 Рейнштейн Н. В. 58
 Рейснер Л. М. 169
 Ренаи Эрнест 336
 Ребин И. Е. 12, 296—299, 301
 Реферт Ф. С. 365
 Ровенский П. В. 243, 385
 Рогачев Н. М. 27, 92, 201, 213, 222, 223, 247, 307, 389
 Родионов И. В. 5, 90, 95, 172, 360
 Розовский И. И. 5, 89—91, 95, 117, 165, 183, 269, 287, 360
 Романченко Г. М. 401
 Ромась М. И. 401, 407
 Ронесс М. С. 178, 359
 Росникова Е. И. 359
 Ротштейн Ф. А. 333
 Рошфор Анри 320, 322, 324, 347
 Рубакин Н. А. 279
 Рубинштейн А. Г. 302
 Рубинштейн С. Г. 302
 Рублев А. М. 361
 Рудаков А. С. 370
 Рудько Н. П. 29
 Руссов Федор 362
 Рыльсв К. Ф. 101, 102
 Рымашевский А. Ф. 397
 Рысаков Н. И. 31, 45, 86, 87, 91, 150, 151, 165, 168, 169, 180, 310, 373
 Сабунаев М. В. 49, 402
 Савина М. Г. 156, 302
 Савченко В. И. 54
 Садовников М. А. 178, 370
 Сайкин О. А. 193, 228
 Салазкин С. С. 304
 Салова Н. М. 49, 203, 226, 239, 396
 Салтыков-Щедрин М. Е. 12, 59, 63, 75, 81, 186, 270, 289, 294
 Сакковский Н. М. 173, 174, 218, 376
 Сарандович Е. П. 383
 Саранчов И. М. 200, 387
 Сарду Викторьен 338, 345, 346
 Саричев Г. А. 200, 385
 Свердлов Я. М. 6, 354
 Святополк-Мирский Д. И. 38
 Сегал Е. А. 163
 Седов М. Г. 9, 27, 50, 168
 Семанова М. Л. 293
 Семевский В. И. 103
 Семевский М. И. 41, 225
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 3, 4
 Севякова Л. Т. 58, 208
 Сенченко И. А. 6, 7, 216
 Сергеева Е. Д. 133, 356
 Сергей Александрович, в. к. 264
 Сердюкова А. А. 395
 Серебряков Э. А. 26, 111, 180, 232
 Серета Н. А. 277
 Серно-Соловьевич Н. А. 104
 Сеченов И. М. 12, 304
 Сигида А. С. 400
 Сигида Н. К. 202, 208, 218, 239, 400
 Сипович А. А. 13, 91, 144—146, 377
 Скалон В. Ю. 260, 261
 Скляревич В. И. 403
 Скляренко А. П. 251
 Скобелев М. Д. 26, 58
 Слэзкин И. Л. 205
 Случевский В. К. 193
 Смецкая Н. Н. 370
 Смирницкая Н. С. 218, 222, 386
 Смирнов А. Ф. 18, 33, 47
 Соколов М. Е. («Ирод») 216
 Соколов С. С. 259, 282
 Соловьев А. К. 38, 72, 74, 92, 93, 199, 236, 288
 Соловьев В. С. 264, 265, 304
 Солодовников С. С. 407
 Солярский В. А. 363
 Спандони-Басманджи А. А. 83, 201, 207, 389
 Спасович В. Д. 11, 14, 198, 199, 203, 259, 281—284
 Спенсер Герберг 336, 347

- Сплицын А. И. 91, 374
 Станюкович К. М. 270, 285
 Старицкий М. П. 294
 Стародворский Н. П. 49, 58, 206, 226—228, 244, 397
 Старынкевич И. Ю. 154, 178, 373, 383
 Стасов В. В. 320
 Стасов Д. В. 14, 281, 284
 Стасова Е. Д. 301, 351
 Стеблин-Каменская М. И. 367
 Стеблин-Каменский Р. А. 367
 Степанов Е. Д. 355, 391
 Стенняк-Кравчицкий С. М. 12, 34, 63, 64, 72, 83, 92, 151, 162, 189, 193, 288, 290, 317—319, 321, 322, 329, 333, 334, 340—342, 345
 Стефанович Я. В. 162, 179, 225, 244—246, 386
 Столыпин П. А. 89
 Стопане С. А. 387
 Стояновский М. В. 406
 Страхов Н. И. 263, 264, 350
 Стрельников В. С. 14, 83—85, 87—89, 92, 185, 205, 237
 Стриндберг Август 344
 Струмилин С. Г. 353
 Стучка П. И. 251, 280
 Суворин А. С. 294, 295
 Судейкин Г. П. 53, 55—58, 172, 228, 327
 Судейкин Н. П. 360
 Суинбери Чарльз 331, 336, 341
 Суриков В. И. 12, 296, 297, 301
 Суровцев Д. Я. 222, 390
 Суханов Н. Е. 7, 14, 26, 28, 46, 91, 111, 120, 121, 127, 130, 140, 141, 144, 157, 166, 183, 259, 271, 327, 378
 Суханов (Гиммер) Н. Н. 26
 Сухомлин В. И. 193, 201, 203, 206, 226, 397
 Сыцяно А. О. 275, 276, 369
 Сыцяно О. С. 275, 369
 Таганцев Н. С. 12
 Танеев В. И. 281
 Таратута Е. А. 16, 34, 162, 319, 333, 342, 346
 Тарковский А. К. 394
 Тарле Е. В. 62
 Татищев С. С. 8
 Твардовская В. А. 24, 27, 50, 112, 130, 131, 357
 Твен Марк 12, 189, 311, 312, 314, 332, 333, 337, 344, 345, 347
 Тепляев И. Н. 70, 352, 392
 Теллалов П. А. 14, 25, 96, 111, 202, 213, 223—225, 246, 352, 386
 Теодорович И. А. 354
 Терентьева Л. Д. 96, 127, 160, 161, 378
 Терешенков С. М. 405
 Терешкович К. М. 251, 404
 Теселкин М. М. 402
 Тесленко-Приходько П. В. 375
 Тетёрка М. В. 31, 82, 87, 96, 172, 235, 306, 378
 Тимирязев К. А. 12, 304
 Тимофеев М. А. 374
 Тиханович А. П. 182, 211, 222, 390
 Тихомиров Л. А. 30, 46, 58, 129, 133, 162, 188, 202, 246, 258, 356
 Тихонов Я. Т. 31, 120, 138, 183, 306, 371
 Тихоцкий В. А. 287, 369
 Тихоцкий Н. А. 26
 Тищенко И. И. 99, 367
 Ткачев П. Н. 12, 45, 177
 Ткаченко П. С. 270
 Толстой Д. А. 12, 13, 52, 65, 186—189, 191, 192, 197, 212, 235, 237, 274, 329, 330
 Толстой Л. Н. 12, 92, 219, 261, 263—265, 285—288, 295, 337
 Томашевский К. В. 216
 Томсон Джеймс 341
 Торгашов П. И. (Надин) 83, 204, 205, 209, 211, 385, 388
 Тотлебен Э. И. 39
 Трачевский А. С. 304
 Тригоини М. Н. 25, 127, 141, 214, 215, 378
 Тринитатская Е. М. 400
 Троицкий А. В. 375
 Троицкий Д. И. 363
 Трошанский В. Ф. 363
 Трубецкой С. П. 102
 Тулисов В. И. 178, 370, 393
 Тулисова М. И. 370, 393
 Тун Альфонс 313
 Турати Филиппо 315, 344

- Тургенев И. С. 12, 270, 287—
 291, 295, 338, 343
 Турцевич И. К. 235, 236
 Турчанинов А. Н. 281, 283
 Тырков А. В. 31, 176
 Тюрин И. К. 178, 359
 Тютчев Н. С. 169, 170, 245
 Тютчев Ф. И. 66
 Тютчева А. Ф. 66
 Тюшев В. X. 393
- Уайльд Оскар 338
 Украинка Леся 294
 Улановская Э. Л. 292, 399, 407
 Ульяшов А. И. 7, 10, 49, 65, 82,
 154, 166, 187, 198, 213, 223,
 226, 227, 229, 230, 232, 240,
 241, 247, 250, 274, 277, 279,
 293, 298, 304, 330, 343, 352,
 355, 395
 Ульянов И. П. 209
 Ульянова М. А. 193, 274
 Ульянова-Елизарова А. И. 51,
 355
 Умов Н. А. 304
 Унковский А. М. 281, 282
 Урусов А. И. 88, 270, 281
 Усаковский В. И. 369
 Успенский Г. И. 270, 290, 291
 Утин Е. И. 281
 Уфлянд М. А. 244, 404
 Ушерович С. С. 7, 60, 94
- Фадеев Р. А. 143, 277, 311
 Фёдоров П. М. 383
 Фёдорова У. Н. 400
 Феохари С. И. 367
 Фигнер В. Н. 7, 11, 12, 25, 28,
 45, 46, 57, 98, 108, 112, 128,
 131, 133, 135, 139, 140, 143,
 154, 162, 168, 170, 179, 200,
 204, 210, 214, 223, 226, 233,
 236—238, 240, 246, 259, 273,
 277, 290, 291, 297, 298, 313,
 321, 322, 352, 390
 Фигнер Е. Н. 80, 179, 371
 Фигнер Е. X. 273
 Филатов Ф. М. 365
 Филиппов А. А. 96, 382
 Филиппов К. Н. 369
 Филиппова см. Фигнер В. Н.
 Филлипс Уэнделл 315
 Философов В. Д. 93
 Филюков А. Ф. 385
- Фламарион Камиль 336
 Флоринский В. М. 279, 280
 Фоменко И. В. 380, 381
 Фомин А. А. 13, 388
 Фомичев Г. И. 99, 363
 Фофанов К. М. 292
 Франжоли А. А. 25, 356
 Франжоли Н. А. 359
 Франк Р. Ф. 405
 Франкель Лео 314, 347
 Франко И. Я. 12, 293
 Фрейсине Шарль-Луи 319
 Фрейфельд Л. В. 49, 406
 Френкель Я. Г. 397
 Фриденсон Г. М. 266, 378
 Фриш Э. В. 69
 Фроленко М. Ф. 12, 14, 39, 98,
 110, 112, 115, 143, 168, 172,
 215, 327, 378
 Фролов Иван 92, 93
 Фрунзе М. В. 6, 354
 Фуке Э. Я. 77, 81
 Фундаминский М. И. 405
 Фурсенко П. М. 385
 Футмэн Дэвид 10
- Халтурии С. Н. 25, 84, 85, 91,
 143, 210, 298, 306, 328, 340,
 352, 379
 Хворостянский П. А. 374
 Хейфец М. И. 9, 39, 41, 43, 55,
 291
 Хлобоцина С. Н. 402
 Хлодовский Н. Н. 398
 Хлопин Г. В. 304
 Ходровер Ф. Л. 368
 Холопов А. С. 405
 Хоу Джулия 333
 Хохлов Г. Г. 244, 306, 380
 Хроновский С. Ф. 230, 397
 Хрушев Н. Е. 365
 Худяков И. А. 103
- Цебрикова М. К. 261
 Цейтлин А. Г. 400
 Цемиров В. М. 209, 277
 Церетели А. Р. 12, 294
 Цимблер Д. Г. 144, 377
 Циолковский К. Э. 142
 Цитович П. П. 257
 Цобель Ф. И. 406
 Цукерман Л. И. 371
 Цукерман М. А. 361
 Цхакая М. Г. 354
 Цыганков Я. И. 389

- Чавчавадзе И. Г. 285
Чайковский П. И. 12
Чачковский М. К. 368
Чекоидзе М. Н. 388
Чемоданова Л. В. 222, 390
Чепская Е. А. 359
Чепский И. Д. 359
Черевин П. А. 20, 143, 173, 174
Чершевский Л. А. 368
Чернов В. В. 400
Чернышевский Н. Г. 106, 164, 292
Чертков М. И. 39, 269
Чех Сватоплук 343
Чехов А. П. 12, 293
Чичерин Б. Н. 311
Чугуевец М. А. 360
Чуйко В. И. 209, 390
Чумаевский А. С. 402
Чупров А. И. 37, 260
- Шадрин А. Б. 178, 370
Шапцев В. Л. (Марат) 6, 251, 354
Шаповалов А. С. 251
Швельдце З. Л. 29
Шебалин М. П. 12, 53, 213, 221, 246, 391
Шебалина П. Ф. 53, 391
Шебеко Н. И. 8, 153
Шевырев П. Я. 10, 49, 213, 221, 222, 226, 232, 395
Шелгунов Н. В. 209, 285
Шелгунов Н. Н. 242, 250, 398
Шестаков И. А. 14, 39, 42, 157, 277
Шестернин С. П. 53, 278
Шехтер С. Н. 160, 365
Шехтер-Минор А. Н. 49, 405
Широкова В. В. 49, 53
Ширяев С. Г. 45, 96, 112, 115, 116, 118—121, 123—125, 128, 130, 133—136, 140, 143, 146, 154, 169, 171, 228, 237, 352, 372
Шмидова Р. А. 395
Шмидт П. П. 6, 154
Шоу Бернард 12, 315
Шпицер С. М. 7, 74, 77
Штернберг Л. Я. 49, 64
Штромберг А. П. 92, 207, 211, 213, 232, 238, 247, 269, 307, 390
Шубинский Н. П. 281
Шугорский П. А. 363
- Щёголев П. Е. 98, 168, 171, 265, 266
Щедрин Н. П. 91, 215, 216, 373, 379
Щепанский И. Л. 368
Щепкина-Куперник Т. Л. 303
Щербаченко К. А. 359
Щербаченко Ф. Ф. 359
Щулепникова В. В. 239, 391
- Эвенчик С. Л. 21—23
Эд Эмиль 324
Элпидин М. К. 59
Энгель А. Я. 400
Энгельмейер А. К. 175
Энгельс-Ф. 12, 15, 17, 24, 29, 32, 42, 43, 47, 62, 108, 240, 250, 315—317, 322, 323, 327, 332, 337, 346—348
Энштейн А. М. 151
Эртель А. И. 285
Эстрович И. Б. 405
Эстрович М. Б. 405
- Ювачёв И. П. 200, 211, 293, 390
Южакова Е. Н. 359, 362, 376
Южин-Сумбатов А. И. 263, 302
Юрковский Ф. Н. 365, 387
Юрьевская Е. М. 41
Юшкова М. А. 222, 242, 386
Юшневский А. П. 101
- Якимова (Диковская) А. В. 12, 110, 112, 115, 160—162, 167, 181, 298, 327, 378
Якубович В. Ф. 193
Якубович П. Ф. 11, 193, 227, 229, 231, 285, 288; 297, 397
Ярошенко Н. А. 296, 297, 301
Ястремский С. В. 360
Яцевич И. В. 368
- Cellamare D. 346
Corbet Ch. 30
Cunliff-Owen F. 317
Hollingsworth B. 333
Laferté V. 41
Mechy J. 30
Morley J. 324
Périer A. 317

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава I.</i> Царизм и «Народная воля»	17
<i>Глава II.</i> Судебные процессы «Народной воли» в годы революционной ситуации (1879—1882)	65
<i>Глава III.</i> «Народная воля» перед царским судом в годы упадка революционного народничества (1883—1894)	186
<i>Глава IV.</i> Судебные процессы «Народной воли» и русское общество	256
<i>Глава V.</i> Международные отклики на судебные процессы «Народной воли»	313
<i>Заключение</i>	349
<i>Приложение</i>	358
<i>Условные сокращения</i>	409
<i>Указатель имен</i>	410

Николай Алексеевич Троицкий

**«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ
(1880—1894)**

Второе издание, исправленное и дополненное

ИБ № 1105

Редактор И. М. Овчарова
Обложка художника В. К. Иванова
Технический редактор Н. И. Добровольская
Корректоры О. Н. Галанова, И. В. Дараева

Сдано в набор 15.10.80. Подписано к печати 28.12.81.
11Г04559. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
22,26 (26,5). Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 18 000. Заказ 2833.
Цена 3 р.

Издательство Саратовского университета. 410601, Сара-
тов, Университетская, 42.
Производственное объединение «Полиграфист» Управле-
ния издательств, полиграфии и книжной торговли
Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА